

Федеральное агентство по образованию Российской Федерации

Государственное образовательное учреждение высшего
профессионального образования

Ивановский государственный химико-технологический
университет

ВЕСТНИК

**ГУМАНИТАРНОГО ФАКУЛЬТЕТА ИВАНОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ХИМИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Выпуск 1

Научный журнал

Иваново 2006

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Н.К. Иванова, д-р филол. наук (отв. редактор)
М.Н. Милеева, канд. филол. наук (зам. отв. редактора)
М.Г. Зеленцова, д-р филос. наук
Е.М. Раскатова, канд. истор. наук
В.В. Ганина, канд. филол. наук (отв. секретарь)

Издание Ивановского государственного химико-технологического университета

Адрес редакции: 153000, г. Иваново, пр. Ф. Энгельса, 7
E-mail: ino@isuct.ru

Официальный сайт ИГХТУ: www.isuct.ru

Набор и верстка: И.Ю. Базлова, Е.А. Кириллова, М.А. Милеев
E-mail: big@isuct.ru

Подписано в печать 15.11.2006. Формат 70x 08 ¹/₈ Бумага писчая. Печать плоская

Усл.печ. л. 13,25 Уч.-изд.л. 14,71 Тираж 100 экз. Заказ 544

Отпечатано на полиграфическом оборудовании кафедры экономики и финансов ГОУ ВПО
«ИГХТУ»

153 000, г. Иваново, пр.Ф.Энгельса, 14.

ISBN 5-9616-0176-5

© ГОУ ВПО Ивановский государственный
химико-технологический университет, 2006.

СЛОВО РЕКТОРА

Осенью 2006 г. исполняется 15 лет гуманитарному факультету Ивановского государственного химико-технологического университета. Это совсем немного по меркам жизни вуза, но очень много, если судить о сделанном.

За эти годы факультет, созданный на базе первого в нашей области среди технических вузов гуманитарного отделения, стал в один ряд с другими, старейшими факультетами вуза.

Мы гордимся тем, что выпускники этого факультета, пусть пока немногочисленные, востребованы; тем, что конкурс на этот факультет не уступает конкурсу на самые престижные специальности нашего университета; тем, что преподавательский состав факультета пополняется докторами и кандидатами наук, тем, что чемпионы в самых разных спортивных дисциплинах готовятся преподавателями этого факультета и т.д.

Хочется пожелать всем, кто причастен к успехам гуманитарного факультета, - так держать!

Ректор ИГХТУ О.И. Койфман

Содержание

Слово ректора.....	3
Предисловие.....	7
Гуманитарному факультету ИГХТУ – 15 лет!.....	8
Научные публикации преподавателей и аспирантов гуманитарного факультета	
I История и культурология	
Аверин В.А., Аверина А.В. Исторический центр г. Иванова: опыт археологического исследования	10
Губина Н.М. Формирование новых потребительских практик иваново-вознесенцев на рубеже XIX – XX веков.....	15
Малкова Ю.Л. Школа как элемент советской политической системы 1920-х годов (на материалах городских школ Верхнего Поволжья).....	25
Раскатова Е.М. «Борьба за сохранение национального культурного наследия»: идеологические новации власти в 1970-е годы и художественная интеллигенция.....	32
Самотовинский Д.В. Московия глазами французского гуманиста XVI века Луи Ле Руа.....	41
Соснина Е.Б. И.В. Цветаев и Дж. Кардуччи: история одной встречи.....	45
Федосеева С.И. Народное творчество и традиционная культура.....	50
Цветков А.А. Аксиологическая концепция культуры в свете онтологии личности.....	56
Чупарина И.А. Провинциальный музей: место в социокультурной модели города (на примере музейного строительства в Ивановской области).....	60
II Философия и психология	
Григорян А.А. Подходы к определению понятия «толерантность» в современных исследованиях.....	67
Зеленцова М.Г. Современная наука: проблемы и перспективы.....	71
Зеленцова М.Г., Солон Д.Б. Идеи гуманизма в антропокосмической перспективе.....	77
Клейман М.Б. Особенности формирования социально-психологического климата современного российского города.....	81
Логинова М.В. Антропология в философии ценностей и сущностей.....	88
Палей Е.В. Ценности как осуществление человеческой природы.....	91
Торшинин М.Е. Проектирование процесса перспективного развития преподавателя в педагогической системе «технический университет».....	95
III Лингвистика	
Ганина В.В. Гендерный подход в исследовании невербальной коммуникации.....	101

Долиннина И.В. Стилистические доминанты в языке «христианства по Лескову» (на материале повести «на краю света»).....	105
Ю.Н. Здорикова. О типологии текстовых построений с союзом <i>но</i>	111
Иванова Н.К. Письменная речь и современные особенности английской орфографии.....	118
Коробкова Н.Н. Особенности фразеологизмов с разной денотативной направленностью сем.....	126
Кузьмина Р.В. К вопросу о разграничении явлений омонимии и полисемии и об особенностях их представления в орфоэпическом словаре.....	129
Лобанова И.В. Особенности развития единого общенационального немецкого языка: фонетико-орфографические аспекты.....	136
Милеева М.Н. Некоторые лексико-фонетические особенности современного английского языка.....	140
Михеева Л.Н. Языковое время как лингвокультурологическая универсалия: междисциплинарный подход к обучению.....	145
Мошева С.В. Орфографические особенности оформления англоязычных рекламных текстов.....	151
Портнов А.Н. Языковое сознание и языковая личность Мартина Хайдеггера (опыт реконструкции).....	157
 IV Филология и литературоведение	
Золина Е.Н., Малышенко Е. Исторические и литературные реминисценции в повести Вильгельма Раабе «Гусиный бунт в Бютцове».....	173
Кузнецова И.П. Трагедия А. Сумарокова «Хорев» как элемент культурно-исторического образа России в романе Г. Самарова «Императрица Елизавета».....	177
Миловзорова М.А. «Провинциальные сюжеты» в драматургии XIX века: А.Н. Островский, предшественники и современники.....	184
Патрикеева Н.А. Метафизика пола и любви у А. Платонова.....	191
Философова М.В. К проблеме символа в критической прозе И. Анненского.....	193
Шишкина С.Г. Образ истории в постмодернистской литературной антиутопии (Дж. Барнс, П. Акройд).....	196
 V Дебют (научные публикации выпускников специальности «Культурология»)	
Гречихина М.А. Формы и практики современного искусства в российской провинции: постановка проблемы.....	203
Диок М.В. Провинциальный музей: современные трансформации экспозиционно-выставочного пространства (на примере Ивановского областного художественного музея в 1996-2003 гг.).....	206
Пелевина А.Д. Модель социокультурного проекта «Развитие культуры «малого» города».....	208
Пухов Р.В. Христианские представления и ценности в сознании древнерусских князей X - XII веков.....	212

Трефилова М.Н. Практики семейно-брачных отношений горожан на рубеже XIX-XX веков (на материалах Владимирской, Костромской, Ярославской губерний): проблема знакомства и поиска супруга.....	214
Шулима К.Н. Современная архитектура: социокультурные аспекты (Берлин-Москва-Иваново).....	218
In Memoriam. Ермолина Галина Клавдиевна.....	223
Информация о научных и научно-методических изданиях преподавателей гуманитарного факультета	224
Сведения об авторах номера	227

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Уважаемые коллеги-читатели!

Вы держите в руках первый номер «Вестника гуманитарного факультета» ИГХТУ, посвященный 15-летию нашего факультета.

Мы гордимся тем, что наш технический вуз со славной историей развивается в настоящее время как УНИВЕРСИТЕТ, как центр актуальных интегральных исследований, в которые вносят свой вклад и ученые-гуманитарии.

Объединившись 10 лет назад в рамках общефакультетской научно-исследовательской темы «Язык – Культура – Общество: антропоцентрический подход к исследованию социума», за 15 лет существования сначала гуманитарного отделения, а затем факультета, мы прошли сложный путь создания и формирования новых научных направлений, поставив во главу научных исследований антропоцентрическую парадигму с целью изучения на различном эмпирическом и теоретическом материале полифоничности и вариативности бытия индивида в сложной социально-культурной и коммуникативной среде.

Научная деятельность наших преподавателей в настоящее время сосредоточена на проблемах социальной философии и психологии образования, истории и культуры, межкультурной коммуникации и лингвистики, интеллигентоведения, лингвокультурологии и литературоведения. Наши исследования по проблемам истории философии, истории науки и техники, истории отечества и интеллектуальной истории, а также социальной среды и культуры повседневности, особенностей коммуникации и методики преподавания русского и иностранного языков и др. позволяют преподавать в нашем университете современный цикл гуманитарных дисциплин, обеспечивая студентам ИГХТУ прочные и актуальные знания в соответствии с новой образовательной парадигмой и миссией гуманитарного образования в технических вузах – способствовать успешной социализации наших выпускников.

Настоящий сборник имеет три важные характерные особенности. Во-первых, включенные в него статьи отражают *междисциплинарность* наших научных исследований, поэтому рубрики (история и культурология, философия и психология, лингвистика, филология и литературоведение), под которыми опубликованы научные статьи преподавателей гуманитарного факультета, не всегда совпадают с кафедральной принадлежностью их авторов. Во-вторых, в нем представлен ряд статей аспирантов, успешно обучающихся в аспирантуре на нашем факультете по трем научным специальностям (публикации С.В. Мошовой, Р.В. Кузьминой, Н.Н. Коробковой, Д.Б. Солона, А.А. Григорян, М.В. Логиновой). И, наконец, впервые в истории факультета публикуются дебютные работы наших первых выпускников-культурологов с основными положениями их итоговых квалификационных работ.

Однако почти все публикации данного выпуска объединяет одна очень важная черта: они отражают сегодняшние научные интересы наших преподавателей и знакомят читателей «Вестника» с новыми результатами проводимых исследований.

Надеемся, что первый номер «Вестника гуманитарного факультета», как и наши предыдущие сборники научных статей и материалов конференций, объективно отразит биение научного пульса нашего факультета, представив наши научные достижения и перспективы.

Проф. Н.К. Иванова

Гуманитарному факультету ИГХТУ - 15!

Гуманитарные отделения и гуманитарные факультеты в технических вузах открывались в начале 1990-х годов, что явилось своеобразным отражением переосмысления общественных ценностей, складывавшейся демократической идеологии, для которой вновь человек стал «мерой всех вещей». Кроме того, 1990-е годы - это время активного преобразования ведущих профильных вузов крупных городов России в университеты, что, соответственно, требовало усиления гуманитарной компоненты образования. Английский мыслитель Дж. Милль в трактате «Об университетском образовании» писал: «Университет не есть место профессионального образования <...> цель их состоит не в том, чтобы приготовить только искусных юристов, медиков, инженеров, а чтобы приготовить способных к образованию людей. Университет должен быть местом свободного мышления».

Гуманитарное отделение ИГХТУ было создано в 1991 году как научно-методическое объединение кафедр гуманитарного и социально-экономического блока для решения важной задачи - принципиально изменить содержание гуманитарного образования в техническом вузе. Прошедшие годы в полной мере подтвердили необходимость участия специалистов-гуманитариев в профессиональной подготовке современных инженеров.

За время существования отделения был решен ряд крупных образовательных задач: создана и реализована концепция преподавания гуманитарных спецкурсов по выбору студентов (был разработан и предложен студентам 21 спецкурс); гуманитарное отделение приняло активное участие в подготовке магистрантов ВХК по программе дополнительной профессиональной квалификации «Педагогика высшей школы»; в 1999 г. начата и успешно продолжается реализация образовательной программы дополнительного образования «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» (к настоящему времени подготовлено более 300 специалистов – студентов и выпускников ИГХТУ и других вузов города). Преподавание многих гуманитарных дисциплин осуществляется в нашем университете на основе методических пособий преподавателей нашего факультета и по авторским программам, некоторые из которых получили высокую оценку коллег из других вузов и вошли в рекомендательные списки УМО.

В 2001 году на базе гуманитарного отделения ИГХТУ был образован гуманитарный факультет. В его состав входят кафедры: истории и культуры, философии, иностранных языков и лингвистики, русского языка, физического воспитания. Основание для изменения статуса - открытие в ИГХТУ (при кафедре истории и культуры) специальности «Культурология» со специализацией «Менеджер в сфере культуры».

Учебный план специальности «Культурология» позволяет осуществлять серьезную теоретическую и фундаментальную подготовку будущих специалистов, что отличает специальность, открытую в ИГХТУ, от родственных гуманитарных специальностей в ИГТА, ИвГУ, ИГЭУ. Качество подготовки специалистов обеспечивается высоким уровнем профессорско-преподавательских кадров (82% доктора и кандидаты наук). Среди них известные ученые региона; в преподавании ряда курсов участвовали профессора ведущих гуманитарных вузов страны (профессор И.В.Кондаков, РГГУ, профессор В.И.Мильдон, ВГИК, профессор О.Н.Купцова, МГУ); к выполнению образовательной программы подключены специалисты-практики, представители творческих союзов, удачно соединяющие общепрофессиональные и прагматические компоненты преподавания. Состоявшиеся в июне 2006 года защиты дипломных работ показали высокий уровень общей профессиональной подготовки выпускников, а также способность создавать и предлагать к реализации продуктивные проекты,

цель которых позитивное преобразование культурной среды региона. Актуальность подготовки специалистов, ориентированных на практическую деятельность в сфере культуры, подтверждает и профессиональная востребованность первых выпускников на современном рынке труда. Председатель Комитета по культуре Правительства Ивановской области доктор исторических наук Т.Б.Котлова подтвердила, что в ИГХТУ готовят специалистов нового поколения, которые необходимы на всех уровнях управления сферой культуры в регионе.

Создание факультета, открытие специальности изменили приоритеты в работе кафедр – одной из наиболее важных задач стало развитие их научного потенциала. Решение современных образовательных задач невозможно без знания новейших научных тенденций, без владения актуальными научными методиками. Этому во многом способствовало изменение состава преподавателей - в вуз пришли молодые представители ведущих научных школ региона - ученики профессоров Н.В. Ревякиной, Л.А Розановой, В.П. Ракова, Ф.И. Карташковой и др. Сегодня на факультете работает более 70 преподавателей, среди них 6 докторов и 26 кандидатов наук, открыта аспирантура по специальностям «Теория политики, история и методология политической науки»; «Социальная философия»; «Теория языка». О признании научным сообществом свидетельствуют публикации наших преподавателей в профессиональных журналах «Интеллигенция и мир», «Историк и художник», «Русский язык за рубежом», «Российские женщины в современном обществе» и др. Свидетельством интенсивной научной жизни являются проводимые кафедрами гуманитарного факультета теоретические и практические конференции, имеющие широкую географию, где происходит обмен мнениями, апробация современных методик исследования. За 15 лет существования гуманитарного факультета опубликовано 14 сборников научных статей и материалов конференций.

Особенность последнего десятилетия - включение в научную лабораторию студентов, работа которых над курсовыми и дипломными проектами носит подлинно исследовательский характер. Статус традиционных приобрели научные конференции студентов, аспирантов и преподавателей, а также внутривузовские культурологические чтения, страноведческие конференции и олимпиады, конкурсы ораторов и т.д.

*Декан ГФ Е.М. Раскатова,
доц. кафедры истории и культуры М.А. Миловзорова.*

Раздел 1 История и культурология

В.А. Аверин, А.В. Аверина

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЦЕНТР г. ИВАНОВА: ОПЫТ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье приводятся результаты археологических исследований, проведенных авторами в апреле 2006 г. на территории исторической части города Иванова (ул. Палехская). На основании полученных материалов, после сопоставления их с письменными источниками, предпринимается попытка реконструкции отдельного участка улицы с момента его первой застройки до наших дней.

В последнее время у исследователей резко возрос интерес к историческому прошлому своего края. Краеведческие работы затрагивают самые разнообразные проблемы, начиная с развития этого направления в целом, до истории конкретных объектов, таких как усадьбы, здания, музейные коллекции и т. д. Однако подавляющее большинство этих трудов основано на письменных источниках и, прежде всего, на записках краеведов дореволюционного времени, таких как В.А. Борисов, Я.П. Гарелин, Е.И. Правдин, И.М. Лядов и др. В связи с этим весьма важным представляется начало археологических исследований [1, с.14] которые, при сопоставлении с имеющимися письменными данными, позволят более полно представить прошлое родного края.

В апреле 2006 г. нами были осуществлены мероприятия по археологическому надзору на площадке, отведенной под строительство здания площадью 200 кв. м., расположенной в границах зоны охраны (зоны регулирования застройки) г. Иванова. Исследованный объект находится по адресу: ул. Палехская, открытая площадка между домами № 7 и №11.

Целью исследования являлось, во-первых, определение факта наличия/отсутствия объектов, обладающих признаками культурного наследия, а, во-вторых – сбор информации для создания справки по истории бытования населения г. Иванова на этой территории. В число основных задач входило следующее:

- 1. сбор подъемного материала;*
- 2. фиксация на плане мест обнаружения находок;*
- 3. изучение особенностей стратиграфии участка по контрольным разрезам;*
- 4. зарисовка профилей, а также фотофиксация стенок строительного котлована и контрольных разрезов;*

В ходе проведенных работ площадка, отводимая под застройку, была исследована полностью.

Прежде чем перейти непосредственно к описанию археологических данных, дадим краткую историческую справку по истории города, составленную на основе краеведческих работ XIX–XX вв.

По имеющимся источникам, в XVI столетии на правом берегу небольшой реки Уводь (левый приток реки Клязьма) уже существовало село Иваново. Первоначально оно было «черным», или государственным селом. В 1561 г. царь Иван IV передал его во владение князю М. Черкасскому. Именно тогда Иваново впервые упоминается в исторических документах [4, с.25; 10, с.19]. Изначально село было невелико, развивалось на промышленной основе. С конца XVI в. владение принадлежало княгине Скопиной-Шуйской.

В XVII в. село постепенно увеличивалось. В источниках этого времени Иваново упоминается уже неоднократно [2, с.146; 3, с.261]. В 1630–32 гг., когда село принадлежало князю И. И. Шуйскому, здесь была проведена первая опись, показавшая, что в селе находилось 89 населенных дворов, да 34 двора пустовали [7, с.4]. В то время Иваново административно было связано с селом Кохмой (которое называлось также «Рождествиным»). Оба села входили в Кохомскую волость.

В 1742 г. Ивановская вотчина перешла во владение графов Шереметевых. Вообще в XVIII развитие села Иванова пошло быстрыми темпами. Во второй половине XVIII века об Иванове уже писали люди, жившие в других городах, в частности, историк Суздаля Ананий Федоров. Он писал, что оно «селением велико и пространно, и строением богато» [7, с.5].

В 1774 г. был составлен первый из известных нам планов села. По нему границы Иванова по современным ориентирам были таковы: с севера – Садовая ул. (бывшие названия – *Старая Волостная* (до 1977 г.) и *Екатерининская* (с 1899)); с юга – ул. Багаева (с XVIII в. именовалась *Ильинской ул.*, а с конца XIX в. – *Лесная площадь*); с запада – Почтовая ул. (бывшая *Павловская ул.*) и с востока – ул. Бубнова (в настоящее время улице возвращено старое название – *Краснопрудная*). За пределами села располагались мануфактуры.

В начале XIX в. в составе Ивановской вотчины, кроме самого села, насчитывалось еще 59 окрестных населенных пунктов. Новый план Иванова был составлен в 1813 г. Он показывает, что с 1774 г. возникло пять новых улиц – Новая (*ныне ул. Жарова*), Старая и Новая Волостные (*ул. III Интернационала*), Запрудная и 2-я Борисовская (*ныне ул. Сакко*). Таким образом, видно, что село расширялось в трех направлениях – на запад, восток и юго-восток. В 1828 г. на правом берегу Уводи образовалась Дмитриевская слобода (*ныне Рабфаковская и смежные с ней улицы*) [7, с.6].

В 1840 г. была основана Троицкая слобода (*нынешние ул. К. Маркса и Фурманова*), а в 1844 г. – Вознесенская слобода. В 1853 г. они были объединены в Вознесенский посад. Сохранился его план, составленный в 1856 году [7, с.7]. Кроме двух основных (*ныне проспект Ленина и ул. Жиделева*), несколько улиц посада находилось на территории местечка Хуторово. В отличие от села, Вознесенский посад уже имел все признаки городского поселения.

В 1871 г. село Иваново и Вознесенский посад объединились в безуездный город Иваново-Вознесенск. К сожалению, план нового города не составляли.

Наглядное представление о дальнейшем развитии Иваново-Вознесенска в дореволюционный период дают планы города, составленные в 1886, 1899 и 1915 годах. Они показывают появление новых улиц и переулков, свидетельствуют о некоторой упорядоченности городской планировки, хотя в целом планировка оставалась бессистемной. Город все больше обрастал слободками и местечками. В 1913 г. в городе и пригородах уже насчитывалось 234 улицы.

Из приведенного обзора видно, что обследованный нами участок, отведенный под застройку, действительно располагается в историческом центре Иванова. Современная улица *Палехская* известна еще со второй половины XVIII в. На плане се-

ла 1774 г. она обозначена как *Потекуша*. Впоследствии улица неоднократно меняла названия. Так, до революции 1917 г. она именовалась *Шереметевской*. После революции была переименована и получила название ул. *Марти*. Однако до 1927 г. местное население чаще называло ее «*Молочной горкой*», т. к. здесь еще с XVIII в. располагался базар по продаже молочных продуктов [7, с.60]. Впоследствии «Молочной горкой» стали называть участок, расположенный на перекрестке улиц Смирнова, Лежневской и М. Рябининой. Свое современное название улица получила в 1954 г. – названа в честь поселка Палех Ивановской области – родины палехской лаковой миниатюры.

Теперь обратимся к данным археологии. Исследования на указанной площадке проводились в два этапа. Первый этап предусматривал постановку контрольных разрезов с детальной фиксацией стратиграфических особенностей с целью выявления объектов, обладающих признаками культурного наследия. Для каждого разреза проводилась фотофиксация. На втором этапе осуществлялся надзор за производством земельных работ.

В общей сложности было поставлено 12 разрезов, размером 1х1 м. Впоследствии они были соединены в контрольные траншеи, размером 1х4 м, позволившие более точно определить стратиграфию исследуемого участка. В одном случае была сделана дополнительная врезка, что было обусловлено производственной необходимостью.

Ниже приводится описание контрольных траншей.

Траншея 1 дала следующую стратиграфию:

1. Слой асфальта (современная поверхность) – до 20 см;
2. Слой строительного мусора XX в. – до 80 см – в центральной части зачистки нижний горизонт этого слоя более темный, содержит большое количество битого кирпича¹;
3. Слой пожара – до 22 см;
- 4 – 6. Слои строительного мусора XIX в., отличаются друг от друга как по цветности, так и по содержанию – общая их мощность – 40 см;
7. Переотложенный слой XVIII в. – до 18 см;
8. Материк – желтый песок.

Залегание слоев здесь крайне неравномерное. В центральной части слои сильно просели, образовав некое подобие «котла». Это является результатом мощного пожара, уничтожившего жилые и хозяйственные постройки. В квадрате 2 все напластования «прорезаны» остатками фундаментом начала XX века. Находки встречались в слоях 3 и 7.

В слое 7 встречены немногочисленные фрагменты керамики XVIII в., в том числе черно- и краснолощенной. Важной находкой из этого слоя является монета времен императрицы Елизаветы Петровны (1741–61 гг.), которая вполне сочетается с керамическим материалом. Однако в этом же слое встречены обломки керамики и фарфоровой посуды, датированные второй половиной XIX в. Это показывает, что слой был *переотложен* именно в это время. Подтверждением служит и тот факт, что слои строительного мусора XIX столетия, перекрывающие этот пласт, местами вклиниваются в него и прорезают до самого материка.

В слое 3 встречено большое количество керамики, обломков фарфоровой посуды (в том числе фрагменты «Кузнецовского фарфора»), стекла, изделий из железа.

¹ В верхней, более светлой части слоя строительного мусора была встречена советская монета – 3 коп. (1954 г.). В нижнем, более темном его пласте встречена еще одна монета советского времени – 1 коп. (1946 г.). В данном случае эти монеты являются датирующими находками, позволяющими установить время отложения этих горизонтов слоя.

Интересной находкой является копейка 1900 года. Клейма и штампы с этой же датой (1900 г.) встречены и на ряде вещей из слоя 3. Все это позволяет предположить, что именно в 1900 г. произошел пожар, уничтоживший стоявшие здесь деревянные постройки.

Судя по мощным слоям строительного мусора, которые перекрывают пепелище, и остаткам каменных фундаментов в начале века участок вновь застраивается. Новые постройки, по-видимому, простояли здесь до середины XX столетия.

Траншея 2:

1. Слой асфальта (современная поверхность) – до 20 см;
2. Слой строительного мусора XX в. – до 110 см;
3. Переотложенный слой XVIII в. – до 30 см;
4. Материк – желтый песок.

В данной траншее слои XIX в. отсутствуют. Судя по всему, они были уничтожены в ходе строительных (или иных земляных) работ в середине XX века. В слое 3 наряду с единичными фрагментами керамики XVIII столетия присутствуют вещи, массово выпускавшиеся в советское время (бутылки, пластиковые пробки, предметы быта и т. д.). Все это указывает на то, что этот горизонт является переотложенным.

Траншея 3:

1. Слой асфальта (современная поверхность) – до 20 см;
2. Слой строительного мусора XX в. – до 120 см;
3. Переотложенный слой XVIII в. – до 45 см;
4. Материк – желтый песок.

В квадрате 9 контрольной траншеи прослежена яма, которая, судя по стратиграфии, была выкопана до того, как сформировался слой 2. Яма заполнена в верхней части битым кирпичом, а в нижней прослеживаются песчаные прослойки с древесным тленом и битым стеклом советского времени. Важен тот факт, что в верхней части ямы встречены фрагменты керамики XVIII столетия. Рядом с ямой, в квадрате 10 встречены остатки деревянной бочки с металлическим обручем. Приведенные факты показывают, что слой XVIII века здесь полностью разрушен и перемешан.

Траншея 4:

1. Слой асфальта (современная поверхность) – до 20 см;
2. Слой строительного мусора XX в. – до 75 см;
3. Слой строительного мусора XIX в. – до 25 см;
3. Переотложенный слой XVIII в. – до 35 см;
4. Материк – желтый песок.

В квадрате 13 слой XVIII в. уничтожен остатками кирпичного здания начала XX века. Судя по всему, это остатки того же строения, фрагменты фундамента которого были прослежены в траншее 1. Рядом с фундаментом (кв. 14, 15) прослежена яма, заполненная строительным мусором XIX в. Здесь же встречены мелкие фрагменты керамики XVIII столетия. В заполнении ямы в большом количестве встречены кирпичи, лежащие горизонтально. Возможно, это также остатки какой-либо конструкции XIX века.

Траншея 5:

1. Слой асфальта (современная поверхность) – до 20 см;
2. Слой строительного мусора XX в. – до 50 см;
3. Слой строительного мусора XIX в. – до 30 см;
4. Материк – желтый песок.

Культурные напластования в данном разрезе полностью отсутствуют. Здесь слой строительного мусора XIX в. ложится на слой песка с гравием, что, скорее всего, является искусственной подсыпкой. Интерес представляет глубокая яма, просле-

женная в кв. 18. Ее стратиграфическое положение позволяет предположить, что эта яма была выкопана в XIX в. В пользу этого свидетельствует и ее заполнение (строительный мусор XIX в.). Следует отметить, что в засыпке ямы выделяются несколько горизонтов, которые отличаются друг от друга как по цвету, так и по составу.

Траншея 6:

1. Слой асфальта (современная поверхность) – до 20 см;
2. Слой строительного мусора XX в. – до 150 см;
3. Слой строительного мусора XIX в. – до 30 см;
- 4 – 7. Прослойки темно-желтого песка, перемежающегося древесным тленом – общей мощностью до 45 см;
8. Материк – желтый песок.

Культурные напластования в данном разрезе также полностью отсутствуют. Здесь мощный слой строительного мусора XX в. местами ложится на песчаные прослойки с древесным тленом, а в кв. 20–22 – на слой строительного мусора XIX в. Интересно, что здесь строительный мусор засыпан в котлован, имеющий строго вертикальную стенку. В кв. 19, 20 прослежена яма, также заполненная прослойками темно-желтого песка с древесным тленом. Возможно, в данном случае нами прослежены остатки разрушенного погребя XIX в. В кв. 22 отмечены остатки каменного фундамента.

Траншея 7 дала наиболее простую стратиграфию:

1. Современная поверхность (дерн) – до 20 см;
2. Слой балласта – до 60 см;
3. Слой строительного мусора XX в. – до 40 см;
4. Прослойка серого суглинка – до 20 см;
5. Материк – желтый песок.

В данном разрезе признаки культурного слоя полностью отсутствовали. Здесь строительный мусор XX в. ложился непосредственно на прослойку серого суглинка, не содержащего находок, который, в свою очередь, залегал на материке.

Анализ приведенных выше данных позволяет сделать следующие выводы. Первые жилые и хозяйственные постройки на этом участке улицы были воздвигнуты в середине XVIII в., что хорошо датируется найденной монетой периода правления Елизаветы Петровны и керамикой того же времени. По-видимому, это были небольшие одноэтажные деревянные дома с каменными фундаментами, остатки которых частично сохранились и были прослежены в контрольных разрезах. На рубеже XVIII–XIX вв. здесь произошел пожар, практически полностью уничтоживший эти строения.

В XIX в. площадка была вновь застроена. Судя по мощности и площади распространения остатков каменных фундаментов, сохранившимся *in situ*, можно говорить о том, что дома XIX в. были больше по размерам. Наблюдения показывают, что подобные фундаменты характерны для двухэтажных построек. Действительно, на фотографии улицы, сделанной в 1887 г., на этом месте мы видим двухэтажное деревянное здание. Полученный вещевой материал позволяет говорить о том, что владельцы дома были людьми состоятельными. Так, в коллекции присутствуют многочисленные фрагменты «Кузнецовского» фарфора, обломки хрустальной посуды, а также части швейцарского часового механизма. Однако приблизительно около 1900 г. (судя по найденной в слое пожара монете) улица вновь выгорела. Новые постройки здесь возникают незадолго до революции 1917 г. Одним из домов, построенных в это время, является дом №11, который существует сейчас и непосредственно примыкает к изучаемой площадке.

После революции внешний вид улицы сильно изменился: в 1930-е годы были построены жилые многоэтажные дома. Изучавшийся нами участок был разровнен, после чего здесь были построены хозяйственные деревянные строения. Судя по всему, это произошло уже в послевоенное время, на что указывают советские копейки 1946 и 1953 гг., встреченные в перемешанном культурном слое. В более поздние годы площадка была заасфальтирована.

Таким образом, историко-археологические исследования позволили нам досконально изучить небольшой участок исторического центра г. Иванова. Хочется надеяться, что работы в этом направлении будут продолжены в ближайшем будущем.

Список использованной литературы

1. **Аверин В.А.** Отчет Ивановского отряда Верхневолжской экспедиции о разведочных работах на территории г. Иванова в 2000 г. // Архив Института археологии РАН. Ф-1, № 12.654.
2. **Борисов В.** Описание города Шуи. М., 1851.
3. **Власов И.И.** Село Иваново до 1700 г. // Иваново-Вознесенский губернский ежегодник. Иваново, 1921.
4. **Гарелин Я.П.** Город Иваново-Вознесенск. Часть 1. Шуя, 1884.
5. **Ерофеева Е.Н.** Археологические памятники Ивановской области. Ярославль, 1965.
6. **Комаров К.И.** Археологическая карта России. Ивановская область. М., 1994.
7. **Прокуроров Ф.Е., Бочков М.В., Глебов Ю.Ф.** Имена улиц города Иванова. Ярославль, 1976.
8. **Травкин П.Н.** Заметки об исторических истоках города Иванова // Краеведческие записки. Вып. 3. Иваново, 1998.
9. **Шлычков Л.А.** О начале Иванова // Краеведческие записки. Вып. 3. Иваново, 1998.
10. **Экземплярский П.М.** История города Иванова. Часть 1 – дооктябрьский период. Иваново, 1958.

Н.М. Губина

ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ПРАКТИК ИВАНОВО–ВОЗНЕСЕНЦЕВ НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВЕКОВ

Работа посвящена анализу повседневной культуры Иваново-Вознесенска на рубеже XIX–XX веков. В фокусе исследования – проблемы трансформации культуры потребления и формирования новых потребительских практик в период модернизации российской экономики и общества. Исследование носит междисциплинарный характер, в анализе повседневной культуры используются методы культурной и социальной антропологии, истории и социологии потребительских практик.

«...Потребление есть активный модус отношения – не только к вещам, но и к коллективу, и ко всему миру», «в нем осуществляется систематическая деятельность и универсальный отклик на внешние воздействия», «на нем зиждется вся система нашей культуры». [4, с.213–215]. Миллиарды людей в своей повседневной жизни погружены в процесс

развития и воспроизводства культуры потребления – господствующей в обществе программы потребительского поведения. Она включает в себя представления о потребительских ценностях и нормах, регулирующих потребление, санкции общества на нарушение или соблюдение потребительских норм, язык как свод правил интерпретации потребительских актов, устойчивые потребительские практики (свободные привычки).

Культура потребления существует в форме индивидуальных практик массы людей, конструирующих свою идентичность и просто воспроизводящих себя и как живых существ, и как членов общества. Человек творит себя, но из ресурсов, черпаемых в окружающей среде, следуя культурной программе, сформированной под влиянием культуры своего общества, субкультуры своей группы, в рамках, принятых в данном социокультурном поле норм, ценностей и средств коммуникации. Любое общество социально неоднородно, поэтому существуют разные модели потребления, характерные для возрастных, профессиональных, региональных групп, а также групп людей, сплоченных какой-то общей идеей, интересом или вкусом. Идеи и представления, составляющие культуру потребления, находятся в постоянном процессе изменения и воспроизводства.

На протяжении всей доиндустриальной эры культура потребления характеризовалась тем, что лишь очень незначительный процент населения находился в зависимости от рынка, большинство же людей жили вне его. Индустриальная эра в истории человечества впервые в истории создала ситуацию, при которой подавляющее количество всех продуктов, товаров и услуг стало предоставляться для продажи, меновой торговли и обмена. Каждый человек стал почти полностью зависеть от товаров или услуг, произведенных кем-то другим. С развитием массового производства и изобретением конвейера товары, до этого доступные только состоятельным людям, стали потребляться и простыми обывателями. Именно с конца XIX – начала XX вв. рыночное потребление как явление, процветавшее ранее только в высших слоях общества, охватило почти все слои населения цивилизованного мира, в том числе и Россию. Поэтому, начиная с XX века, изучение потребления как особого социального феномена становится весьма актуальным для всех общественных наук. Сейчас изучением потребления занимаются экономисты, маркетологи, социологи, культурологи, философы, этнологи и антропологи, филологи.

Первые попытки разработки теории потребления связаны с целым рядом ключевых фигур обществоведения XIX–XX веков. К. Маркс выдвинул идею товарного фетишизма, сформулировав закон *возвышения потребностей* по мере их удовлетворения. Американец Т. Веблен в конце XIX в. предложил теорию *показного (престижного) потребления*. Немецкий социолог Г. Зиммель выдвинул ряд ключевых идей *теории моды*. Немецкий социолог и экономист В. Зомбарт предложил *концепцию роскоши*. Другой немецкий социолог М. Вебер сформулировал *концепцию статусных групп* и протестантской этики. Наиболее крупными теоретиками потребления конца XX века стали французские исследователи Пьер Бурдьё (см., например: «Отличия: социальная критика суждений о вкусе», 1979) и Ж. Бодрийяр, разработавший концепцию *«общества потребления»*.

Среди отечественных авторов, занимающихся рассматриваемой проблемой, большой интерес для изучения исторической динамики формирования в России современных потребительских практик и потребительской культуры представляют работы В. И. Ильина (например: «Поведение потребителей», 2000 г.)

На наш взгляд, представляет несомненный интерес обращение к истокам возникновения современных потребительских практик. Для России это – период рубежа XIX–XX веков, когда она переживала сложный период модернизации, сопровож-

давшийся серьезной перестройкой всего общества. Россия превращалась в страну больших городов с громадными фабриками и заводами, трансконтинентальными железными дорогами. В России в 1900 г. насчитывалось 1504 тыс. человек, занятых торговлей как основной деятельностью и 175 тыс. занятых торговлей дополнительно к своим основным занятиям. На каждое лицо, занятое в торговле, приходилось 78 жителей, а на каждую торговую единицу (считая развозчиков и разносчиков) – 118 жителей, или на каждое стационарное и полустационарное предприятие (без передвижной торговли) – 159 жителей. Россия отставала по этим показателям от развитых капиталистических стран, но все же количество людей, занятых торговлей, было довольно велико [17]. Менялась сама организация торговли, ее структура и формы, весьма заметно увеличивался спрос потребителей в сфере услуг, появился сектор экономики, обеспечивавший создание рыночных продуктов в сфере досуга и развлечений. Новая потребительская культура и новое потребительское поведение затронули не только столичное население, но и провинцию. Неслучайно процесс формирования современной потребительской культуры в России на рубеже XIX–XX веков в последнее время все чаще привлекает внимание региональных исследователей (Алтай, Томск, Западная Сибирь, Екатеринбург, Ставрополь и др.).

К числу крупных индустриальных городов, в которых в конце XIX – начале XX в. в сфере потребительских практик неизбежно должны были идти процессы их трансформации, можно отнести и город Иваново-Вознесенск. По своему административному статусу он числился безуездным городом и входил в Шуйский уезд Владимирской губернии. Между тем, по итогам Всероссийской переписи 1897 г., население его составляло 54 тыс. человек. По этому показателю он превосходил и Шую, и Владимир, а также окрестные губернские города Центрального промышленного района – Кострому, Калугу, Рязань, Смоленск, Тверь, уступая лишь таким развитым экономическим центрам как Ярославль и Нижний Новгород [16, с.5]. Естественно, что население быстро росшего провинциального (города) интенсивно втягивалось и в процесс освоения новых для себя потребительских практик. Поэтому исторический анализ этой темы в провинциальном контексте позволит рассмотреть процесс формирования новой потребительской культуры в России на более локальном, конкретном, микроисторическом уровне. К сожалению, на протяжении всего ушедшего столетия приоритеты в исследовании истории этого региона чаще всего отдавались экономической и социально-политической тематике. Иваново с точки зрения исследования истории его повседневной жизни – практически неосвоенный континент, хотя в последние пять лет интерес к этой тематике в работах ивановских историков и культурологов нарастает.

Наиболее близки по тематике к заявленной проблеме работы Т. Б. Котловой, в исследованиях которой рассматриваются социокультурные изменения, которые происходили в провинциальных городах в конце XIX – начале XX века. (Владимире, Костроме, Ярославле), тем более, что в центре внимания исследователя находится повседневность и особенно жизнь женщин в провинциальных городах [15]. Ценнейший материал по истории промышленности, предпринимательства, жизни рабочего класса, образования, социальной сферы, благотворительности в Иванове, необходимый для понимания сложившейся в регионе социально-экономической ситуации, можно почерпнуть в работах известнейшего историка нашего края К. Е. Балдина [1; 2].

Большой массив информации по развитию рыночных отношений в сфере потребления и формированию новых потребительских практик в Иваново-Вознесенске содержится в книгах, посвященных архитектуре города. С их помощью мы можем не только воссоздать облик города, но и проследить места расположения в городе интересующих нас объектов, их примерное количество, а также информацию

об истории зданий. Большой интерес представляют многочисленные публикации А. Тихомирова, работа В. Бяковского «Дома и люди», а также «Свод памятников архитектуры», в котором представлены все строения того времени: жилые дома, магазины, трактиры, дана краткая информация о владельцах, функциональном назначении зданий и т. д. [5; 19].

В фондах городской управы и городской думы Иваново-Вознесенска, в Государственном архиве Ивановской области, в частности, хранятся очень важные документы для понимания тенденций в формировании новых приоритетов в социокультурном и экономическом развитии города, сведения о гильдейском купечестве, промысловые свидетельства, нормативные документы, регулировавшие торговлю в Иванове, многое другое. Большой интерес для историка повседневности представляет такой источник, как местная пресса, особенно материалы «Ивановского листка», содержащие сведения о появлявшихся в городе новых формах услуг, развлечений, состоянии торговли, новых видах товаров, структуре потреблявшихся товаров, о претензиях иваново-вознесенцев к отцам города по поводу санитарного состояния объектов торговли, особенно базаров, бань.

Интереснейший массив фактического материала о развитии потребительских практик во второй половине XIX века в Иваново-Вознесенске содержит книга ивановского фабриканта и первого городского головы Я. П. Гарелина «Город Иваново-Вознесенск, или бывшее село Иваново и Вознесенский посад Владимирской губернии», ставшая уже классикой краеведческой литературы. Она написана на основе личных впечатлений, документов из архива рода Гарелиных, содержит богатейший спектр уникальной информации, которая уникальна. В книге прослежены основные тенденции развития предпринимательства и торговли в крае [7]. В качестве ценнейших исторических источников можно рассматривать и литературу с воспоминаниями очевидцев и участников тех событий – Самойлова Ф. Н., Волкова И. А. и др., к сожалению, весьма малочисленную [6].

Совершенно бесценным материалом для исследования стали сохранившиеся в личном архиве потомков семьи Латышевых личные вещи, письма, книги и фотографии родных и близких. Эта семья сыграла заметную роль в формировании в Иваново-Вознесенске сети современных торговых предприятий и среды для формирования здесь новой потребительской культуры. (Автор статьи благодарит их, а также выпускницу нашего факультета Е. Боровкову, стараниями которой они были найдены, за любезную возможность работать с бережно хранившимися в такие не простые годы прошлого столетия документами).

В исследовании повседневных практик весьма актуально обращение к методам визуальной антропологии, поскольку сохранившиеся до нашего времени фотографические источники существенно восполняют повседневную историю, а иногда являются единственными источниками. Усилиями целого ряда предпринимателей Иваново-Вознесенска, в первую очередь Д. Г. Бурьлина и многих безвестных энтузиастов, была создана уникальная коллекция фотографий Иванова-Вознесенска, многие кадры которых донесли до нас не только облик его центральных улиц и знаковых для города сооружений, но и виды присоединяемых к городу окраин, фабричных пейзажей, особняков, загородных дач, а главное – лица наших земляков в ситуациях парадных торжеств, политических потрясений или обыденной жизни.

Наличие этих источников и современных методов исследования повседневной жизни дают возможность подступиться к анализу сложившейся к концу XIX в. в структуры и форм организации в Иваново-Вознесенске внутригородской торговли и сферы услуг, а также спектра наиболее репрезентативных для жителей города на ру-

беже XIX–XX веков потребительских практик в контексте, развертывавшихся в России модернизационных процессов в экономике, социальных отношениях и культуре.

Работа по исследованию культуры потребления и потребительских практик по своему существу не может не носить междисциплинарный характер, вынуждая автора углубляться в исследовательские поля истории, культурной и социальной антропологии, социологии потребительских практик.

К концу XIX века в Иваново-Вознесенске сложилось несколько типов организации внутригородской торговли и, соответственно, типов потребительских практик, которые уходили своими корнями в разные пласты времени. Поразительно, но, отражая самые разные этапы развития форм организации торговли, все они на рубеже XIX–XX века в той или иной степени были востребованы иваново-вознесенскими жителями и находили своего адресата. Очень долго центрами розничной торговли оставались, как в дореформенное время, рынки (базары) и торговые ряды. Доходы городской казны в значительной степени зависели от того, насколько успешной была здесь торговля. Поэтому органами городского самоуправления уделялось особое внимание вопросам развития торговли во всех ее формах, в том числе и рыночной.

Базарным днем в изучаемый период был сначала только один день в неделю, затем – понедельник, четверг, воскресенье [18]. Торговая площадь была самым шумным, бойким и оживленным местом в Иваново-Вознесенске, что типично для провинциального города того времени. Основная торговая деятельность города сосредоточивалась вокруг нее. Неподалеку от рядов располагалась гостиница. Здесь же находились питейные заведения, поблизости – склады. В центре Большой площади находились каменные храмы Воздвижения и Рождества Христова. На площади находился административный центр – здание городского общественного управления.

С целью введения базарной торговли в хоть какие-то рамки, стихийный рост которой, как и в наши дни, составлял головную боль городских правителей, постановлением городской думы от 4 мая 1890 г. ее размещение было ограничено жесткими рамками: «Базарная торговля в г. Иваново-Вознесенске в районе бывшего с. Иванова размещается на городских площадях и принадлежащих городу местах» на определенных улицах с четкой регламентацией групп товаров и услуг, которые на этих территориях могли реализовываться. Например, предписывалось «в улице Кокуй от дома Шваревой до дома Н. О. Щудрова – мясо, рыба»; «на той же улице от дома Щудрова до дома Фролова – мука, крупа, пшено, рожь, горох, греча, постное масло, жмых и другие хлебные продукты»; «между улицами Кокуй и Часовенной в местности, называемой «Барашек», – живой крупный и мелкий скот»; «в улице Часовенной, от Московской улицы до часовни Казанской Божией Матери – все огородные овощи, как-то: картофель, капуста, огурцы, морковь, репа и пр.»; «далее по направлению от этой часовни к кладбищенской церкви – овес»; «на Сенной улице, начиная от дома Красковского по направлению к Павловской улице – сено, солома и мох»; «на Никольской улице, начиная от Кабацкой до дома Ямановского, – иконы, мебель, разные деревянные изделия, зимние и летние экипажи»; «на этой же улице, от дома Ямановского вплоть до улицы Павловской, а в случае надобности и по Павловской улице – дрова»; «на Поповской улице – ситец, холст, миткаль, разные ткани и готовая одежда»; «на Федоровской площади – кузнечные, скобяные, ножевые и пр. железные изделия»; «на Шереметевской улице – молоко, масло скоромное, яйца, сметана, творог, дичь, разная домашняя птица, сухие и свежие грибы»; «в улице Мельничной – фрукты, разные ягоды, крендели, шорный товар, фарфоровая посуда, разные глиняные изделия, шубные товары и зимняя обувь»; «на Панской улице против дома, занимаемого клубом приказчиков, – готовая кожаная обувь и выделанные кожи»; «на Лесной площади – строительный материал, как то: бревна, тес и т.

п.»; «в так называемом Пьяном переулке – деготь и сырые невыделанные кожи»; на Балаганной площади – конная (торговля лошадьми)» [8, с.97].

Здесь можно было, поторговавшись, купить любую вещь по более низким ценам, чем в появившихся к этому времени новых магазинах. Здесь же было проще и любому желающему, в том числе городскому обывателю, самому подключиться к торговле. К тому же торговые площади (рынки) были не только центрами палаточно-ларьковой торговли, но и передвижной. Для последней вообще не требовалось почти никаких вложений в материально-техническую базу, и можно было обходиться небольшим оборотным капиталом. Занятием этим видом торговли можно было обеспечить, по крайней мере, свое существование. Перехватить покупателя, встать у него на пути, то есть открыть хотя бы самую плохонькую палатку или место для лотка, но на самом бойком месте, являлось одним из важных средств в розничной торговле дореволюционной России. На бойкие места стремились и торговцы вразнос. Разносчик шел на тот же рынок, как и любое другое место скопления людей. Предлагая товар с рук, лотка, корзины, он часто конкурировал с палаточниками и лавочниками. Вразнос продавали всевозможные мелкие товары: карандаши, перья, ручки, бумагу, ленты, иголки, булавки, нитки, платки, фуражки, куклы, табак, махорку, папиросы, пищевые продукты, особенно пирожки. Разносчики товаров почти не несли никаких издержек обращения, им удавалось скрывать свои обороты, избегать налогообложения, в крайнем случае, уплачивали налог в незначительном размере. Все это способствовало живучести передвижной торговли в Иваново-Вознесенске, как и других городах России [17]. Скученность и крайняя примитивность материально-технической базы в палатках, да и стационарных лавках, на рыночных площадях на протяжении всех лет существования этой формы торговли сохранялась почти в первобытном состоянии. Наглядным примером могут послужить немногие сохранившиеся до наших дней кадры фотографий, запечатлевших рыночную площадь в Иваново-Вознесенске в разгар рабочего дня.

В торговой сети того времени все большую роль начинала играть и лавочная торговля вне торговых рядов. В селе Иваново постройка частных лавок вне торговых рядов началась в 1857 г., хотя разрешение на право иметь по домам лавки и в них торговать во всех городах России, подрывавшее исключительную монополию старого гильдейского купечества на занятие торговлей и ведение ее только в торговых рядах вышло 8 июня 1782 г. [17]. Царский указ от 29 сентября 1797 г. вообще запретил строительство новых гостиных дворов. В нем указывалось, что лавки, нужные для торгов, должны быть при домах [3]. Лавкой обычно назывался небольшой магазин. Существовали лавки овощные, молочные, табачные, галантерейные и др. Но узкой специализации не было, под вывеской овощной лавки могли продаваться разнообразные съестные припасы, в табачной лавке – писчебумажные принадлежности, детские игрушки и т. д. Достаточно большой выбор товаров был характерен для большинства лавок [3]. К концу века в городе было около 700 лавок, включая торговые ряды и лавки при домах, которых было 450 [7]. Строившиеся во второй половине XIX в. каменные лавки представляли собой обычно низкие (до 2,5 м от пола до потолка) сооружения общей площадью от 16 до 24 кв. м, с двумя небольшими окнами (40х40 см) и с одной широкой (90–96 см), окованной железом и прочно закрывающейся дверью [3].

Несмотря на то, что в связи с расширением сети железных дорог и развитием биржевой торговли к концу XIX в. ярмарочная форма торговли утрачивает свое прежнее значение в оптовой торговле (в этой функции сохраняются только несколько крупнейших ярмарок), локальные ярмарки продолжали в России пользоваться огромной популярностью, в том числе и в Иваново-Вознесенске. В Иваново-Вознесенске во второй

половине 19 века в течение года проходило 3 ярмарки: Всесвятская (после Троицына дня – 1 неделя. Первая ярмарка прошла в 1858 году); Знаменская – с 27 ноября – две недели; Крестовоздвиженская – с 14 сентября – две недели [12, с.62–63]. Последняя размещалась в районе нынешнего 2-го рабочего поселка. На четырехугольнике площади стояли прочные тесовые ряды. При самом въезде на ярмарку размещалось здание, в котором пребывала полицейская охрана, за ним шли ряды: овощной, галантерейно-мануфактурный, яблочный, кондитерский. Здесь можно было поестъ щей, выпить сбитня, купить пирожки продавались с любой начинкой. Народ шел на ярмарку не только купить или продать, не только полакомиться, но и развлечься. Недостатка в аттракционах и зрелищах не было. Звучала музыка, колыхались на длинных шестах воздушные шары, дети гудели в свистульки [6].

Новые формы торговли, новые виды торговых предприятий, а, значит, и новые формы потребительской культуры пробивали себе дорогу очень медленно.

В России удельный вес магазинов в структуре торговой сети составлял в начале XX века только 13%. Объяснялось это тем, что магазинная торговля требовала более значительных капиталовложений и более высоких эксплуатационных расходов по сравнению с лавочной и тем более палаточно-ларьковой сетью [3]. Но тем не менее, анализ развития торговой сети не только столичных и губернских городов, но и таких как Иваново-Вознесенск, показывает, что в области создания и оснащения магазинов за этот период в России произошел серьезный переворот. Его признаки были видны не только в изменившемся облике магазинов, но и в сознании покупателей, продавцов и тех, кто создавал сами магазины. С конца XIX века в Иваново-Вознесенске на прилегающих к торговой площади улицах, главным образом – на улицах Поповской, Георгиевской, Рождественской, Напалковской и Панской (ныне Аптечный переулок, проспект Ленина до пл. Пушкина, ул. Красной армии, Степанова, Станко) тоже начинают строиться и самые современные по форме торговые предприятия, а именно отдельно стоящие магазины.

Ивановские предприниматели Соколовы, Куражевы, Тихомировы, Черновы, Латышевы – обладатели больших торговых капиталов – рисковали, но вкладывали деньги в более совершенную материально-техническую базу торговли. Они строили отапливаемые ряды лавок, пассажи, галереи и магазины на главных улицах русского Манчестера Их отличие – большие витрины, яркие вывески, повышенное внимание к архитектурному образу этих сооружений. Эти новые здания быстро завоевывали популярность удобным устройством, богатой отделкой, разнообразием и широтой ассортимента товаров, позволяли устанавливать более высокие цены и приносили владельцам высокие доходы.

Особенно интенсивно магазинами застраивалась Поповская, по сути, центральная улица Иваново-Вознесенска, земля для организации торговли на которой особенно ценилась и поэтому продавалась очень мелкими участками – дома стояли фасад к фасаду. В 1913 г. на ней было возведено наиболее выдающееся сооружение комплекса – пассаж торгового дома «И. А. Соколов с сыновьями». (Аптечный переулок 9, 11; Степанова 8, 10). Новомодным словом «пассаж» в то время называли торговое помещение в виде крытого прохода между двумя и более сплошными рядами лавок. В Москве это, например, здание современного ГУМа, построенное еще до революции. На Поповской улице Соколовыми были выстроены два корпуса торгового пассажа с пешеходным проходом между ними. В корпусе, примыкающем к старому магазину, разместились собственные торговые залы фирмы «И. А. Соколов с сыновьями». Второй корпус сдавался в аренду под галантерейно-мануфактурный магазин А. И. Антипина, торговые помещения фабрики наследников Н. Ф. Зубкова, фирмы «Иван Гарелин с сыновьями» и другие. На втором этаже до 1914 г. находилось

отделение Соединенного банка, позднее магазин готового платья торгового дома М. и И. Мандль [20].

Соседний дом приобрел купец В. П. Тихомиров. Здесь открылся мануфактурно-галантерейный магазин, хозяин которого владел современными маркетинговыми технологиями и весьма успешно использовал методы распродаж залежавшегося товара по сниженным ценам, не жалел денег на стоившую и тогда не малых денег торговую рекламу» [13].

Торговой улицей также считалась Георгиевская (пр. Ленина от его начала до Почтовой ул.). В 1912 г. на нечетной стороне этой улицы возведено здание, в котором располагался мануфактурный магазин торгового дома братьев Н. И. и В. И. Куражевых. Напротив этого здания располагалась их усадьба с двухэтажным особняком, на первом этаже которого был открыт роскошный продовольственный магазин. Им же принадлежал один из самых интересных и значительных торговых комплексов Иваново-Вознесенска – так называемые Куражевские ряды, которые предназначались под собственные магазины и оптовые склады, а часть помещений сдавалась в аренду [19].

Чтобы более полно реконструировать потребительскую культуру того времени, мы проанализировали некоторые торговые документы, которые чудом уцелели в бурное XX столетие и сохранились в Государственном архиве. Например, сохранилась так называемая кассовая книга магазина Ивана Савельевича Латышева за 1901–02 г., в которой велся строгий учет всего, что продавал известный в Иванове предприниматель: «Чай, перловка, мука ржаная, песок, овес, масло, крупы ядра, рис, бумага, мыло, табак, горох, судак, вакса, гильзы, соль, мука солода, отруби, варенье, масло Никитина, спички, орехи кедровые, сливы, кондитерские Леонова, мука Соколова, макаронны, овес Лапшина, мука Козырева, Казмина, зерно Шокина, крупа гречневая, икра, мука Аристова, патока, овес, масло подсолнечное, парфюмерия, платье, мука Башкирова, халва, масло Аведова, мука картофельная, зерна Аведова» [10].

Документов о том, как была организована торговля в самых современных торговых предприятиях, сохранилось очень немного. Магазины, имевшие от 5 до 10 и свыше 10 работников, исчислялись тогда лишь единицами или десятками. В крупных магазинах большая роль в организации торговли отводилась приказчикам. Приказчиками в то время назывался вспомогательный персонал торгового предприятия, делившийся на два класса: главных и их помощников. Они исполняли свои обязанности по договору о найме, который заключался на срок не более пяти лет. Они пользовались общей или частичной (на определенные операции) доверенностью хозяина. Труд приказчика оплачивался «по времени» или определенным процентом с прибыли фирмы. У каждого порядочного магазина были двухколесные тележки, в которых развозили товары. Этим занимались «молодцы». Из персонала, обязательно имевшегося в каждом магазине, нужно также назвать «мальчиков». Так называли работника – подростка, только начинающего служить в торговом заведении (лавке, складе). Работали они, как правило, бесплатно, – за жилье, пищу и одежду в течение нескольких лет, пока их не переводили в младшие приказчики. Нередко вынуждены были исполнять роль прислуги «за все» у хозяев и приказчиков, подвергаясь при этом побоям и разного рода унижениям [3]. Известный своими революционными заслугами иваново-вознесенский рабочий Федор Самойлов в своих воспоминаниях очень ярко описал свою работу в этой роли в магазине В. Д. Рослякова, который находился в «красных торговых рядах»: «В будни хозяин открывал магазин в 8 часов утра, а закрывал в 9 часов вечера. В базарные дни начинали торговать несколько раньше, а закрывали магазин в 11 часов вечера. В праздничные дни мы торговали с 12 дня до 4 часов вечера», «в базарные и праздничные дни в магазине, как и в гости-

нице, была давка и теснота... Утром, едва откроешь двери, входили покупатели. Около меня все время стояла густая толпа. Зато по будням я большую часть дня стоял у дверей и скучал в ожидании покупателей» [18]. Старинный обычай зазывать покупателя в лавки удерживался очень долго, особенно в торговых рядах. Каждый владелец лавки, когда у него не было покупателя, выходил на порог и предлагал прохожим зайти к нему. Многие торговцы держали для этого мальчиков, а более крупные – посылали приказчиков, которые становились возле лавок и громко зазывали покупателей. Зазывание служило чем-то вроде живой рекламы. Фотография одной из торговых улиц запечатлела у магазина Мужжавлевых на Федоровской улице скучающих иваново-вознесенских торговцев. Очень редкий и ценный кадр, потому что фотографы того времени старались запечатлеть идеальный образ города, который разношерстная толпа только портила. Культурной ценности остановленного кадра непосредственно повседневной жизни глаз фотографа того времени не видел.

Информация о торговом оборудовании и технологиях торговли в дореволюционной России почти не дошла до нас. Но, тем не менее, некоторым исследователям, коллекционерам, музейным работникам кое-что удалось сохранить для нас и об этой стороне потребительских практик россиян того времени. В России, безусловно, преобладала торговля «через прилавок», которая постепенно стала национальной чертой российских магазинов. Его суть проста: максимальное удобство для покупателя и персонала. В исторических документах того времени удастся найти описания русских прилавков, стеллажей, витринного оборудования, оборудования для уличной торговли, весов, «касс», «холодильных установок» и аксессуаров для торговли. Торговое оборудование изготавливалось индивидуально, добротное, отличалось высоким качеством и надежностью. Основным материалом для стеллажей, прилавков и витрин являлось натуральное дерево. Работа делалась на века. В ней присутствовал русский стиль и украшения (узоры, резьба).

Как известно, основателем рекламного дела в России был иностранный предприниматель Людвиг Метцль, основавший в 1884 г. в Москве контору объявлений, которые публиковались за определенную плату в прессе. В начале XX в. в городе появляются периодические издания – газета «Ивановский листок», журналы «Иваново-Вознесенский Дневник» и другие, значительное место в которых занимала реклама товаров и услуг. Реклама конца XIX в. характеризуется избытком рисованных изображений на газетных полосах, она украшалась виньетками и рисунками, а иногда и печаталась вертикально, ради привлечения читательского внимания. Как правило, рекламное объявление состояло из трех частей: текст, изображение продукта, товарный знак и торговая марка. Типична для того периода времени натуралистская иллюстрация, стремившаяся к изображению товара как можно ближе к реальности. Ивановские купцы использовали различные приемы. Заманивали покупателя распродажами, дешевыми ценами, огромным выбором и отличным качеством [14]. Размещение рекламы не ограничивалось периодической печатью. Предприимчивая иваново-вознесенская мещанка А. Ф. Бубнова, магазин которой торговал велосипедами и швейными машинами, обратилась в городскую управу с просьбой разрешить ей поставить возле Тулякова моста на столбах железный плакат с указанием фирмы и рода торговли [9].

Принципиально новым явлением для Иваново-Вознесенска в сфере организации торговли стало появление потребительской кооперации. В Иваново-Вознесенске в первое десятилетие XX в. действовало общество потребителей «Единение – сила», устав которого был утвержден владимирским губернатором 1 ноября 1907 г. Целью общества было доставить своим членам по дешевой цене или умеренным рыночным ценам различные предметы потребления и домашнего обихода, а также делать сбе-

режения из прибыли от торговых операций. Общество могло устраивать собственные склады, арендовать их, заключать договоры [11]. Отношение к потребительской организации было неоднозначно со стороны разных групп населения. Торговцы видели в них своих конкурентов. Со стороны демократических слоев населения характерной чертой являлось перерастание недоверия в признание, о чем свидетельствовал рост числа членов потребительных обществ.

Как мы видим, торговая «мозаика» Иваново-Вознесенска складывалась из разных форм организации торговли, от самых современных до рутинных, восходящих к традиционным сельским, доиндустриальным формам торговли: из оптовых магазинов и складов, товарных бирж, модных пассажей, мелких лавок, базарной торговли и многочисленных уличных разносчиков. Подобное причудливое сочетание не только придавало особый колорит Иваново-Вознесенску, но и было приспособлено к обслуживанию различных социальных слоев горожан. В продуктовые лавки или на рынки ходила в основном прислуга – любой состоятельный горожанин либо имел кухарку, либо ел в трактире, либо старался снять квартиру или комнату с пансионом. «Униженные и оскорбленные» сословия покупали и готовили еду самостоятельно, их доходы не позволяли им рассчитывать на особый интерес со стороны торговцев. Но в городе устойчиво рос спрос на такие потребительские товары и услуги, отвечая на который деловая элита города создавала самые современные, отличающиеся высокой культурой торговли, в том числе и специализированные торговые предприятия.

Значительно сдерживало развитие товарооборота наличие антирабочих законов в промышленности. В частности, большим препятствием для развития магазинной сети в городах и промышленных центрах служил закон, предоставлявший предпринимателям право выдавать зарплату своим рабочим натурой через свои так называемые харчевые лавки. Денежную зарплату хозяин был вправе выдавать своим рабочим один раз в месяц, а иногда и в полгода. В таких условиях хозяйские харчевые лавки превращались в средство закабаления и сильнейшей дополнительной эксплуатации рабочих.

Проследив развитие форм организации торговли в пред- и послерубежные десятилетия и происходившие на этом фоне сдвиги в потребительской культуре в различных группах населения Иваново-Вознесенска в важнейшей сфере потребления – торговле, мы должны отметить, что здесь, видимо, как и во всей России, несмотря на огромную инерцию, характерную для всех процессов связанных с перестройкой любых структур повседневной культуры, однозначно фиксируются весьма кардинальные сдвиги. За эти годы вырос предпринимательский слой, способный воспринимать и улавливать самые современные, соответствующие эпохе тенденции в развитии торговых предприятий, отвечающие растущим запросам ивановских потребителей. Еще ждут своего анализа потребительские практики в только-только складывающейся, совершенно новой сфере потребления в эпоху массового производства и технического прогресса, – сфере услуг и досуга.

Список использованной литературы

1. **Балдин К.Е., Семенов А.М.** Иваново: История и современность. Иваново // Ивановская газета, 1996.
2. **Балдин К.Е., Кохова Л.А.** От кустарного села к индустриальному «мегаполису»: очерки истории текстильной промышленности в с. Иваново – г. Иваново-Вознесенке. // Краеведческие записки. Под. ред. В. Ю. Халтурина. Иваново: Б. И., 2001.

3. **Барышников М.Н.** История делового мира России. М., 1958.
4. **Бодрийяр Ж.** Система вещей. М., 1999.
5. **Бяковский В.С.** Дома и люди. Книга 3. Иваново // «Ивановская газета», 1998.
6. **Волков И.А.** В старом Иваново. Иваново // «Ивановская газета», 1995.
7. **Гарелин Я.П.** Город Иваново-Вознесенск или бывшее село Иваново и Вознесенский посад Владимирской губернии: в 2 ч. Шуя, 1884–85.
8. ГАИО. Ф.2. оп.1. д. 2846.
9. ГАИО. Ф.2. оп.2. д. 447., л.10.
10. ГАИО. Ф.298. оп.1. д. 1. л.4–5.
11. ГАИО. Ф.385. оп.1. л.1 1об.
12. Ивановский архив. Краеведческий научно-популярный альманах. 1996
13. Ивановский листок №128, 2 августа 1906 г.
14. Ивановский листок. 906. №61; 1907. №124; №202.
15. **Котлова Т.Б.** Социокультурные проблемы истории и современного развития российской провинции: межвузовский сборник. Ред. О. Ю. Олейник, В. Ю. Халтурин, Т. Б. Котлова. Иваново: ИГЭУ., 2003.
16. **Кохова Л.А.** Промышленное развитие села Иванова – города Иваново-Вознесенска в XVII – начале XX в. Автореферат дис. ... канд.истор. наук. Иваново, 2002.
17. **Половников А.П.** Торговля в старой России. М., 1958.
18. **Самойлов Ф.Н.** По следам минувшего. М., 1954.
19. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Ивановская область. ч.1. М.: Наука, 1998;
20. **Тихомиров А.** Аптечный переулоч. Поповская улица // Рабочий край. 2002. 1 ноября.

Ю.Л. Малкова

ШКОЛА КАК ЭЛЕМЕНТ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ 1920-Х ГОДОВ (НА МАТЕРИАЛАХ ГОРОДСКИХ ШКОЛ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)

В настоящей статье рассматриваются процесс становления и функционирования новой советской школы, проблемы финансирования, структура школы, принципы подбора педагогических кадров, а также роль и функции школы, отведенные ей лидерами государства как элементу советской политической системы 1920-х годов.

Школа – важнейший социальный институт, одновременно являющийся фактором развития духовной культуры и одним из элементов политической системы. Осознав основополагающую роль школы, большевики уделяли ей значительное внимание, проявившееся в стремлении в кратчайшие сроки построить советскую школьную сеть и создать «могучую армию» новых советских учителей.

Для определения функции школы как составного элемента советской политической системы необходимо обозначить роль, отводимую школе руководителями государства, и поставленные перед ней цели.

Школа рассматривалась как центральное звено в общей цепи задач культурной революции. Именно она, по мнению лидеров государства, создавала почву, на которой развивалась современная поколению 1920-х годов материальная и духовная культура. Цель школы состояла в том, чтобы создать новое поколение людей, от деятельности которых зависела «степень быстроты превращения России в социалистическое государство». Школа должна была стать не только проводником принципов коммунизма вообще, но и «проводником идейного, организационного, воспитательного влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся масс в целях воспитания поколения, способного окончательно установить коммунизм» [1, с.111; 3 с.373–413]. Таким образом, школа должна была осуществлять функцию образовательного и воспитательного учреждения, призванного подготовить молодое поколение строителей нового общества. Поэтому большевики приступили к активной политике по организации школьной сети.

Декрет СНК от 5 июня 1918 года устанавливал, что все учебные заведения передаются в ведомство Народного комиссариата по просвещению. Общее руководство делом народного образования в РСФСР, согласно Положению СНК РСФСР от 18 июня 1918 года, принадлежало Государственной комиссии по просвещению, председателем которой считался народный комиссар по просвещению. Руководство делом народного образования на местах должны были осуществлять отделы народного образования, соответственно образуемые при исполкомах областных, губернских, уездных и волостных советов. Все отделы народного образования должны были следовать указаниям: волостные – уездных, уездные – губернских, губернские – областных отделов народного образования [4, с.13]. Однако на первых порах отделы народного образования большей частью решали хозяйственные вопросы: подыскивали помещения под школы, решали вопросы снабжения топливом, учебными и наглядными пособиями. Для методического руководства педагогами не хватало знаний и опыта [8, 9].

На протяжении всего рассматриваемого периода остро стояла проблема финансирования сферы народного образования в целом и школьного, в частности. Реформирование всей системы народного образования требовало значительных ассигнований. До революции школьная сеть финансировалась из государственных, местных и частных источников. Два последних вида после революции закрывались. А у советской власти на первых порах не было вообще никакого бюджета. Поэтому она просто предоставила школу самой себе, в результате чего и получилось ее быстрое «разрушение». В годы гражданской войны и ближайшие следующие за ними школа оказалась в очень тяжелом финансовом положении. С 1921 года было приказано перевести содержание школ на «местные фонды». Но таковых в тот период еще не было. Переход на «местные средства», по мнению А. В. Луначарского, был ужасающей катастрофой. В результате школьная сеть как в стране в целом, так и в рассматриваемом регионе подверглась значительному сокращению. 1921–22 гг. стали наиболее тяжелыми для советской школы: ассигнования из центра поступали в регионы в недостаточных размерах, доля местных финансовых средств была крайне мала [3, с.373–413]. Владимирский, Иваново-Вознесенский, Костромской и Ярославский Губисполкомы в своих отчетах сообщали о тяжелом положении школы, местные газеты также писали о кризисе в школьном деле. Переход на финансирование местных бюджетов был осуществлен в 1923 году, и это мероприятие оказалось болезненным для регионов, особенно экономически слабых [8, 9].

Глава Наркомпроса А.В. Луначарский утверждал, что с 1921 года число школ постоянно уменьшается, причем в некоторых губерниях уменьшение составляет до 60 %. По показаниям А. В. Луначарского, по сравнению с 1915 годом начальная

школа в РСФСР «погибла» на 41–47%. В СССР же действительная убыль школ, по данным П. Н. Милюкова, составила 15–25 % [3, с.373–413]. В таком состоянии школьная сеть подошла к периоду НЭПа, ставшему, как и в других областях жизни советского государства, переломным моментом. Изменилось к этому времени отношение населения к советской школе. По мнению П. Н. Милюкова, эта перемена объясняется не столько изменением отношения к большевикам, сколько вообще потребностью населения в образовании. Это стало особенно заметно в 1924–25 г., когда население начинает «осаждать» школу [3, с.373–413].

Начиная с 1923–24 гг. растут и ассигнования на народное образование, и количество школ. При окончательном устройстве школы сохранять прежнюю систему финансирования, когда вся тяжесть расходов приходилась на местные бюджеты, было невозможно. И государство вынуждено было взять на себя и долю местных расходов по таким статьям, как увеличение платы учителям, ликвидация неграмотности, школьное строительство. Тем более что у государства теперь появилась реальная возможность несколько улучшить финансирование системы народного образования, так как введение НЭПа укрепило государственный бюджет.

Абсолютная цифра расходов на народное образование в 1928–29 гг. превысила ассигнования 1914 г. почти в 2,5 раза. Но и эти цифры в официальных отчетах были признаны далеко не достаточными. При этом главный процент расхода приходился на оплату труда учителей (не менее 50%). Зарплата же учителя в стране в 1928–29 г. (58 руб.) в отчетах также была признана «явно недостаточной», отмечалось, что материальное положение преподавателей улучшалось крайне медленно [3, с.373–413]. После восстановительного периода средства необходимо было направлять на процесс индустриализации страны. Поэтому недостаток средств на финансирование системы народного образования можно считать систематическим.

Рассмотрим далее, какие типы школ функционировали в Советской России в рассматриваемый период. Согласно Положению «О Единой трудовой школе» 1918 года [4, с.133–136], всем школам РСФСР, состоявшим в ведении Наркомпроса, присваивалось наименование «единая трудовая школа». Она подразделялась на две ступени: 1 ступень для детей 8–13 лет предполагала 5-летний курс обучения, 2 ступень для учеников 13–17 лет – 4-летний. При этом провозглашались принципы бесплатности, обязательности, всеобщности школьного образования, совместного обучения.

Однако в процессе реализации данных принципов большевикам пришлось столкнуться с рядом проблем: бедность материально-технической базы, отсутствие корпуса учителей, готовых на сотрудничество с советской властью, отсутствие новых учебных программ. Население не испытывало доверия к новой школе. Поэтому реализовать на практике все идеи не представлялось возможным. Попытки создания новых школ предпринимались, но это были единичные случаи, исключительно в столицах. Поэтому Положение 1918 года было заменено «Уставом Единой трудовой школы» в 1923 году, в котором большевики отказывались от ряда первоначальных замыслов. В нем уже не говорилось о всеобщности, бесплатности (за исключением пролетариата) обучения, была устранена свобода преподавания, а единоличное управление школой поставлено над школьным советом и автономией учащихся.

Остановимся подробнее на структуре школы по Уставу 1923 года. Большевики отказались от деления школы на 5-классную низшую и 4-классную высшую. Для массовой школы, которую приходилось создавать из училищ, не дотянувших даже до 4-классного низшего типа, пятиклассная начальная школа была слишком высока. Пришлось вернуться к той организации, которая уже проводилась законодательством Государственной Думы. В основу было положено четырехклассное народное училище, к которому подтягивались, но так и не подтянулись, предшествующие ти-

пы начальной школы – земский, городской, приходской, железнодорожный. Во многих из них было только три, а то и два класса. За такой четырехлеткой должна была следовать «семилетка», в которой к первым четырем годам прибавлялось еще три. Эта вторая ступень соответствовала прежнему четырехклассному начальному училищу, сокращенному на один класс. Третьим, высшим, типом становилась «девятилетка», где прибавлялось еще два класса: этот тип соответствовал прежним восьмиклассным реальным училищам и гимназиям, но без восьмого класса и с двумя przygotowательными [4, с.147–149].

Тезис о единстве школы также не был реализован. Низшие ступени школы были отсечены одна от другой. Возможность перехода из низшего типа в высший становилась фиктивной. Каждый тип школы становился законченным и замкнутым сам в себе. Переход из четырехлеток в семилетки был возможен только в исключительных случаях (3–4%) по причине их переполненности. При этом программа и уровень подготовки в четырехлетке были ниже, чем в младших классах семилетки. Сама семилетка оказалась также обособленной в отдельный тип школы: в ней была установлена программа, отличная от программы седьмого класса девятилетки. Таким образом, свобода выбора образования была ограничена. Девятилетка была отсечена от вуза. Большинство её выпускников (около 80%) не могли попасть в вузы, так как прием в высшие учебные заведения был ограничен, к тому же добавлялась конкуренция рабфаковцев.

Каждому отделившемуся школьному звену, таким образом, была отведена роль подготовительной школы к окончательному выбору профессии. Ограничив доступ из низшего типа в высший, большевики открыли выход в соответствующие профессиональные учебные заведения. Из четырехлетки можно было идти в низшие профессиональные школы, в школы фабрично-заводского ученичества и школы крестьянской молодежи. В них было место для 10% выпускников четырехлетки. Семилетка давала право поступления в техникум с трехгодичным курсом. Девятилетка помимо подготовки к университету давала и профессиональную выучку. П. Н. Милуков в своей работе приводит цитату «украинского официального органа», обосновывающую подобную структуру учреждений народного образования: «нам нужны в государственном строительстве массы квалифицированных сознательных рабочих... Это – низшее образование. Нам нужны техники-специалисты высшей квалификации... Это высшее (среднее) образование. Нам нужны организаторы высшей квалификации... Это специальное научное образование» [3, с.373–413]. Таким образом, помимо реальной социально-экономической обстановки структуру и типы советской школы определяли и политические мотивы: государству нужны были «массы» квалифицированной рабочей силы, а доступ в высшие учебные заведения был открыт для политически надежных, поддерживающих советскую власть представителей пролетариата. При этом общий уровень подготовки поступающих был принесен в жертву пролетарскому происхождению.

Уже в 1925 году Декрет ВЦИК и СНК РСФСР установил, что «нормальным типом трудовой школы 1 ступени является четырехкомплектная школа с 4 последовательными группами», а «трудовая школа 2 ступени состоит из 5 групп». Таким образом, объясняется существование в 1920-е годы в Советской России не только школ различных типов (дифференцированные школы 1 и 2 ступени, объединенные семилетки и девятилетки), но и школ 1 ступени с 4 и 5-летним курсом обучения. При этом статистические источники, предоставляющие данные для анализа динамики количества школ, четко разграничивают выше обозначенные типы школ [7].

Обратимся к анализу динамики численности школ в стране и в рассматриваемом регионе Верхнего Поволжья. 1920–21 год характеризуется решительным ростом

сети городских школ 1 ступени рассматриваемого региона по сравнению с 1918–20 гг. на 12,8 %. В 1921–22 гг. наблюдается резкое сокращение количества школ 1 ступени. Положение школы в эти годы в регионе было очень тяжелым. В целом, по региону сокращение составило 24,9 %. В последующие годы численность школьной сети продолжала постепенно падать вследствие наметившегося в переходный 1922–23 год общего кризиса на фронте народного просвещения. Местные власти в отчетах указывали на то, что «немыслимо говорить о создании массовой трудовой школы, так как нет объективных условий». 1923 год был последним, когда уменьшалось количество начальных школ. Безусловно, приоритет в финансировании был отдан сфере промышленности, которая имела первоочередное значение для процесса экономического развития страны. В следующем 1924–25 году наблюдалась тенденция к стабилизации количества школ. К 1925–26 году их число в целом по рассматриваемому региону достигло 35, что на 16% меньше начального показателя 1922–23 года. В ряде случаев уменьшение количества школ проводилось за счет увеличения их емкости (под школы приспособлялись новые здания).

Далее обратимся к анализу численности школ 2 ступени. Сеть школ 2 ступени также подверглась сокращению. При этом данный процесс проходил аналогично изменениям в сети школ 1 ступени, за исключением того, что в начале рассматриваемого периода всплеска численности школ 2 ступени не было, поскольку в начале 1920-х годов был сделан акцент на развитии начального образования. Сокращение количества школ 2 ступени продолжалось до последнего года рассматриваемого периода. Однако данный процесс проходил в городских школах изучаемых губерний крайне неравномерно, что было связано с различными экономическими условиями для развития народного образования. В итоге по сравнению с 1918–20 гг. к 1925–26 году количество школ 2 ступени в целом по региону уменьшилось в 1918–20 – 1925–26 гг. в 2,5 раза. Как и в случае со школами 1 ступени, сокращение численности средних школ компенсировал рост количества вновь создававшихся школ – девятилеток: их количество к 1925–26 году в регионе достигло 17, что в 3,4 раза больше, чем в 1923–24 году [5]. Это результат целенаправленной политики с середины 1920-х годов, так как для процесса индустриализации необходимы были кадры, которых для поступления в вузы готовила именно девятилетка. Однако не стоит рассматривать сокращение общей численности школ в городах Верхнего Поволжья как неуклонный распад системы школьного образования. Причины закрытия школ были различны: реорганизация пятилетних школ 1-й ступени в семилетки и школ 2-й ступени – в девятилетки, слияние и укрупнение школ за счет приспособления новых зданий и просто закрытие бесперспективных школ для усиления финансирования других школьных учреждений.

Таким образом, возврата к уровню 1918–20 гг. не произошло, о чем свидетельствует тот факт, что к 1925–26 году в изучаемом регионе возросло среднее количество учащихся на 1 школу любого типа. Так, среднее количество учеников на 1 школу 1 ступени в целом по региону увеличилось на 86,3 %, на 1 школу 2 ступени – на 72,8 %, на 1 школу-семилетку – на 52,5%, на 1 школу-девятилетку – в 19,5 раз. Таким образом, укомплектованность школ существенно возросла, что свидетельствует об увеличении охвата детей школой [7].

В рассматриваемый период в городах Верхнего Поволжья происходило увеличение удельного веса городских школ повышенного типа (школы 2 ступени, семилетки и девятилетки) на фоне уменьшения аналогичного показателя для школ 1 ступени. Данный процесс вполне закономерен, поскольку в сельской местности школы повышенного типа оказались невостребованными, и поэтому наибольшее распространение на селе получила школа 1 ступени, в то время как в городах, наоборот,

ощущалась необходимость в развитии именно таких школ. Кроме того, в городах легче было осуществлять контроль над деятельностью школ и учителей. Да и учительство не решилось бы игнорировать распоряжения городских властей.

В целом в регионе Верхнего Поволжья нашли отражение тенденции, характерные для развития городской школьной сети в масштабах РСФСР, а именно: приоритетное развитие в городах школ повышенного типа, сокращение численности дифференцированных школ 1 и 2 ступени и постепенное вытеснение их объединенными семи- и девятилетками, увеличение охвата детей школой. Кроме того, отметим, что в рассматриваемый период единая система школьного образования еще не сложилась: имела место многотипность школ.

Далее обратимся к рассмотрению системы подбора педагогических кадров школ. Согласно Положению «О Единой трудовой школе» 1918 года [4, с.133–136], все школьные работники, то есть преподаватели, школьные врачи и инструкторы физического труда, должны были избираться в соответствии с Постановлением «О выборности всех педагогических и административно-педагогических должностей» от 27 февраля 1918 года и инструкциями Наркомпроса. При Наркомпросе и отделах народного образования учреждались должности инструкторов, в обязанности которых входило периодическое посещение школ для поддержания их «живой связи» с отделами народного образования и для оказания помощи преподавателям в их работе [4, с.133–136].

Однако общественно-политическая позиция учительства вызывала серьезные опасения властей. Особенно это касалось школ 2 ступени, где было много учителей с дореволюционным стажем, и где основной процент учащихся составляли представители «буржуазных» классов. Поэтому Устав Единой трудовой школы 1923 года изменил систему подбора педагогических кадров. Теперь школьные работники назначались и увольнялись отделами народного образования. Кандидатуры на должность школьного работника, заместителя заведующего могли выдвигать заведующий школой, партийные и профсоюзные организации. Преимущество при прочих равных условиях отдавалось лицам с общественным стажем. Заведующий школой назначался отделом народного образования из лиц с педагогическим стажем. Кандидатуры могли выдвигаться школьным советом, партийными и профсоюзными организациями. Родители учеников также могли принимать участие в формировании педагогических коллективов школ [4, с.133–136]. В трудные 1921–22 гг. было введено самообложение сельского населения и производилось отчисление части заработка городских жителей на нужды школы, и наиболее состоятельные родители требовали отказа от преподавания общественно-политических дисциплин, закона божьего, и учителя оказывались ненужными [8, 9].

Устав 1923 года изменил и систему школьного самоуправления. О том, что решение всех важных школьных вопросов должно быть коллегиальным, говорилось еще в «Постановлении Правительственного комиссариата по просвещению» от 30 ноября 1917 года. Причем высшим коллегиальным учреждением школы являлся педагогический совет, в который наряду с педагогическим персоналом входили представитель родительского комитета, представитель учащихся старших классов и три представителя местного Совета рабочих, солдатских и красноармейских депутатов с правом решающего голоса каждый.

Положение «О Единой трудовой школе» 1918 г. называло в качестве ответственного органа школьного самоуправления школьный совет, состоящий из всех школьных работников, представителей трудового населения данного района в количестве $\frac{1}{4}$ числа школьных работников, представителей учащихся старших групп с 12 лет, одного представителя от отдела народного образования. В компетенцию школь-

ного совета входили следующие вопросы: распределение учащихся по группам, выпуск из школы, утверждение планов и программ, сметы и отчеты, хозяйственные и ремонтные работы.

Устав 1923 года ограничивал школьную автономию. Согласно ему, ответственное руководство педагогической, хозяйственной и административной частью осуществлял заведующий школой, одновременно являющийся председателем школьного совета. Заведующий школой мог приостановить решение школьного совета. Участвовал заведующий и в подборе педагогических кадров. Кандидатуры на должность заведующего утверждали местные отделы народного образования. Таким образом, уже к 1923 году школы были поставлены под строгий контроль как местных, так и центральных властей.

Итак, советская школа 1920-х годов была одним из основных элементов советской политической системы, и её основная задача заключалась в обучении и воспитании нового поколения – поколения строителей коммунизма. Именно поэтому власти очень ответственно и тщательно осуществляли подбор педагогических коллективов школ, именно поэтому поставили школу под свой контроль.

В условиях отсутствия четкой программы реформирования системы школьного образования большевики действовали методом проб и ошибок, поэтому им пришлось пожертвовать рядом замыслов, так как экономическая разруха не позволила их осуществить. Тем не менее, именно в 1920-е годы были созданы предпосылки для дальнейшего реформирования школьной сети и заложены основы школы последующих лет.

Список использованной литературы

1. **Луначарский А.В.** Ленин и народное образование. М., 1972.
2. Красный мир (с 1924 г. – Северная правда). Орган Костромского Губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и Губернского комитета РКП (б). 1921–30.
3. **Милюков П.Н.** Очерки по истории русской культуры в 3-х томах. т. 2. М.: Прогресс, 1994.
4. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сб. документов. 1917–73. М: Педагогика, 1974.
5. Народное образование в СССР по данным текущих обследований на 1 января 1922, 1923 и 1924 гг. и краткий свод статистических данных за пятилетие 1921–25 гг. т. 28. М.: Изд-во ЦСУ, 1926.
6. Народное образование в СССР в 1926–27 учебном году. М.: Изд-во ЦСУ, 1928.
7. Народное образование по основному обследованию 1920 года (1920–21 учебный год). Вып. 1. т. 12; Вып. 2. т. 3. М.: Изд-во ЦСУ, 1921.
8. Отчет о работе Владимирского Губисполкома. 1922–28.
9. Отчет о работе Иваново-Вознесенского Губисполкома. 1922–28.
10. **Украинцев В.В.** Культурная революция – составная часть Ленинского плана Социалистического строительства. М, 1970.

Е.М. Раскатова

«БОРЬБА ЗА СОХРАНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ»: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ НОВАЦИИ ВЛАСТИ В 1970-Е ГОДЫ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

В статье предпринят анализ технологии апробации Властью идеологических новаций в среде художественной интеллигенции 1970-х годов.

Одна из наиболее закрытых и сложных для отечественных исследователей тем – тема национализма в советской политике и искусстве, проблема отношения отечественной художественной интеллигенции к идеям национализма, ее реакций на разные векторы в политике Советской власти по отношению к русской национальной идее: «Поистине, если идеология – это навязчивая идея, то национальная – из самых навязчивых» – с горечью писал Л. Зорин [8, с.296]. Не так давно сама постановка вопроса в среде советских историков вызывала недоумение: несмотря на то, что реальные политические практики все чаще проявляли националистические настроения в партийно-государственной «верхушке» страны, власть официально декларировала принцип интернационализма во внутренней и внешней политике. При этом полноценные документальные источники по проблеме отсутствовали (или почти отсутствовали). Даже сегодня многие выводы, по сути – предположения исследователей, основаны на прочтении/интерпретации ими преимущественно «подцензурных» источников (журналы, газеты), а также анализе документов личного происхождения (мемуарной литературы, интервью и др.). Однако этот поворот (в идеологии и политике) был ранее отмечен зарубежными исследователями проблемы [10, с.14–22], националистические настроения, бытовавшие в среде высшей партийной номенклатуры, фиксирует и М. Восленский [5]. Л. Алексеева [1, с.247–248] рассматривала деятельность отдельных националистических групп как важную составную часть движения инакомыслящих в России и др. П. Вайль и А. Генис не случайно считают русский национализм основной идейной силой 1970-х годов, которая пришла на смену дискредитировавшим себя интернациональным настроениям в обществе [4]. Однако, по мнению Н. Митрохина [10], его предшественники анализировали *идеологию* национализма, сам же автор специального, но спорного труда, изучал *организационные* основы русского национализма в 1953–85 годы, предпринял попытку доказать существование и заметное влияние на политическую жизнь страны членов *русской партии*. Он убежден, что заметную роль в трансляции националистических настроений в общественное сознание сыграла художественная, в первую очередь, писательская, интеллигенция, что именно художественная литература определенного содержания (от книг И. Шевцова до поздних произведений некоторых «деревенщиков») оказывала влияние на сознание политической элиты. Косвенно этого вопроса касались Д. Кречмар [9] и В. Эггелинг [15], считая, что в период позднего социализма что именно русские националисты были «консервативной альтернативой либеральной фракции в советском культурном истеблишменте» [15, с.28].

Парадокс состоял в том, определенная часть художественной интеллигенции 1960-х – 1970-х гг., действительно, приходила к русской национальной идее и приходила через открытие древнерусской культуры. Этот интерес, отразивший особенность в настроениях образованной публики, заметили специалисты. «Конец 1960 – начало 1970-х гг. стали временем открытия для общества, а не только специалистов, живых следов древнерусской культуры: ...художественное исследование истории

северной русской деревни у Ф. Абрамова было возвращением к национальной идее, к истокам отечественной культуры. Именно в это время становятся популярными «Письма из Русского музея» и «Черные доски» В. Солоухина. В круг чтения входят памятники древнерусской культуры, издаваемые Пушкинским Домом в Ленинграде» [11, с.257–258]. Более глубокое знакомство с историей русской дореволюционной культуры рождало справедливую тревогу за ее судьбу. Представители художественной общественности все чаще обращали внимание власти на пренебрежительное отношение к вопросам сохранения и развития русской культуры в условиях многонационального государства. Без сомнения, в подобных настроениях интеллигенции таилась опасность перерождения справедливого требования равных возможностей развития всех национальных культур в требование национального предпочтения, привилегированного положения русской национальной культуры, русских и т. д. Однако без поддержки на государственном уровне эта тенденция не стала бы так заметна в советском общественном климате 1970-х годов. О национализме как черте государственной идеологии уже в начале десятилетия писал Л. Зорин: «Национализм стал главной чертой нашего характера», – этот тезис не раз приводился советской прессой, при этом – в самых лояльных тонах. В то время модно стало писать о «прогрессивном национализме». Бессмысленность этого сочетания слов, как видно, никого не смущала. Система, основанная на эгалитарности, почти фатально обречена шизофренически опираться на мнимую общность единого этноса» [8, с.296].

В конце 1970-х – начале 1980-х годов националистические настроения части художественной интеллигенции будут проявляться откровеннее и настойчивее (от демонстративного курса некоторых литературно-художественных журналов, например, «Молодая гвардия», «Наш современник» до крайней формы – организации общества «Память»).

Во второй половине 1970-х полемика советских либералов «западников» и «правых» – «славянофилов» становится частью официальной культурной жизни. Не случайно полемика 1977 года – А. Борщаговский, А. Эфрос, Е. Евтушенко – с одной стороны, и П. Палиевский, Ст. Куняев, В. Кожин, с другой, отмечена И. П. Уваровой и К. Роговым даже в хронике культурной жизни семидесятых [14, с.63], так же как и бурная дискуссия «Классика и мы» в ЦДЛ [14]. М. Геллер в одном из своих обзоров уточнял: «...на собрании в московском Доме писателей... русские патриоты обвиняли режиссера Эфроса в том, что он по своему еврейскому коварству искажает русских классиков» [6].

Именно в конце 1970-х годов власть, используя настроения определенной части художественной интеллигенции, предприняла попытку апробировать идею *национализма* как некую идеологическую новацию, необходимую в изменившихся, прежде всего, внешнеполитических условиях.

Прагматичное отношение самой власти к идее национализма, спекуляцию соответствующими настроениями интеллигенции в советский период убедительно показал в своем исследовании Г. Бордюгов: «Балансирование власти между различными стержнями идеологии, апелляция сталинского режима то к «интернационалистски», то к «националистически» настроенным группам интеллигенции, создавало напряжение, порождало тупиковые ситуации. Парадокс заключался в том, что, фиксируя эти ситуации, видные представители интеллигенции нередко подсказывали власти, как объяснить, «замять» или обойти очевидные слабости идеологических поворотов. Постепенно складывался порочный круг взаимного прикрытия и использования друг друга в искусственном сглаживании противоречий. В этой, ставшей бесконечной, «игре» можно было извлечь ощутимый выигрыш или обмануть. Но у власти была заведомо выигрышная позиция – на по-разному идеологически ориентиро-

ванных группах интеллигенции апробировались пропагандистские новации, их же руками контролировался процесс прохождения этих новаций, в среде этих групп отыскивались и жертвы за неудачи тех или иных кампаний» [3, с.7].

Именно в рамках официальной политики «защиты» русской классики инициировались и получали существенную государственную поддержку ставшие систематическими фестивали, декады, месячники по итогам Всесоюзных и Всероссийских смотров театральных спектаклей по произведениям классиков отечественной литературы А. Н. Островского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова и др. Юбилейные мероприятия становились предметом серьезного обсуждения на совместных заседаниях Коллегии Министерства культуры РСФСР и Президиума ВТО². По их итогам, как правило, принималось решение о систематическом, в случае с А. Н. Островским – ежегодном, проведении Смотра с показом лучших спектаклей на сцене театров на родине писателей, подведением итогов раз в два года, награждением Лауреатов и т. д. Обязательными стали последующие научно-практические конференции с участием ученых литературоведов, театроведов, артистов и представителей власти. Одна из бурно обсуждаемых проблем – *интерпретация произведений* классика на сцене современного театра. Участники подобной конференции в Костроме в 1979 году приняли соответствующие *«рекомендации»*: «...с вниманием относиться к классическому первоисточнику, его внутреннему строю и раскрытию образов, более активно бороться против субъективистских попыток *«осовременивания»* классики, глубоко раскрывать социальные и нравственные ценности, которые в большей мере содействовали формированию духовного мира советского человека» [13]. В связи с этим на совместном заседании коллегии МК РСФСР и Президиума ВТО 23 августа 1979 года было также подчеркнуто, что «...наш общий долг – бороться против, с одной стороны *«осовременивания»*, а с другой – *«музейного прочтения»* классики»³. Президиум ВТО провел в 1980 году расширенное заседание Президиума по вопросам о *сценическом воплощении классики*⁴.

Важно, что данная формулировка – «бороться против субъективистских попыток *«осовременивания»* классики», переходила из одного текста рекомендаций, решений, постановлений в другой, а сами рекомендации скоро стали *обязательным* требованием при постановке спектаклей по произведениям отечественной классики.

В 1980 году министр культуры РСФСР Ю. С. Мелентьев одной из проблем профессионального искусства в Российской Федерации также назвал трудности театров с постановкой спектаклей по произведениям русской классики: «Прошедшие Всероссийские фестивали, посвященные творчеству Л. Н. Толстого, А. Н. Островского, А. П. Чехова, – сообщал он в отчете ЦК КПСС о работе по выполнению решений 25 съезда КПСС, – с одной стороны, с новой силой продемонстрировали бесконечные возможности, заключенные в русской драматургической классике, с другой – ...еще раз показали всю ненужность *«сверхоригинального»* сценического про-

² Например А.Н.Островского – ГАРФ, ф. А-501, оп.1, д.7002, л.22-30, там же, д.9114, л.28-30, там же, д.9118, л.29-33 и др.; Л.Н.Толстого – ГАРФ, ф.А-501, оп.1, д. 9111, л.45-64; А.П.Чехова – ГАРФ, оп.1, д.9128, л.22-27, там же, д.9452, л.35-53 и т.п.

³ ГАРФ, ф.А-501, оп. 1 д.9125, л.72.

⁴ ГАРФ, ф.А-501, оп. 1 д.9125, л.72.

чтения классики, свою беспомощность ее насильственного переосмысления и осовременивания» [13, ф.5, оп.77, д.182; л.64]⁵.

Власть, одобряя, казалось бы, любое обращение художников к русскому классическому наследию, в реальной практике поощряла создание только тех произведений, в частности театральных спектаклей, которые вписывались в ее понимание развития традиций «отечественной *реалистической* театральной школы». Любое новаторство воспринималось как отступление от этой линии и преследовалось.

Парадоксальным образом борьба за «музейную» сохранность классических спектаклей обретала черты борьбы за национальную гордость великороссов. Развитие же современных театральных идей на отечественной сцене грозило обернуться для авторов обвинением в «безродном космополитизме».

Показательна своей театральной историей скандала (1978 г.) вокруг несостоявшейся тогда во Франции постановки Ю. Любимовым «Пиковой дамы» (А. Пушкин, П. Чайковский).

Власть выступила умелым режиссером, определила исполнителей ведущих партий, в который раз сыграв на разногласиях и творческих амбициях художников.

Парижская опера договорилась с Ю. Любимовым, что он поставит в Париже «Пиковую даму» в музыкальной обработке композитора А. Шнитке, под руководством режиссера Г. Рождественского. Было, конечно, согласие соответствующих советских органов. Постановка должна была состояться в июле 1978 года. Однако 8 марта в «Литературной газете», а 11 марта в «Правде», появилась статья Альгиса Жюрайтиса «В защиту «Пиковой дамы»: «Мог ли думать Петр Ильич, когда теплыми флорентийскими ночами трепетал от нахлынувшего вдохновения, что его любимое детище, вершина оперного жанра, как мы справедливо считаем, будет превращено в американизированный мюзикл? Мог ли он допустить, отдавший всю жизнь свою до последней капли любимой России, что падет жертвой «новаторов»?...» – с негодованием писал известный дирижер... «Разве позволительно советским гражданам устраивать средневековое аутодафе над обожаемым советским народом, любителями музыки всей земли Чайковским, выступая в роли инквизиторов? Разве пристойно предавать нашу святыню ради мелких интересов дешевой *заграничной* рекламы», – использовал он обычный прием обвинения. И выносил со страниц главной партийной газеты серьезное обвинение: «Это преднамеренная акция разрушения памятника русской культуры... Не проявили ли соответствующие организации попустительское этому издевательству над русской классикой?.. Все, кому дорого великое наследие русской культуры, не могут не протестовать против безнравственности в обращении с русской классикой и не осудить инициаторов и участников издевательства над шедевром русской оперы» [12].

После такого публичного заявления слова художника переставали быть просто словами частного лица. По сути, данная статья в «Правде» не продолжила внутрив профессиональную дискуссию художественной интеллигенции на тему «классика и мы», а предлагала начать политическую кампанию поиска врагов русской культуры.

М. Геллер иронично заметил по этому поводу: «В «Правде» за 11 марта *литовский* дирижер А. Жюрайтис обвинил *русского* режиссера Ю. Любимова в злом искажении «Пиковой дамы», счел её антирусской и немедленно донес об этом властям...» [6, с.447–448].

⁵ О невозможности соответствовать этому весьма противоречивому требованию говорит мировой и отечественный театральный опыт XX века. См., например: Спектакли двадцатого века. М.: Изд-во «ГИТИС», 2004, с.395-400; с.400-404; с.455-459; с.462-467 и др.

Авторы проекта не считали написание статьи инициативой самого А. Жюрайтиса. А. Шнитке убежден, что эти действия – результат продуманной политики власти: «Что могло стоять за этим? Я уже тогда догадывался. Стоял за этим никто иной, как Суслов, со всеми закулисными махинациями... Ведомство Суслова поддержало всю эту интригу. И появилась кампания, которая – уже по *личным* причинам – взяла это на себя и провела в жизнь. А. Жюрайтис был недоволен, когда Г. Рождественский получил Ленинскую премию за постановку «Спартака» в Большом театре (Жюрайтис долгое время им дирижировал). <...> За Жюрайтисом стоял мой коллега Вячеслав Овчинников, который за несколько месяцев до статьи Жюрайтиса как бы сочувственно спрашивал меня о проекте... Степени его участия я не знаю, но что он участвовал – это для меня несомненно» [2, с.172].

Профессор А. В. Ивашкин разделяет предположение А. Шнитке: «...Жюрайтис даже не позвонил Рождественскому перед выходом статьи (хотя вроде были в дружеских отношениях). <...> Интересная деталь: Жюрайтис приехал из Парижа в Москву на новом автомобиле... «Совершенно очевидно, что такой неожиданный и краткий приезд в Москву был специально санкционированной где-то в верхах оплаченной командировкой по доставке статьи» [2, с.169]⁶.

В результате Ю. Любимов разрешения на приезд в Париж не получил. И тогда – впервые в истории франко-советских отношений – директор французской оперы объявил о разрыве сношений с Советским Союзом, махнув рукой на 131 тысячу долларов, потраченных на постановку «Пиковой дамы» и не пожелав взять любого другого режиссера, обещанного Москвой... Разразился скандал с международным участием [6].

На основании самых разнообразных документов, поступавших тогда в Отдел культуры ЦК КПСС [13, ф.5, оп.75, д.411, лл.1–68], возможно не только восстановить канву событий, но и исследовать некоторые особенности поведения в этих обстоятельствах художников и представителей власти. В конфликт постепенно включались новые лица, сторонники и противники Ю. Любимова и самой идеи творческой интерпретации классики. К решению вопроса подключились заинтересованные ведомства от Министерства культуры СССР до КГБ при СМ СССР.

Авторы и непосредственные участники проекта Ю. П. Любимов, Г. Н. Рождественский, А. Г. Шнитке попытались объяснить власти свою позицию, смысл художественной затеи и защитить свою эстетику. В совместном письме от 14 марта 1978 г. в ЦК КПСС они, соглашаясь с тем, что «классику действительно нельзя искажать», напоминали партийным руководителям: «...ведь архитектура и живопись требуют консервации и наблюдения, музыка же и театр нуждаются в живой интерпретации» [13, ф.5, оп.75, д.411, л.6].

В тексте буклета к постановке А. Шнитке писал: «Как и всякое искусство, догоняя реальность в бесконечном стремлении к достоверности, опера в своем развитии отбрасывает одну условность за другой. Но именно вчерашние достижения реализма, из реальности почерпнутые и такие жизнеподобные, сегодня каждый раз оказываются более лживыми, чем давно узаконенные условные приемы. Ибо вместе с ними в искусство проникает опасность натурализма, то есть внешнего реализма <...> Конечно, было бы недопустимо переделывать нотный текст, оставленный нам великим композитором. Но интерпретировать этот текст можно. Время от времени

⁶ Некрасива сама история знакомства А.Жюрайтиса с партитурой: А. Шнитке вспоминал, что *оставил клавир в библиотеке оперы и на его основании Жюрайтис и написал статью*. М.Геллер сообщал, что А.Жюрайтис, дирижирующий в настоящее время в Париже советской постановкой, *без разрешения* заглянул в партитуру.

жизнеспособность какого-то явления искусства подвергается сомнению <...> Сегодня опасность левонигилистического наступления на оперу как жанр уже миновала – но тем реальнее опасность реставрации устаревших оперных канонов и ностальгической догматизации некоторых абсурдных условностей «реалистической» оперы. Сейчас, когда на жизнь оперы никто не покушается, она, как никогда, нуждается в новом развитии, критической переоценке некоторых результатов прежнего развития» [2, с.174, 176].

15 марта Ю. П. Любимов как руководитель постановки обратился к К. У. Черненко. Он продолжал аргументированно защищать свою версию оперы, ссылаясь на суждения самого П. И. Чайковского. Тон его письма наступательный: «Я ведь еще и не приступал к постановке оперы, но уже оскорблен и осужден» [13, ф.5, оп.75, д.411, л.9], с использованием, казалось бы, надежных приемов политической риторики тех лет: «В данном случае речь идет о компрометации меня всвязи с деятельностью по *материализации разрядки*. Зачем на весь мир кричать о мнимых покушениях на П. И. Чайковского, когда речь идет, прежде всего, о том, чтобы осуществить успешную постановку оперы и других мероприятий *культурного обмена, а не помогать противникам разрядки*» [ор. cit.].

Власть меняла внешнеполитический курс, сворачивала «разрядку», сторонники разрядки виделись некоторым представителям власти как прозападники, космополиты, защитники либеральных ценностей буржуазного мира и т. п. От «разрядки» недалеко было и до «конвергенции». Власть находила поддержку внутри страны у «почвенников». Сильное государство пыталось демонстрировать силу не только во внешней, но и внутренней политике.

Тем более, что западный мир демонстрировал поддержку Ю. Любимову и недоумевал по поводу отмены намечавшейся постановки оперы «Пиковая дама» в Парижском оперном театре. Среди представленных в ЦК КПСС откликов зарубежной прессы есть текст под заголовком «Любимов запрещен» из журнала «Авангард», органа Французской коммунистической партии, за 12–18 апреля 1978 года. Его авторы справедливо полагали, что «...недопустимо, когда государство выступает арбитром в *эстетических* дебатах» [ор. cit., л.64].

Власть вела свои дебаты, определив художественной интеллигенции роль идеологического помощника.

Следующим шагом, предпринятым в такой обстановке Ю. Любимовым, стало его письмо непосредственно к Л. И. Брежневу с обязательными, поистине – ритуальными, вступительными словами: «В трудные дни обращался я к Вам и всегда находил понимание и поддержку...» [ор. cit., л.36–37]. В ответ сотрудники Отдела культуры собирали письма, поступившие в поддержку А. Жюрайтиса, с обличением авторов проекта. Среди авторов подобных протестов против «новаторства» Ю. Любимова например, режиссер-стажер Малого театра Г. Е. Примаков, ушедший из театра на Таганке в 1973 году, и теперь пытавшийся свести прежние счеты [ор. cit., л.48–50]. В историю втягивались живые родственники классика. Так, нельзя не обратить внимания на письмо внучатой племянницы П. И. Чайковского К. Давыдовой со словами: «великой благодарности» А. Жюрайтису [ор. cit., л.45–47].

С помощью сотрудников органов госбезопасности уже 20 марта 1978 года партийные чиновники знали о неофициальной «реакции художественной интеллигенции на письмо дирижера А. Жюрайтиса». В целом ЦК КПСС получил своеобразное подтверждение правильности выбранной линии. «Подобный разговор по сбережению русской классической культуры созрел давно», – одобрял курс режиссер С. Бондарчук и был осторожен в оценках авторов проекта. Дирижер ГАБТ Ю. Симонов упрекнул Ю. Любимова в саморекламе. Аналогичное мнение высказывали, согласно

справке КГБ при СМ СССР, композиторы Б. Чайковский, М. Вайнберг, музыковед И. Нестьев. В то же время автор справки предупреждал партийных чиновников о солидарности с Ю. П. Любимовым ряда представителей творческой интеллигенции страны, оговорив их принадлежность к «ближнему окружению» режиссера, обратив особое внимание на поддержку академика П. Л. Капицы [op. cit., л.32–33].

Главная информация к размышлению, по мнению сотрудников КГБ, состояла в том, что даже не разделявшие эстетику Ю. Любимова художники (музыковед Л. Гинзбург, композитор М. Мильман, режиссер В. Чичко) не приняли *тон разговора* власти с художественной интеллигенцией, методы решения подобных вопросов. Они опасались, что «подобный тон в критике отдельных представителей творческой интеллигенции может утвердиться» [op. cit., л.33]. Все это слишком напоминало интеллигенции о возвращении в повседневную практику политических компаний против формалистов в музыке, авангардистов в изобразительном искусстве и других инакотворящих художников.

Вероятно, после знакомства с «откликами», 22 марта 1978 года, министр культуры СССР П. Н. Демичев сообщил в ЦК КПСС о принятых и предполагаемых им мерах, а именно о решении «...сообщить дирекции парижской Гранд-опера, что Министерство культуры СССР не может согласиться с продолжением работы над постановкой и дать согласие на заключение соответствующего контракта между Госконцертом и Гранд-опера», так как осуществление режиссерского замысла Ю. П. Любимова ведет к серьезным нарушениям авторской редакции оперы П. И. Чайковского» [op. cit., л.37]. П. Н. Демичев объяснил резкость своих действий тем, что «...Министерство не может не учитывать *мнение советской художественной общественности*» [op. cit.].

Но дело в том, что мнения советской художественной общественности, как мы видели, разделились, и определенная ее часть увидела в *частных* претензиях к постановщикам «Пиковой дамы» *государственную* линию на ограничение любых попыток интерпретации, а значит, творческого развития традиций отечественной культуры. В связи с тем, что кампания начиналась под лозунгом защиты *русской* классики, возникла опасность нового витка борьбы с космополитизмом и «безродными космополитами» на государственном уровне. Вот почему П. Н. Демичев в своей записке предпочел заявить о «...стабильности курса КПСС в отношении художественной интеллигенции и предложил перевести дискуссию по существу вопроса в область идейно-творческую в *профессиональной* среде», имея в виду при этом необходимость не дать никаких возможностей истолковать конкретную критику конкретной работы как «изменение курса», министр рекомендовал: «...разъяснить и популяризировать принципы подхода партии и Советского государства к проблемам социалистического искусства, отношения художественной интеллигенции, сформулированные в Отчетном докладе Л.И. Брежнева – XXV съезду КПСС» [op. cit.].

При этом несколько диссонансом и цинично звучало указание министра культуры П. Н. Демичева «*не применять санкций*» к участникам проекта. Запрет свободного творчества в советском государстве санкцией, видимо, не считался.

Действительно, в конце 1970-х годов власть уже не стеснялась силовых приемов, предпочтя запрет другим методам управления культурой. Однако, считаем, что подобные действия (ситуации с «Метрополем», «Пиковой дамой» и др.) были проявлением не силы, а слабости власти, и объяснялись скорее ее боязнью допустить «другое искусство» в официальное пространство по причине неумения, неготовности, неспособности вести с ее творцами диалог, что усугублялось особым отношением власти в лице ее чиновников к художникам, изначально не предполагавшим уважение равных. К этому примешивался интуитивный страх нового, незнакомой и не-

понятной культуры, срабатывал инстинкт самосохранения. В своем автобиографическом романе В. Ерофеев вспоминает реплику М. Зимины, обращенную к отцу писателя по поводу «Метрополя»: «Ты понимаешь, что с этого начинается Чехословакия?» [7, с.350–354].

Ситуации запрещения творческих инициатив художественной интеллигенции интересны и показательны почти идеальной четкостью работы и согласованностью всех звеньев советской системы: ЦК КПСС собирал и анализировал информацию, после чего выносил окончательное решение; КГБ при СМ СССР предоставлял секретную информацию о настроениях в среде художников; Главное управление по охране государственных тайн в печати составляло справки содержания материалов зарубежной печати; Министр культуры СССР рассказывал об уже принятых экстренных мерах и т. д. (в случае с «Пиковой дамой»); *творческий союз* приводил в действие *партийное* решение (в случае с Метрополем); определенная часть художественной интеллигенции не соглашалась с репрессивными мерами и писала письма-протесты; казалось бы, механизм советской власти работал безотказно, но... малоэффективно. Критические ситуации демонстрировали не просто погрешности в системе – власть, в первую очередь ЦК КПСС, утрачивала стратегическую роль.

Ситуация, связанная с запретом реализации проекта постановки «Пиковой дамы», публично подтвердила *особое* внимание партийно-государственного руководства к проблемам «русской культуры». Эта история проявила некоторые существенные черты взаимоотношений власти и художественной интеллигенции на этапе позднего социализма.

Власть по-прежнему использовала разногласия интеллигенции (художественные, мировоззренческие, личностные и др.) в своих интересах; по-прежнему находились представители художественной интеллигенции, готовые откликнуться и поддержать власть (искренне или цинично) в ее начинаниях, даже таких двусмысленных.

Но, по всей видимости, можно говорить и о более конструктивных ситуациях отношения власти к национальным проблемам в культуре. В архиве Отдела культуры ЦК КПСС нами обнаружен весьма любопытный документ практически того же времени – 1978 года: итоговая справка по письму М. Шолохова [13, ф.89, оп.16, д.16, лл.3–17]. Из документа известно, что М. А. Шолохов обратился к власти с требованием *защитить русскую культуру*. Письмо советского классика было удостоено самого серьезного и высокого внимания: в составе комиссии высшие государственные деятели, руководители творческих союзов – П. Демичев, И. Капитонов, Е. Тяжельников, В. Шауро, Г. Марков, В. Кочемасов). М. А. Шолохов высказывал мнение о положении русской культуры, обращал внимание на некоторые проявления *пренебрежительного* отношения к историческому и культурному наследию России. Теперь авторитетная комиссия демонстрировала свое отношение к суждениям о «пренебрежительном отношении к русской культуре».

Текст позволяет определить логику авторов, показывает противоречивость их «суждений» и демонстрирует желание власти придерживаться срединной позиции. Анализ современной культурной ситуации, предпринятый авторами документа, должен был демонстрировать успешное развитие именно *русской* культуры в 1970 годы, несмотря на проблемы, существование которых авторы также признают (медленный процесс реставрации памятников древнерусской архитектуры, некоторая неравномерность в развитии советской культуры в современных условиях, а именно – неравные возможности РСФСР по сравнению с другими национальными республиками в издательствах, литературно-художественных журналах, на телевидении; сложность решения вопросов, связанных с присуждением почетных званий *деятелям культуры и искусства РСФСР* и др.). В Справке затронут даже вопрос церков-

ной истории России – авторы признают необходимость ее изучения и открытия читателю, зрителю. Особая ответственность за правильные представления обществу об истории национальной культуры, в первую очередь – дореволюционной, возлагалась на историков, искусствоведов.

Можно предположить, что власть на практике (в ситуации подобной «Пиковой даме») осознала непредсказуемость последствий развязывания политических кампаний по защите русской культуры, неадекватность реакций образованной общественности и др. Поэтому авторы осторожно оговорили: «...думается, что неверно было бы видеть в каждом неудачном произведении покушение на ту или иную национальную культуру в целом. Это относится и к кинофильму «Как царь Петр арапа женил». Фильм, конечно, не отвечает высоким идейным и художественным критериям, однако *неправомерно оценивать его и как злонамеренную антирусскую диверсию*».

Таким образом, авторитетные авторы справки предложили не создавать прецедента из «письма Шолохова», не начинать, в очередной раз, поиски «врагов русского народа», «русской национальной идеи» и т. д., а в заключение пришли к выводу «о нецелесообразности принимать особое постановление по вопросам, поставленным в письме М. А. Шолохова».

Однако, учитывая «активизацию идеологической борьбы вокруг проблем культуры на международной арене», и без сомнения – общественные настроения, в первую очередь, в среде художественной интеллигенции, хорошо осознавая ее роль в формировании общественного сознания и т. д., комиссия высказала ряд предложений, которые в совокупности составили суть государственной целенаправленной поддержки русской национальной культуры, несмотря на обязательные, почти ритуальные заявления комиссии о том, что «...политика партии обеспечивает расцвет культур всех братских республик, усиление плодотворных процессов их взаимообогащения».

Власть апробировала и отказалась от дальнейшего развития «нового курса», который мог обернуться очередной кампанией «борьбы с космополитизмом»⁷.

И все-таки, есть основание говорить о наличии в 1970-е годы внутри ЦК КПСС, у некоторых членов этого руководящего партийного органа, националистических настроений. При все еще закрытых секретных документах Политбюро и Секретариата ЦК КПСС представления о внутренних процессах во власти, ее мотивациях, расстановке сил, можно составить только на основании косвенных свидетельств (периодическая печать, литературно-художественные журналы, интервью и др.). Однако тот же Н. Митрохин убежден не только в националистических настроениях М. Зимянина, Д. Полянского, В. Воронцова и др., но активной поддержке (нередко лоббировании) ими на высшем уровне некоторых форм проявления национализма в художественной культуре.

Национальная идея, изначально объединительная по своей прогрессивной сути, причудливо трансформировалась в сознании советской художественной интеллигенции и спровоцировала очередное ее внутреннее размежевание. Некоторые деятели отечественной литературы и искусства, искренне переживавшие за судьбу культуры, увидели в *русской идее*, в первую очередь, надежду на государственную поддержку *русской национальной культуры*. Другие справедливо опасались русского национализма, возведенного в принцип государственной политики в многонациональной стране.

⁷ Н.Митрохин считает, что отпор национализму был дан дважды в исследуемый период: в 1972 и 1982 году)

Сложно определить точно, насколько власть была самостоятельна при инициировании «нового курса». Есть основания предполагать, что власть учла рост популярности в обществе, влияние на общественное сознание современников произведений художников соответствовавших взглядов, убеждений и др. Безусловно, в них не было откровенной пропаганды национализма, тем более, великорусского шовинизма, но скрытые намеки и сожаления по утрате былого прочитывались (от романов В. Пикуля до картин И. Глазунова); с известной долей условности к советским «славянофилам» можно отнести писателей-деревенщиков 1970-х годов и др. Но из сказанного выше следует, что именно власть предложила художественной интеллигенции свои методы борьбы за чистоту русской культуры.

Список использованной литературы

1. **Алексеева Л.** История инакомыслия в СССР. N-У: Хроника-пресс, 1984.
2. Беседы с Альфредом Шнитке. М., Классика ХХ, 2003.
3. **Бордюгов Г.** Сталинская интеллигенция: О некоторых смыслах и формах ее социального поведения // Кулиса НГ №6, 6 апреля 2001.
4. **Вайль П., Генис А.** 60-е: Мир советского человека. М.: НЛЮ, 2001
5. **Восленский М.** Номенклатура М.: МП «Октябрь», «Советская Россия», 1991.
6. **Геллер М.** Российские заметки 1969–79 М., 1999.
7. **Ерофеев В.** Хороший Сталин. Роман. М.: Зебра Е, 2004.
8. **Зорин Л.** Авансцена. Мемуарный роман. М.: Слово/Slovo, 1997.
9. **Кречмар Д.** Политика и культура при Брежнев, Андропове и Черненко. 1970–85 гг. М.: АИРО-ХХ, 1977.
10. **Митрохин Н.** Русская партия: Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2003.
11. **Пихоя Р.** Советский союз: история власти. 1945–91. Издание второе, исправленное и дополненное. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000.
12. Правда, 1978, 11 марта.
13. РГАНИ, ф.5, оп. 76, д.288, л.9
14. Семидесятые как предмет истории русской культуры. Россия-Russia. М. Венеция, 1998.
15. **Эггилинг В.** Политика и культура при Хрущеве и Брежнев. 1953–70, М.: АИРО-ХХ, 1999.

Д.В. Самотовинский

МОСКОВИЯ ГЛАЗАМИ ФРАНЦУЗСКОГО ГУМАНИСТА XVI ВЕКА ЛУИ ЛЕ РУА

В данной статье рассматривается образ Московского государства, запечатленный в трудах Луи Ле Руа, одного из видных французских гуманистов XVI в. Изучаются конфессиональный и политический аспекты восприятия Московии, представление о ее месте в мировой истории. Сведения Ле Руа о России, будучи по своему характеру вторичными, представляют интерес, прежде всего, как отражение авторского видения исторических реалий.

Луи Ле Руа (1510–1577), французский гуманист, переводчик с древнегреческого, родился в норманнском городке Кутанс, в небогатой и незнатной семье, но, не смотря на это, сумел благодаря таланту и везению приобрести знание древнегреческого и латинского языков, античной культуры в Коллегии королевских лекторов (будущий Коллеж де Франс), учрежденной Франциском I. Затем изучал право в университете Тулузы.

Перу Ле Руа принадлежит ряд переводов с древнегреческого (Платона, Аристотеля, Демосфена, Исократа и др.) и оригинальных сочинений по вопросам политики, религии, истории, актуальным для Франции XVI столетия.

Московское государство никогда не было в центре внимания гуманиста, но, тем не менее, в ряде его сочинений информация о нем содержится. Прежде всего, речь идет о наиболее известном труде гуманиста, который, по обычаю того времени, имел длинное название: «О превратности, или разнообразии вещей во вселенной, и о согласованности воинских деяний и наук⁸ у первых и самых славных народов мира, начиная с тех времен, когда возникли гражданские нравы и человеческая память, до настоящего времени» (1575) [2]. В этом труде Ле Руа посвящает Московии целый пассаж, содержащий краткое описание страны. Отдельные упоминания о «монархии Московита» содержатся в сочинении «Рассуждение о французской и всеобщей истории этого времени» (1567) [3], а также в труде «О смутах и раздорах, происходящих между людьми из-за различия религий» (1562) [4].

Источники позволяют нам судить о различных аспектах восприятия Московского государства французским гуманистом. Один из этих аспектов – конфессиональный: Московия была православным государством, а религиозные границы для большинства европейцев XVI в. были весьма значимы.

Находясь в лоне католической церкви, Ле Руа не проявляет негативного отношения к Московии как православному государству. Это связано с особым отношением гуманиста к религии. Следуя традиции итальянских гуманистов, в частности учению Фичино, Ле Руа считал, что даже те религии, которые не покоятся на «откровении» (соответственно, квалифицируются как «человеческие»), все же несут в себе зерно истины. У всех народов, несмотря на различия в «способе поклоняться Богу», есть ряд общих религиозных верований и норм, проистекающих из естественной религиозности, присущей человеку как таковому. Прежде всего, это почитание единого Бога-творца, пусть и под разными именами, и различными способами: «Ведь, хотя большая часть [людей] не знает, какого Бога и как следует почитать, все, однако, едины в том, что следует чтить, бояться и молить одного Бога, создателя всех вещей, – того, который признается не только у первых и самых древних народов, таких как эфиопы, индийцы, армяне, халдеи, евреи, ассирийцы, египтяне, греки, римляне, галлы, но также у готов, вандалов, сарацин, татар, турок, персов, катайцев, или китайцев, и не только в нашем полушарии, но также у антиподов и дикарей недавно открытых земель, о которых ничего прежде не было известно» [2, с.104].

Ле Руа не принимает присущей сознанию большинства европейского общества традиционной дихотомии единственно истинной религии откровения и всех остальных исповеданий, воспринимаемых как абсолютно ложные и противные Богу. Подчеркивая, что христианская вера, полученная от самого Иисуса Христа, есть единственная «истинная и чистая», он отказывается от ее абсолютного противопоставления иным религиям как ложным и богопротивным. Если ислам турок представлялся гуманисту как религия, содержащее в себе зерно истины и в определенной ме-

⁸ о согласованности воинских деяний и наук... – Речь идет о существовании военного дела, могущества, с одной стороны, и культуры, с другой, в едином ритме: они совместно расцветают и совместно угасают.

ре угодная Богу, то православие, имеющее библейскую основу, не могло быть для него отклонением от истины. Говоря о торжестве христианства на земном шаре, Ле Руа отмечал, что оно достигло в настоящее время не только удаленных уголков Старого и Нового Света, но и «окраинных народов Севера, благодаря шведам и москвитам» [4, с.6]. Католицизм, распространяемый шведами, и православие, проповедуемое москвитами, ставятся здесь в один ряд; признание общей сути христианских вероисповеданий делает различия в «способе поклоняться Богу» несущественными.

Наши источники позволяют понять и то место, которое Ле Руа определял для Московии во всемирной истории. В сочинении «О превратности» содержится краткое описание Московии, как бы мы сказали, во всемирно-историческом контексте.

История человечества представлялась Ле Руа в виде череды так называемых «героических веков» (*l'aage Heroïque*) – периодов, когда наивысшего расцвета одновременно достигали культура (*la sarpience, les letters*) и военное могущество (*la puis-sance, les armes*) [1]. В эти эпохи рождались как выдающиеся правители, полководцы, так и выдающиеся ученые, художники; совершались как великие завоевания, так и великие изобретения, открытия, создавались шедевры литературы и искусства. Иными словами, максимально полно реализовывались человеческие потенции. Ле Руа, по сути, развил концепцию тройственного деления истории (на древнюю, среднюю и современную), созданную итальянскими гуманистами, в основе которой лежал критерий человеческих достижений. Согласно Ле Руа, «могущество и мудрость» достигли своих вершин у «первых и самых славных народов мира» – древних египтян, затем у ассирийцев, персов, греков, римлян, арабов и, наконец, в «этот век» (*ceste aage*) – современную эпоху.

На современном «героическом веке», в контексте которого автор рассматривает Московию, следует остановиться подробнее⁹. Критерием «героического века» для Ле Руа, как мы уже говорили, является расцвет в определенный промежуток времени культуры и военного могущества. Культурные достижения современности отождествляются автором с расцветом «наук и искусств» «на Западе за последние два столетия» – у итальянцев, французов, немцев, фламандцев, англичан, шотландцев, поляков, венгров, испанцев; он начался с деятельности Франческо Петрарки. Расцвет могущества отождествляется Ле Руа с военной силой и военно-политическими достижениями татар, держав турок, мамлюков, Сефевидов, китайцев, москвитов и др. Сильнейшей на данный момент Ле Руа признает Турецкую державу, уделяя ей основное внимание. Московия занимает место в ряду остальных. Ее описание мы приводим здесь почти полностью: «Также есть великий князь, или герцог, Московии, преобладающий землевладелец на Севере...; и он владеет бесчисленными народами, провинциями, герцогствами, княжествами, каковые императоры Московии стяжали одно за другим посредством оружия или иными способами, кои время от времени были являемы, как-то: Владимир, Новгород, Псков, Смоленск, Тверь (*Tuner*)¹⁰, Югра, Пермь, Вятка, Белгород, Новгород, нижний Чернигов¹¹, Ржев (*Rozar*), Вологда, Рязань, Ростов, Казань, Астрахань и другие, каковые докучно произносить из-за грубости названий. Говорят, что из всех этих сеньорий есть семь главных, от каковых он может брать, когда надобно, семьсот тысяч воинов – все

⁹ Современности посвящены X и XI, отчасти IX книга сочинения «О превратности», а также фрагмент труда «Рассуждение» (*Le Roy L. Consideration... с. 17–18*).

¹⁰ В некоторых случаях расшифровка топонимов может быть спорной.

¹¹ ...*Новгород, нижний Чернигов...* – В тексте ошибка: имелись в виду Нижний Новгород и Чернигов.

конные, а именно: от Пскова – сто тысяч, от Новгорода – сто тысяч, от Твери – сто тысяч, каковые суть три самые великие сеньории из тех, что есть. От Смоленска, герцогства, отобранного у короля Польши, – другие сто тысяч, и сто тысяч от герцогства Московского, где расположен великий град Москва, местопребывание государя. Пределы его империи заходят далеко в Азию, вплоть до Каспийского моря, приближаясь к владениям Сефевидов¹². И выиграв сражение с королем Швеции, он вторгся в земли Ливонии, где с той стороны берет начало Германия, и завоевал Ригу и Ревель, два больших города, принадлежащих магистру-герцогу и тевтонским рыцарям¹³. Он превзошел в жестокости и непрерываемости повелений всех монархов мира, обретя такую власть над своими подданными, духовными и светскими, что может располагать по своему изволению их жизнями и имуществом, без того, чтобы кто-то осмелился ему перечить по какому-либо поводу. Они открыто провозглашают, что воля государя есть воля Бога, и все, что он совершает, он совершает согласно божественному провидению. Тем не менее, его называют ключником (*porteclef*) рая и постельничим (*chambellan*) Бога, исполнителем его воли. По этой причине он стал столь могущественен спустя некоторое время, что все его соседи, как-то: татары, шведы, поляки, ливонцы, даже сами турки, его опасаются» [2, с.360–361].

Описание Московии построено в целом стандартно и имеет характерную и для других описаний цель – продемонстрировать могущество державы. Цель достигается за счет наличия в описании следующих элементов: длинного и подчеркнуто незавершенного перечня владений московского князя; демонстрации военных возможностей правителя (может собрать 700 тыс. воинов и т. д.); сведений о его взаимоотношениях с соседями (успешная война со шведами и Ливонским орденом, опасливое отношение даже со стороны самого сильного государства – Турции!).

Немаловажно, что московские правители называются «императорами». Термины «император», «империя» у Ле Руа, как и его современников, не всегда однозначны. Так, называя императором верховного правителя Священной Римской империи германской нации Карла V [3, с.7], Ле Руа указывал на титул. Называя Турецкую державу и государство Сефевидов «империями» [2, с.6–7], гуманист, видимо, подчеркивал их могущество и политический статус. В случае с Московией могло иметь значение и то обстоятельство, что титул «царь», употребляемый уже Иваном III и утвердившийся при Иване IV, воспринимался в России, а зачастую и в Европе, как аналог императорского титула. Во всяком случае, называя московских правителей «императорами», Ле Руа подчеркивал их высокий статус на мировой арене.

Приведенный пассаж показывает, что Московия была в глазах гуманиста государством, в котором неограниченность верховной власти была доведена до предела (московский правитель «превзошел» в этом «всех монархов мира!»). Ле Руа был сторонником сильной монархии (XVI век – век зарождения и становления абсолютизма во Франции), но, конечно, никогда не имел в виду свободу правителя по своему капризу располагать «жизнями и имуществом» подданных, не имеющих права даже на малейшее недовольство. Чуждо для гуманиста и отождествление монаршей воли с волей Бога, хотя он и признает, что это настолько укрепило власть московского правителя, что его держава стала одной из могущественнейших в мире.

Итак, подводя итоги, следует отметить, что на восприятии гуманистом Московии не сказался конфессиональный фактор: будучи по вероисповеданию католиком, Ле Руа лоялен к православному государству, что обусловлено особенностями

¹² Имеется в виду Иранская (персидская) держава династии Сефевидов.

¹³ Упомянуты события Ливонской войны (1558 – 1583), начатой Иваном IV. Рига и Ревель не были взяты русскими войсками.

его религиозного сознания, имеющего ренессансную природу. Определяющую роль в оценке Московского государства сыграли иные критерии: Ле Руа включает «московитов» в число «первых и самых славных народов мира» по признаку «могущества». Конечно, речь не идет о помещении Московии в один ряд с Римской империей, Арабским халифатом и т. п., современная Османская империя также ставится гуманистом выше «монархии Московита». Тем не менее, Московия для Ле Руа – одна из сильнейших и крупнейших современных держав, заставившая соседей себя опасаться (даже «Империю турок»!). В то же время Московия в глазах Ле Руа – образец деспотического правления, основанного на сакрализации личности монарха. Гуманист признает, что именно неограниченность власти монарха обеспечила могущество государства, но бесправие подданных вряд ли является приемлемым для мыслителя, сформировавшегося в рамках западноевропейской политической традиции.

Список использованной литературы

1. Об исторической концепции Луи Ле Руа см.: Барг М.А. Эпохи и идеи: Становление историзма. М., 1987; Gunderscheimer W. L. The Life and Works of Louis Le Roy. Geneva, 1967; Glomp A. Studien zum Weltbild Louis Le Roys. Marburg, 1966; Huppert G. The Idea of Perfect History: Historical Erudition and Historical Philosophy in Renaissance France. Urbana, 1970; Dubois C.–G. La conception de l'histoire en France au XVI-e siècle (1510–1610). Paris, 1977.
2. De la vicissitude ou variété des choses en l'univers, et concurrence des armes et des lettres par les premieres et plus illustres nations du monde, depuis le temps où a commencé la civilité, et memoire humaine jusques à present. Мы воспользовались современным изданием (Paris, 1988).
3. **Le Roy L.** Consideration sur l'histoire françoise et universelle de ce temps, dont les merveilles sont succinctement recitées. Paris, 1588.
4. **Le Roy L.** Des troubles et differens advenans entre les hommes par la diversité des religions. Lyon, 1568.

Е.Б. Соснина

И.В. ЦВЕТАЕВ И ДЖ. КАРДУЧЧИ: ИСТОРИЯ ОДНОЙ ВСТРЕЧИ

В 1926 г. в Париже Марина Цветаева, размышляя над автобиографией, писала о своем отце, профессоре И.В. Цветаеве: «Отец – сын священника Владимирской губернии, европейский филолог (его исследование «Осские надписи» и ряд других), доктор honoris causa Болонского университета, профессор истории искусств сначала в Киевском, затем в Московском университетах, директор Румянцевского музея, основатель, вдохновитель и единоличный собиратель первого в России музея изящных искусств...» [9, IV, с.621]. А в очерке, посвященном созданию вышеназванного музея им. Императора Александра III, она обмолвилась: «Отец языки знал отлично, но, как самоучка, и пища и говоря, именно переводил с русского. Кроме итальянского, который знал как родной и на котором долгие годы молодости читал в Болонском университете» [9, V, с.160].

Цветаева в юности не интересовалась подробностями научной деятельности своего отца. В 21 год она осталась без отца. А после его смерти ей уже негде было

узнать все эти тонкости, особенно находясь в эмиграции. Поэтому, говоря о его звании почетного доктора Болонского университета, она ошибочно полагала, что он читал там лекции в молодые годы.

Однако в свои молодые годы в Италии И.В. Цветаев был занят отнюдь не университетами, а полевыми исследованиями, бывая в местах археологических раскопок, посещая частные и общественные музейные собрания античных предметов с надписями на осском, пелигнском, фалисском, самнитском и прочих древних языках. Его исследования в области латинской эпиграфики, проходившие на территории южных и отчасти центральных провинций Италии (Campania, Abruzzo, Lazio, Umbria) [3], оформившиеся в ряд трудов [7] на русском и латинских языках, составили его славу ученого европейского масштаба. Именно эти труды стали заслугой Цветаева, за которую он и был удостоен звания почетного доктора Болонского университета в год его 800-летнего юбилея.

Юбилейные торжества в Болонье 8–14 июня 1888 г. подробно описаны Цветаевым в очерке «Письма из Болоньи» [5] («Русский вестник», 1888 г., 197–198). Очерк состоит из трех частей: две первые посвящены истории возникновения и становления Болонского университета, его развитию и внутреннему устройству в эпоху средневековья. Третья часть посвящена собственно торжественной церемонии в присутствии королевской четы и многочисленных гостей-ученых из разных стран Европы.

Одной из центральных фигур в этом повествовании является яркая, восторженно поданная фигура Джозуэ Кардуччи. Цветаев писал о нем: «На ораторскую трибуну входит один из профессоров Болонского университета, лет 50 с небольшим, среднего роста, но коренастый и плотный, с лицом, которое никак нельзя назвать красивым в обыкновенном смысле, по наружности это – мирный и себе довлеющий буржуа. Но едва встал он на своем месте, не успел произнести еще ни одного слова, как поднялась во всех концах залы целая и долго, долго не смолкавшая буря восторженных возгласов и рукоплесканий. Это была всеобщая овация, в которой принимали одинаковое участие все возрасты, представители всех собравшихся здесь классов, в которой не отставали от мужчин и дамы, и девушки, наполнявшие верхние ложи галерей. Этот, доколе не произнеслось еще ни одного звука, оратор был Джозуэ Кардуччи, первый поэт современной Италии, справедливая гордость и слава итальянцев и решительный кумир Болоньи. Его высоким авторитетом между профессорами объясняется и тот факт, что честь произнесения публичной речи в этот знаменательный момент выпала ему, не юристу по специальности, как бы того требовала тема речи и сущность дела, а историку отечественной литературы. От этой чести сколько он ни отговаривался, как человек, которому юридические студии были совершенно чужды, но университет настоял на своем. Он должен был починиться общему приговору, запереться на долгое время в кабинете, углубиться в новую для него область изучения старинной юридической науки. Прославившей высшую школу Болоньи. И как человек богато одаренный, как великий мастер публичного слова, Джозуэ Кардуччи вышел победителем из этого почетного затруднения» [8, с.230–231].

Очевидно, что обстоятельства подготовки этой речи Цветаев мог узнать только в частной беседе с Кардуччи. Вероятно, слушая историю Болонского университета, изложенную в этом докладе, Цветаев был особенно заинтересован еще и потому, что накануне, в 1887–88 г.г. он начал публиковать ряд научных статей по истории античного римского образования, начиная с грамматических школ, позднее закончил высшими и школами риториков. [6]. Можно предположить, что это и был повод для личного знакомства. И, несмотря на праздничную суматоху, царившую в те дни в Болонье, он все же нашел возможность лично побеседовать с Кардуччи и по-

просить у него копию его речи для работы над своим очерком, а также и источник, который тот использовал при подготовке текста.

В Рукописном отделе ГМИИ им. А.С. Пушкина в фонде И. В. Цветаева сохранилась записка Джозуэ Кардуччи от 19 июня 1888 г., которая раскрывает предмет их разговора. Кардуччи писал Цветаеву: «Уважаемый синьор и коллега, Вы просили прислать Вам скорее два тома Савиньи. Я направил также копию речи, но экспедитор (видел его сегодня), думаю, уже отослал ее в Москву. Подготовлю для Вас лучший вариант <речи>, если Вы будете здесь еще два дня. Крепко жму Вашу руку, с почтением, сердечно и искренне Ваш, Джозуэ Кардуччи» [4].

Два тома Савиньи, упомянутые в записке Дж. Кардуччи, и на которые впоследствии сошлется И.В. Цветаев во второй части своего очерка «Письма из Болоньи», – это «История римского права в средние века» (*Geschichte Romischen Rechts im Mittelalter*, в 6 томах, 1815–31). Именно на эти книги опирался Кардуччи, работая над докладом. Цветаев тоже познакомился с ними.

Фридрих-Карл фон Савиньи (*von Savigny*) (1779–1861) был знаменитым немецким юристом, основателем исторической школы права. С 1800 г. он преподавал в Марбургском университете уголовное и римское право. В 1810 году он становится заведующим кафедрой во вновь основанном берлинском университете, а с 1812 г. – ректором. Его знаменитый труд «История римского права в средние века» был отмечен ясностью изложения, богатством фактического материала, законченностью и полнотой частных выводов. Савиньи с замечательным искусством разбирался в противоречиях римских источников и давал общую схему догматических воззрений. В 1842 г. Савиньи возглавил министерство законодательства Пруссии, программа деятельности которого, составленная Савиньи, была одобрена только что вступившим на престол его учеником – королем Фридрихом-Вильгельмом IV.

Следует отметить, что среди знаменитых учеников Савиньи также имена Карла Маркса и русского историка Тимофея Грановского (учились одновременно в берлинском университете в 1836–37 гг.). Идеи Савиньи излагал в своих лекциях профессор римского права Московского университета Н. И. Крылов. Эти лекции с благодарностью вспоминал его ученик профессор Ф. И. Буслаев. Труды Савиньи в разное время в России изучали писатель А. И. Герцен, политический деятель А. И. Кошелев, профессор П. Г. Редкин, профессор Б. Н. Чичерин и многие другие. Перспективы изучения римского права, дающие возможность решать текущие юридические вопросы, не затрагивая связанных с ними политических страстей, определенность предмета изучения в виде избранного круга источников, ясность и простота обобщений и систематики Савиньи, увлекали за ним массу юристов.

Историческая школа права Савиньи лучшими сторонами своей программы оказала большое влияние на юриспруденцию многих стран Европы: Италии, Франции, России и др.

Болонский университет имел в основе своей средневековую школу права и потому знакомство с трудом Савиньи «История римского права...» и для Кардуччи, и для Цветаева было привлекательно именно ценным корпусом источников.

Эта третья командировка И. В. Цветаева в Италию 1888–89 гг. подвела итоги его работы в области латинской эпиграфики. Торжества Болонского юбилея поставили красивую точку в этом направлении его исследовательской деятельности. И хотя он вновь в эти месяцы объехал всю Кампанию и побывал во всех известных ему заповедных местах, связанных с археологическими находками в этом регионе, эта командировка имела конечной целью – посещение Греции и осмотр основных памятников древней архитектуры. В ходе этой командировки он посетил также Лондон (Британский национальный музей) и Париж, где слушал в Сорбонне курс истории

греческой скульптуры адъюнкт-профессора словесного факультета Максима Коллиньюна.

И только после личного знакомства с лучшими памятниками классической скульптуры и архитектуры он счел для себя возможным начать преподавание новой для себя дисциплины – истории античного изобразительного искусства. В 1889 г. Цветаев занимает кафедру теории и истории искусства Московского университета.

И спустя годы Болонский университет не забыл одного из своих почетных докторов. В 1896 г. Цветаев получил приглашение на юбилейные торжества в честь замечательного поэта и профессора Джозуэ Кардуччи. Декан словесного факультета Болонского университета Франческо Бертолини ((1836–1909), состоял деканом с 1894-го по 1909 г.) писал ему 20 января 1896 г.: «Многоуважаемый коллега, имею честь сообщить Вашему Превосходительству, что наш университет готовит празднование по случаю 35-летия преподавательской деятельности и 60-летия со дня рождения Джозуэ Кардуччи. Торжественным моментом празднования будет церемония награждения нашего юбиляра большой золотой медалью. Приглашаем Вас принять участие в нашем академическом университетском празднике, как почетного доктора и нашего коллегу. Если Вы сохранили прежнюю признательность за почет, оказанный Вам, и не изменили своих взглядов.

Примите, уважаемый коллега, выражение моего искреннего и совершеннейшего почтения. Декан Бертолиус» [4, с.272].

Но Цветаев в эти месяцы не мог отлучиться из Москвы. В 1896 г. в правительственных и общественных кругах бурно обсуждался вопрос о выделении земельного участка в центре Москвы под строительство здания Музея изящных искусств. Цветаеву пришлось столкнуться с непониманием и даже с враждебным отношением к этому проекту. После долгих споров было принято решение предоставить под Музей площадку бывшего Колымажного двора близ Кремля.

Вместе с тем, в 1896 г. был объявлен конкурс на лучший архитектурный проект здания Музея, который должен был состояться в Петербурге в Академии Наук в следующем году. Предполагалось, что это будет проект века. Многие знаменитые российские архитекторы хотели принять участие в этом конкурсе, все проекты которого должны были быть представлены широкой публике на обсуждение. Цветаев оказался и здесь в самом центре накала страстей, ибо именно он ставил задачу и диктовал требования к стилистике и архитектурным особенностям будущего здания Музея.

В этих условиях он должен был присутствовать в Москве и в Болонью выехать не мог.

Однако он никогда не забывал своих друзей – итальянских коллег. Цветаев оставался верен дружбе. Даже если был знаком с человеком только один день, как в случае с Антонио Де Нино, их переписка продолжалась 26 лет [2]. Более того, он бережно хранил свою деловую переписку. И потому в его личном фонде сохранились также письма G. De Petra, A. Sogliano, D. De Guidobaldi, A. Faberetti, B.A. Rebecchini, D. Buti Pecci, F. Barnabei, A. Sammito и др.

С Дж. Кардуччи Цветаева роднило служение народному просвещению и многолетняя педагогическая деятельность (и тот, и другой начинали с преподавания греческого языка в гимназии), и беззаветная любовь к античной культуре.

Джозуэ Кардуччи родился 27 июля 1835 г. в Валь ди Каstellо близ Пизы в семье врача. Отец был членом подпольной карбонарской организации и за свои убеждения не раз подвергался преследованиям. От матери Кардуччи унаследовал антиклерикальные взгляды, которые впоследствии переросли у него во враждебное отношение и к папству, и к религии вообще.

В 1856 г. Кардуччи окончил университет в Пизе и преподавал в гимназиях и лицеях во Флоренции. С 1860 г. до последних дней своей жизни (умер в 1907 г.) Кардуччи занимал кафедру классической литературы Болонского университета. Его становление пришлось на бурные годы национального объединения Италии 1860–70 г.г. Он становится республиканцем и единомышленником Дж. Гарибальди. Эти идеи и тема народного просвещения стали содержанием творчества Кардуччи. В молодые годы он слыл даже «митинговым поэтом». «Основной стихией поэзии Кардуччи был революционный протестантизм. Все остальное вытекало отсюда... Редко кто с такой мощью, как Кардуччи, доказал, какой цельной и вместе с тем богатой личностью может быть поэт-трибунал» [1, с.256], – писал о нем впоследствии А.В. Луначарский.

Однако известно, что Цветаев абсолютно сторонился политики и осуждал студенческие волнения в Московском университете, считая, что жизнь улучшается не вследствие криков и выстрелов на баррикадах, а с помощью поголовного образования народа, роста его самосознания и понимания важности правовой базы всех политических перемен. В работе над строительством первого в России Музея классического искусства, создаваемого по его научной концепции, Цветаеву приходилось сотрудничать и с монархией, и с папством, но идея народного просвещения, которой он служил, была для него выше повседневности. Он работал для будущего.

Список использованной литературы

1. **Луначарский А.** Этюды критические. М.: Издательство «ЗиФ», 1925, С.256.
2. Письма А. De Nino хранятся в РО ГМИИ. Ныне опубликованы: Antonio De Nino. Lettere a Ivan Vladimirovic Cvetaev (1880–1906).Castevecchio Subequo, 2002.
3. **Соснина Е.Б.** Итальянские версты Ивана Цветаева. Иваново: Референт, 2001.
4. Рукописный отдел ГМИИ им. А.С. Пушкина, ф.6, оп. I, д. 1396.
5. **Pessina Longo Н.** Lettere da Bologna. Le celebrazioni per l VIII centenario dell universita di Bologna viste da Ivan Cvetaev. Bologna, 1988.
6. **Цветаев И.** Грамматические школы древних римлян // Русский вестник, 1887-88.
Цветаев И. Начальные школы древних римлян // Русский вестник, 1888.
Цветаев И. Высшие школы древних римлян. Школы риторов // Русский вестник, 1893.
Цветаев И. Из жизни высших школ Римской империи. М., 1902.
7. **Цветаев И.** Сборник осских надписей с очерком фонетики, морфологии и глоссарием. Киев, 1877.
Цветаев И. Итальянские надписи // Журнал Министерства народного просвещения, 1882.
Цветаев И. Фалисские надписи //ЖМНП, 1883.
Цветаев И. Пелингские надписи //ЖМНП, 1885.
 Inscriptiones italicæ mediæ dialecticæ ad archetiporum et librorum fidem edidit Iohannes Zvetaieff. – Accedit voluminem tabularum. Lipsiæ inædibus, F.A. Brokhaus, MDCCCLXXXIV. и др.
8. **Цветаев И.** Письма из Болоньи // Русский вестник, 1888, т. 197-198, с. 130–231.
9. **Цветаева М.** Собрание сочинений в 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. т. 4, с. 621.

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА

В статье рассматриваются актуальные вопросы сохранения традиционной народной культуры, русского музыкального народного творчества. Обобщается многолетний опыт проведения всероссийского музыкального фестиваля «Играй, гармонь!», подчеркивается его важность для сохранения культурных традиций.

В XXI веке проблемы сохранения, развития и возрождения традиционной народной культуры приобретают все большую актуальность.

Русское народное музыкальное и хореографическое творчество не устаревает и в современной жизни. Веселые частушки и душевные песни, русские переплясы всегда возвращают нас к истокам национальной культуры. Традиционные танцы и хороводы закружат в вихре озорного веселья, звуки гармошки по-прежнему не оставляют никого равнодушными на семейных праздниках и свадебных торжествах.

Само понятие «традиционная народная культура» используется для обозначения различных форм народного творчества, сложившихся на протяжении многовекового этнического развития. На сегодняшний день, когда исчезают многие элементы традиционной культуры, бесспорной представляется необходимость её научного изучения и сохранения.

В своём творчестве народ отражает свою деятельность, общественный и бытовой уклад, знание жизни и природы, культы и верования. В народном творчестве, сложившемся в ходе общественной трудовой практики, воплощены воззрения, идеалы и стремления народа, его поэтическая фантазия, богатейший мир мыслей, чувств, переживаний, мечты о справедливости и счастье. Впитавшее в себя многовековой опыт народных масс, народное творчество отличается глубиной художественного освоения действительности, правдивостью образов, силой творческого обобщения.

Культура каждого народа, большого и малого, имеет право на сохранение своей уникальности и самобытности. Вся совокупность явлений и продуктов материальной и духовной культуры народа составляет органичное единство, нарушение которого ведет к утрате гармоничной целостности всей национальной культуры.

Культура каждого народа имеет право на участие в гуманистическом развитии всего человечества. Культурное сотрудничество, диалог и взаимопонимание народов мира являются залогом справедливости и демократии, условием предотвращения международных и межэтнических конфликтов, насилия и войн. Поэтому культура обладает правом на международную защиту в ситуации войн и конфликтов.

Культура обладает правом на поддержку со стороны государства, которое несет юридические и моральные обязательства перед прошлым, настоящим и будущим за сохранение и развитие культурного наследия всех народов и этносов, проживающих на его территории. Государственная политика в сфере культуры должна строиться на уважении человеческого достоинства, обеспечении свободы выбора каждым членом общества форм участия в культурной жизни и творчестве. Государство обеспечивает равенство возможностей и условий культурного развития граждан, определяет направления, содержание и формы государственной поддержки культуры с учетом национальных традиций, уровня политического и экономического развития общества.

Народная культура – собирательное понятие, не имеющее четко определённых границ и включающее культурные пласты разных эпох от глубокой древности

до настоящего времени. Формирование и функционирование феномена народной культуры в этническом сообществе или социальных группах и общностях разного типа связано с осознанием их принадлежности к народу. Самоидентификация с народом, народными традициями в стереотипах социального поведения и действия, обыденных представлениях, выборе культурных эталонов и социальных норм, ориентациях на определенные формы досуга, любительской художественно-творческой практики – проявления народной культуры. В наше время ее общая особенность – внепрофессиональный статус в сфере современной многослойной культуры, неспециализированный характер культурной деятельности, что, впрочем, не исключает высокого уровня мастерства, умения, знания, в основе чего лежит свободное владение традицией. [4, с.69]

Традиционность – важное качество народной культуры во все периоды, определяющее как ее ценностно-нормативное и смысловое содержание, так и социальные механизмы его передачи, наследования в непосредственном общении от лица к лицу, от мастера к ученику, от поколения к поколению, минуя институционально-организационные формы.

Народная культура в историческом прошлом в значительной мере совпадает с этнической, затем обретает выраженный социальный, национальный компонент, смыкается с субкультурными образованиями и даже элементами идеологии (например, в советское время).

Художественная самодеятельность одна из форм народного творчества, которая включает в себя создание и исполнение художественных произведений силами любителей, выступающих коллективно (кружки, студии, народные коллективы) или в одиночку (певцы, чтецы, музыканты, танцоры и др.).

Культурная политика традиционно играет значимую роль в развитии общества и является основой его развития. Сегодня происходит постепенное осмысление культуры не только как системы конкретных ценностей, но и признание ее в качестве инструмента, способного оказывать направленное и прогнозируемое влияние на все сферы жизнедеятельности населения.

В 1998 году в Стокгольме, на Межправительственной конференции по политике в области культуры в интересах развития, был принят План действий 140 государствами, включая Россию. Принятый План действий содержит пять рекомендаций государствам-членам:

- *превратить политику в области культуры в один из ключевых элементов развития;*
- *поощрять творчество и участие в культурной жизни;*
- *наращивать усилия по сохранению и повышению роли материального и нематериального, движимого и недвижимого наследия и развитию индустрии культуры;*
- *содействовать культурному и языковому разнообразию в рамках информационного общества и для его блага.*
- *выделять более значительные людские и финансовые ресурсы на развитие культуры.*

Речь идет о том, что развитие человеческого потенциала, развитие общества вообще возможно только тогда, когда оно сознательно основано на национальной культурной традиции и быте. Культурная традиция, быт, праздники конкретного социума становятся как целью, так и фактором развития человеческого потенциала, общества в целом.

Право на доступ к культурным ценностям, информационным ресурсам, равно как и право на творческое самовыражение, относятся к основным правам личности.

Это зафиксировано во Всеобщей Декларации Прав Человека в 1948 году Генеральной Ассамблеей ООН.

Согласно международной конвенции об охране нематериального культурного наследия, принятой ЮНЕСКО в Париже 17 октября 2003 года, «нематериальное культурное наследие» означает обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, – а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, – признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия [3].

Такое нематериальное культурное наследие, передаваемое от поколения к поколению, постоянно воссоздается сообществами и группами в зависимости от окружающей их среды, их взаимодействия с природой и их истории и формирует у них чувство самобытности и преемственности, содействуя тем самым уважению культурного разнообразия и творчеству человека [3].

«Нематериальное культурное наследие проявляется, согласно Конвенции, в следующих областях:

- *устные традиции и формы выражения, включая язык в качестве носителя нематериального культурного наследия;*
- *исполнительские искусства;*
- *обычаи, обряды, празднества;*
- *знания и обычаи, относящиеся к природе и вселенной;*
- *знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами.*

«Охрана» означает принятие мер с целью обеспечения жизнеспособности нематериального культурного наследия, включая его идентификацию, документирование, исследование, сохранение, защиту, популяризацию, повышение его роли, его передачу, главным образом с помощью формального и неформального образования, а также возрождение различных аспектов такого наследия. [3, с.2].

Российская Федерация располагает широкой сетью домов и центров народного творчества, основным назначением которых является оказание организационной и методологической помощи местным органам и учреждениям культуры в деле сохранения нематериального наследия. Такие дома и центры имеются во всех 89 республиках, краях, областях и автономных округах страны.

Эти региональные центры имеют базовые коллективы (народные коллективы), которые занимаются собирательством, изучением, реставрацией, возрождением и передачей традиционных культурных ценностей молодежи и детям посредством различных образовательных форм. Одной из таких форм является общение с подлинными носителями и хранителями этих культурных ценностей. Главным координирующим учреждением всей этой сети региональных центров является Государственный Российский Дом народного творчества.

Признавая важную роль нематериального наследия в деле сохранения и развития разнообразия культур народов Российской Федерации, по инициативе Московского Бюро ЮНЕСКО, Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО, Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации и Государственного Российского Дома народного творчества в 2005 году была учреждена новая общественная, некоммерческая организация – Российский комитет по сохранению нематериального культурного наследия при Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО.

Культура и традиции относятся к числу ресурсов, которые в XXI веке начали реализовываться в качестве фактора социально-экономического развития страны. По богатству этих ресурсов Россия не уступает Европе. Культура представляет собой нечто большее, чем сумму искусств, это ещё образ жизни, обусловленный местом и

временем. Можно сказать, что культура – это духовная атмосфера, создаваемая людьми там, где они живут. Культуру невозможно втиснуть в рамки житейских, общественных или экономических концепций – это гораздо более широкое понятие. Однако она способствует установлению общественного согласия, обретению веры в собственные силы и возможности, возникновению взаимопонимания, улучшению морального и физического состояния общества. [2, с.17]

Искусство и культура способны изменить качество жизни, однако важнейшие результаты воздействия культуры – развитие творческих способностей и воображения, пробуждение в людях жизненной активности. Культурная деятельность – прямой путь к самосовершенствованию, позволяющий людям научиться общению, стать целеустремленными и уверовать в собственные силы.

Одним из важнейших направлений деятельности организации, занимающихся развитием культуры, является вовлечение в процесс обновления и пробуждение в них интереса к проблемам окружающей среды.

В наше время мы наблюдаем высокий интерес к народному творчеству, о чём свидетельствует большое разнообразие различных музыкальных конкурсов: Москва – 16 конкурсов; Нижегородская область – 12 конкурсов; Санкт-Петербург – 10; Республика Башкортостан – 7 конкурсов; Новосибирская область – 5 конкурсов; Ивановская область – 12 конкурсов (из них 6 – Всероссийские).

Музыкальный фестиваль – не только праздник с большой буквы, но и большая плотная работа, направленная на достижение конкретных результатов. В наши дни очень остро стоит вопрос о возрождении, сохранении и развитии своих (национальных) культурных традиций; для достижения этого в стране проводятся различные конкурсы, фестивали народного творчества, открываются дома ремёсел. Самое главное, что так называемое возвращение к культурным традициям интересно не только старшему поколению, но и, что самое главное, молодёжи.

Фестивали различных видов искусств обладают большим социальным и экономическим потенциалом, благодаря чему могут приносить выгоду не только своим организаторам, но и целым регионам.

Начиная с 1990 года, проходит в Иванове фестиваль «Играй, гармонь!», куда съезжаются гармонисты со всей России. Около 2-х тысяч, среди которых, ансамбли и солисты, частушечники и плясуны, самодеятельные поэты и композиторы, за эти годы радовали своим искусством многочисленных зрителей, с блеском демонстрируя неповторимость, удаль, задор и виртуозность российской гармонии. Основателем и душой этого фестиваля навсегда останется лауреат Государственных премий, народный артист Российской Федерации Геннадий Дмитриевич Заволокин.

С декабря 2002 г. Фестиваль получил сертификат ЮНЕСКО как международный.

В IX Всероссийском фестивале (2006 г.) своё мастерство продемонстрировали участники из республик Дагестан, Карелия, Коми, Удмуртия, Татарстан; Алтайского, Красноярского, Приморского краёв; Архангельской, Белгородской, Брянской, Владимирской, Волгоградской, Вологодской, Воронежской, Ивановской, Калужской, Камчатской, Кировской, Кемеровской, Курской, Липецкой, Московской, Нижегородской, Орловской, Рязанской, Свердловской, Тамбовской, Тверской, Челябинской, Ярославской областей. Приезжали гости из Румынии, Израиля, Украины, Молдавии, Эстонии.

От фестиваля к фестивалю растёт число юных гармонистов. С 1998 года к взрослому фестивалю присоединился детский – «Гармошечка-говорушечка», а это значит, что традиции игры на гармонии не умирают, а, наоборот, обретая популярность в молодёжных кругах, сохраняются и получают развитие.

Фестиваль «Играй, гармонь!» выделяется на фоне других музыкальных фестивалей не только нашей области, но и всей страны в целом. Хотя гармонь и появилась в России только в XIX веке, и считается не исконно русским музыкальным инструментом, но именно она полюбилась русскому человеку, и именно она стала выражением русской души.

Краткое содержание проекта:

Всероссийский фестиваль «Играй, гармонь» проводился в Ивановской области в 2006г. в 9 раз (с 1990 г.), составной частью является проведение детского фестиваля «Гармошечка-говорушечка» (проводится в 5 раз).

Главная цель проекта:

- *сохранение и развитие образцов нематериального культурного наследия;*
- *патриотическое воспитание молодёжи, подрастающего поколения средствами традиционной народной культуры;*
- *сохранение, поддержка и развитие народной культуры в её самобытности, традициях, национальном характере;*
- *пропаганда и широкая популяризация народного песенного, частушечного и инструментального творчества среди всех групп населения, в том числе среди детей и подростков;*
- *совершенствование исполнительского мастерства коллективов, отдельных исполнителей, детских творческих коллективов;*
- *совершенствование методической работы среди руководителей художественных коллективов.*

Поскольку с 2000 года «Играй, гармонь!» признана международным фестивалем, то его значимость имеет четыре уровня; международный, федеральный, региональный и социальный.

Обмен культурными традициями разных народов определяет международную ценность фестиваля.

Значимость «Играй, гармонь!» на федеральном уровне обусловлена тем, что его организаторы реально способствуют сохранению и развитию нематериального культурного наследия страны.

Региональная значимость «своего» музыкального конкурса расценивается как:

- *презентационный ресурс;*
- *площадка для межрегиональных/международных контактов;*
- *инструмент мониторинга эффективности системы художественного образования.*

Для общества значимость фестиваля обусловлена возможностью погрузиться в самый настоящий праздник русской души.

Действительно, праздник! Даже программа фестиваля выстроена по праздничному. Сам фестиваль длится всего 5 дней (с 9 по 13 июня), но эти пять дней надолго остаётся в душах и сердцах всех участников.

С самого первого дня начинаются конкурсные прослушивания участников, которые длятся обычно 2 дня. Участники показывают мастерство игры на тульских, саратовских, вятских, ливенских, шуйских гармониях, играя как собственные произведения, так и произведения Г. Заволокина, народные песни, классику.

На четвёртый день, по традиции и программе фестиваля, обычно проходят народные гуляния в городах нашей области. Праздничное настроение фестиваля не может омрачить даже плохая погода. Анастасия Заволокина вспоминает о восьмом Ивановском фестивале, проходившем в 2004 году: «День четвёртый (11 июня). Дождь... Почти всё время. Но чем больше трудностей, тем интересней их преодолеть».

вать... Холодно – в пляс пойду, мокро – в лужу сяду, грустно – наигрыш залимону!».
[1, с.39] Параллельно проходят съемки телевизионной версии фестиваля, организованные Общественным Российским телевидением (ОРТ – 1-й канал).

Закрывается фестиваль торжественным гала-концертом: «Состоялся большой праздничный концерт. Съёмочные точки отличались многообразием: площадь с людьми, парк у Вечного огня, речка с мостиком (где всё время гуляют козы)... Вечерком даже солнышко нам улыбнулось. Порадовало». [1, с.42]. Но праздник не заканчивается награждением лауреатов: «...традиционный ночной костёр! Чудо как весело! Съёмки завершились в 3 часа ночи... Но гармонь замолчала в пятом часу утра... У костра было

здорово. Атмосферно и душевно. Согрел он всех. Согрел».

Талант, задор, творческое начало, юмор – вот неотъемлемые компоненты народного фестиваля. Участники приезжают за тысячи километров, чтобы «помериться силами» в мастерстве исполнения частушек, народных песен и танцев, продемонстрировать виртуозное владение гармонью, баяном, аккордеоном и другими музыкальными инструментами.

Гармонь является инструментом, который освоить может далеко не каждый. Каждый звук в игре на гармонии должен контролироваться не только нотной грамотой, но и душой человека. Мало знать технологию игры. Поэтому, фестиваль собирает истинно талантливых людей. Он отличается от остальных фестивалей не только стилистическими параметрами, но и специфическими свойствами исполнителей, которые заключаются в искренней любви к инструменту и мелодии. Дело в том, что сама гармонь - инструмент сольный, требующий особого внимания, даже если звучит совместно с другими музыкальными инструментами.

Фестиваль «Играй гармонь!» не даст умолкнуть одному из самых любимых русских музыкальных инструментов.

Так что же даёт подобный фестиваль нашему городу? Можно выделить ряд пунктов:

- *возможно привлечение туристов в дни проведения фестиваля;*
- *формирование имиджа региона, города, преобразование городской среды;*
- *формирование культурных потребностей посетителей фестиваля;*
- *запись концертов на аудио- и видеоносителей, как следствие, продажа прав трансляции по радио и телевидению;*
- *возможность повторных трансляций по телевидению и радио (при этом не теряется художественная значимость и актуальность события);*
- *продвижение молодых артистов и коллективов.*

И, кроме того, фестиваль «Играй, гармонь!» – прекрасная возможность отдохнуть душой, вдоволь напеться частушек; общение с народными артистами (в значении «любимый народом», а не только по званию), большое количество положительных эмоций, и завести новых друзей.

Фестиваль – это такая концентрация духовной ипостаси нашей культуры, которая соединяется в этот момент с культурой тех стран, в которых он проходит. И возникает взаимоуважение.

Во время проведения фестиваля у жителей происходит формирование особого духовного мира, наполненного значимыми для человека образами, смыслами, идеями, ценностями. В первую очередь – чувство гордости людей за принадлежность к своей родине, улучшение их духовного самочувствия, определение смысла жизни в условиях экономической трансформации, укрепление доверия к государству и структурам государственной власти.

Список использованной литературы

1. **Заволокина А.** Фестиваль в Иванове (эксклюзивные подробности) // Играй, гармонь! №4. 2004.
2. **Ч. Лэндри, Л. Грин, Ф. Матарсо, Ф. Бьянчини.** Возрождение городов через культуру. СПб, 1999
3. Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия, статья 2, п.1; Париж, 17 октября, 2003.
4. **Михайлова Н.Г.** Народная культура. Культурология XX век: В 2 т.: т. 1. СПб., 1998.

А.А. Цветков

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРЫ В СВЕТЕ ОНТОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

В статье предпринимается попытка взглянуть через призму онтологии личности на одну из классических концепций культуры – аксиологическую. Автор стремится показать, что последняя представляет собой не только определенную модель культуры, но рассмотренная в модусе личности, выражает значимые аспекты сознания и самосознания культуры.

Аксиологическая концепция культуры, трактующая последнюю как совокупность всех ценностей, созданных человечеством, является в системе культурологического знания одной из классических. Представление о культуре как системе ценностей общества основывается на том, что 1) «в ней концентрируются все результаты духовной деятельности общества; 2) она представляет собой наиболее устойчивую, фундаментальную структуру общественного сознания (в отличие от общественного мнения, которое носит менее устойчивый, более лабильный характер); 3) она пронизывает всю культуру общества и культуру его социальных групп; 4) она определяет тональность всей культуры, обуславливая избирательный подход как к вновь созданным произведениям духа, так и к ценностям, созданным в прошлой истории народа или ценностям другой, ‘чужой’ культуры» [7]. Поэтому не случайно именно в рамках ценностной парадигмы начинается философское осмысление феномена культуры, ведь «аксиологический» образ культуры, согласно П. А. Флоренскому, рождается из понятия «культы» (от *лат.* – уход, почитание). Изначальное содержание термина культура связано с верой, постижением и восхождением к миру сакрального (от *лат.* – священный), вечного, где открывается высший смысл бытия [8, с.117].

Между тем сегодня аксиологический подход, по мнению автора, во многом отошел на задний план и выглядит, скорее, данью историографической традиции, нежели серьёзной рабочей теорией. Причин тому множество. Не претендуя на исчерпываемость, обозначим лишь некоторые, на наш взгляд, наиболее существенные.

Во-первых, концептуальная неясность, многообразие трактовок ключевой категории «ценность», обусловленные различиями в решении проблемы соотношения «онтологического – гносеологического – социологического», «объективного – субъективного», «материального – идеального», «индивидуального – общественного»

применительно к характеристике системы ценностной [1,с.18]. Далее можно было бы обозначить и различие исходных методологических установок самих авторов, работающих в русле аксиологической концепции. И все же весьма существенным моментом является исчезновение, элиминирование ценностного компонента из координат реальной культуры, связанное с аксиологическим нигилизмом (или анархизмом) современности. Причины этого можно искать и в пресловутой «ситуации постмодерна» с её установкой на разрушение всяких систем и релятивность всяких ценностей; и в культурной конвергенции социальных организмов, обладающих разным набором ценностей и т. д. Каковы бы не были причины, существенно то, что проблемы теории и методологии аксиологического подхода усиливаются проблемами мировоззренческого порядка в самой культуре. Поэтому, несмотря на все внутренние противоречия ценностной трактовки культуры, и именно потому, что система ценностей современного общества размыта, аксиологический подход культуре оказывается востребованным.

В нашем исследовании мы хотим взглянуть на ценностную трактовку культуры через призму отношений «личность – культура». Исходным пунктом наших рассуждений является констатация того банального факта, что система ценностей, культивируемых обществом, далеко не всегда укоренена в структуре представителей этого социума, а предстает скорее системой внешних по отношению к личности норм. Конечно, очевидно, что индивидуальная система ценностей личности не является простым слепком с системы ценностей, существующих в обществе. Избирательность освоения ценностей культуры обеспечивает иерархичность индивидуальной системы ценностей личности, ее неповторимое своеобразие и уникальность. Однако иногда это несовпадение ценностей личности и ценностей культуры приобретает формы контркультурной выраженности, конфликта личности и культуры, личности и общества.

Ясно, система ценностей – это не только фундамент всякой культуры, но это еще и ядро структуры личности, определяющее ее направленность, высший уровень регуляции социального поведения личности. Для нас привычна мысль, что приобщение личности к культуре есть, прежде всего, процесс усвоения определенной системы ценностей. Традиционно, ведущая роль здесь отводится процессам социализации и инкультурации, благодаря которым индивид овладевает культурой, «становится личностью», так как «личность есть человек, совокупность свойств которого позволяет ему жить в обществе в качестве полноправного и полноценного его члена, взаимодействовать с другими людьми и осуществлять деятельность по производству предметов культуры» [7]. Исходя из этого и сама культурность интерпретируется как «воспринятая и усвоенная отдельным человеком сумма культурных ценностей», которая и «составляет культуру личности, или, лучше сказать, культурность» (Е. И. Зейлигер-Рубинштейн) [5, с.19].

Не трудно заметить, что в подобной интерпретации проблема отношений «личность – культура» чрезвычайно социологизирована. Личность представлена в виде «устойчивой системы социально-значимых черт, характеризующих индивида как члена общества, как совокупность выполняемых индивидом социальных функций» [4, с.17], а аксиологическое прочтение культуры при таком повороте предполагает трактовку последней как системы ценностей-норм, обеспечивающих воспроизводство определенного культивируемого обществом типа личности.

В первую очередь здесь вызывает сомнение трактовка личности как целиком производной от социокультурного контекста. Впрочем, не многим лучше выглядят и другие теории личности: психологические (тракующие личность как «системное качество, интегрирующее начало, связывающее воедино различные психические про-

цессы индивида и придающие его поведению последовательность и устойчивость»); натуралистические (личность – это способ осуществления особой биогенетической программы, в процессе реализации которой социальный индивид приводится в соответствие с окружающей средой) и т. д. [4, с.9-12]. Главная проблема всех парадигм личности, возникших в границах конкретных наук, в том, что они не охватывают личность как целостность, рассматривая лишь отдельные аспекты ее функционирования. Кроме того, не всегда ясно прописан механизм связи культуры и личности.

Нам близка позиция, согласно которой при построении теории личности (а вместе с тем и характера её взаимодействия с культурой) необходимо исходить из самого человеческого бытия, то есть теория личности должна быть, прежде всего, онтологией личности. Основы онтологии личности мы можем увидеть уже в работах М. Хайдеггера, М. Мамардашвили, К. Ясперса, Н. Бердяева и др. Лейтмотивом их построений является идея того, что личность рождается в бытии, но она не только отражает и выражает бытие, она его и творит. Личность – это основа, структурирующая человеческое бытие. Она всегда предполагает осознание человеком своего бытия и места в универсуме, поэтому личность всегда связана с сознанием. Специфика личностного бытия в том, что оно бытие трансцендирующее. «Под трансцендированием имеется в виду способность человека трансформироваться, то есть выходить за рамки и границы любой культуры, любой идеологии, любого общества и находить основания своего бытия, которые не зависят от того, что случится во времени с обществом, культурой, с идеологией или с социальным движением. Это и есть так называемые личностные основания» [6, с.113–114].

Таким образом, личность – трансцендирующая структура, способная выходить за границы культурно-исторического опыта; она задает условия, определяющие человеческое бытие как человеческое и поэтому обладает метафизическим измерением. Это также означает, что только через личность, через её способность к трансцендированию возможна подлинная оценка системы культурных ценностей и их интериоризация индивидом.

Следует согласиться с тем, что пока мы находимся в границах культуры, теряется критерий культурности (ценности, значимости), критерий того, что является культурой. П. А. Флоренский отмечал: «Как в плоскости культуры отличить церковь от кабака или американскую машину для выламывания замков от заповеди «Не укради» – тоже достояния культуры? ... Все это равно есть в культуре, и в пределах самой культуры нет критериев выбора, критериев различения одного от другого: нельзя, оставаясь верным культуре, одобрять одно и не одобрять другого, принимать одно и отвергать другое... Для расценки ценностей нужно выйти за пределы культуры и найти критерии, *трансцендентные ей*. Оставаясь в ней, мы вынуждены принимать ее всю целиком, всю, как она есть» [8, с.127]. А выйти за свои пределы, осознать себя культура способна только через личность – единственную структуру, способную к трансцендированию. Вернее, в личности, личностном модусе существования культуры собственно и проявляется её самосознание, способность к саморефлексии своих ценностных оснований. Следовательно, вопрос о культуре как системе ценностей выводится в сферу ей трансцендентную – сферу сознания личности, сферу человеческого духа.

Можно согласиться с М. К. Мамардашвили в том, что культура действительно не есть совокупность высоких понятий или высоких ценностей, если в ней не совершаются «живые акты» человеческого духа, являющиеся ценностными сами по себе. Тяга личности к культурным ценностям еще не делает последнюю культурной, так же как наличная система ценностей общества не обязательно является основанием его культуры. Претензии культуры быть воплощением главных человеческих ценностей есть, по выражению Н.А. Бердяева, великая неудача, иллюзия. Так, философия

и наука есть неудача в творческом познании истины; искусство и литература – неудача в творчестве красоты; семья и половая жизнь – неудача в творчестве любви; мораль и право – неудача в творчестве человеческих отношений; хозяйство и техника – неудача в творческой власти человека над природой. Поэтому все достижения культуры – символические, а не реалистические. В культуре достигается не познание, а символы познания, не красота, а символы красоты, не любовь, а символы любви, не соединение людей, а символы соединения, не власть над природой, а символы власти [2, с.298].

Можно согласиться с тем, что попытки человека построить культуру как выражение полноты реализации абсолютных ценностей невоплотимы по определению. Но пока есть такие претензии (к свободе, творчеству, любви и т. д.) – существует сама культура и человек как таковой. Это значит, что именно личность является субстанциональной единицей культуры. Это также значит, что ценности только тогда становятся культурными ценностями (то есть, по сути, и дают нам право определять культуру как систему ценностей общества), когда то, что мы называем ценностями, становится конструктивным элементом, генеративной структурой, или «бесконечной культурной формой» (М. К. Мамардашвили), обуславливающей психологическую или социальную жизнь личности.

Именно возможность раскрыть полноту своего бытия через свободу, творчество, любовь и др., делает эти генеративные структуры подлинными ценностями, а активность личности, направленную на развертывание и удержание этих структур, культурной, или культуротворческой деятельностью. Отсюда, вполне корректным для нас оказывается определение культуры, данное В. С. Библером, как «самодетерминации индивида в горизонте личности» [3]. В этом случае самодетерминация предполагает опору на ценности, то есть такие внеэмпирические (трансцендентальные, метафизические) конструктивные элементы в структуре личности, реализуя которые в соответствующих духовных и материальных формах, последняя раскрывает полноту своего бытия.

Аксиологическую окрашенность приобретает и другое, связанное с приведенным выше, библеровское определение культуры как «изобретения мира ‘впервые’» [3]. Восприятие личностью ценностей не в виде внешних норм, а в виде генеративных структур, и создает то духовное напряжение между человеком и миром/бытием, в котором происходит его самоопределение (самодетерминация), и которое мы можем назвать культурой.

Постараемся дать теперь некоторое аксиологическое определение культуры, взятой в модусе личности. Итак, культура – это система ценностей, или таких конструктивных элементов сознания (совесть, творчество, свобода...), которые обеспечивают самодетерминацию и самораскрытие человеком своего бытия в горизонте личности. Сознание личности тогда оказывается еще и самосознанием культуры, рефлексивной относительно своих (в данном контексте аксиологических) оснований.

В заключение отметим, что многие проблемы, отражающие особенности взаимодействия личности и культуры как «мира ценностей», изложены весьма тезисно и конспективно, поэтому остается потенциал для их последующего, более углубленного развертывания.

Список использованной литературы

1. Аксиология // Культурология. XX век. СПб., 1998. т.1.
2. **Бердяев Н.А.** Смысл творчества // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. т.1. М., 1994.

3. **Библер В.С.** От наукоучения – к логике культуры. М., 1991.
4. **Волков В.Н.** Онтология личности. Иваново, 2001.
5. Духовное становление человека. М., 1972.
6. **Мамардашвили М.К.** Необходимость себя. М., 1996.
7. **Мухамеджанова Н.М.** Ценностные ориентации личности как результат приобщения к культуре. http://bank.orenipk.ru/Text/t13_204.htm
8. **Флоренский П.А.** Из богословского наследия // Богословские труды. М., 1977.

И.А. Чупарина

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ: МЕСТО В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕЛИ ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ МУЗЕЙНОГО СТРОИТЕЛЬ- СТВА В ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Культурная модель современного города практически не мыслится без организованного особым образом и имеющего в основном неагрессивный характер интеллектуального, образовательного пространства, сгустком которого можно считать музей. Музей, являясь хранителем культурной традиции народа, страны, позволяет не только осваивать опыт прошлого, но и сам активно участвует в «оформлении» настоящего.

Статья посвящена формированию сферы музея в пространстве города Иванова и ее трансформации в условиях меняющихся социокультурных парадигм.

Российский город, в том числе и провинциальный, вне зависимости от основной экономической составляющей его жизни, численности и социального состава населения, всегда – многофункциональный центр, в котором «происходила модернизация общества, сосредоточивалась значительная часть культурного потенциала, которым общество располагало» [10, с.65]. Развиваясь, город, как правило, претерпевает смену социокультурных парадигм, характер которых определяется совокупностью и конфигурацией экономических и культурных пространств, иногда зафиксированных в неофициальном, «бытовом» наименовании города или ассоциативно – в вербальных формулах.

Иваново-Вознесенск, получивший статус города чуть более 130 лет тому назад, пережил смену ряда социокультурных «вывесок»: «Русский Манчестер» (конец XIX – начало XX века), «Красный Манчестер», «Город красных ткачей» (1917–40-е годы), «Родина – Первого Совета», «Город невест» (1950–1980-е годы). Определяющими в оформлении неофициальной вербальной модели восприятия «содержания» города в нашем случае являлись две составляющие: экономическая сторона функционирования города и революционная традиция. При этом каждая из обозначенных социокультурных моделей характеризуется для Иванова особой организацией культурного пространства, внутри которого, с нашей точки зрения, по-разному складывается судьба музея как специфического культурного института, обладающего собственным музейным пространством, способным претерпевать трансформации, вызванные частичным пересечением или слиянием с другими – образовательным, просветительным, досуговым – пространствами.

К моменту обретения городом музея как центра, «аккумулирующего» культурные ценности и создающего образцы их «потребления», культурный ландшафт Иваново-Вознесенска выглядел следующим образом.

В конце XIX – начале XX вв. в городе работало около двух десятков школ различной принадлежности – церковно-приходские, земские, городские, фабричные; училище детей мастеровых; мужское реальное училище; школа колористов; женская прогимназия; низшее механико-техническое училище; две женские гимназии; мужская гимназия, торговая школа. Первая публичная библиотека появилась в городе еще в 1865 году. «Основой ее фонда стали полторы тысячи книг, пожертвованных Яковом Гарелиным (ивановский фабрикант – авт.). После его смерти к библиотеке перешло и его личное книжное собрание. Это была самая богатая библиотека в городе: в 1900 году в ней насчитывалось около 10 тысяч томов» [1, с.47].

Городская культурная среда этого времени отмечена также присутствием в ней «развлекательных» учреждений, среди которых: два цирка (цирк Киселева на Ярмарочной площади и Никитина в Зарядье), восемь электротеатров и электросалонов, самый большой из которых – «Буфф» на 400 зрителей. Три театра приглашали зрителей на свои спектакли. «Аристократическим» был театр в «Общественном собрании», в котором гастролировали М. и О. Садовские, М. Тарханов, И. Москвин и др. Средние слои населения посещали театр «Клуба господ приказчиков». В 1912 году сын известного театрального деятеля В.В. Демидова Константин Демидов открыл театр для рабочих в местечке Ямы, который получил название «Веранда» [1, с.64–65].

В декабре 1914 г. в специально построенном по проекту архитектора П.А. Трубникова здании открылся «Музей промышленности и искусства» ивановского фабриканта Д.Г. Бурылина, основу которого составили многотысячные коллекции его владельца. Музей, представивший иваново-вознесенцам собрания египетских, греческих, римских древностей; коллекцию образцов тканей (почти 1 миллион единиц); рукописных и старопечатных книг; атрибутов масонских лож; собрания живописных полотен и графических листов русских и западноевропейских мастеров и многое другое, не явился для города неожиданностью. Попытки организации подобного рода культурного пространства предпринимались с начала 20 века: в 1903 г. Л.В. Самыгин продемонстрировал первую домашнюю выставку картин; в 1906 г. проходит выставка «картин и мебели в русском стиле»; в 1903, 1905, 1912 годах в доме Д.Г. Бурылина выставляются для всех желающих предметы его коллекций [7, с.114].

Цели музея были сформулированы в проекте Устава: «оказывать содействие развитию местной промышленности путем ознакомления с собранием образцов ситценабивного дела, от первоначальных набоек до новейших товаров..., служить искусству, заботясь о сохранении и дополнении собрания памятников русской и иностранной художественной старины и новейших образцов искусства, а также способствовать в обществе любви к искусству путем распространения сведений о нем и его задачах» [5, с.77]. Музей был открыт для посетителей всех сословий.

В формате Иваново-Вознесенска на этапе «Русский Манчестер» возникло пространство особого рода, предполагавшее созерцание произведений искусства и памятников истории, «погружение» в иную реальность. Это пространство не было ни идеологизированным, ни строго научным, оно было скорее эмоциональным. Город-фабрика получил в дар пространство, отличное от повседневной действительности, не входившее в сферу развлечений, не подчиненное задачам народного образования, возможно, некоторым образом пересекавшееся с областью просвещения. Оно не было понятно и необходимо всем жителям города, но своим существованием подчеркивало разность, неоднозначность жизни.

Революция, затронувшая стороны жизни страны в целом и отдельного города, в частности, а вслед за ней смена «вывески» «Русский Манчестер» на «Красный Манчестер», зафиксировавшая в общественном сознании эти изменения, для Иваново-Вознесенска стала началом формирования новой социокультурной парадигмы города. В условиях революционного строительства претерпевают качественные изменения все составляющие культурного пространства, в том числе и музей.

В декабре 1917 г. городской Совет принял решение о подчинении всех культурно-просветительных организаций города Центральной культурно-просветительной комиссии. В апреле 1918 г. были реквизированы все кинотеатры у их владельцев. Это решение мотивировалось тем, что кинотеатры, «в которых шли «сердцещипательные» фильмы, чужды рабочему зрителю и развращают молодежь» [12, с.48]. По свидетельству местного краеведа П.М. Экземплярского, некоторое время «в городе еще существовали культурные организации, объединявшие буржуазную интеллигенцию: общество «Искусство», союз учащихся и др. Эти организации, как и культурно-просветительная комиссия 199-го полка, руководимая эсером, по своей идейной направленности были далеки от пролетариата. Их руководители, организуя лекции, концерты, спектакли, часто пытались противостоять большевистскому влиянию» [12, с.49].

Музей новой власти не пришлось реквизировать. Д.Г. Бурылин добровольно передал здание и все коллекции городу, испросив для себя разрешения работать в нем хранителем.

В июле 1919 г. открытием выставки по истории революционного движения в России начинает работу губернский музей – бывший «Музей промышленности и искусства» [8, с.115]. С точки зрения представителей новой власти, музей, не столь «развращавший» население, как кинотеатр, все же нуждался в корректировке основных направлений деятельности. Он неизбежно должен был утратить некий ореол «элитарности», то есть «буржуазности», выраженной уже в тех целях, которые сформулированы в его Уставе. Музей должен был стать «понятным» пролетариату, а главное – «полезным» революционной власти в деле воспитания «нового человека». Поэтому из свойственных музею как социокультурному институту функций – собирания, хранения, изучения, экспонирования – гипертрофированно разрастается функция просветительно-разъяснительная. Начинается процесс так называемого «окультуривания масс», пик которого приходится на 30–50-е годы 20 века. Научное описание коллекций, начатое создателем музея, практически прекращается и возобновится только в конце 50-х годов, когда в отчетах о работе Областного краеведческого музея будет фигурировать число 200000 – экспонатов коллекции Д. Г. Бурылина, нуждающихся в изучении и научном описании [2].

Фактически с 1919 г. и начинается утрата ивановским музеем собственного – **музейного** – пространства. Претензия на освещение революционного движения на территории всей России при использовании местных материалов (коллекции Д. Г. Бурылина явно не были ориентированы на подобную тематику), свидетельствует о проникновении в музей «нужной» идеи, уравнившей его с другими пространствами городской жизни.

Для музейного пространства города Иваново 1930–50-е годы, как и для всех музеев страны, стали временем активного интегрирования во внемузейную среду. Задачей тоталитарных идеологий, как отмечает Б. Гройс, «стало стереть границу между музеем и внемузейным пространством, ... придать музею определенную социальную функцию и одновременно представить все пространство жизни как предмет эстетического опыта» [4, с.37], который в 1930–40-е годы в Иваново включал в себя пока и художественную составляющую.

Начиная с 1930 г., когда шефство над Ивановским краеведческим музеем взяла Третьяковская галерея, музей, кроме работы в рамках постоянной экспозиции, функционирует и в режиме выставочного зала. Тематика выставок продиктована «шефами» и носит ярко выраженную художественную направленность. Ивановцам были предложены выставки: «Художники ивановской промышленной области за 16 лет» (1933 г.), «Творчество мастеров Палеха, Мстеры, Холуя» (1937 г.), «А. М. Корин – певец родного пейзажа» (1946 г.), «Творчество художника И. Н. Нефедова» (1947 г.), выставка художественных изделий из слоновой и моржовой кости мастеров XVIII–XIX веков (1949 г.), московская передвижная выставка живописи и графики художников Б. Иогансона, Кукрыниксов, Б. Кибрика и др. (1949 г.), областная выставка достижений текстильщиков-рационализаторов (1949 г.) [8, с.115]. Для города, не имевшего до 1960 года художественного музея, подобного рода выставки явились своеобразным отступлением от установки на «утилитаризацию» музейного пространства, некий, пусть минимальный выход за рамки идеологического воспитания.

Послевоенный период, когда еще более обострилась исторически сложившаяся диспропорция между мужским и женским трудом (и, соответственно, населением) в Иванове, закрепил за городом репутацию «Города невест». « Это во многом обусловило и медленный рост населения в Иванове. Мужчины уезжали отсюда, потому что не могли найти работу, а женщины покидали город из-за трудностей с созданием семьи. Не случайно 27 ноября 1948 года правительство приняло постановление о строительстве машиностроительных заводов в Иванове и области» [1, с.105]. Подобная мера, однако, не способствовала кардинальному решению проблемы. Город по-прежнему оставался городом-фабрикой, а большинство населения составляли «незамужние ткачихи». В какой-то степени название «Город невест» поэтизировало и романтизировало не слишком радужную действительность.

Период так называемой «оттепели», многими исследователями характеризуемый как время бурного всплеска социальной и трудовой активности, для Ивановской области стал еще и временем «музейного бума». К марту 1959 г. в области работало 15 музеев, имевших историко-краеведческое направление [3]. Этот факт можно расценить как свидетельство расширения музейного пространства. Однако анализ состава коллекций, структуры экспозиций, направлений и форм работы позволяет сделать вывод о том, что истинно музейное пространство сузилось до минимума: музей, двигаясь в направлении «укрепления связи с жизнью», обретая новые экспозиционные площади, разрастаясь численно, исчезает как «необычность», возможность проникновения в иную реальность, «растворяется» в других пространствах.

Анализ стенограммы областного совещания директоров музеев, проходившего в марте 1959 г., позволяет констатировать: количественный рост провинциальных музеев был обусловлен планомерным превращением музея в институт иллюстрирования вновь написанной истории государства и партии. Работа по разъяснению истории и воспитанию трудящихся и молодежи на революционных традициях особенно активно должна была вестись на местах, так как «молодежь не знает ужасов и бедствий дореволюционной России, и весьма важно, чтобы наше молодое поколение знало историю страны, историю коммунистической партии, и воспитывать на революционных традициях нашей партии наш рабочий класс» [2] (из выступления директора НИИ музееведения А. С. Ханукова), поэтому каждый районный центр обязан был иметь свой музей или краеведческий уголок.

Принцип иллюстративности диктует примерно одинаковую структуру экспозиции новых музеев: отдел природы, который, кроме традиционных чучел зверей и птиц, содержит многочисленные схемы, диаграммы, отражающие процесс использования природных богатств в народном хозяйстве; отдел дореволюционного прошло-

го, «показывает феодально-крепостнический строй, развитие капитализма... и зачатки революционной борьбы» [2]; отдел советского общества, призванный своевременно отражать успехи советского народа во всех сферах жизни, начиная с 1917 г.

Как свидетельствуют документы, основное внимание должно было уделяться комплектованию отдела советского периода; в число предметов музейного значения попадают вымпелы бригад коммунистического труда, тексты социалистических обязательств, фотографии ударников коммунистического труда, газетные вырезки, транспаранты и т. д. Таким образом, музей ориентирован на документирование современности, и музейный предмет и предмет повседневного обихода, наглядной агитации уравниваются в своей ценности, точнее, происходит обесценивание музейного предмета, сужение сферы эстетического опыта.

Музейное пространство отныне воспринимается как часть разъяснительно-воспитательного, как агитационная площадка, клуб. Об этом свидетельствуют и формы работы с посетителями, среди которых кроме традиционных экскурсий – лекции по утвержденной городским комитетом партии тематике на промышленных предприятиях и в селе, Дни открытых дверей, Дни профессий, встречи с ветеранами партии и комсомола, пионерские сборы, комсомольские собрания, выставки к съездам партии, выборам в Верховный и местные Советы депутатов, театрализованные праздники для школьников, работа историко-революционных секций, туристических кружков и т. п. [3].

При катастрофической нехватке кадров профессиональных музейных сотрудников к работе в музее активно привлекается общественность, организованная в Совет музея. Музейные советы, состоящие в основном из пенсионеров, ветеранов партии и комсомола, активно участвуют в решении всех важнейших вопросов работы музея. Они обсуждают направления собирательской работы, тематику экскурсий, лекций, планы работы, утверждают отчеты о работе музея. В такого рода актив Ивановского областного краеведческого музея в 1959 г. входило 140 человек при восьми штатных сотрудниках. Он делился на группы по интересам: «1) изучение истории революционного движения на фабриках области, революционного подполья на предприятиях; 2) сбор материалов по биографиям выдающихся революционных деятелей; 3) сбор материалов об участии ивановцев на фронтах гражданской войны; 4) охрана революционных памятников области; 5) первые комсомольцы; 6) женская группа – вопросы участия женщин города Иванова в революционной борьбе» [2]. Такое активное включение общественности в сферу музейного пространства, по всей вероятности, можно рассматривать как еще одно свидетельство «связи музея с жизнью».

В 1960–80-е годы в общественном сознании и повседневной социокультурной практике Иванова вновь корректируется модель города: наряду с «Городом невест» активно эксплуатируется – «Иваново – Родина Первого Совета», вновь выдвигающая на первый план революционную традицию региона. Музей реагирует на эти изменения дальнейшим расширением своей сети: «с мая 1962 года у музея появились филиалы: музей-кабинет М. В. Фрунзе, Музей первого в России общегородского Совета рабочих депутатов, Музей Д. А. Фурманова, Мытский, Вичугский и Гаврилово-Посадский краеведческие музеи» [6, с.293]. В 1960 г. Областной краеведческий музей передал вновь созданному Художественному музею часть коллекций живописи, графики, иконописи, прикладного искусства, а также египетскую, греческую и римскую коллекции, но в состав созданного в 1977 г. Ивановского государственного объединенного историко-революционного музея (ИГОИРМ) Областной художественный музей не вошел. К тому же практически сразу же после открытия, он был закрыт на капитальный ремонт, затянувшийся почти на 20 лет.

Монополизировав право на формирование и функционирование музейного пространства и следуя в русле государственной музейной политики, ИГОИРМ определяет главную задачу как «показ средствами музейной экспозиции развития научно-технического прогресса в истории человечества, помощь каждому посетителю в осознании роли, места и значения его собственной работы, деятельности его поколения, прогрессивного назначения социалистического общества в общем ходе истории человечества. Конкретно предпринимаемые ИГОИРМом действия в этом направлении:

- *в музее Виноградовского движения в г. Вичуга создать раздел «Достижения научно-технической революции как социально-экономическая предпосылка и основа возникновения и совершенствования новых форм социалистического соревнования»;*
- *идея отражения научно-технического прогресса в текстильном производстве от истоков до современности заложена как одна из трех ведущих линий в научную концепцию экспозиции музея текстиля, создаваемого в городе Иваново» [9, с.6].*

С конца 80-х годов город Иваново переживает крушение всех моделей всех пространств городского экономического, социального и культурного ландшафта. Ведущая отрасль производства – текстильная переживает глубочайший кризис, что при особой гендерной ситуации делает непривлекательной модель «Город невест». В условиях формирования многопартийной политической системы и ревизии революционного наследия всей страны перестает быть актуальной и модель «Родина Первого Совета». В новых условиях, никак не зафиксированных в вербальной модели, все еще рассматривая себя как часть воспитательного пространства, но, лишившись жесткого руководства, музей Иванова пытается эксплуатировать идею эстетического воспитания подрастающего поколения и трудящихся.

Теперь своей целью он видит участие в «гуманизации народного образования, в том числе эстетическом воспитании, утверждающем гармонию истины, добра, красоты» [11, с.1]. Но «Программа эстетического воспитания детей и подростков Ивановской области», разработанная и принятая Областным управлением культуры и включившая музеи в число организаций ее реализующих, все же определяет эстетическое воспитание как «часть коммунистического воспитания, воздействующего на человека многообразно, разносторонне обогащая его духовный мир и совершенствуя его деятельность» [11, с.1].

Пытаясь уловить новые веяния, ИГОИРМ пополняется такими экспозициями, как: Музей А. Тарковского в Юрьевце, Музей семьи Цветаевых в Ново-Талицах, Музей ивановского ситца, Музей «Человек, душа, духовность», экспозиция «Ивановская старина». В то же время практически прекращают свою работу музеи А. С. Бубнова, М. В. Фрунзе, некоторые районные краеведческие музеи. В 1993 г. ИГОИРМ переименован в Ивановское объединение историко-краеведческих музеев и ему присвоено имя Д. Г. Бурылина.

Возможно, все эти изменения можно рассматривать как попытку вернуть музей в присущее ему пространство: деидеологизированное, ориентированное на общечеловеческие духовные ценности. Попытка оказалась неудачной в силу ряда причин, среди которых, по нашему мнению, можно выделить: распыленность фондов (основа которых – все те же коллекции Д. Г. Бурылина, но уже частично утраченные), сложившееся за 80 лет представление о местном музее как об учреждении, строго следующем указаниям «центра» о содержании и формах работы, и потому утрата представления о истинном назначении, роли и месте музейного пространства в социокультурной модели города.

Начало 21 века город Иваново встретил практическим «исходом» Музея из города, выразившемся в закрытии (частичном или полном) практически всех музеев историко-краеведческого направления, резком снижении посещаемости действующих экспозиций, непрекращающихся кадровых перестановках в музейном руководстве, огромной нехваткой кадров научных сотрудников и, как следствие, снижением уровня профессионализма во всех направлениях музейной работы.

Подводя некоторые итоги, можно сделать вывод, что Музей в истинном его качестве существовал в Иваново лишь в период с 1914 по 1919 год. Став частью государственной воспитательной машины, он вынужден был «встраиваться» в меняющиеся условия жизни, частично отраженные в вербальных социокультурных моделях. Попытки иллюстрировать идею (периодически изменяющуюся), используя исторически сложившиеся музейные коллекции, привели к «выхолащиванию» содержания музея, размыванию пространства его существования. В современных условиях город Иваново оказался лишенным четко фиксируемого музейного пространства и вне какой-либо устойчивой социокультурной парадигмы.

Список используемой литературы

1. **Балдин К.Е., Семененко А.М.** Иваново: история и современность. Иваново, 1996.
2. Государственный архив Ивановской области (далее – ГАИО). Р. – 2890. Оп. 2. д. 3.
3. ГАИО. Р. – 2890. Оп. 2. д. 36.
4. **Гройс Б.** Борьба против музея, или демонстрация искусства в тоталитарном пространстве // Советское богатство. СПб, 2002.
5. **Додонова А.А.** Дмитрий Геннадьевич Бурьлин. Иваново, 1998.
6. **Додонова А.А.** Из истории Ивановского краеведческого музея // Музеи Верхней Волги. Ярославль, 1997.
7. Ивановский архив // Краеведческий научно-популярный альманах. 2001, № 3.
8. Ивановский архив. 1996. № 1.
9. Из выступления заместителя генерального директора ИГОИРМ. Советский музей, 1986, № 2.
10. **Кошман Л.В.** Город в общественно-культурной жизни. // Очерки русской культуры XIX века. М., 1998.
11. Программа «Эстетическое воспитание детей и подростков Ивановской области». Иваново, 1989.
12. **Экземплярский П.М.** История города Иваново. Иваново, 1962.

Раздел 2 Философия и психология

А.А. Григорян

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «ТОЛЕРАНТНОСТЬ» В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В статье рассматриваются основные подходы к определению понятия «толерантность» и формы ее проявления, излагаются аспекты изучения этого понятия, выявляются тенденции определения сущности данного феномена.

Необходимость изучения активно употребляемого в отечественной общественной литературе понятия «толерантность» начинает осознаваться при осмыслении и понимании изменяющегося общества.

Понятие «толерантность» используется в различных отраслях знания. Важно выяснить, имеем ли мы дело с терминологической общностью (использованием одного и того же термина в самых различных науках) или с понятием, отражающим некоторое общее содержание. Что касается терминологической стороны вопроса, то слово «толерантность» имеет очень широкое применение. Однако в зависимости от контекста иногда с успехом пользуются заменяющими его словами: терпимость, снисходительность, устойчивость, принятие и т.д. Одна из трудностей в изучении толерантности состоит в том, что среди исследователей отсутствует единство в понимании сущности этого феномена.

В определении понятия «толерантность/интолерантность» и «терпимость/нетерпимость» в зависимости от контекста и понимания изучаемых проблем можно выделить ряд подходов: историко-философский, социально-психологический, индивидуально-психологический, биологический и др.

Историко-философское осмысление данного явления показывает его универсальность и противоречивость [Р.Р. Вавилова, В.М. Золотухин, И. В. Круглова, В. А. Лекторский, Е. В. Магомедова, М. П. Мчедлова, Л. В. Скворцов, В.А. Тишков, М. Уолцер, В. В. Шалин и др.]. Кроме того, можно отметить, что в работах обсуждается вопрос о границах толерантности, тех пределах, вне которых она превращается в свою противоположность и становится интолерантностью.

Следует подчеркнуть, что понятие «толерантность», несмотря на длительный срок его существования, не получило однозначной трактовки и является предметом бурного обсуждения многих исследований. Можно также отметить многозначность данного феномена и необходимость его рассмотрения в зависимости от контекста изучаемой проблемы. Анализируя толерантность как этическую проблему, Р.Р. Вавилова, обращаясь к вопросу происхождения термина «толерантность», отмечает, что латинский термин *tolerantia*, от которого, по мнению авторов этимологических словарей, произошли *tolerance* и *toleration*, употреблялся уже писателями античного времени, но долго имел смысл «страдания». Р.Р. Вавилова в своем исследовании описывает толерантность через сдерживание агрессивных и враждебных проявле-

ний. В.А. Петрицкий считает, что толерантность есть: терпимость субъекта по отношению к другому субъекту, несмотря на возможную первоначально негативную оценку; признание права на существование иных вкусов, поступков, стиля поведения, образа мыслей, отличных от моих, и, шире, иной культуры; внутренне осознанная терпимость, основанная на нравственно-понимающем сопереживании [9, с.32].

В.А.Лекторский, анализируя толерантность, рассматривает четыре возможных способа ее понимания:

- *как безразличие к существованию различных взглядов и практик;*
- *как невозможность взаимопонимания (уважение к другому, которого, вместе с тем, невозможно понять, с которым невозможно взаимодействовать);*
- *как снисхождение к слабости других, сочетающееся с некоторой долей презрения к ним;*
- *как расширение собственного опыта и критический диалог [7, с.14–16].*

Такое понимание толерантности и плюрализма В.А. Лекторский считает плодотворным в той ситуации, с которой столкнулась современная цивилизация в целом.

Е. В. Магомедова в своем исследовании отмечает, что «толерантность должна быть механизмом достижения гуманного существования. При этом объект толерантности принципиально четко не очерчивается в силу своей аморфности, то есть он трансформируется в зависимости от социально-культурных и исторических факторов» [8, с.22]. Основная задача, которую автор ставит перед собой, – определить, какая категория – терпимость или нетерпимость – является системообразующей в процессе социогенеза. Исходя из этого, Е.В. Магомедова формулирует тезис, которым пытается доказать, что терпимость как свойство человека и определенный уровень развития общественных отношений оформляется через нетерпимость. Придерживаясь позиции Б.Ф. Поршнева, Е. В. Магомедова считает, что нечто должным образом может быть понято через сопоставление со своей противоположностью. Этой же точки зрения придерживается Р.Р. Вавилова: «Почему мы начинаем с интолерантности? Не только потому, что как говорил А. Шопенгауэр, «первое условие в войне – ознакомиться с врагом», но и потому, что интолерантность первичнее толерантности, «естественнее» её» [4, с.106].

Некоторые авторы (К. Лоренц, Э. Фромм) считают, что ранним системообразующим, преимущественно биологическим по своему содержанию, является состояние терпимости, а развитие социальной структуры в определенном направлении оформляет нетерпимость. Другие (Б.Ф. Поршнев, А.П. Назаретян) предполагают, что первичным, консолидирующим человеческое сообщество, является состояние нетерпимости, которое, по мере вызревания социума, формирует терпимость. Проводя условную параллель между концепциями Э. Фромма и Б.Ф. Поршнева, Е. В. Магомедова отмечает, что, исходя из разных категорий, (терпимости и нетерпимости), они похожи в том, что анализируют данные категории, опираясь на биосоциальную сущность человека, что позволяет обоим выявить терпимость биологического и социального рода; и в этом исследователи похожи. Следуя логике рассуждений Б.Ф. Поршнева, можно прийти к следующему выводу: нетерпимость к индивиду (биологическая по характеру) трансформируется в нетерпимость к иноопыту (приобретает социальный характер), консолидируя соплеменников – носителей одинакового социального опыта. Осознание себя «соплеменником» означает рождение терпимости в отношениях к себе подобным, но уже по социальным характеристикам. Это терпимость не в отношении биологических признаков, а в отношении аналогичного социального опыта.

В.М. Золотухин, исследуя генезис и актуализацию понятия «терпимость» в европейской философской традиции, пишет, что существует потребность изучения

понятия «толерантность», получившего в философской терминологии значение «проблемы терпимости». В результате проведенного В.М. Золотухиным исследования выявлены две тенденции рассмотрения онтологических и гносеологических оснований «терпимости»:

- 1) *христианская*, связанная с наличием безусловной веры, которая воспитывает в человеке смирение и покорность;
- 2) *гражданская*, базирующаяся на познающем разуме, посредством которого достигается оптимальная уравновешенность мировоззренческих притязаний в активной жизненной позиции [5, с.151].

В философии понятие «терпимость» рассматривается как одна из нравственных добродетелей, способствующих самоопределению человека, выявлению и проявлению его сущностных сил для реализации собственного внутреннего потенциала. Вместе с этим, оно характеризует достоинство человека как меру самоуважения и уважения других в социальных взаимосвязях, которые позволяют достичь взаимоприемлемых мировоззренческих решений во всех областях человеческой жизнедеятельности.

По мнению Р.Р. Вавиловой, феноменологической основой теории толерантности является отношение «Я» – «Другой», реализующееся в диалогическом общении. Специфика феноменологического аспекта теории толерантности состоит в том, что объектом теории оказывается сам исследуемый феномен, то есть толерантность как определенное качество личности, выражающееся в определенном поведении в отношении «другого». М.М. Бахтин писал: «Во всем, чем человек выражает себя во вне (и, следовательно, для другого), – от тела до слова – происходит напряженное взаимодействие «Я» и «Другой»: их борьба..., равновесие, гармония (как идеал), навивное незнание друг друга, нарочитое игнорирование друг друга, вызов, непризнание и т. д.» [2, с.112]. Следовательно, диалог как основа толерантности становится одной из основных в понимании данной проблемы.

Толерантность, по определению академика В.А. Тишкова, – личностная или общественная характеристика, которая предполагает осознание того, что мир и социальная среда являются многомерными, а значит, и взгляды на этот мир различны и не могут и не должны сводиться к единообразию или в чью-то пользу. Толерантность, главным образом, – рациональная реакция человека; её уровень зависит от знаний и личного опыта. Однако, как отмечает академик, «это совсем не означает, что интеллектуальность усиливает и гарантирует толерантность. Нетерпимость чаще всего является результатом усилий интеллектов. Они же обеспечивают эмоциональную мобилизацию, производя риторику ненависти, включая насилие» [11, с.52].

По мнению Г. Дмитриева, только толерантностью невозможно достигнуть целей развития подлинно гуманной, многокультурной личности [1, с.182]. Такого же мнения придерживается Р.Р. Вавилова: «...это стартовая позиция на пути гуманного существования. С толерантности следует начинать, она есть средство преобразования ситуации взаимоотталкивания и непринятия, которое наблюдается в социальной жизни» [3, с.123].

В психологической литературе достаточно широко обсуждается содержание «толерантности» и ее критериев. Определение понятия «толерантность» встречается в ряде психологических словарей. Все они имеют общую основную часть, отличаются лишь комментариями, другие достаточно противоречивы. Наиболее часто можно встретить следующее определение толерантности (в переводе с латинского – «терпение»): отсутствие или ослабление реагирования на какой-либо неблагоприятный фактор в результате снижения чувствительности к его воздействию. В «Кратком психологическом словаре: Личность, образование, самообразование, профессия»

М.И. Дьяченко и Л.А. Кандыбович определение дополняется следующим комментарием: «Толерантность способствует повышению устойчивости к некоторому неблагоприятному фактору». Здесь утверждается мысль о том, что толерантность как устойчивость проявляется только при наличии неблагоприятных факторов, в дополнении делается ссылка на раскрытие толерантности через терпимость к другим как одного из существующих направлений в изучении проблемы.

Словарь социально-психологических понятий под редакцией Е.С. Кузьмина раскрывает толерантность как свойство личности непредвзято оценивать людей, в том числе с противоречивыми чертами. Толерантность – признак культуры ума, выражается в уважении к чужим мнениям и убеждениям.

Изучая этнопсихологические аспекты, Г. У. Солдатова обращается к пониманию толерантности в других культурах. Так, в английском языке это «готовность и способность без протеста воспринимать личность или вещь»; во французском – «уважение свободы другого, его образа мысли, поведения, политических и религиозных взглядов»; в китайском языке быть толерантным значит «позволять, допускать, проявлять великодушие в отношении других»; в арабском толерантность – «прощение, снисхождение, мягкость, снисходительность, сострадание, благосклонность...», в персидском – «терпение, выносливость, готовность к примирению» [1, с.11].

По мнению А.Г. Асмолова термин «толерантность» выражает три пересекающихся значения: 1) устойчивость, выносливость; 2) терпимость; 3) допуск, допустимое отклонение» [1, с.90].

Рассмотрение феномена толерантности в ряде словарей как терпение и терпимость позволяет нам обратиться к их анализу. Терпение – социально-психологическая черта человека, показатель мужества, внутренней силы, условие такта в общении. Нетерпеливость как противоположная черта личности – признак неуравновешенности, неумения владеть собой, нередко – болезненного самолюбия. Терпимость – социально психологическая черта человека, выражающая уважительное и доброжелательное отношение к взглядам, убеждениям, верованиям, мнением, традициям, привычкам и поведению других людей. Терпимость способствует достижению взаимопонимания и согласованности в действиях без применения давления, принуждения, угроз. Терпимость не только смягчает противоречия, но и выражает надежду на улучшение отношений, личностное исправление.

Любое определение понятия не может быть исчерпывающим в силу бесконечного многообразия сторон и свойств жизнедеятельности человека. Так же, как было отмечено выше, ничто не может быть понято без рассмотрения противоположности.

Детальный анализ различных подходов к определению понятия «толерантность» выявляет не только разногласия авторов относительно природы толерантности, ее свойств, состояний, личностных образований, но и выводит на поверхность несколько нерешенных проблем. Во-первых, недостаточно подробно рассматривается внутренняя структура толерантности, которая включает в себя то терпение, то неодобрение, то сдерживание, то пассивность. Во-вторых, в проанализированных работах, на наш взгляд происходит отождествление целей и характеристик толерантности с ее функциями. Все эти понятия должны быть четко разграничены.

Рассмотрение толерантности, на наш взгляд, невозможно без изучения ее противоположности интолерантности. Мы предполагаем также, что толерантность – это динамическая сторона устойчивости предпочтений, ориентации на себя и других, однако этот процесс носит личностный характер. Уровень толерантности отдельного человека во многом характеризует его личные качества, нравственную зрелость и культуру, обуславливает его отношения с другими людьми.

Список использованной литературы

1. **Асмолов А.Г., Солдатова Г.У.** О смыслах понятия «толерантность» // Век толерантности: Научно – публицистический вестник. М., 2001.
2. **Бахтин М.М.** Эстетика словесного творчества. М., 1979.
3. Большой толковый психологический словарь. М., 2000.
4. **Вавилова Р.Р.** Толерантность как этическая проблема. М., 1997.
5. **Золотухин В.М.** Толерантность. Кемерово, 2001.
6. **Круглова И.В.** Толерантность: генезис и типология. СПб., 1998.
7. **Лекторский В.А.** О толерантности // Философские науки. 1997. №3–4, с.14-18.
8. **Магомедова Е.В.** Толерантность как принцип культуры. Ростов-на-Дону, 2000.
9. **Петрицкий В.А.** Толерантность – универсальный этический принцип. СПб., 1993.
10. **Скворцов Л.В.** Толерантность: иллюзия или средство спасения? // Октябрь. 1997, №3, с.138-155.
11. **Тишков В.А.** Толерантность и согласие в трансформирующихся обществах / Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997.
12. Толерантность / Общ. ред. М. П. Мчедлова. М., 2003.
13. **Шалин В.В.** Толерантность (культурная норма и политическая необходимость). Краснодар, 2000.

М.Г. Зеленцова

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье рассматриваются современные представления о науке как важнейшем компоненте духовной культуры, основные направления критики науки и пути преодоления кризиса науки, характерного для современного общества.

Наука является одним из важнейших компонентов духовной культуры. Ее особое место в культуре определяется значением познания в практике. Без познания никакая человеческая деятельность невозможна. Конечно, существовали и существуют другие формы познания человеком мира: здравый смысл, традиции, религия, искусство, мифология. Однако в науке познавательный элемент является основным, а рациональность выражена в концентрированном виде. Поэтому наука представляет собой модель, образец познавательной деятельности как таковой.

Наука имеет длительную историю своего развития, она существовала уже в древних восточных культурах, в античном обществе в качестве натурфилософии, хотя и развивалась в рамках синкретического протонаучного знания. Наука выделилась в особую сферу знания и сформировалась как социальный институт в период с середины XV в. до конца XVII в. Пик славы науки приходится на начало 20 в., когда рационализм Нового времени перерастает в сциентизм – преклонение перед наукой, веру в непогрешимость научного знания. Однако уже в середине 20 в. разворачивается острая критика науки, подготовленная философским иррационализмом. Наступает кризис рациональности - второй сильнейший в истории культуры после кризиса древнегреческой цивилизации.

За что критикуют традиционную науку? За ее объективизм, за ее амбициозное

пренебрежение к другим формам культуры, за разрыв с нравственностью, за уход от важных проблем человеческой жизни, за бессилие научного разума перед лицом культурных кризисов, за разрушение природы и т.п. Эта критика во многом справедлива. Однако отказ от разума и науки не сулит человечеству ничего хорошего. Надо исходить из того, что разум, рациональность – атрибутивные характеристики человеческого существа. Кризис рациональности – это одно из проявлений общего кризиса европейской культуры, кризиса ценностей и смыслов человеческой деятельности. Поэтому попытки умаления роли науки в человеческом обществе или представления ее как враждебной человеку силы, предложения отсечь от обычных людей каналы влияния научных и философских знаний и даже отделить школу от науки, внедрить религию в образовательную сферу являются крайне опасными. «Кризис рациональности не означает, что мы должны сделать выбор между рациональностью и абсурдом, – отмечает Дж. Холтон. – Пренебрежение наукой ведет к катастрофе» [9, с.26–58].

Наука не может исчезнуть, но она должна измениться, стать более гуманной, обратиться к человеческим проблемам, соединить истину и мораль. По мнению Э. Гуссерля, преодоление современного кризиса рациональности (и кризиса цивилизации в целом) должно быть связано не с отказом от разума, а с его развитием и совершенствованием, с восстановлением его статуса как одной из высших ценностей человеческой жизнедеятельности. Анализируя причины кризиса европейского человечества, Гуссерль рассматривал кризис Европы как «кажущееся крушение рационализма», ибо «причина затруднений рациональной культуры – не в сущности самого рационализма, но лишь в его «овнешнении», в его извращении «натурализмом» и «объективизмом» [2, с.101–126]. «Рациональность, – писал он, – в том подлинном и высоком смысле, в котором мы ее понимаем, разумеется, нуждается в рефлексивных прояснениях, но именно она призвана в зрелом виде руководить развитием» [2, с.119].

Как прояснить вопрос о сути рациональности? Прежде всего, это прояснение должно быть связано с пересмотром философских принципов классического рационализма и созданием новой формы рационализма. Классический рационализм толковал разум как логику, понятийное мышление, интеллект, рассудок и считал его единственным отличительным свойством человека; все остальные его психические способности рассматривались как второстепенные и малозначащие. Именно против этого выступил философский иррационализм, объявив главными свойствами человека волю, интуицию и чувства и противопоставив их мышлению как иррациональное рациональному. В действительности, мышление, с одной стороны, и воля, эмоции, интуиция, с другой, тесно связаны между собой как две сферы единой человеческой психики. Реальный ход мыслительного процесса не сводится к чисто концептуальной обработке информации, к логико-лингвистическим явлениям; он испытывает на себе влияние перцептивных, эмоциональных, волевых, мнемических, интуитивных и других факторов сознания, являющихся его основой. В то же время, эмоциональная, волевая, интуитивная психическая деятельность человека осуществляется на основе прошлых достижений разума. Поэтому представлять эти две сферы как абсолютно автономные и, тем более, определять все человеческие способности, кроме интеллекта, как иррациональные, т.е. противоразумные, алогичные и т. п., неверно. Прав был К. Поппер, когда предлагал называть классический рационализм «интеллектуализмом», а в определение рациональности с позиций нового рационализма включить ссылку на чувственный опыт и – шире – на все познавательные способности человека [7]. Таким образом, новый рационализм основывается на представлении о единстве рационального и иррационального в человеческом познании.

Другим важным шагом в преодолении кризиса науки должно стать соединение науки с нравственностью. Сегодня имеются достаточно веские основания для амбивалентной оценки научно-технического прогресса: на его основе развивается инструментальный разум в ущерб полноценной рациональности, который негативно влияет на культурные ценности, усиливает бездуховность в обществе, провоцирует сверхпотребление, разрушает среду обитания человека и т. д. Пагубная власть техники над человеком описана в работах многих известных философов, таких как М. Хайдеггер, Х. Ортега-и-Гассет, Ж. Эллюль, Т. Имамичи и другие. Пессимизм по отношению к технике достигает своего апогея в трудах технофобов – Л. Мэмфорда и Т. Роззака. Так, согласно Мэмфорду, человек по природе своей – не «делающее», а «мыслящее» существо, его отличает не орудие, а дух, являющийся основой самой человечности. Техника же есть отрицание живой природы и причина дегуманизации отношений между людьми.

Однако человек, будучи творческим существом, создающим мир искусственного, не может радикально изменить свою собственную природу и совершенно отказаться от преобразовательной деятельности, от техники. Техника как человеческая способность, которую нельзя отождествлять ни с технической деятельностью, ни с продуктом техники, изначально не противостоит духовной культуре, духовным ценностям. Во-первых, техника – самый универсальный феномен культуры, который наличествует во всех без исключения культурных проявлениях. Можно говорить о технике живописи, технике стихосложения, технике танца, технике игры на рояле, спортивной технике, технике строительства, технике математических вычислений, социотехнике, системотехнике и прочее. Во-вторых, техника является причиной зарождения культуры, так как культура появилась в результате человеческого умения, искусности, «технэ», что находит отражение в этимологии самих терминов. Латинский термин «cultura» означает «возделывание, обработка, воспитание, образование». В этих понятиях заложен принцип преобразования, являющийся важнейшим принципом технической деятельности, технэ, умения. Таким образом, при внимательном прочтении слова «cultura» можно заметить его тесную связь с греческим «techne», отражающую реальное единство культуры и техники.

Обострившиеся противоречия между культурой и техникой свидетельствуют, в конечном счете, о неразумии человека, об иррациональном, бесплановом и анархичном состоянии общества. По мнению Т. Адорно, в сильном и действительно рациональном обществе техника могла бы убедиться в своей общественной сущности, а общество – в переплетении своей так называемой культуры с техническими достижениями. «Концепция отвергающей технику духовной культуры сама происходит лишь от незнания обществом своей собственной сущности, – пишет он. – Все духовное имеет технические элементы; лишь тот, кто знает дух как наблюдатель, как потребитель, может позволить обмануть себя тем, будто духовные продукты упали с неба» [1, с.367]. Жесткое противопоставление гуманизма и техники столь же неправомерно, как и противопоставление природы и техники.

Дальнейшая технизация, в том числе, технизация природы, видимо, неизбежна. Но технический прогресс никогда не бывает автономным, идущим вперед сам по себе независимо от человека. Именно человек определяет содержание и направление технического прогресса, превращает его в инструмент и средство для достижения своих целей. Главное – правильное понимание этих целей и ценностей: ими не могут быть только материальное благосостояние или покорение природы, а должны быть также сохранение естественного природного окружения и подлинное самоосуществление человека как целостного природного существа. Необходимо признать, что научно-технический прогресс должен играть подчиненную роль в будущей системе

социальных и социоприродных взаимодействий. «Предметом обсуждения, – справедливо отмечает, например, Х. Ленк, – может быть не упразднение или остановка технического развития, не упразднение науки или замена ее другими традициями, мифами или чем-то подобным. Предметом обсуждения может быть только общечеловеческая, глобально-этически ориентированная гуманизация обращения с техническими возможностями» [3, с.372–392]. Необходимо соединение техники с человечностью. И хотя техническое начало – тоже человеческое, но оно не единственное и должно быть совмещено с другими, прежде всего, нравственным.

Нравственное сознание играет существенную роль в жизни и развитии общества. Исторически оно далеко не всегда действовало и действует в полную силу, ибо часто встречало и до сих пор встречает существенное противодействие со стороны различных частных интересов. В этом заключается одна из причин недооценки его статуса и влияния на другие формы духовной деятельности человека и на социальную практику в целом. Кроме того, существуют объективные обстоятельства, о которых пишет, например, К. Лоренц в своей известной работе «Восемь смертных грехов цивилизованного человечества». Это и перенаселенность Земли, возбуждающая агрессивность людей, и генетическая деградация, и возрастающая индоктринация человечества, влекущая за собой унификацию взглядов, потерю личной ответственности, и многое другое [4, с.39–53].

Часто мораль рассматривают как сферу чисто субъективных отношений, не имеющую реальной почвы в «эмпирическом мире», в «фактах», в объективных законах и т. п. И. Кант полагал, что мораль нельзя вывести из интересов, что она коренится в «чистом разуме» и является необъяснимой. Русский философ А. Введенский утверждал, что логика выше морали. Дж. Мур считал, что добро не вытекает из природы вещей, что оно постигается только интуицией и не имеет рационального содержания. Логические позитивисты рассматривали моральные «предложения» как не имеющие никакого смысла. Однако противопоставление морали и науки нельзя признать оправданным. Мораль выражает объективные закономерности общественной жизни, которые вполне поддаются рациональному, в частности, научному познанию. Этика – одна из неотъемлемых областей науки, которая раскрывает сущность моральных понятий и принципов, морали в целом. Она формулирует основной моральный закон, в основе которого лежит общесоциологический закон (тенденция) согласования, гармонизации интересов социума и его членов, выступающий в качестве высшего принципа социальной целесообразности. Сохранение единства индивидов в общественном целом есть первая и безусловная предпосылка достижения ими всех других ценностей, поэтому социум как ценность имеет приоритет перед всеми другими ценностями. Это отношение первенства общего перед индивидуальным является объективной социальной необходимостью, которая получает свое выражение в моральном сознании.

Будучи не только моральным, но и общесоциальным, закон гармонизации личного и общественного должен действовать во всех сферах общественной жизни. Неверно думать, что политика, например, не может в принципе быть нравственной. Поскольку же до сих пор она считалась «грязным делом», моральные законы реализовывались вопреки воле политиков, в ходе революций. К революциям вела и через них в той или иной мере осуществлялась одна из главных моральных идей – идея справедливости. Столь же неверным является убеждение, согласно которому экономика функционирует только по своим внутренним законам – законам рынка, конкуренции, максимальной свободы предпринимательства и т.п. и не должна считаться с моралью. Под влиянием этой архаичной либеральной идеологии наша экономика приобрела дикий, неуправляемый, полукриминальный и криминальный, антинарод-

ный характер. В действительности, закон гармонизации личного и общественного имеет в сфере экономики значение экономического закона. Если он не учитывается экономической теорией, то это неверная теория. И практика, основанная на такой теории, не может быть здоровой и эффективной.

Мораль выступает и как важнейший социальный механизм регуляции взаимодействия человека с природой, как фактор ограничения агрессии его технологического интеллекта. Анализируя взаимодействие интеллекта и морали, А.П. Назаретян отмечает, что в истории существует устойчивая тенденция: общество, распоряжающееся более мощными технологиями, вырабатывает более обширную и прочную сферу несиловых компромиссных отношений между группами. Существо современного экологического кризиса автор видит в том, что технологический интеллект достиг такого уровня могущества, который не обеспечен адекватными механизмами сдерживания экологической агрессии [6]. Появление экологической этики, задачей которой и является выработка таких механизмов, свидетельствует о начавшихся позитивных сдвигах в сфере общественного сознания.

Экологическая мораль, как и мораль вообще, имеет, по-видимому, еще более глубокие и фундаментальные объективные основания. Можно предположить, что закон гармонизации части и целого – это закон не только общесоциологический или экологический, но и эволюционный – закон Вселенной. Выражающая этот закон идея существования абсолютного добра как некоего принципа организации мироздания, содержащаяся во всех религиозных и теософских доктринах, имеет под собой объективные основания. С точки зрения современной науки, формирование любой кооперативной структуры есть результат компромисса. Учитывая то, что кооперативные процессы проявляют себя во всех сложных открытых самоорганизующихся системах, действительно можно совсем не в мистическом смысле говорить о всеобщем характере закона гармонизации (квазиморального закона) в нашем мире. Н. Н. Моисеев считает, что использование терминов «кооперация» и «компромисс» вполне уместно при описании ряда форм взаимодействия в живой и неживой природе и что человеческая нравственность имеет природные основания. «Принципы нравственности, – пишет он, – формируются (как и духовный мир человека) в процессе эволюции общественного сознания как следствие общих законов самоорганизации Универсума» [5, с.131–139].

Итак, чтобы выйти из кризиса, наука должна измениться, пересмотреть свои собственные идеалы, нормы, методологические установки, цели и ценности. Она должна признать негативные последствия культивирования инструментального разума (интеллекта) в ущерб нравственности, признать ограниченность сциентизма и технократизма и необходимость экологического и гуманитарного контроля над научно-техническим развитием. Эти мировоззренческие изменения, как считают исследователи, уже начались. Давая характеристику постнеоклассической науки, В. С. Степин отмечает ряд ее особенностей: 1) восприятие природы не как механизма, а как целостного организма, что отражается в таких понятиях как биосфера, экосистема (экология); 2) все более актуальными становятся стратегии ненасильственного действия, по мере того, как объектом научного и технологического освоения становятся сложные, саморазвивающиеся системы, обладающие «синергетическими» характеристиками; 3) выдвигается идея неразрывности истины и нравственности, идеала нравственности как регулятора рационального действия, который постепенно становится условием гуманизации технического прогресса [8]. Постнеклассическая наука демонстрирует, таким образом, возможность сохранения рациональности как важнейшей ценности культуры, хотя и в другой форме, отличной от классической рациональности, а также возможность соединения научного ра-

зума с нравственностью.

Кардинальные изменения норм и идеалов науки, способа научного познания мира ведут к усилению интеграции различных научных дисциплин, в первую очередь, естествознания и гуманитарного познания. Это объективная тенденция, но ее реализация требует активной, творческой деятельности самих ученых, глубокого понимания ими тех процессов, которые происходят в современной науке и культуре. Антропология знаний, возвращение этического и эстетического содержания в научное знание сегодня насущно необходимы. Это важно и для развития самой науки, и для сохранения человеческой цивилизации, выхода из глобального кризиса культуры. Как считают философы, предстоит выработать четвертый культурно-исторический тип рациональности, отличный от античного, христианского и современного научного – онтоантропологический. Он предполагает сознательное введение в знание антропологических характеристик, но рассматриваемых не в качестве субъективных, а как вполне объективная смысловая, ценностная часть науки. Необходимо также создание новой интегральной методологии, отвечающей новым идеалам науки.

Весьма актуальной на современном этапе развития науки является социально-нравственная проблематика научного познания. Сегодня резко возрастает не только влияние науки на общество, но и зависимость от политики и идеологии всего хода развития науки, выбора тематики исследований, самого подхода к определению целей и средств исследования, к выявлению экологических и других последствий предлагаемых наукой практических решений. Большое влияние оказывает на деятельность ученого и научное сообщество. В принципе, сторонников всякой философской и научной идеи (метода, стиля, направления, школы и т. п.) можно рассматривать как представителей определенной идейной партии. Групповая пристрастность, заинтересованность группового субъекта действия в определенных результатах своей деятельности может и способствовать, и препятствовать достижению научной истины.

Поскольку усиливается взаимосвязь науки и общества, увеличиваются требования к ученым не только как к специалистам, но и как к гражданам своей страны, а, в конце концов, – и как к представителям всего человечества. Для наиболее обоснованного выбора своей позиции ученый должен хорошо ориентироваться не только в профессионально-специальных, но и в социально-политических, философских (мировоззренческих и методологических), гуманистических, нравственно-этических вопросах развития науки. Действительно демократическое общество предполагает не только плюрализм мнений, свободу выдвижения точек зрения, но и социально ответственное отношение к слову и делу. Важно избегать абсолютного плюрализма, видеть подчиненность его монизму. Каждый имеет не только право на свою позицию, но и обязанность ограничивать свой выбор требованиями объективной научной истины и общечеловеческой морали.

Список используемой литературы:

1. **Адорно Т.** О технике и гуманизме // Философия техники в ФРГ. М., 1989.
2. **Гуссерль Э.** Кризис европейского человечества и философия // Философия как строгая наука. Новочеркасск. 1994, С. 101-126.
3. **Ленк Х.** Ответственность в технике, за технику, с помощью техники // Философия техники в ФРГ. М., 1989.
4. **Лоренц К.** Восемь смертных грехов цивилизованного человечества // Вопросы философии. 1992. № 3, С. 39-53.

5. **Моисеев Н.Н.** Нравственность и феномен эволюции // *Общественные науки и современность*. 1994. № 6, С. 131-139.
6. **Назаретян А.П.** Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры. М., 1996.
7. **Поппер К.** Открытое общество и его враги: В 2 т. М., 1992. т. 1.
8. **Степин В.С.** Эпоха перемен и сценарии будущего. М., 1996.
Холтон Дж. Что такое антинаука? // *Вопросы философии*. 1992. № 2, С. 26-58.

М.Г.Зеленцова, Д.Б.Солон

ИДЕИ ГУМАНИЗМА В АНТРОПОКОСМИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Статья посвящена рассмотрению идей гуманизма в истории философии – от исторически первых до современных. При рассмотрении идей гуманизма в антропокосмической перспективе моральное сознание выступает в двух основных формах – долга и гуманности. Особое внимание уделяется рассмотрению экологической этики.

Гуманизм – один из наиболее фундаментальных мировоззренческих принципов, определивших развитие человеческой культуры с древнейших времен и до наших дней. К историческим формам гуманизма можно отнести религиозный гуманизм (буддизм, христианство), выразивший идею нравственного, духовного преобразования человека, спасения от смерти и страданий на пути любви и ненасилия; греческую «пайдейю» с ее установкой на культивирование человеческого в человеке через образование; либеральный (новоевропейский) гуманизм, утвердивший ценность человека как личности, его право на свободу, счастье, развитие и проявление своих способностей, гуманизм немецкой классической философии (Гегель, Фейербах, Маркс), поставивший в центр идею борьбы с социальным злом; экзистенциализм с его призывом к личностной самореализации и свободе вопреки абсурду повседневности.

Общей для всех исторических форм гуманизма является идея человечности, человеколюбия, гуманности, которая наиболее отчетливо была сформулирована И. Кантом: относись к другому человеку не только как к средству, но и как к цели самой по себе (самоцели, самоценности) [5]. Однако эта фундаментальная идея претерпела в XX веке столь глубокие изменения, что сегодня можно говорить о кризисе гуманизма в рамках общего кризиса европейской культуры. Постмодернизм и неолиберализм (глобализм), претендующие на статус новейших форм гуманизма, провозгласили абсолютную свободу личности, плюрализм и релятивизм в сфере ценностей. Тем самым они фактически дискредитировали понятие добра и основанное на нем понятие гуманности. Человек начал рассматриваться как высшая ценность (что не тождественно его пониманию как самоценности), а право индивида отстаивать свои интересы даже в ущерб интересам других людей и обществу в целом – как его неотъемлемое право. Однако этот путь – ложный, антигуманистический, ведущий человечество к самоуничтожению. Свобода и счастье человека невозможны без соблюдения нравственного закона, следовательно, сам гуманизм невозможен вне сферы морали.

В чем суть морали? Мораль как один из важнейших механизмов регуляции поведения людей направлена на сохранение общества как целого и одновременно на сохранение индивидов как его частей. Само существование общества возможно лишь тогда, когда его интересы приведены в гармонию с интересами отдельной личности. Именно это является главной целью морали и моральным идеалом. Этот моральный идеал выражен в основном моральном законе, или основном моральном отношении: это отношение к благу общества как к первичной цели, к благу личности – как конечной цели, а к их единству – как к высшей цели [3]. Основным моральным законом – законом гармонизации интересов общества и личности (целого и части) – является не только собственно моральным, но и фундаментальным общесоциологическим законом.

Моральное сознание выступает в двух основных формах – долга и гуманности. Гуманность – это моральная необходимость в форме влечения, она основана на осознании единства всех людей как членов общества, их самооценности как целей самих по себе. Для характеристики человека как самооценности в этике используется понятие человеческого достоинства. Оно указывает, что человек заслуживает заботы и уважения со стороны других людей и общества только за то, что он есть человек и член общества. Никакие индивидуальные заслуги здесь не играют роли. Человек может обладать многими ценными качествами (физическими, духовными, профессиональными), благодаря которым его можно использовать как средство, но дело в том, что он не только средство, но и цель сама по себе. Быть гуманным – это и значит относиться к другому человеку как к цели самой по себе, уважать его человеческое достоинство, делать ему добро по желанию, по склонности. Эта идея выражает сущность гуманизма.

Мотив гуманности в структуре морали дополняется мотивом долга. Долг – это моральная необходимость в форме требования. Долг отличается моментом неохотности, т.к. ему противостоят личные склонности и желания. Этот мотив рационален, его реализация требует усилий воли. Но человек понимает, что вне общества он жить не может, и чтобы оно сохранялось и функционировало, он должен подчиняться определенным правилам. Иначе он перестанет быть конечной целью для общества, самооценностью для других людей. Человек – именно конечная цель (самоцель, цель сама по себе), но не высшая цель. Высшей целью, как уже было отмечено, является гармония интересов личности и общества, на что впервые указал И. Кант [5]. Неолиберализм же сознательно подменяет эти понятия.

Казалось бы, неолиберальный «гуманизм» продолжает традиции либерального, просвещенческого гуманизма, который, безусловно, был прогрессивной для своего времени идеологией. Провозглашение человека высшей ценностью в эпоху Возрождения и Нового времени было вызвано исторической необходимостью борьбы светского общества и государства с религиозным мировоззрением. Впоследствии эта форма гуманизма потерпела крах, о чем писал Н. Бердяев еще в начале XX века. В своих работах «Конец Ренессанса и кризис гуманизма», «Новое средневековье» Бердяев говорит о том, что человек слишком возвеличил себя, свое знание и творчество, свой гений, поставил себя выше природы и Бога. Весь гуманистический период истории отрицал аскетическую дисциплину и подчинение высшим «сверхчеловеческим» началам. Произошла растрата человеческих сил, их истощение и, в конце концов, потеря центра в человеческой личности, ее распад. «Гуманистическое безбожие» привело к самоотрицанию гуманизма, к перерождению гуманизма в антигуманизм, свободы – в рабство. Вывод автора состоит в том, что человек должен пройти через новую отрешенность, «новое средневековье» для победы над миром в себе и вокруг себя [1]. Таким образом, возврат к гуманизму в его либеральной форме сего-

дня не имеет смысла. Очевидно, что истинный гуманизм должен включать в себя, вопреки навязываемой нам неолиберальной идеологии, императив долга и гуманности в отношении человека к обществу и к другим людям, императив служения общечеловеческим ценностям, в первую очередь, добру.

Утверждение либеральным гуманизмом идеи высшей ценности индивида влекло за собой и другую идею – идею господства человека над природой. Это идея антропоцентрическая. Антропоцентризм – мировоззренческая установка, сложившаяся на заре западной цивилизации, в Древней Греции, – предполагает духовное возвышение человека как нравственного и разумного существа над другими живыми существами и природой в целом (Сократ, Платон). Эта установка была абсолютизирована в идеологии эпохи Просвещения, выражавшей пафос покорения сил природы, в результате чего антропоцентризм, как и гуманизм, потерпел крах. Сегодня уже ясно, что «прометеевский дух этой идеологии привел технологическую цивилизацию к антагонистическому противоречию с природой» [6, с.80], к экологическому кризису. Современное человечество не может по-прежнему относиться к природе только как к мертвому материалу, служащему средством реализации его потребностей и интересов. Природа должна стать для человека также и целью самой по себе, самоцелью и самоценностью, т.е. объектом гуманного, нравственного отношения. Эта идея является фундаментальной для нового мировоззрения, формирующегося в начале XX века, прежде всего, в рамках русской философии – мировоззрения антропокосмического.

Термин «антропокосмизм» впервые ввел представитель русского естествонаучного космизма Н. Г. Холодный в своей работе «Мысли натуралиста о природе и человеке» (1947 г.). Антропокосмизм Холодного – это продолжение и развитие древних философских представлений о Космосе как гармоничном, живом целом и человеке как его «зеркальном» отражении – микрокосме. «Человеческий микрокосмос, – пишет ученый, – органическая часть всего великого мирового целого, нераздельно с ним связанная и ему же обязанныя своим существованием. Нет и не должно быть никаких границ между миром человека и всей остальной Вселенной, и поэтому нельзя противопоставлять их друг другу» [10, с.199]. Антропоцентризм и антропокосмизм, по мысли Н. Холодного, предстают как взаимоисключающие противоположности: «...первый сосредоточивает главные усилия ума и концентрирует почти все внимание на человеке как центральной фигуре мироздания, оставляя в тени то, что его окружает, тогда как второй, наоборот, стремится более или менее равномерно осветить светом сознания весь космос, а сам человек при этом освещается, главным образом, «отраженными лучами», поскольку его природа и его судьба находят себе правильное объяснение только в свете знания о космосе в целом» [10, с.183]. В рамках антропокосмизма, который сегодня рассматривается исследователями как мировоззрение для XXI века [2, 8], существенно меняется представление о взаимоотношениях человека с природой, о его правах и обязанностях, происходит расширение сферы действия морали. На его основе, а также на основе учения о ноосфере В. И. Вернадского, формируется современная экологическая этика.

В качестве объективных оснований экологической этики выступают реальные отношения человека (общества) с природой как части с целым. Поскольку сохранение системы – первое условие сохранения элементов, постольку первенство интересов системы перед интересами ее частей является объективной необходимостью. Это касается как отношений личности и общества, так и отношений общества и природы. Очевидно, что основной моральный закон, действующий в обществе, с соответствующими изменениями может быть применен к социоприродным отношениям. В этом случае он формулируется следующим образом: нравственным является отношение человека и общества к благу природы как к первичной цели, к собственному

благу как к конечной цели, а к их гармонии – как к высшей цели [4]. Первое отношение является ведущим, поскольку самые значимые интересы общества (а, тем более, узколичные интересы) уступают интересу сохранения природной среды. С другой стороны, интерес сохранения природной среды – это тоже общественный интерес, хотя он и является первичным по сравнению с другими общественными интересами. В конечном счете, общество заботится о самом себе, но диалектика здесь такова, что оно при этом вынуждено подчинять свои интересы «интересам» природы.

Экологическая мораль, как и мораль вообще, имеет, по-видимому, еще более глубокие и фундаментальные объективные основания, чем отношения человека и земной биосферы. Можно предположить, что закон гармонизации части и целого – это закон не только моральный, общесоциологический или экологический, но и универсальный – закон Вселенной. Действительно, современная наука утверждает, что формирование любой кооперативной структуры есть результат компромисса. Учитывая то, что кооперативные процессы проявляют себя во всех сложных открытых самоорганизующихся системах, можно совсем не в мистическом смысле говорить о существовании «абсолютного добра» как некоего принципа организации мироздания, или о всеобщем характере закона гармонизации (квазиморального закона) в нашем мире. Н. Н. Моисеев считает, что использование терминов «кооперация» и «компромисс» вполне уместно при описании ряда форм взаимодействия в живой и неживой природе, и что человеческая нравственность имеет природные основания. «Принципы нравственности, – пишет он, – формируются (как и духовный мир человека) в процессе эволюции общественного сознания как следствие общих законов самоорганизации Универсума» [7, с.138].

Экологическая мораль имеет не только рациональные, научные, но и эмоциональные, психологические основания. Согласно Э. Фромму, любовь к другому, а также к миру в целом укоренена в природе человека, является его сущностной потребностью как разумного существа, сознающего самого себя и свою отделенность, оторванность от мира. На основе любви человек соединяется с миром, избавляется от страха смерти и одиночества, одновременно сохраняя свою целостность и индивидуальность, свою свободу. Однако к полноценной любви способна только зрелая личность. Незрелость самосознания ведет человека к подчинению в той или иной форме (садизм, мазохизм) [9]. Приходится констатировать, что человечество в целом не достигло еще состояния взрослости, зрелости, поскольку до сих пор было способно только на квазилюбовь к природе: в первобытном обществе это страх, поклонение, зависимость (мазохизм), в цивилизованном – стремление к безраздельному господству, покорению, эксплуатации (садизм). Зрелая любовь так и осталась недоступной большинству людей, несмотря на то, что нравственное отношение к природе имеет свои объективные основания в реальных связях человека и биосферы, в его биологии и психологии.

Психологическая метафора «инфантильности» человечества, которое уже вышло из детства, но еще не достигло взрослости, может многое прояснить в современной ситуации глобального цивилизационного кризиса. Подростковый возраст квалифицируется психологами как переломный, разделяющий две фазы жизни человека: первая фаза – овладение обстоятельствами своего существования, в которые человек, родившись, оказывается погруженным достаточно случайно; вторая фаза – самостоятельное строительство своих жизненных обстоятельств, что невозможно без самоидентификации. Работа по поиску самостождественности является в подростковом возрасте центральным событием. Это очень сложный процесс. Иногда человек так и не находит себя, и тогда он не может строить свою биографию, самоизменяться и изменять окружающий мир. У него развивается негативизм, агрессивность, он не способен в своем интеллектуальном развитии перейти на стадию гипотетико-

дедуктивного мышления (по классификации Ж. Пиаже), а в своем моральном развитии остается на преконвенциональном уровне (по классификации Л. Кольберга), то есть его нравственный выбор мотивируется не совестью и чувством долга, а опасением внешних социальных санкций [11].

Эти негативные черты достаточно отчетливо проявляют себя в характере современного человека. Следовательно, важнейшей задачей для человечества на обозримый период является завершение процесса самоидентификации и осознание себя в качестве субъекта саморазвития и самосовершенствования (а не в качестве вершины эволюции и высшей ценности). Только в этом случае будут реализованы заложенные в человеке способности разумно и нравственно строить свои отношения с окружающим миром. И только в этом случае он сможет стать свободным и счастливым. Подлинный гуманизм в его современной форме – это «космический» гуманизм, или антропокосмизм, опирающийся на универсальные и объективные нравственные принципы и выражающий гораздо более конструктивные тенденции развития человеческой цивилизации, чем неолиберализм и постмодернизм.

Список использованной литературы

1. **Бердяев Н.** Философия творчества, культуры и искусства. Сборник статей. М., 1989.
2. **Гиренок Ф.И.** Русские космисты. М., 1990.
3. **Гумницкий Г.Н.** Основы этики: Учебное пособие. Иваново, 1992.
4. **Зеленцова М.Г.** Диалектика природы и общества и ее отражение в моральном сознании. Автореферат дисс... канд. филос. наук. Иваново, 1987.
5. **Кант И.** Критика практического разума // Соч. в 6 т. т. 4, ч. 1. М., 1965.
6. **Кефели И.Ф.** Судьба России в глобальной геополитике // Вестник РФО., 2004. № 2., С. 79–82.
7. **Моисеев Н.Н.** Нравственность и феномен эволюции // Общественные науки и современность. 1994. № 6, с. 131–139.
8. **Сагатовский В.Н.** Философия развивающейся гармонии: ч. 3, Антропология. СПб., 1999.
9. **Фромм Э.** Душа человека. М., 1992.
10. **Холодный Н.** Избранные труды. Киев: Наукова думка, 1982.
11. **Цукерман Г.** Саморазвитие: задача для подростков и их учителей // Знание-сила. 1995. № 5, с. 116–127

М.Б.Клейман

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КЛИМАТА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОРОДА

В данной статье анализируются основные теоретические аспекты исследования социально-психологического климата поселения, которое, в свою очередь, рассматривается в качестве одного из важнейших институтов социализации личности. Обращается внимание на ряд «классических» теоретических разработок оте-

чественных и зарубежных учёных (Ст. Милграм, Б. Д. Парыгин), а также на необходимость переосмысления данных концепций с учётом реалий современного мира. Анализируются результаты сравнительного исследования социально-психологического климата двух крупных городов Центральной России – Иванова и Ярославля.

Социализация личности в условиях системных социальных изменений характеризуется многообразием форм взаимодействия и взаимовлияния различных институтов (агентов) данного процесса. В этой связи особую актуальность приобретает проблема определения характера и особенностей взаимодействия социально-психологических процессов на микро- и макроуровне. Уместно допустить, что подобное взаимодействие осуществляется преимущественно в пространственно-временных рамках *поселения* или *населённого пункта*: деревни, села, хутора, станицы, посёлка, города и т. д. При определённых условиях (замкнутость, однородность этнического состава населения, являющегося в данной стране национальным меньшинством, и т.д.) роль обособленного поселения может играть также «отдельно взятый» район или округ крупного города (таковы, например, Гарлем или Брайтон-Бич в Нью-Йорке). Представляется, что именно здесь общие тенденции развития социума получают своё специфическое отражение в развитии реальных малых групп, локализованных в пространстве и во времени. Любое поселение характеризуется не только «пространственной ограниченностью и территориальной общностью структурных элементов – совокупностей жилищ и других материальных форм приложения труда, объектов производств, инфраструктуры, рекреационных зон и т. д.» [7, с.339], но и исторически сложившимися особенностями межличностного и межгруппового взаимодействия и взаимовлияния. Данные особенности неизбежно накладывают свой отпечаток на процесс социализации личности. Однако каковы основные социально-психологические механизмы подобного влияния? Попытка найти ответ на данный вопрос является основной целью проводимого нами исследования. Его основные задачи заключаются в определении концептуальных оснований проведения эмпирического исследования данных процессов, а также в применении их на практике в условиях «отдельно взятого» поселения.

Эти задачи приобретают особую актуальность сегодня, в эпоху масштабных системных изменений во всех без исключения странах, расположенных на постсоветском пространстве. Противоречивые, подчас драматические, процессы, связанные с зарождением и развитием основных элементов рыночных отношений, имеют множество общих закономерностей, оказывающих неизбежное влияние на процесс социализации личности. Однако эти закономерности (в том числе, социально-психологические) развития общества в постсоветский период приобретают свою особую форму не только в «отдельно взятой» стране, но и в каждом населённом пункте.

Однако актуальность данной проблемы отнюдь не ограничивается пределами государств, образовавшихся на пространстве бывшего СССР. Системные изменения сегодня, в условиях интернационализации и глобализации социальных процессов, характерны для всех стран земного шара. Они неизбежно оказывают влияние на процесс социализации личности, ограниченный пространственно-временными рамками того или иного населённого пункта (или нескольких поселений, как, например, в случае маятниковых миграций). Особенно показательной, на наш взгляд, является ситуация в развитых странах Западной Европы и Северной Америки. С одной стороны, массовый приток иммигрантов в развитые государства мира привёл к тому, что сегодня практически все крупные города Запада превратились в полиэтнические, мультикультурные поселения. Вслед за США, для которых данные явления были характерны ещё в XIX веке, эти процессы ныне стали реальностью и в Западной Евро-

пе. Данные обстоятельства влияют на характер и особенности социализации личности в условиях современного крупного города Запада. Однако всегда ли власти и общественность могут адекватно реагировать на вызовы времени? События октябрь-ноября 2005 г., когда крупнейшие города Франции в течение нескольких недель были охвачены беспрецедентными доселе массовыми беспорядками, к сожалению, дают все основания усомниться в этом. Волна вандализма и насилия, выплеснувшаяся на улицы французских городов, продемонстрировала не только полное бессилие властей и полиции, но и несостоятельность многих оптимистических прогнозов по поводу возможности успешной интеграции национальных меньшинств во французское общество.

Различные социально-психологические аспекты роли поселения в качестве института социализации личности рассматривались многими учёными из самых разных стран мира. Особый интерес к данным процессам стал проявляться в 60-е – начале 70-х годов XX столетия, в условиях ускорения темпов урбанизации во всём мире. Наиболее последовательную попытку сравнительного анализа некоторых наиболее общих закономерностей социализации личности в условиях больших и малых городов предпринял известный американский социальный психолог Ст. Милграм. Однако его работы (при всех их несомненных достоинствах) отличаются отсутствием чётких концептуальных оснований анализа исследуемых процессов. Несмотря на то, что в них впервые сделана попытка реализации системного подхода к исследованию социально-психологических проблем развития города, остаётся неясным, что же в данной ситуации является системообразующим фактором.

В тот период проблема анализировалась в основном на уровне коллектива, и большинство исследователей считали психологический климат, сложившийся в том или иной коллективе, результатом тех взаимоотношений между участниками производства, которые складываются в процессе производственной деятельности.

По мнению Б. Д. Парыгина, социально-психологический климат «представляет собой преобладающий и относительно устойчивый психический настрой коллектива, который находит многообразные формы проявления во всей его жизнедеятельности» [14, с.11]. Данная точка зрения представляет особый интерес, поскольку именно Б. Д. Парыгин обращал внимание на необходимость изучения социально-психологического климата не только на уровне коллектива, но и на уровне города, села, иного населённого пункта [13, с.20–22]. Действительно, не следует забывать о том, что любой коллектив (как и иная социальная группа) существует и развивается отнюдь не в вакууме. Динамика внутри- и межгруппового взаимодействия на микроуровне (в семье, трудовом или учебном коллективе и т. д.), безусловно, зависит от социально-психологических особенностей «большого» социума, в рамках которого функционирует и развивается малая группа. Он определяется исторически сложившимися особенностями межличностного, внутри- и межгруппового взаимодействия, а также эмоциональным и предметным настроением жителей того или иного населённого пункта в отношении среды своего обитания. В конце 60-х – начале 70-х годов XX столетия методологические и методические аспекты данной проблемы обсуждались В.В. Новиковым, проанализировавшим особенности социально-психологического климата сельских поселений Пошехонского района Ярославской области. Позднее в Самарском государственном педагогическом университете сложилась научная школа, возглавляемая Г.В. Акоповым и сконцентрировавшаяся на изучении феномена провинциальной ментальности. Однако сегодня данные традиции нуждаются в дальнейшем творческом развитии. В частности, введение в научный оборот понятия «социально-психологический климат поселения» могло бы придать более ярко выраженный системный характер анализу той же провинциальной ментальности.

90-е годы XX столетия были отмечены резким ослаблением экономических, социальных и культурных связей между различными регионами России. Как следствие, огромный разрыв между центром и периферией, характерный, как мы видели, и для предыдущих периодов отечественной истории, приобрёл ещё более острые формы. Сегодня «произошло *расслоение городов на «фаворитов» и «неудачников»* [6, с.153]. Разумеется, корни данной ситуации следует искать, прежде всего, в сфере экономики. В положении «фаворитов» оказались крупные многофункциональные промышленные центры, а также города, расположенные в нефте- и газодобывающих районах. Роль же «неудачников» в результате непродуманного проведения экономических реформ была уготована монофункциональным индустриальным центрам: текстильным, угольным, горнорудным... Узкая специализация подобных городов в значительной мере лишила их свободы экономического маневра. Однако, применяя системный подход к анализу особенностей инновационной среды того или иного поселения, уместно предположить, что сама по себе экономика является лишь результатом адаптации различных социальных групп к определённым природно-климатическим и историческим условиям, в которых осуществляется развитие социума.

Яркой иллюстрацией подобного предположения служит, на наш взгляд, принятая нами попытка анализа особенностей социально-психологического климата двух крупных городов Центра России: Иванова и Ярославля. Чуть более 100 километров разделяет центры двух соседних областей, но даже стороннему наблюдателю бросается в глаза резкое различие уровня и качества жизни в них.

В настоящее время нами проводится исследование, основанное на использовании модифицированного варианта методики «Незаконченные предложения» и посвящённое сравнительному анализу особенностей социально-психологического климата Иванова и Ярославля. На сегодняшний день уже опрошено 158 человек: 83 респондента живут в Иванове, а 75 – в Ярославле; все они являются студентами ивановских и ярославских вузов.

В целом молодые ярославцы чувствуют свою непосредственную причастность к судьбе своего города, готовы развивать и обогащать богатые традиции экономической и культурной жизни Ярославля. 67 процентов опрошенных нами студентов после окончания вуза планируют остаться жить и работать в этом городе. В Иванове же молодые люди испытывают по отношению к своему городу противоречивые чувства. Любя свою «малую Родину», опрошенные нами студенты в то же время переживают достаточно сильное ощущение отчуждения, а также состояние фрустрации, вызванное осознанием их неспособности как-то повлиять на улучшение обстановки в своём городе. 64 процента респондентов после окончания вуза планируют жить и работать в других регионах России.

Разумеется, размер выборки пока не позволяет нам делать сколь либо значительные обобщения, тем более что наше исследование ещё продолжается. Однако данные результаты, на наш взгляд, позволяют сделать предположение о более благоприятном социально-психологическом климате Ярославля по сравнению с Ивановом. Это, в свою очередь, лишним раз свидетельствует обо всё более углубляющемся разрыве между центром и периферией в современной России.

Конечно, если сравнивать Иваново и Ярославль, нельзя не обратить внимание на специфику формирования традиций этих городов.

Уместно допустить, что выгодное географическое положение Ярославля на пересечении важнейших водных и сухопутных торговых путей России обусловило развитие города как открытой системы, одного из значительных «очагов» модернизационных процессов в нашей стране. Это, в свою очередь, предопределило традиционную толерантность его жителей, их восприимчивость к инновациям. Не случай-

но, именно здесь в 1750 г. Ф.Г. Волковым был создан первый в России профессиональный театр, а в начале XIX столетия открылось одно из первых высших учебных заведений нашей страны – Демидовский юридический лицей.

Разумеется, «розовый, оптимистический взгляд на историю одного из древнейших городов России» [16, с.34], от которого ещё во второй половине XIX столетия предостерегал исследователя выдающийся писатель, публицист и историк Л.Н. Трефолев, явно не соответствует исторической реальности. Развитие города носило сложный и противоречивый характер. В 1877 г. Л. Н. Трефолев отмечал: «Сто двадцать лет назад Ярославль был далеко не похож на тот благоустроенный город, каким он является в настоящее время. Это был город, носивший на себе множество отпечатков старой, допетровской Руси. Улицы, неправильно расположенные и, по большей части, узкие, утопали весной и осенью в грязи <...> ... Тогда во всём городе было только 43 каменных дома <...>. Жили ярославцы, как уже замечено, вообще грязновато. О гигиенических условиях никто не заботился... По городу в летнее время бродил домашний скот; не мощеные улицы и площади, покрытые травой, давали коровам и лошадям отличный подножный корм...» [16, с.37–38].

Ситуация стала меняться во второй половине XVIII, в период «просвещённого абсолютизма» Екатерины II, в результате проведения реформ, о которых упоминалось выше. Немалую роль здесь сыграл видный государственный деятель екатерининской эпохи А.П. Мельгунов, ставший в конце XVIII века первым ярославским губернатором. Именно в период его губернаторства Ярославль стал застраиваться по регулярному плану, сохранившему свои очертания и поныне. В городе стали развиваться образование, наука и культура, что придало дополнительный импульс развитию Ярославля во второй половине XIX века, после отмены крепостничества.

В советский период Ярославль не остался в стороне от тех урбанизационных процессов, о которых уже говорилось выше. Однако отношение официальных властей к городу как к «провинции», олицетворяющей, скорее, прошлое, а не будущее нашей страны (определённую роль здесь сыграл антибольшевистский мятеж июля 1918 г.), в некоторой степени сыграло позитивную роль. Во многом благодаря данному обстоятельству удалось сохранить уникальный архитектурный облик центральной части города. Кроме того, выгодное географическое положение города сыграло свою позитивную роль: не претендуя на роль идеологического символа, Ярославль, тем не менее, продолжал не только сохранять, но и укреплять статус полифункционального, крупного промышленного центра. В городе существовали те отрасли промышленности, которые требовали определённого минимума квалификации рабочих: нефтепереработка, нефтехимия, машиностроение, радиоэлектроника. Всё это обуславливало достаточно высокий интеллектуальный потенциал города. В годы, когда официальные власти склонны были рассматривать Ярославль лишь как ничем не приметный областной центр, мало подходящий для создания «образцовой» модели «города будущего», сохранилась и традиционная восприимчивость его жителей ко всем прогрессивным инновациям в сфере науки и культуры. Данные особенности инновационной среды в совокупности со структурой промышленности города, соответствующей приоритетным направлениям развития современной российской экономики, в 90-е гг. XX столетия во многом повлияли на относительно благоприятные стартовые возможности Ярославля для вхождения в рыночную экономику, превращение его в один из ведущих городов России с точки зрения уровня и качества жизни. Относительное благополучие (по российским меркам) Ярославля отодвигает в сознании многих представителей т.н. «дотационных регионов» на второй план многочисленные проблемы, стоящие перед городом (загрязнение окружающей сре-

ды, рост преступности, алкоголизма и наркомании, разрыв между богатством и бедностью и т. д.).

Развитие Иванова, на наш взгляд, также обусловлено сложной и противоречивой, несмотря на его относительную «молодость», историей города. Пожалуй, утверждение о том, что именно здесь основные тенденции развития российского общества традиционно выражались (и до сих пор продолжают выражаться) в своей наиболее концентрированной и зримой форме, вовсе не является метафорическим. Благодаря сочетанию целого ряда географических, исторических, социально-экономических, демографических и социально-культурных факторов основные противоречия, определявшие (и по сей день определяющие) ход развития России, в Иванове проявлялись особенно ярко.

Бывшее крепостное село, преобразованное в город в 1871 г., традиционно представляло собой замкнутую социальную систему с характерной для крестьянской общины недоверчивостью ко всему иному, чужому, непонятному. Географическая близость к Москве причудливо сочеталась с изолированностью села, а впоследствии – города, вызванной его расположением в стороне от важнейших торговых путей России. Однако здесь традиционно был развит ткацкий промысел, что отличало Иваново от большинства других деревень и сёл, и способствовало его превращению в важнейший текстильный центр России. В отличие от Ярославля с его значительным «удельным весом» интеллигенции, купечества и духовенства в социальной структуре города (при благоприятном развитии событий эти слои населения могли бы составить основу российского «среднего класса»), Иваново населяли преимущественно вчерашние крестьяне, большинство из которых обеднели и стали наёмными рабочими на текстильных фабриках. Всё это обусловило особую остроту социально-классовых противоречий в Иваново-Вознесенске (так назывался город до 1932 г.). По свидетельству современников, датируемому началом XX столетия, «классовые противоречия здесь обнаружены до мозга костей: рабочие, угнетённые до последней степени, с одной стороны, и капиталисты-фабриканты, пропитанные самыми грубыми эксплуататорскими инстинктами, – с другой, не имеют между собой никаких переходных слоёв, какие существуют в культурных центрах в лице «общества» «интеллигенции», учащейся молодёжи» [20, с.173]. Не случайно, именно здесь в 1905 г. был создан первый в России Совет уполномоченных, который справедливо считается прообразом Советской власти. Он в основном воспроизводил важнейшие черты традиционного механизма осуществления власти в рамках сельской общины. Большевики рассматривали Иваново как «город будущего», и после победы Советской власти предприняли попытку создать здесь реальную модель подобного города, которая служила бы образцом для всей страны.

Эта попытка дала неоднозначные результаты. В советский период была создана уникальная вузовская среда города, пожалуй, не имеющая аналогов в России. Данные обстоятельства создают объективные возможности для благоприятного развития инновационной среды Иванова, превращения его в современный наукоград. В этом отношении Иваново имеет очевидные преимущества по сравнению с Ярославлем, относительное благополучие которого во многом определяется зависимостью от пресловутой «нефтяной трубы»: на уязвимость подобного варианта развития города обращалось внимание в исследованиях зарубежных учёных [24, с.1204–1227].

Однако, к сожалению, вузовская среда до сих пор так и не стала социообразующим ядром, определяющим основные тенденции развития города. На наш взгляд, это во многом объясняется традиционной монофункциональностью экономики города. Уместно предположить, что преимущественный акцент на развитие Иванова как текстильного центра России, в целом сохранившийся и в советское вре-

мя (хотя попытки исправить данную ситуацию предпринимались неоднократно), не только ограничил свободу экономического маневра в постсоветский период. Данное обстоятельство существенно повлияло и на сохранение архаичных неформальных инструментов межличностного и социального взаимодействия, влияния и контроля, характерных для крестьянской общины. Ещё в конце XIX века Э. Дюркгейм пришёл к выводу о том, что именно разделение труда делает людей непохожими друг на друга и повышает значение отдельно взятого человека [8, с.256–309]. Логично допустить, что монофункциональность экономики Иванова, напротив, способствовала сохранению культурно-типологической однородности населения города.

Отток из Иванова наиболее образованных и квалифицированных выпускников вузов тормозит развитие города. И напротив, привлекательность Ярославля, на наш взгляд, вызвана не только относительно высоким, по российским меркам, уровнем жизни. Анализ социально-психологического климата города, по крайней мере, в сравнении с Ивановом, на наш взгляд, достаточно наглядно иллюстрирует следующее предположение Ст. Милграма: «В больших городах для проявления индивидуальности и даже эксцентричности создаются более благоприятные условия...» [12, с.293]. Поэтому уместно допустить, что приток в Ярославль талантливых молодых людей обусловлен и более высоким качеством жизни, то есть более широкими возможностями самореализации личности, достижения не только материального, но и духовного благополучия.

Всё это ещё больше усиливает социально-экономическое неравенство Иванова и Ярославля.

Вместе с тем, именно сегодня, в условиях проведения новой региональной политики, Иваново имеет реальные шансы превратиться в центр разработки и использования новых наукоёмких технологий. Это неизбежно повлечёт за собой приток в экономику Ивановской области столь необходимых инвестиций.

Так или иначе, решение данных проблем невозможно без постоянного и всестороннего мониторинга социально-психологического климата того или иного поселения.

Список используемой литературы

1. **Ахиезер А.С.** Миграция как аспект цивилизационного исследования России // Вестник РФО. 2004. № 1, с. 160-163.
2. **Баканов С.А.** Малый советский город 1960–80-х гг. в зеркале отечественной урбанистики // Новый исторический вестник. 2003. № 1.
3. **Балдин К.Е., Семенов А.М.** Иваново: история и современность. Иваново, 1996, с. 123-133.
4. **Балдин К.Е.** Яков Гарелин: предприниматель, историк, меценат. М., 1993.
5. **Бердяев Н.А.** Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
6. **Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен.** М., 2001.
7. **Демографический энциклопедический словарь.** М., 1985.
8. **Дюркгейм Э.** О разделении общественного труда // Западноевропейская социология XIX–XX веков. М., 1997.
9. **Милов Л.В.** Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.
10. **Нешадин А., Горин Н.** Феномен города: социально-экономический анализ. М., 2001.
11. **Новиков В.В.** Очерки психологии крестьян. Ярославль, 1975.
12. **Пайнс Э., Маслач К.** Практикум по социальной психологии. СПб.: Питер, 2000.
13. **Парыгин Б.Д.** Научно-техническая революция и социальная психология. Л., 1976.

14. **Парыгин Б.Д.** Социально-психологический климат коллектива. Л., 1981.
15. **Соловьёв С.М.** Чтения и рассказы по истории России. М., 1989.
16. **Трефолев Л.Н.** Исторические произведения. Ярославль, 1991.
17. У социальной психологии пора прорастания крыльев. Материалы к пленарному докладу на Международном симпозиуме «Социальная психология. Практика. Теория. Эксперимент. Практика» // Руков. авт. коллектива В. В. Новиков. Ярославль, 2000, с. 3-12.
18. **Фида А.** Эти странные греки. М., 2000.
19. **Шаповалов В.Ф.** Неустрашимость наследия // Социологические исследования. 1995. № 2, с. 56-57.
20. **Экземплярский П.М.** История города Иванова. Часть 1. Иваново, 1958.
21. **Adorno T. W., Frenkel-Brunswik E., Levinson D. J., Sanford R. N.** The Authoritarian Personality. N. Y., 1950.
22. **Berger B., Berger P., Kellner H.** The Homeless Mind: Modernization and Consciousness. N. Y., 1973.
23. **Chodak S.** Societal Development. N. Y., 1973.
24. **Feagin, Joe R.** The Global Context of Metropolitan Growth: Houston and the Oil Industry // American Journal of Sociology. 1985, 90 (6).
25. **Freudenburg W. R.** Boomtown's Youth: The Differential Impacts of Rapid Community Growth on Adolescents and Adults // American Sociological Review. 1984, 49 (October).
26. **Harper Ch.** Exploring Social Change. Englewood Cliffs: N. J., 1989.

М.В. Логинова

АНТРОПОЛОГИЯ В ФИЛОСОФИИ ЦЕННОСТЕЙ И СУЩНОСТЕЙ

Статья посвящена анализу антропологического подхода в современной философии. В ней рассматриваются взгляды на антропологию в философии ценностей и сущностей как философов прошлого, так и современных.

Антропологические проблемы являются актуальными в философии на протяжении всей истории человечества. Сам интерес к человеку вытекает из специфики философского знания. Вопросы, касающиеся природы человека, стали наиболее актуальными после антропологического поворота в философии, о котором писал М. Шелер («Человек не знает себя»).

В современном обществе человек распадается на части, соответственно единство человека разрушается.

Интересные позиции малоизвестных философов – Ганса Майера, Фриц-Иоахима фон Ринтелена, Белы фон Бранденштайн – поддерживают эту идею. Ключевая идея в их концепциях – единство. Они придерживаются мнения, что человек – это целостная идея. Концепция синергетики представлена и в работах современных философов В. Н. Саготовского, М. Г. Зеленцовой.

Германский антрополог В. Брюнинг развивает понятие антропологии в своей книге «Философская антропология».

Некоторые мыслители, не имея ничего против томизма или схоластики, развивают свою философию независимо от этой традиции, при этом приходят к результатам, в значительной степени родственным.

Один из представителей этого направления, например, Ганс Майер в своих учениях опирается на схоластическую традицию. Основную мысль в своих трудах он направляет на человека «сверху», «от духа», «от Бога». Человек выступает как высшее из живых существ на Земле, как венец доступного взору творения. Он связан с жестко фиксированным строем бытия и ценностей, с сущностным миропорядком и занимает в нем свое место, даже если он как личность, как уникальная душа в ее религиозной дальности, не поглощается этими всеобщими порядками [4]. Человек имеет субстанциональную сущностную духовную природу, которая не изменяется во времени и в связи с происходящим вокруг. Эта духовная природа принципиально возвышает его над низшими ступенями бытия и связывает с Богом. Человек создан Богом и создан для того, чтобы стремиться к Нему. Излишний натурализм, акцентирование персоналистских и экзистенциалистских аспектов в соответствующих философиях, полное разложение иррационализмом индивидуальности человека в потоке становления или излишняя переоценка его трансцендентально-конститутивных функций в идеализме – все это Майером решительно отвергается.

С близкими идеями выступает Фриц-Йоахим фон Ринтелен. Он опирается философию ценностей и укрепляет основные позиции в борьбе против современного релятивизма и субъективизма. Ученый отстаивает образ человека, определяемый аполоновским духом, в противовес волюнтаристскому и виталистическому толкованиям человека. Согласно ему, основной признак современного времени – то, что люди полностью отдали себя во власть формальной динамики земных сил и собственной упорной деятельности, происходящей по ту сторону любых духовных связей. Власть находится в руках «демонии воли». Современный «голый» гуманизм желает знать только механистические и витальные процессы становления, упуская из виду несущие опоры имманентного духовного закона [2]. При этом часто становление берется лишь формально-количественно, а качественные ценностные различия не принимаются во внимание.

В результате современность характеризуется глубоким неверием, отсутствием тех значимых форм и образов, которые для человека античности и средневековья как раз и были основой согласия с миром. Такая продиктованная крайним динамизмом установка для Ринтелена тождественна номиналистической релятивизации всех ценностей и истин. Принято пренебрегать ценностями, нормами и законами, ибо их считают статичными и насилующими жизнь. Полагают, что общезначимое, стоящее над потоком становления, представляет собой, к сожалению, некоторое субъективное установление и зависит только от произвола субъекта [1].

Таким образом, параллельно с динамизмом выступает односторонний субъективизм. Однако, согласно Ринтелену, совершенно напрасно стремиться выступать против этого перегиба в сторону иррационального становления, выдвигая взамен столь же одностороннюю рационалистическую интеллектуальность, как это часто происходит в наше время. Современность глубже всего страдает именно от того, что мы утратили единство, а в результате сплошь и рядом мечемся между выродившейся формальной интеллектуальностью и инстинктивным миром хаотической жизни. Утрачена чрезвычайно плодотворная срединная позиция между этими крайностями.

Из-за этого уже не удастся постичь в первую очередь духовную личность человека: она либо насилуется в абстрактных рационалистических системах, либо растворяется в иррациональном потоке становления.

Ринтелен ставит перед собой задачу показать, что Бог – это нечто совсем иное, чем приземленный, высчитывающий, формальный интеллект, направленный только на количественное. Он понимает под духом нечто нечувственно внутреннее, только и придающее всему сущему подлинный, объективный смысл, существенно формирующее его. Этот дух поэтому не находится в резком противоречии с жизнью, а надстраивается над ней и соединяется с ней в некое всеобъемлющее целое. Подлинный, полноценный дух обретает жизненность только в человеке, может произрасти действительно только в нем. Это «в человеке» и есть выражение связи духа и жизни, логоса и эроса. Дух характеризуется приматом смысловой определенности, позволяющей упорядочивать и задавать ценности [3]. Он непротиворечив и стоит над временем. Он выражает себя либо как безличное Духовное, имманентно – как сущностная структура в любом сущем, либо как неосознанно-осознанное, как субъективный дух, который сам в состоянии постичь смысл, установить его и выразить.

Дух, следовательно, не восходит ко всеобщим, безличным связям сущностей, а в своих глубочайших формах реализует себя как человеческая личность, и именно в ней-то и постигаются в то же самое время связи с низшими витальными слоями. Глубина жизни и высота духа взаимно полагают и требуют друг друга; однако примат здесь однозначно принадлежит последней.

Примат сущностно-духовного по отношению к «чистой» жизни и ко всякого рода односторонней экзистенции отстаивает и Бела фон Бранденштайн. Уделим внимание аспекту его дискуссии с философией экзистенциализма. Бранденштайн полностью признает серьезность тех проблем, которые ставит экзистенциализм. Конечно, живущий в страхе человек в своем земном существовании глубже всего постигает основополагающую ничтожность своего бытия. Но эта экзистенциальная ничтожность, по мнению Бранденштайна, не может остаться окончательным ответом на вопрос о человеке. Ведь если антропологическое исследование будет проникать достаточно глубоко, если оно системно будет учитывать бытие, ценность и смысл человеческой сущности, то оно выйдет за рамки голой изолированной экзистенции к признанию всеобщего ступенчатого строя сущностей, на вершине которого пребывает Бог. Это мирострой, проявляющий себя одновременно и в онтологии, и в гносеологии требует от человека признания и подчинения, что обретает свой конечный смысл из подчинения высшему, божественному бытию. Поскольку этот мирострой обладает значимостью, становится очевидной потребность в дополнении «чисто» экзистенциальных, ограниченных интерпретаций человеческого бытия [3]. Элементы индивидуальной объединенности, замкнутости и временности следует преодолевать, двигаясь в направлении индивидуального единства и устойчивости.

Таким образом, Бранденштайн резко выступает против определения человека как чистой «временности». Бытие не может быть отождествлено со временем, ибо оно имеет сущностные структуры не подвластные времени, стоящие выше его. И сам человек тоже есть нечто большее, чем у временное существование – экзистенция. Пожалуй, верно, что осознание человеком своей смертности может побудить его к более глубокой и осмысленной жизни. Но осознание своей смертности дополняется осознанием того, что конец земного существования не есть нечто абсолютное, а лишь переход к потусторонней жизни. Более глубокое метафизическое постижение сущности человека ведет, следовательно, к преодолению приписывания ему конечности и к уразумению его вечного предназначения.

На наш взгляд, некоторые философы сохраняют позицию религиозного взгляда на природу человека. Возникновение новых направлений, таких как этология, нейрофизиология, психология, социобиология, дает основание предполагать, что природа человека не искореняется религией. Духовность не исчерпывается при-

родой человека. Духовность – это то, что отличает человека от животного. Она включает в себя и нравственность. Это высшее в человеке.

Список используемой литературы

1. **Ефимов Ю.И.** Философские проблемы теории антропосоциогенеза. Л. 1981.
2. **Кимелев Ю.А.** Современная философско-религиозная антропология. М., 1985.
3. **Леви-Стросс К.** Структурная антропология. М., 1985.
4. **Перцев А.В.** В. Брюнинг или Круг всемирной философии // Западная философия: итоги тысячелетия. Екатеринбург: Деловая книга, Бишкек: Одиссей, 1997.
5. <http://elenakosilova.narod.ru>

Е.В. Палей

ЦЕННОСТИ КАК ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ

Автор рассматривает ценности как элемент интеграции всех аспектов природы человека, осуществление его разностороннего потенциала. В связи с этим анализируются некоторые аксиологические взгляды западных и русских философов, в частности понимание любви как ценностного ядра личности.

Ценности выступают свойством отношения человека с окружающим миром. Человек – главный носитель ценностей, его потребности и интересы создают фундамент для возникновения ценностного отношения. Существование ценностей как целей и средств также напрямую связано со способностью человека к целесообразной и целеполагающей деятельности. Ценность в качестве элемента целесообразности выступает регулятором поведения человека, она определяет системную упорядоченность различных актов и операций, является элементом интеграции. Закономерно поэтому, что многие аксиологические исследования не обошли вниманием вопрос об ориентирующе-направляющей роли ценностей. Но вместе с тем существует и неоднозначность в понимании ценности как объекта стремлений человека, тесно связанная с представлением об особенностях человеческой природы.

Философско-антропологическая и персоналистская трактовка природы ценностей тесно увязывают идею его открытости с существованием абсолютной ценности как высшей цели стремлений человека. Открытость при этом понимается как открытость царству должного. Человек рассматривается существом, превосходящим все природное бытие, сверхприродным субъектом. Ориентация человека на отыскание вечных ценностных оснований бытия в философских воззрениях довольно часто трактуется как ориентация на божественные начала. В данном случае аксиологические построения представляют собой складывание строгой вертикали, на вершине которой существует Бог как высшая ценность. Анализ ценностей переходит в онтологическое русло, вся наличная действительность рассматривается сквозь призму ее возрастающих ценностных характеристик.

Без сомнения, такое понимание имеет серьезные основания. В ценностном отношении заложен механизм постоянного расширения границ существования человека: ценность-цель становится средством для другой, более высокой цели и т. д.

Высшие идеалы человек чаще видел в духовных ценностях. Это закономерно, ведь они не просто цели, а такие цели, в которых человек направлен на явления, выходящие в бесконечность. Границы материального развития, телесного совершенствования всегда более обозримы. А стремление к истине, добру, красоте, – это область возможностей духа, многообразных по содержанию и безграничных во времени и пространстве.

В определении ценности философской антропологией, персонализмом и экзистенциализмом есть общая особенность, связанная с их «феноменологическим прошлым», – в этих теориях ценностное отношение рассматривается как стремление к чему-то, при этом акцент делается на сам процесс направленности как особое состояние субъекта, связывающее его с окружающей действительностью. В теориях с более выраженным религиозным содержанием этот акцент смещается на конечный пункт совершенствования – Бога. Но вместе с тем данный подход оставляет без должного внимания обратную сторону открытости и незавершенности человека. Ведь незавершенность может рассматриваться и как несовершенство, то есть отсутствие полноты, силы и способности реализовать данные человеку возможности. Игнорирование этого аспекта может превратить человеческую жизнь в однолинейный процесс. Современные антропологические исследования говорят нам, что границы антропологической действительности более подвижны, особенности ее существования противоречивы.

Природе человека присущи богатство, разнообразие и непостоянство. Индивид как универсальное существо не только воссоздает опыт прошлого, но и развивает себя. И личный потенциал всегда оказывается богаче наличной социальной действительности [2, с.59, 73]. Сохраняя себя в качестве определенной целостности, природа человека обладает пластичностью. Человек – существо принципиально свободное. Это позволяет ему существовать в огромном поле выбора возможностей, служит основой самоутверждения личности. Как явление, требующее ответственности, свобода выступает средством регуляции человеческих отношений. Наличие свободы как важнейшего атрибута человеческого бытия не дает нам возможности рассматривать его жизнь строго детерминированной высшими идеалами. Существование человека – не то же, что совершенствование. А поэтому стремление к высшим ценностям не есть предопределенное развитие. В истории аксиологии толкование ценностей вне рамок вертикальной иерархии встречается не часто, но само существование подобных теорий уже показательно.

В аксиологической концепции Ф. Ницше не просто произведен пересмотр традиционной системы ценностей. С Ницше понятие ценности перестает отождествляться с ее конкретными видами и модификациями. Он демонстрирует необязательность построения вертикальной ценностной иерархии, наличия обязательной высшей ценности-цели. Его аксиологический мир хаотичен, и главное в нем – воля к власти как основной мотив, двигатель жизни внутри становления. Она обеспечивает искание смысла жизни в самой жизни и придает тому, что есть, высшую позитивную ценность становления [3, с.194]. Развитие природы человека в таком варианте ничего не гарантирует. Это превращает человеческую жизнь в бесчисленную смену различных способов поведения и отношения к окружающему. На наш взгляд, данная позиция также отражает некоторую крайность в понимании и человека, и ценности. (Не стоит упускать из виду, что создавалась она с целью сознательного разрушения классических европейских представлений о ценностях).

В аксиологической системе Ницше практически отсутствуют идеалы (высшие ценности-цели), ценности являются лишь субъективными и относительными феноменами. Кроме того, понимание ценности как относительности не учитывает момент

диалектической взаимосвязи относительного и абсолютного. Если все ценностные явления и характеристики относительны и проистекают из воли к власти, то сама воля к власти становится абсолютной ценностью, имеющей всеобъемлющее значение, – то есть тем, что отрицал Ницше. Таким образом, трактовка ценностей в качестве стремления к чему-либо отражает суть ценностного отношения как отношения телеономического. Но всесторонний анализ данного понимания ценностей возможен лишь с учетом единства всех сторон человеческой природы, а также рассмотрения конкретной жизненной реальности и сферы ценностных идеалов в соответствии друг с другом. Таким вариантом истолкования целостного аксиологического видения мира является русская религиозная философия (прежде всего в ее наивысших проявлениях конца XIX – начала XX века).

Философы ставят себе задачу возврата к бытию как чему-то родственному человеческой душе, – удаленному, но в то же время лежащему в глубинах личности. Этому пониманию отвечает концепция всеединства, представляющая мир в другом аксиологическом измерении. Она не предполагает господства одного царства ценностей-целей. Два мира (действительный и божественный) различаются между собою не по существу, а только по положению [4, с.116, 125]. В философских трудах русских мыслителей, на первый взгляд, присутствуют все характерные признаки объективно-онтологического подхода к ценности как самодостаточной сущности, что выступало естественным следствием религиозной направленности русской философии данного периода,

С точки зрения В. С. Соловьева, божественное начало есть все, оно абсолютно, совершенно, все в себе содержащее. Полнота бытия может находиться только в сверхприродной области. Собственное содержание божественного начала составляет идея безусловного блага и безусловной любви. Действительность безусловного начала не может быть доказана чисто логически, она может быть дана только верой. В вере внутренние данные религиозного опыта познаются как откровение [4, с.53, 61].

Главной характеристикой ценностного отношения человека к миру является любовь. Она рассматривается философами индивидуальным воплощением общих принципов бытия. С точки зрения В. Соловьева, все виды любви, все ее ступени носят софийный характер и раскрывают духовно-физический процесс восстановления образа Божия в материальном мире. Точка зрения, связывающая сущность человека и ценности с феноменом любви, в аксиологии не нова. Наиболее отчетливо она была сформулирована М. Шелером в его известном «*ordo amoris*». По мнению Шелера, существует правильный и объективный порядок сердца, отражающий устройство объективной иерархии ценностей. Но шелеровский «порядок любви» априорен, укоренен в вечных и неизменных сущностях. Индивидуальное предназначение, судьба – все это человек лишь констатирует, но не способен конструировать самостоятельно [5]. Любовь есть движение к ценностям, раскрывающее некоторую индивидуальную доступную часть мира ценностей. Но сама-то ценностная реальность вечна, неизменна и объективна, а человек не создает ценностей.

В отличие от Шелера, русские философы связывают способность любить не с познавательной деятельностью, а с верой и свободой, роль человека в этом случае не может быть сведена лишь к пассивному переживанию заданной ему судьбы. Да, любовь поднимает человека над природным существованием, открывает его людям и миру. Но любовь не только от Бога, но и от свободы: невозможно принудить полюбить кого бы то ни было. Любовь есть единение Бога и свободы, непосредственное отношение между ними посредством веры. Таким образом, восприятие русскими философами любви как свободного действия вносит момент непредугаданности в ценно-

стные устремления личности. Кроме того, в понимании любви в качестве ценностного ядра личности русскими философами и Шелером существует еще одно отличие.

Для Шелера *ordo amoris* является исключительно характеристикой духовных сил человека. Личность в его трактовке – существо, определяемое эмоциональностью духа. При этом «интенциональное чувствование» (направленность на ценности) не имеет природы состояния в отличие от низших чувств. «Порядок любви» как концентрат жизни «духа» противопоставляется Шелером всей сфере психовитального. Гармоническое взаимодействие между ними недостижимо. Совсем иное соотношение любви с природными качествами человека мы наблюдаем в отечественной философии. В. С. Соловьев раскрывает смысл любви через идеи андрогинизма, духовной телесности и богочеловечества. Все они направлены на восстановление единства и целостности человеческой природы, в том числе единства духовно-телесного. В любви наблюдается расцвет всех сил человека. Б. П. Вышеславцев отмечает, что заложенная в любви бесконечность связана с тем, что сердце равно соприкасается и с плотью, и с духом [1, с.45].

Как мы видим, даже в высших проявлениях эмоциональности и духовности человек не может однозначно рассматриваться как средоточие высших ценностей. Несомненно, в природе человека присутствует потенциальность, тенденция к расширению его внутреннего мира и влияния на окружающее пространство. Но этот потенциал – лишь возможность, реализация которой требует совокупности многих факторов и индивидуальных, и социальных. Поэтому мы считаем некорректным связывать смысл понятия ценности с «открытостью» природы человека. Как правило, эта характеристика в истории философии предполагала существование какой-либо совершенной и абсолютной цели стремлений, а ценностное отношение человека разнонаправлено. Не все виды ценностей относятся к духовной сущности человека. Полезное, приятное – виды ценностей, также имеющие субъект-объектную природу. Они отражают телесно-физическую сторону человеческой природы и являются таким же естественным и необходимым свойством его существования, как моральные качества или познавательные способности. В системе ценностей интегрируются все свойства человеческой природы, отражаются все ее противоположности. Противоречивый характер природы человека не дает нам возможности выстроить строгую вертикаль априорных ценностных предпочтений. Ценности отражают вероятностную сущность человека как существа, которое может направить свои способности на любые цели. В человеке заложена масса хаотических и простейших стремлений (что так отчетливо сформулировано в аксиологии Ф. Ницше), которые также могут стать основой ценностного отношения.

Ценностное отношение базируется на потребностях и интересах человека, раскрывающих все грани его взаимодействия с окружающим миром, обществом и самим собой. Поэтому мы можем сказать, что ценности есть осуществление человеческой природы в полном объеме. Это реализация существующего биологического, социального, духовного потенциала личности, который каждый раз определяется конкретными условиями ее жизни и общения, силой потребностей и мерой ее свободы.

Список использованной литературы

1. **Вышеславцев Б.П.** Этика преображенного Эроса. М. 1994.
2. **Гуревич П.С.** Философия человека. М. 2005.
3. **Зотов А.Ф.** Современная западная философия. М. 2001.
4. **Соловьев В.С.** Сочинения. М.1994.
5. **Шелер М.** Избранные произведения. М. 1994.

М.Е. Торшинин

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА ПЕРСПЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ «ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

В данной работе предпринята попытка научного обоснования необходимости внедрения в образовательные программы вузов дополнительных квалификационных программ, способствующих оптимальной адаптации молодых специалистов в профессиональной сфере.

В условиях глубоких изменений в социально-экономической политике, в образовании, в требованиях к качеству выполнения труда, молодой специалист должен представлять собой элемент «трансцендентальной культуры» – элемент культуры будущего. В контексте идей личностно-ориентированной парадигмы образования и новых компетентностных технологий проблема качества образования в учебно-воспитательном процессе приобретает новые формы и содержание.

Задача современного вуза – удовлетворение образовательных потребностей личности молодежи, подготовка и воспитание специалистов высшей квалификации, специалистов нового типа, органически сочетающих научное мировоззрение с высоким теоретическим и профессиональным уровнем, качествами умелых организаторов и воспитателей, с высокой педагогической культурой и эрудицией.

Высшее образование не только дает квалификацию, необходимую для выполнения той или иной работы, оно также создает новые профессии и совершенствует старые. Последние годы отмечены выходом в свет ряда работ, в которых анализируются проблемы российского технического образования и его непреходящие ценности, рассматриваются социальные проблемы высшей школы и роль преподавателя в современном образовательном процессе, а также приводится развернутая информация об особенностях организации и реализации программ многоуровневого образования в технических университетах. И это сегодня приобретает огромную важность, поскольку переход от чисто технического образования к фундаментальному означает пересмотр взглядов на всю систему образования, в частности на интегративные процессы в профессиональной подготовке преподавателя. Данные проблемы в полной мере касаются подготовки молодых специалистов, получающих на базе технического вуза педагогическую квалификацию, в рамках дополнительной профессиональной образовательной программы «Преподаватель».

С целью повышения качества подготовки высококвалифицированных кадров Постановлением Президиума РАН в 1992 г. на базе Ивановского химико-технологического института, ныне ГОУ ВПО ИГХТУ, и Института химии растворов РАН (ИХР РАН) было открыто Ивановское отделение Высшего химического колледжа РАН (ИО ВХК РАН).

С 1993 года на базе ВХК начинает внедряться новая профессионально-образовательная программа «Преподаватель», а с 1997 года и «Преподаватель высшей школы». (Приказ «О введении в действие Государственных требований к минимуму содержания и уровню профессиональной подготовки выпускника для получения дополнительной квалификации «Преподаватель» по специальности 101000 – Химия»).

Основной принцип деятельности ВХК РАН – непрерывность образования. Это достигается путем объединения в единый учебный комплекс трех образовательных этапов:

общеобразовательная школа – Химический лицей Российской академии наук, химический лицей при ИГХТУ и другие подобные структуры;

высшее учебное заведение – Высший химический колледж РАН и его Ивановское отделение; химические институты Российской академии наук кафедры химического профиля высших учебных заведений.

Такая система интеграции позволяет:

- *начать приобщение будущего химика–исследователя к научной работе, начиная со школьной скамьи;*
- *обеспечить преемственность учебных программ школы и высшего учебного заведения: программы базовых курсов высшей школы представляют собой развитие соответствующих программ среднего образования;*
- *обеспечить лучший отбор абитуриентов и, с учетом малой численности курса, и более высокий уровень начальной подготовки студентов I курса;*
- *проводить адресную подготовку специалиста, ориентируя его на конкретное образовательное или научное учреждение, с тематикой работы которого студент знакомится не позднее 2-го курса;*
- *обеспечить исследовательский характер химических практикумов с привлечением современных методов и приборной базы лабораторий институтов РАН.*

Учебные планы подготовки химиков высшей квалификации предусматривают создание условий, обеспечивающих участие студентов в научных исследованиях по важнейшим направлениям фундаментальной науки в области химии и химической технологии. Такой подход позволяет формировать у будущих выпускников устойчивые профессиональные навыки и мотивацию к участию в научных исследованиях, опыт использования теоретических результатов в решении прикладных задач химии и химической технологии, а также принимать участие в организации и планировании научных исследований в составе уже сложившихся научных коллективов. Процесс обучения в колледже и его отделении направлен на создание у будущих специалистов обширной и надежной научной базы, которая дает возможность эффективного продолжения образования в аспирантуре. В конечном итоге интеграция науки и образования в рамках ВХК РАН представляет собой систему подготовки специалистов химического профиля высокой квалификации, направленную на решение проблемы воспроизводства и ротации научных и педагогических кадров, в том числе на региональном уровне, что чрезвычайно важно для развития науки в регионах Российской Федерации.

Характерными особенностями ВХК РАН являются раннее приобщение студентов к научной работе, учебные программы повышенного уровня и высокая мобильность учебного процесса.

Рабочие программы всех учебных дисциплин составлены в соответствии с Государственными образовательными стандартами высшего профессионального образования и с учетом примерных программ дисциплин, утвержденных Министерством образования и науки Российской Федерации.

Для реализации основных задач был взят курс на использование всех современных перспективных тенденций и идей в сфере реформирования высшего образования, рождавшихся в последние годы, которые могли бы способствовать подготовке теоретически грамотных, всесторонне образованных научно-педагогических кадров, достаточно защищенных на современном рынке труда. Была проведена опера-

тивная работа по организации учебного процесса, обеспечению прохождения практик студентов и их научно-исследовательской работы.

Основное внимание всего психолого-педагогического комплекса направлено на контроль формирования у студентов рефлексивного контроля компонентов профессиональной психолого-педагогической готовности к педагогической деятельности, являющейся критерием качества освоения предметной области «Педагогика».

В соответствии с личностно-ориентированной парадигмой образования, где центральным звеном является личность студента, его самооценку и способность реализовать самого себя, пересмотрена номенклатура исторически-сложившихся педагогических дисциплин и порядка их преподавания. Анализ учебных планов, составленных в ИГХТУ на базе Высшего Химического Колледжа РАН, для дополнительной квалификации «Преподаватель», показал, что студенты, начиная со второго уровня высшего профессионального образования, обеспечивающего подготовку специалистов с квалификацией «бакалавр», начинают знакомиться с блоком психолого-педагогических дисциплин. В последствии, они могут осуществить выбор профессиональной образовательной программы «Преподаватель».

Профессионально-образовательная программа «Преподаватель» построена таким образом, чтобы не только помочь студенту сделать правильный выбор, о чем говорилось выше, но и творчески реализовать себя в процессе обучения. В русле данной программы построена система контроля качества освоения предметной области «педагогика», которая позволяет студенту осознанно и свободно принять решение о необходимости получения дополнительной профессиональной квалификации «Преподаватель».

С этой целью нами предпринята попытка внедрения в многоуровневую социально-образовательную программу «Преподаватель» нового элективного курса, с элементами тренинга «Этика и психология делового общения и профессиональные навыки менеджера», «Возрастная и педагогическая психология», «Основы педагогической коммуникации», разработана сквозная блок-программа изучения дисциплин психолого-педагогического цикла.

Образовательная программа увеличена до 750 часов, из них 375 часов составляет психолого-педагогический блок, где 196 аудиторных занятий, 375 часов отводится на блок предметно-методических дисциплин, 10 недель психолого-педагогической практики.

Данное увеличение количества часов на дополнительную программу показывает повышенное внимание, со стороны вуза, к организации успешного освоения студентами квалификации «Преподаватель». Это стало возможным за счет перераспределения часов между курсами специальных дисциплин и выделения дополнительных часов на психолого-педагогические дисциплины.

На 2 курсе студенты начинают знакомиться с блоком психолого-педагогических дисциплин с курса «Новые информационные технологии в учебном процессе» общей трудоемкостью 72 часа. Затем студент начинает изучать элективный курс «История и методология химии» (60 часов). Оба курса направлены на то, чтобы будущий педагог мог обладать теоретическими знаниями и практическими навыками, позволяющими ему разобраться в различных областях химической науки и современной технологии, уметь самостоятельно повышать свой образовательный уровень знаний при изменении направлений профессиональной деятельности в связи с научно-техническим прогрессом; уметь грамотно ознакомить других с историей и методологией химии; мог приобрести практические навыки работы с компьютером и принципы построения автоматизированных обучающих и контролируемых систем.

Дисциплина	Курс	Общая трудоем- кость	Ауд. заян- тия	В том числе		Инд. раб	Сам. раб.	Форма отчет- ности
				лекции	пр. занятия			
Психология человека	4	76	45	27	18		31	зачет
Педагогика	4	77	45	18	27		32	экзамен
Психология профессиональной педагогической деятельности	4	85	42	24	18		43	экзамен
Основы педагогического мастерства	5	77	32	16	16		45	зачет
Психология и педагогика высшей школы	1М	60	32	16	16	9	19	зачет

На третьем курсе они непосредственно встречаются с 2-мя базовыми курсами: «Педагогика» (общая трудоемкость 60 часов, форме отчетности -экзамен), а также «Психология человека» – (60 часов при рубежном контроле в виде зачета). Курсы ориентированны на приобретение глубоких теоретических знаний и практических навыков в области педагогики и психологии личности, с тем чтобы молодой специалист мог:

- *знать формы, средства и методы педагогической деятельности;*
- *знать условия формирования личности, ее свободы, иметь представление о сущности сознания, его взаимоотношения с бессознательным, о роли сознания самосознания в поведении, общении и деятельности людей;*
- *понимать природу психики, знать основные психические функции и их физиологические механизмы, соотношение природных и социальных факторов в становлении психики, понимать значение воли и эмоций;*
- *уметь дать психолого-педагогическую характеристику личности (ее темперамента, способностей), интерпретацию собственного психического состояния, владеть простейшими механизмами психической саморегуляции;*
- *владеть элементарными навыками анализа учебно-воспитательных ситуаций, определения и решения педагогических задач.*

Затем на 4 курсе психолого-педагогические знания пополняются в русле дисциплины «Психология профессиональной педагогической деятельности» (общая трудоемкость 100 часов). Целью данного курса является усвоение студентами знаний об особенностях педагогической деятельности, о составляющих, необходимых для становления личности педагога, профессионально важных качествах учителя, особенностях общения ученика и учителя, а также о возрастных закономерностях и различиях, связанных с полом и возрастом. В структуру этого курса включаются, кроме всего выше указанного, две большие темы, входящие в состав других психолого-педагогических дисциплин: «Возрастная психология» и «Педагогическая психология». Базой для данного курса являются курсы «Педагогика» и «Психология человека». Это позволяет нам не вводить в программу отдельного курса «Возрастная и педагогическая психология», который проходят студенты по традиционной программе в педагогическом вузе.

Поскольку педагогическая составляющая вплетается в структуру практически всех предметов в программе в седьмого семестра обучения, студенты пополняют «багаж» педагогических знаний дисциплинами «Основы педагогического мастерства» и «Риторика и экспериментальная риторика».

Закончив бакалавриат и достаточно познакомившись с дисциплинами психолого-педагогического цикла, можно продолжить обучение дальше либо в магистратуре, либо выбрать дополнительную профессиональную образовательную программу «Преподаватель», либо получить сертификат с квалификацией «Бакалавр» и завершить свое образование.

На пятом курсе обучения студентам предлагаются курсы:

«Компьютерные методы в химии» (148 часов)

«Школьный практикум» (72 часа)

«Научные основы школьного курса химии» (83 часа)

«Методика преподавания химии» (91 час)

Целью данных курсов является формирование у студентов диалектического мышления, научного взгляда на явления природы, усвоение основ теорий современной химической науки. Каждый из этих курсов предъявляет определенные требования к уровню подготовки молодого специалиста и направлен на формирование рефлексивного контроля компонентов профессиональной психолого-педагогической готовности к педагогической деятельности.

Пройдя обучение на 5 курсе, студенты проверяют уровень полученных знаний, умений на психолого-педагогической практике (8 недель). Психолого-педагогическая практика – показатель заинтересованности студентов профессиональной деятельностью, а также готовности к педагогической деятельности. Будущие преподаватели должны не только хорошо ориентироваться в вопросах химии, педагогики и психологии, но и уметь применять их на практике. С педагогическим процессом практика имеет общую логику, в основе которой лежат два встречных движения:

- движение студента от незнания к знанию или от неполного, неточного знания к более полному и точному, направляемое преподавателями, руководителями практики;
- «движение» (развертывание) информации учебных предметов, обеспечивающих прохождение практики, в соответствии с логикой этих предметов, направляемое преподавателями, участвующими в руководстве практикой (групповой руководитель, преподаватели педагогики и психологии, школьный учитель и классный руководитель).

Педагогическая практика показывает степень овладения студентами психологическими приемами и педагогическими технологиями, степень самостоятельности в принятии решений, осознанности в выборе профессиональной сферы. По сравнению с другими видами практики, педагогическая практика переводит студента не в принципиально другую производственную сферу с незнакомыми или малознакомыми структурами и содержанием функционирования, а из одной педагогической системы – вуз, – в другую, тоже педагогическую – школа. Студент входит в привычный для него мир, осваиваясь в привычных или не очень существенно изменившихся условиях. Меняется лишь ролевая функция студента в новой системе – он переходит с позиции обучаемого в позицию обучающего, оставаясь при этом обучаемым с позиций вузовских преподавателей и даже учеников. Такое психическое состояние создает, с одной стороны, негативный психологический прессинг, мешая освоению новой роли. С другой стороны, повышает ответственность и самоконтроль за своими действиями, подготовкой к урокам и поведением.

Как показывают наши исследования, трудности в общении с детьми, неумение доступно изложить материал имели те студенты, которые мало уделяли внимания педагогической теории в процессе обучения и показали низкие результаты фор-

мирования компонентов профессиональной психолого-педагогической готовности к педагогической деятельности в процессе обучения.

Работая над учебными планами и совершенствуя их, сегодня в структуру профессионально-образовательной программы «Преподаватель» добавились еще 4 недели, за счет сокращения часов на научно-исследовательскую практику.

Нам представляется целесообразным, в дальнейшем, введение в профессионально образовательную программу «Преподаватель» прохождения ознакомительной педагогической практики на 3 курсе, после изучения бакалаврами двух базовых курсов «Педагогика» и «Психология человека», а также введение дополнительных спецкурсов психолого-педагогического содержания.

Это позволит студенту лучше разобраться в правильности выбора педагогической деятельности, своевременно скорректировать свою профессиональную направленность, опираясь на квалифицированную помощь преподавателей, улучшит качество подготовки педагога в техническом вузе.

Подводя итог сказанному, следует констатировать, что разработанная и успешно реализуемая программа перспективного развития преподавателя в педагогической системе «технический университет» в Высшем Химическом Колледже РАН при ИГХТУ базируется на следующих основных принципах:

1. В инженерном вузе преподавание педагогики, педагогической психологии и психологии необходимо осуществлять в виде единого предметно-циклового комплекса.
2. Включенные в комплекс учебные курсы должны соответствовать самостоятельным наукам и охватывать все потенциально возможное поле научных и педагогических интересов кафедр.
3. Структурное содержание комплекса и его отдельных дисциплин определяется логической последовательностью и взаимосвязанностью изучаемого материала для оптимизации развития и формирования уровня рефлексивного контроля компонентов ППППД.
4. Учебно-педагогическая и научно-методическая работа в пределах всего комплекса строится с учетом единства ее теоретических, исследовательских и практических аспектов, действующих планов, программ и стандартов подготовки специалистов, сложившихся междисциплинарных и межкафедральных связей, а также профессиональных и индивидуальных интересов обучаемых с целью формирования оптимального уровня развития рефлексивного контроля компонентов профессиональной психолого-педагогической готовности к педагогической деятельности.
5. Имея многоцелевой характер, психолого-педагогический комплекс должен обеспечивать достаточность, преемственность и непрерывность обучения по данному циклу дисциплин на всех уровнях подготовки специалистов в вузе с целью формирования позитивного отношения к педагогической деятельности и профессиональной рефлексии последней.

Раздел 3 Лингвистика

В.В. Ганина

ГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИИ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Систематизированному рассмотрению с позиций гендерного подхода подвергаются невербальные компоненты коммуникации. Проводится сопоставительный анализ отдельных компонентов невербального поведения мужчин и женщин. Рассматривается специфика языкового выражения эмоций с помощью невербальных компонентов коммуникантов-мужчин и коммуникантов-женщин в англоязычных художественных текстах.

Гендерные исследования – достаточно новая для российской науки и образования область научного знания. В центре их внимания находятся культурные и социальные факторы, определяющие отношение общества к мужчинам и женщинам, а также поведение индивидов в связи с принадлежностью к тому или иному полу, стереотипные представления о мужских и женских качествах – одним словом, все то, что переводит проблематику пола из сферы биологии в сферу социальной жизни и культуры. В связи с этим возникла необходимость ввести понятие «гендер», которое означает совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола [1]. Гендерные исследования в наши дни являются междисциплинарной областью научного знания, которая связана с социальной философией, социологией, культурологией, лингвистикой и другими дисциплинами, изучающими структуры культуры.

Гендер как социальный конструкт создается обществом, в том числе, и посредством языка. Данная область исследований привлекает большое внимание как зарубежных, так и отечественных ученых. Первоначально работы в данной области возникли на Западе и первые системные описания мужских и женских особенностей речи и языка сделаны на базе языков из германской и романской языковых групп.

Гендерная проблематика в отечественном языкознании находится в стадии освоения. Повышенное внимание к гендерным аспектам языка и коммуникации, наблюдаемое в последние годы, позволяет сделать вывод, что от общей теории гендера, проблем его онтологического статуса, гендерные исследования постепенно переходят к более уравновешенному состоянию, которое, прежде всего, характеризуется сосредоточенностью на установлении возможностей гендерного подхода в отдельных частнонаучных областях. Сегодня речь идет не о том, как гендер влияет на коммуникативное поведение и использование языка, а о том, какими средствами располагает язык и другие семиотические коды для конструирования гендерной идентичности, в каких коммуникативных ситуациях и с какой интенсивностью совершается конструирование, и какие факторы воздействуют на этот процесс.

В свете междисциплинарного подхода внимание лингвистов привлекает в последнее время исследование не только вербальной коммуникации, но и невербальной.

Работ отечественных лингвистов в этом направлении сейчас достаточно мало. В связи с этим хотелось бы отметить выход в свет в 2005 г. работы доктора филологических наук, профессора кафедры русского языка Института лингвистики РГГУ Г. Е. Крейдлина под названием «Мужчины и женщины в невербальной коммуникации» [7]. Книга посвящена невербальному диалогическому поведению мужчин и женщин современной европейской, главным образом, русской культуры. Речь в ней идет о гендерном аспекте устной бытовой коммуникации.

«Гендерные отношения фиксируются в языке в виде культурно обусловленных стереотипов, накладывая отпечаток на речевое поведение личности и на процессы ее социализации» [4]. Придерживаясь такого понимания гендера, можно предположить, что неречевое поведение коммуникантов также пронизано гендерными отношениями, и их роли в социуме носят отпечаток определенной культуры и соответствуют гендерным стереотипам, принятым в данном обществе. Тот факт, что стереотипы могут фиксироваться языком или иным семиотическим кодом (зрительными образами, кинесикой), дает возможность предположить, что гендерные стереотипы проявляются и в невербальной коммуникации.

Лингвисты, главным образом, рассматривают особенности гендерного невербального коммуникативного поведения, под которым понимается «конвенциональные нормы, правила и традиции общения, выражаемые в акте коммуникации знаковыми невербальными средствами» [4, с.14]. Источником для подобных исследований могут служить невербальные (устные) и вербальные (устные и письменные) тексты. Г.Е. Крейдлин считает, что необходимо говорить не о мужских и женских жестах, мимике, позах и т. д., а о мужском и женском стилях невербального поведения, которые могут быть свойственны людям обоих полов, хотя считается, что в норме стиль невербального поведения соответствует полу человека [4].

Ученые выделяют широкий круг компонентов невербального поведения. Классификация, предлагаемая в данной работе, основана на базе существующих классификаций зарубежных и отечественных исследователей. В основе классификации находятся три класса невербальных компонентов коммуникации (далее НВК) (кинестический, миремический, паралингвистический), в состав которых входят отдельные виды.

Среди знаковых форм кинестического поведения, куда входят жесты, мимика, позы, знаковые телодвижения и др., можно выявить кинемы, которые в тех или иных условиях более свойственны мужчинам или женщинам. Вполне очевидным является факт, что в каждой культуре существуют мужские позы, мануальные жесты и мужская походка, равно как женский стиль кинестического поведения тоже отражается в особых позах, походке и жестах. Считается, что особенно заметны различия в употреблении собственно жестов, то есть жестов рук, ног и головы [4, с.22]. Иногда противопоставленными оказываются некоторые мужские и женские невербальные формы выражения одного и того же смысла в пределах данного жестового языка. Например, «выражая смущение, русские мужчины чаще потирают рукой подбородок или нос, а женщины потирают щеки или область непосредственно перед шеей» [4, с.21]. При рассмотрении различных типов жестов исследователей несомненно интересует частота их использования в процессе коммуникации. Однако по этому вопросу нет единогласного мнения. Согласно одной точке зрения, женщины используют меньше жестов, чем мужчины. При этом считается, что женщины меньше пользуются жестами при общении с женщинами и больше – с мужчинами [11]. Согласно дру-

гой точке зрения, следует учитывать не частоту употребления жестов, а их различные виды [10]. Так, движения рук, являясь важным компонентом самопрезентации коммуниканта, имеют варианты в технике использования в зависимости от пола производителя. «Речедеятели-женщины совершают грациозные движения руки от локтя, в то время как движения рук коммуникантов-мужчин носят более точный характер и производятся от плеча» [1, с.8].

Нет однозначности в работах, анализирующих тактильные жесты. Так, в одних исследованиях говорится о том, что женщины используют меньше тактильных жестов [11]. В других исследованиях утверждается, что женщины употребляют тактильные жесты и получают их в ответ чаще, чем мужчины [10]. При этом тактильные жесты считаются более уместными для женщин, чем для мужчин. Использование тактильных жестов может зависеть не только от пола, но и от намерений, возраста и отношений коммуникантов. Так, большое количество тактильных жестов и нарушение личного пространства человека может свидетельствовать о превосходстве или стремлении подчинить у мужчин, но не у женщин [9].

При изучении мимических компонентов невербальной коммуникации в гендерном аспекте также наблюдаются некоторые различия. Большинство исследователей обращаются к рассмотрению улыбки и отмечают в целом ее более распространенное использование при лицевой экспрессии у женщин [5, 1]. Мотивацией использования улыбки в рамках женского типа коммуникации может быть установление взаимодействия с собеседниками, в пределах мужского варианта общения – для выражения положительных эмоций, состояний (счастья, удовлетворения, удовольствия) [10]. В соответствии с другими исследованиями, функциональная сущность улыбки в женском коммуникативном исполнении отражает счастье, приветствие, умиротворение, одобрение. При этом два последних показателя являются наиболее частотными [8, 13]. В целом, более распространенное использование улыбки женщинами (на основе сопоставления с мужчинами) может быть обусловлено их социальной слабостью и непреодолимым желанием получить одобрение у доминирующего мужского пола, с одной стороны, и подчеркнуть собственную невинность или удачно «замаскировать» социальную несостоятельность, с другой стороны [1, с.6].

Рассматривая невербальные компоненты, исследователи также обращаются к визуальному контакту, который входит в класс миремических НВК. Здесь также наблюдаются различные точки зрения. Так, релятивно более интенсивная частота визуального контакта может считаться характерной чертой женского типа коммуникации. Отмечается, что коммуниканты женского пола поддерживают более интенсивный визуальный контакт по сравнению с коммуникантами мужского пола [1, с.6]. В свою очередь, результаты психологических наблюдений показывают, что слушающий проявляет тенденцию к более продолжительному и интенсивному установлению визуального контакта, чем говорящий. Согласно другой точке зрения, гендерные различия, наблюдаемые при исследовании визуального контакта, незначительны. Визуальный контакт в данном случае рассматривается с позиций доминирования человека. Так, у доминирующих или более влиятельных людей контакт глаз одинаков и в процессе высказывания, и в процессе выслушивания. Покорные и подчиняющиеся люди смотрят на собеседника больше в процессе слушания [12].

Большое внимание гендерным исследованиям уделяют в области паралингвистики, где исследуется голосовое поведение мужчин и женщин. Можно отметить особые мужские и женские голоса или различные у мужчин и женщин голосовые приемы выражения эмоций. Паралингвистические элементы являются достаточно надежными диагностическими признаками для определения возраста, статуса, пола, физического или психического состояния человека и некоторых других параметров.

Помимо различий в физических манифестациях мужских и женских голосов, интерес представляет их концептуализация в разных языках и культурах [4, с.15–17].

Работая над собственным исследованием, мы посчитали возможным выделить еще один вид НВК, который ранее не выделялся в паралингвистическом классе. Он получил название респираторных НВК, куда включены такие элементы параязыка, в производстве которых активно участвует дыхательная система человека. К этому виду НВК относятся вздох, глубокий (возможно затрудненный) вдох воздуха, нехарактерное для нормального состояния человека дыхание, разного рода фыркание или громкий выдох, покашливание, заикание, всхлипывание и др. Наблюдение над этими видами НВК также позволило проследить некоторые различия в ходе коммуникации. Так, респираторный вид НВК преобладает у коммуникантов-женщин при выражении отрицательных эмоций.

Превалирование этого вида НВК у коммуникантов-женщин объясняется следующими данными физиологии: у взрослых женщин частота дыхания больше, чем у мужчин, а глубина меньше; вследствие этого жизненная емкость легких у женщин в среднем меньше на 1 л, чем у мужчин, а максимальная легочная вентиляция – на 30%. Кроме того, у женщин заметно ниже диффузная способность легких для кислорода [3].

Отметим, что с лингвистической точки зрения, интерес представляют языковые корреляты (далее ЯК), описывающие различные виды НВК в текстах (для данного исследования использовались англоязычные художественные тексты). Систематизированное описание ЯК всех рассматриваемых видов НВК с точки зрения семантики и структуры позволяет проследить сходства и различия между маскулинной и фемининной группами. ЯК, используемые при проявлении отрицательных и положительных эмоций, выражаются различными языковыми единицами: глаголами, прилагательными, существительными и наречиями, употребляемыми в различных типах словосочетаний (глагольных, атрибутивных, адвербиальных, предикативных). Для определения направленности эмоций, выражаемых через языковые корреляты НВК, была проанализирована семантика ряда лексических единиц, входящих в состав ЯК.

Например, в группе респираторных НВК при выражении отрицательных эмоций превалируют и являются более разнообразными в структурном и семантическом отношении ЯК, описывающие прерывистость голосового тона и особенности дыхания в невербальном поведении коммуникантов-женщин. Основными языковыми единицами, передающими особенности дыхания коммуникантов, являются глаголы (*to sigh, to gasp, to choke, to cough, to sob, to snort, to hiss, to sniff, to stutter, to stammer*), которые могут употребляться как в изолированном виде, так и быть опорным компонентом глагольных словосочетаний. В составе глагольных сочетаний данные глаголы могут маркироваться наречиями отрицательной коннотации, при этом происходит интенсификация отрицательной направленности эмоций (*sighed heavily; sighed wearily; sniffed contemptuously; panted huskily* и др.). Ключевыми компонентами ЯК могут являться существительные *a breath, a sigh, a sob, a gasp*, входящие в состав именных и глагольных словосочетаний.

В заключение хотелось бы отметить, что гендерные лингвистика и исследования в области невербальной коммуникации, несмотря на существующий еще сегодня некоторый скепсис по поводу значимости и перспективности гендерной проблематики, обнаружили жизнестойкость и изобретательность. Это выражается в появлении оригинальных идей, плодотворных подходов и более точных инструментах анализа соотношений социальных и языковых категорий пола и гендера с другими категориями и признаками естественных языков и невербальных кодов. Важным представляется то, что гендерная лингвистика и гендерная невербальная семиотика в

состоянии скорректировать и перестроить свои первоначальные исследовательские установки, перейдя от описательных стратегий и тактик к объяснительным моделям, обладающим большой доказательной и прогностической силой.

Список использованной литературы

1. **Воронина О.А.** Гендер // Словарь гендерных терминов. М., 2002.
2. **Грейдина Н.Л.** Гендерная специфика коммуникации // Антропоцентрический подход к исследованию социума: лингвистические, социолингвистические и культурологические аспекты. Материалы научно-практической телеконференции, посвященной Международному году языков и 10-летию гуманитарного отделения ИГХТУ. Иваново, 2002, с. 5-14.
3. **Ильин Е.П.** Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб., 2002.
4. **Кирилина А.В.** Гендер: лингвистические аспекты. М., 1999.
5. **Крейдлин Г.Е.** Невербальная семиотика. М., 2004.
6. **Крейдлин Г.Е.** Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. М., 2005.
7. **Крейдлин Г.Е.** Просодика, Семантика и прагматика невербального коммуникативного поведения: жесты, позы и знаковые телодвижения женщин и мужчин // Доклады Второй международной конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация». М., 2002.
8. **Argyle M.** The Psychology of Interpersonal Behaviour. Harmondsworth, 1967.
9. **Bollowa M.** From Nonverbal Communication to Language // Linguistics. 1976, p.172.
10. **Burgoon J.K., Buller D.B., Woodall W.G.** Nonverbal Communication // The Unspoken Dialogue. N. Y., 1996.
11. **Hanna M. S., Wilson G. L.** Communication in Business and Professional Settings. N. Y. 1998.
12. **Kalbfleisch J.P., Cody J.M.** Gender, Power, and Communication in Human Relationships. New Jersey, 1995.
13. **Rosenfeld H.M.** Instrumental Affiliative Functions of Facial and Gestural Expressions // Journal of Personality and Social Psychology. 1996. vol.1. №4.

И.В. Долинина

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ В ЯЗЫКЕ «ХРИСТИАНСТВА ПО ЛЕСКОВУ» (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ «НА КРАЮ СВЕТА»)

Автор статьи раскрывает содержание понятия «христианство по Лескову» через анализ стилистических доминант в языке повести «На краю света». Доказывается, что обосновать свое особое понимание христианства Лескову помогли разные варианты контаминации слова религиозной литературы со словом устной народной речи.

Девятнадцатый век вошел в историю русской культуры как время напряженных поисков нравственной устойчивости в стремительно меняющемся мире. Такую опору большинство образованных русских видело в христианстве. В поисках «русского Бога», в раздумьях о Его природе и качестве находились «великие богоискатели русской литературы» Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой. Не оставался в стороне от этого процесса и Н. С. Лесков, долгое время считавшийся «тенденциозным литератором» и «писателем второго ряда». На протяжении всего творчества этот художник разрабатывал *свою* концепцию христианства, которую мы условно назвали «христианством по Лескову».

Тема «Н.С. Лесков и христианство» неоднократно оказывалась в сфере внимания исследователей творчества этого автора (работы Д.С. Лихачева, И.В. Столяровой, А.А. Горелова, Б.С. Дыхановой, А.Б. Румянцева и др.). Однако нигде не сделана попытка рассмотреть христианство как ведущую доминанту художественного мировоззрения писателя. Мы же полагаем, что именно раздумья над природой и содержанием христианского учения определили творческую эволюцию художественного мышления Н. С. Лескова, задав ей цель и направление. Наше мнение подтверждается его собственным высказыванием, в котором говорится об особенной литературной миссии, связанной с христианским просвещением народа: «...Я не должен «соблазнить» ни одного из меньших меня и должен не прятать под стол, а нести на виду до могилы тот светоч разума, который дан мне тем, перед очами которого я себя чувствую и непреложно верю, что я от него пришел и к нему опять уйду» (из письма А.С. Суворину, 1884 год).

Поставленную высокую задачу Лесков стремился решить на всех уровнях своей художественной системы, но наиболее наглядно и выразительно это происходило в области языка его произведений. Так постепенно вместе с концепцией «христианства по Лескову» происходило формирование особого языка для ее выражения, в рамках которого органично соединились религиозные сентенции, фольклор и словотворчество самого автора.

Такая причудливая лесковская речь давно стала объектом изучения многих поколений критиков и ученых, однако никто не пытался объяснить ее феномен с точки зрения того, что все это «диковинное краснобайство» (А. Л. Волынский) является выражением специфики языкового сознания автора, сформированного на основе великой задачи – христианского просвещения читателя. Ведь хорошо известно, что идейное содержание всегда неразрывно связано со своим словесным выражением.

Учитывая все это, мы хотим рассмотреть, как лесковское понимание христианства получает свое словесное воплощение на уровне языка одного из произведений писателя – повести «На краю света» (1875). Выбор объекта наблюдения обусловлен тем, что именно в этой повести «христианство по Лескову» получает свое обоснование и словесное выражение, которые будут характерны для следующих его произведений.

Появление повести «На краю света» знаменует формирование в сознании писателя мысли о том, что народу зачастую невозможно учиться нравственности у клириков и что подлинную нравственность он носит сам в себе. Потеряв надежду на христианское просвещение народа со стороны церкви, Лесков обращается к мысли о создании в своем творчестве народного «иконостаса», образов внеканонических русских «святых и праведников». Согласно замыслу писателя, из уст этих героев и будет произноситься христианское слово, понятное и близкое каждому носителю русского языка.

От повести «Овцебык» (1863), через роман-хронику «Соборяне» (1872) – к повести на «Краю света» происходит становление и утверждение причудливого языка своеобразной проповеди «христианства по Лескову», построенного на контаминациях книжного слова христианской литературы и устного слова живой народной речи, цитат из Евангелия и пословиц с поговорками. В рамках избранной писателем манеры русские слова смешиваются со старославянскими и древнерусскими, соседствуют с диалектными словами, иноязычными заимствованиями, авторскими потенциальными словами и неологизмами.

Обратимся непосредственно к лексике повести «На краю света». Основная стилевая доминанта этого произведения заключается в активном смешении слов, маркированных принадлежностью к книжной христианской литературе, со словами устной народной речи. Все это густо «сдобрено» собственно авторской работой со словом, в результате которой появляются слова и формы слов, стилистически ориентированные на книжный и разговорный стили.

Сразу отметим, что степень такого смешения слов разных стилей в речи персонажей не всегда одинакова и во многом обусловлена их отношением к религии. Если внимательно пронаблюдать, как постепенно изменяется в разговорах героев процент использования слов той или иной стилиевой отнесенности и стилистической окрашенности, можно сделать вывод о том, как менялось их понимание христианства.

Этот процесс совершается в душе и мыслях главного героя повести – архиепископа Нила Ярославского, посланного в отдаленную сибирскую епархию с целью насаждения христианства среди язычников-зырян.

Так в самом начале повествования в его речи преобладают слова христианской книжности, содержатся дословные и вольные цитаты из религиозной литературы. Вот, например, рассказ Нила о том, как он приступил к исполнению своих архиерейских обязанностей: «Первое дело, с которого начинает свою деятельность русский архиерей, куда бы он не попал, конечно, есть обозрение внешности храмов и богослужения, – к этому обратился и я: велел, чтобы везде были приняты прочь с престолов лишние Евангелия и кресты, благодаря которым эти престолы у нас часто превращаются в какие-то выставки магазина церковной утвари» [3, с.340]. Как мы видим, здесь герой использует слова и выражения, принадлежащие к высокому книжному стилю: *деятельность, обозрение, приняты прочь*, среди которых встречаются и слова старославянского происхождения: *храм, богослужение, престол*.

Пока события развиваются в стенах уютной и спокойной резиденции архиерея, речь Нила наполнена словами высокого книжного стиля и близкими к ним по своей художественной функции старославянизмами: *постигнуть, препростой, всплакаться, храмоздатель, препитаться, преутешительный, вспомоществование, глаголемый, оный, понеже, якоже*. Многие используемые героем слова принадлежат книжному стилю Древней Руси и в середине XIX века постепенно утрачиваются: *сердцеведец* – тот, кто знает человеческие помыслы и чувства [3, Вып.24, с.77]; *прать* – противоборствовать, идти против [3, Вып.18., с.139]; *комолый* – безрогий, с шишками вместо рогов [3, Вып.7, с.266]; *позорище* – место проведения зрелищ [3, вып.16, с.124]; *благопоспешный* – содействующий успеху, имеющий успех [3, вып.2, с.210–211].

Есть случаи, когда Нил сам образует новые слова по устойчивым словообразовательным моделям: *дивотворный, наученность, живообразный, терзательство*. Они звучат более образно и возвышенно, чем их общеупотребительные аналоги *чудесный, наука, образный, терзание*. Кроме того, через свой морфемный состав лес-

ковские потенциальные слова корреспондируют со словообразовательными моделями старославянского языка.

Использование перечисленных лексических средств наглядно демонстрирует принадлежность героя к кругам образованных церковнослужителей. Также начитанность архиерея подчеркивается регулярным появлением в речи слов-терминов и терминологических выражений из научного обихода: *академический, ассоциация, дезертировавший, догматизировать, силлогизация, ассимилировать*.

Основная функция отмеченных лексических средств заключается в том, чтобы придать рассуждениям Нила Ярославского о христианской вере солидность, авторитетность и благозвучие. Также их использование указывает, что свои духовные знания герой получил уже готовыми из трудов святых отцов, из духовной литературы. Молодой церковнослужитель стремится подражать известным православным деятелям и старшим архиереям, он мало задумывается о сущности христианского учение, о его тонкости и неоднозначности.

Однако постепенно мнение героя меняется: он видит, что действительная жизнь клириков далека от описанной в житиях. Многие церковники необразованны, жадны, глупы и не могут служить примером праведности. Нил с грустью говорит, что в большинстве своем они являются только «наружными христианами», у которых «бог в одних лишь образах, а не в убеждениях человека» [1, с.361].

Вместе с появлением новых убеждений у Нила Ярославского лексическое наполнение его рассуждений о христианстве меняется: теперь герой использует слова церковной книжности для сатирического разоблачения грехов современной церкви. Это создает комический эффект несоответствия формы ее содержанию. В качестве примера приведем архиерейский рассказ о том, как в «соборного протоиерея воз с сеном въехал»: «Как же сего *дивотворного мужа* спасли? А тоже *дивотворно*: встать он ни за что не соглашался, потому что в нем воз сидит; лекарь не находил лекарства против *сего недуга*. Тогда шаманку призвали; та повертелась, постучала и велела на дворе воз сена наложить и назад выехать; больной *принял*, что это из него выехало, и *исцелел*» [1, с.342]. В рассказе банального и даже пошлого содержания такое намеренное замещение обычных слов словами высокой семантики подчеркивает горькую иронию героя, создает возможность сатирического обличения существующего в церкви положения вещей, когда ущербное существование прикрывается высокопарными фразами.

Удрученность такими порядками и чувство бессилия что-либо в них изменить все чаще вызывают в молодом архиерее грустное иронизирование по поводу состояния церковных дел в его епархии. Постепенно в его речи слова высокой книжной семантики начинают смешиваться со словами разговорными и даже с просторечными. Например, отчаявшись организовать богослужение по всем правилам, Нил говорит: «С усилием и под страхом штрафов воздерживал дьяконов не ловить меня во время служения за локти и не забираться рядом со мною на горнее место, а наипаче всего не наделять тумачами и подзагравками бедных ставленников, у которых после принятия благодати святого духа недели по две загорбок и шея болит» [2, с.340]. В этом высказывании рядом со словами и выражениями книжной тематики *воздерживать, горнее место, наипаче, принятия благодати духа святого* соседствуют разговорные и просторечные – *забираться, тумачи и подзагравки, загорбок*.

Все чаще Нил Ярославский думает о том, что невозможно проповедовать христианство на краю света, где неграмотные аборигены просто не в состоянии его понять. В момент, когда мрачное настроение героя достигает своего апогея, в его речи появляются грубо-просторечные слова. Вот как Нил описывает своего проводни-

ка-зырянина: «Думалка комом смерзлась», «рожа обмылком – ничего не выражает», «в гляделках ...ни искры душевного света» [2, с.370].

Новую перемену в умонастроениях Нила вызывает общение с монахом Кириаком, который в прошлом был самым успешным проповедником христианства среди зырян, но потом вдруг отказался от этой миссии. У Кириака свои взгляды на проповедование, суть которых выражается в высказывании: «Итак, во Христа-то мы крестимся, да во Христа не облакаемся. Тщетно так крестить, владыко!» [2, с.350]. Он отказывается от проповедования среди язычников и осуждает все поспешные попытки его осуществления, потому что «крестить-то они все могучи, а обучить слову нѣтяги» [2, с.350]. Нил с интересом прислушивается к таким с виду крамольным рассуждениям монаха, потому что архиепископа покоряет «этакая образность в его живой речи» [1, с.246].

Эта «живая речь» Кириака представляет собой удивительно сбалансированное и органичное сочетание слов и выражений религиозной семантики, вольных цитат из священной литературы с устным народным словом, пословицами и притчами. Архиепископ с удивлением отмечает, что христианское учение Кириака пронизано народным духом, житейской мудростью и фольклором. Благодаря этому, оно становится живым и доступным для каждого неграмотного и убогого жителя «края света». Канонические основы христианского учения со всеми метафорами и философскими высказываниями старец трактует через призму народного сознания и с поправкой на душевную жизнь простого человека.

Посмотрим, как это реализуется в художественном тексте. Один из самых ярких примеров – это пронзительно красочный рассказ Кириака о своем детском религиозном переживании единства души с Богом: «Как пришел-то он, батюшка мой, отрадненький! удивил и обрадовал! Сам суди: всей вселенной он не в обхват, а, видя ребячью скорбь, под банный полочек к мальчонке подполз в Дусе хлада тонка и за пазушкой обитал...» [2, с.348]. В этом восклицании мы отмечаем все лексические средства, образующие язык «христианства по Лескову»: старославянские и русские слова (*скорбь, Дусе хлада; вселенная*), разговорные слова (*батюшка, в обхват, ребячий, подползать*), в том числе и модальной окрашенности (*отрадненький, полочек, пазушка*).

Благодаря такому сочетанию в речи Кириака церковной лексики (*тщетный, тайноводство, правоверно, сниде и изыде, внидти, языцы, хулиться*), разговорных и просторечных слов (*драла, запороть, нѣтяги, скорохватом, уволочет, плакаться, сподручно*), в душе его собеседника рождается ощущение непосредственной близости с Христом, открытости и простоты «доброего русского Бога».

Этой же цели отвечает активное использование в речи старого монаха слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *маленько, голубок тепленький, отрадненький, полочек, мальчонка, пазушка, вражки, обеденка, столбушек*. С их помощью старец подчеркивает доброту и простоту Христа, которые только и способны привлечь сердца темных, но справедливых зырян. Объясняя свои методы обращения язычников, он говорит: «Пусть за краек его (Христа. – И. Д.) ризочки подержатся – доброту почувствуют, а он их сам к себе уволочет [2, с.357]. Большое количество модально окрашенных слов вновь показывает нам, что для этого героя христианство неразрывно связано с фольклором, с народным видением мира, где превыше всего ценится доброта и ласковость. Не менее важно и то, что модальные слова у Кириака выражают и подчеркивают его чувство глубокого умиления. Для старца именно доброта и идущее от нее умиление являются основой христианства.

Слушая такие речи Кириака, Нил Ярославский с удивлением и восхищением отмечает, как хорошо умеет старый монашек *срастить* воедино церковную лексику

с народной. Христианское учение становится книжным и народным одновременно, когда высокие религиозные истины объясняются словами, близкими и понятными простым людям.

Нил сам не замечает, как проникается таким взглядом на религию, учится языку отца Кириака. Вот он восклицает: «Я вам должен признаться, что я более всяких представлений о божестве люблю этого нашего *русского бога* (курсив автора – *И. Д.*), который творит себе обитель «за пазушкой». <...> Не в пышном византийстве мы обрели его в дыме каждений, а он у нас свой, притоманный и по-нашему, попросту, всюду ходит, и под банный полочек без ладана в душе хлада тонка проникнет, и за теплой пазухой голубком приборкается» [2, с.348]. Это высказывание состоит из слов и выражений церковного стиля (*божество, творит себе обитель, византийство, дым каждений*), слов народной лексики (*по-нашему, попросту, теплая пазуха*), слов условного наставника героя (*за пазушкой, банный полочек, в душе хлада*) и выражений в «Кириаковом духе», принадлежащих непосредственно самому Нилу Ярославскому (*попросту, притоманный, голубком приборкается*). Последние слова *притоманный* и *приборкаться* имеют диалектное происхождение: первое восходит к вятскому *притомный* – свой, собственный, домашний, не чужой [1, с.453]; а второе – к рязанскому *прибаркаться* – примениться, привыкнуть [1, с.398].

Постепенно под влиянием Кириака в речь архиепископа все чаще проникают слова устной народной речи (*охочи, потрафить, докучать, залопотать, надокучить, по-инороднически, принасутиться, щунять, зауряд*). Они стилистически невысоки, но уже лишены того грубо-просторечного отрицательного элемента в семантике, о котором мы говорили выше. Отмечаем мы появление слов модальной окрашенности: *неописаннейшее* блаженство, *ледащенький* кумир, *обрубочек, серенькие собачки, рыбка, крайка* коснулся, *ленивенькие* миссионеры.

В речи Нила Ярославского по-прежнему звучат и слова высокой церковной книжности, но теперь он обращается к ним лишь наедине с собой и в минуты настоящего религиозного восторга, как это было, к примеру, в момент его чудесного спасения язычником-зырянником: «Ей, гряди, Христос, ей, гряди сам в сие сердце чистое, в сию душу смирную; а доколе медлишь, доколе не изволишь сего... пусть милы ему будут эти снежные глыбы его долин, пусть в свой день он скончается, сброся жизнь, как лоза – дозревшую ягоду, как дикая маслина – цветок свой... Не мне ставить в колоды ноги его и преследовать его стези, когда сам Сый написал перстом своим закон любви в сердце его и отвел его в сторону от дел гнева» [1, с.389]. Теперь архиерей понимает: не обязательно быть крещеным, чтобы жить по христианским заповедям; не надо крестить язычников насильно или хитростью, потому что Бог уже живет в их простых сердцах.

В конце повести Нил приходит к новому пониманию христианства, в языке которого слова из церковной литературы естественно и органично соединены со словами народного говора. Благодаря этому, религия становится близкой и родной каждому человеку – и простому и образованному. Нил говорит своим слушателям: «У нас ведь это все *in sancta simplicitate семейно* (выделено автором. – *И. Д.*) со Христом делается. Понимаем мы его или нет, об этом толкуйте как знаете, но а что мы живем с ним запросто – это-то уже очень кажется неоспоримо. А он попросту сильно любит...» [2, с.392].

Таким образом, в повести «На краю света» через рассказ о религиозных раздумьях Нила Ярославского, об испытаниях его веры Лесков открывает читателю свой взгляд на христианство. Один из главных моментов этой своеобразной проповеди заключается в разработке особого языка, который позволит приблизить христианство к народной среде, будет понятен любому человеку. Отныне и впредь образ-

ная и выразительная речь лучших героев-проповедников в лесковских произведениях будет представлять собой органическое сочетание, почти слияние, во всем своем стилистическом богатстве слова церковной книжности, устного слова живой народной речи и авторского словотворчества.

Список использованной литературы

1. **Даль В.И.** Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1978–82. т.3.
2. **Лесков Н.С.** Собрание сочинений: В 12 т. М.: Правда, 1989. т.1.
3. Словарь русского языка XI–XVII веков (Ред. коллегия: Р. И. Аванесов и др.). М.: Наука, 1975.

Ю.Н. Здорикова

О ТИПОЛОГИИ ТЕКСТОВЫХ ПОСТРОЕНИЙ С СОЮЗОМ *НО*

*В статье приводится типология текстовых построений (ТП), в которых предложение с союзом *НО* соотносится с несколькими предыдущими, рассматриваются их композиционно-стилистические и структурно-семантические особенности. Автор анализирует ТП с предложением-зачином, ТП с анафорической связью, периоды, ТП с парцелляцией и другие виды этих ТП, подчеркивая тем самым их структурное разнообразие.*

Структурное разнообразие текстовых построений (ТП), в которых предложение с союзом *НО* соотносится с несколькими предыдущими, определяется особенностями синтаксической и композиционно-стилистической организации ТП, характером связи предложений, переплетением микротем, планов изложения, соотношением лексико-грамматического наполнения компонентов, ритмико-мелодическим рисунком.

Рассмотрим основные типы ТП, в которых предложение с союзом *НО* связывается с несколькими предыдущими.

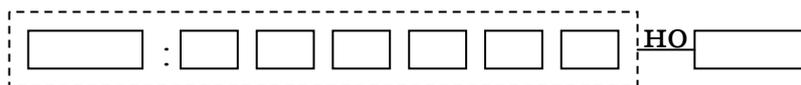
1. ТП с предложением-зачином

В ТП данного типа перечисление каких-либо фактов, событий может оформлять раскрытие какой-то темы, заданной в начальном предложении ТП, являющимся *з а ч и н о м* для последующих предложений, например:

Базар действительно представлял зрелище незабываемое. Тысячи лавочек, лотков, прилавков тянулись улицами под крышей. Горами лежали фрукты, висели лепешки, висели туши баранов, стояли в мешках горох, пшеница, фасоль, свешивались с крыши связки красного перца. Пахло табаком, брынзой, яблоками, пряностями и кофе. Кофе пили в маленьких кофейнях без сахара и молока, выкуривая одновременно длинные трубки. Блестели медные подносы и серебряные кинжалы, тускло отсвечивали керамические вазы, красной темной бархатились ковры. Но пуще всего поражали улочки золотых рядов, где рядом с каждой лавкой стояли по двое-трое охранников (В. Ганичев).

Первое предложение приведенного ТП «задает» тему и эмоциональную окрашенность всего ТП (используется положительно окрашенная лексика «зрелище незабываемое»). Следующие пять предложений раскрывают эту тему и передают информацию исключительно со знаком «плюс». В этих предложениях используются слова, в лексическое значение которых входит сема ‘очень много’: *тысячи, горами, туши*. Первый компонент ТП имеет единый план изложения – это описание, предложения, входящие в его состав, объединены параллельной связью. Тематически цельность всего построения определяется и тем, что в его состав входит лексика, относящаяся к одному тезаурусу – *базар, лавочек, лотков, прилавков* и т. д. Предложения с первого по третье и шестое характеризуются параллелизмом строения: двусоставностью частей, одинаковым порядком главных членов («подлежащее–сказуемое» в первом и втором предложениях, «сказуемое–подлежащее» в частях третьего и шестого предложений), одинаковыми формами глаголов прошедшего времени несовершенного вида *представлял, тянулись, лежали, виселись, висели, стояли, свешивались, пахло, пили, блестели, отсвечивали, бархатились*. Весь первый компонент имеет перечислительную интонацию. Перечисление, смена картин создает и определенную ритмико-мелодическую организацию этого отрезка. Предложение с НО вводит информацию «нечто еще более положительное». В этом ТП устанавливаются распространительно-выделительные отношения: среди однородных объектов выделяется еще один – «улучки золотых рядов».

Графически структуру этого ТП можно представить так:

По такому же принципу построено следующее ТП:

Комната Пульхерии Ивановны была вся уставлена сундуками, ящичками, ящичками и сундучочками. Множество узелков и мешков с семенами, цветочными, огородными, арбузными, висело по стенам. Множество клубков с разноцветною шерстью, лоскутков старинных платьев, шитых за полстолетие, были уложены по углам в сундучках и между сундучками. Пульхерия Ивановна была большая хозяйка и собирала все, хотя иногда сама не знала, на что оно потом употребится.

Но самое замечательное в доме – были поющие двери. (Н. Гоголь. Старосветские помещики).

В предложении, открывающем это ТП, «задается» тема всего ТП – описание комнаты Пульхерии Ивановны. Далее раскрытие этой темы идет через описание деталей убранства комнаты. Предложения, входящие в первый компонент, имеют одинаковое строение: это двусоставные предложения с прямым порядком слов. В них употребляются одинаковые глагольные формы прошедшего времени страдательного залога *была уставлена, были уложены*. Первый компонент ТП построен на контрасте грамматических значений: наряду со словами с уменьшительно-ласкательными суффиксами – *ящичками, сундучочками, узелков, лоскутков* – используются слова, в лексическое значение которых входит сема ‘много’: *множество, большая*. Второе и третье предложение рассматриваемого ТП объединяет анафорическая связь, создаваемая повтором в начале предложений лексемы «множество». В предложении с союзом НО акцентируется внимание на отдельной детали – «поющие двери». В приведенном ТП устанавливаются распространительно-выделительные отношения.

Особенностью предложения – зачина в рассматриваемых ТП является наличие в нем слов, вмещающих все содержание последовательно перечисляемых компонентов (*базар* и *комната*).

2. Периоды. ТП с анафорической связью

Как отмечает Н.В. Данилевская, «авторский текст <...> выстраивается таким образом, что каждая из основных мыслей письма вновь неоднократно повторяется, обрастая по ходу развертывания новыми деталями» [4, с.107]. Это замечание в полной мере можно отнести к п е р и о д а м, которые можно выделить среди рассматриваемых ТП. Период, как известно, явление не столько структурно-семантическое, сколько к о м п о з и ц и о н н о - с т и л и с т и ч е с к о е [2, с.388]. Части периода, определяемые в соответствии с его интонационной оформленностью – повышение и понижение, построены по принципу параллелизма: в них повторяются союзы, союзные слова, порядок слов, формы глаголов-сказуемых. Приведем пример периода:

Это была страшная история; это история покинутой женщины, пережившей свое счастье; больной, измученной и оставленной всеми; отвергнутой последним существом, на которое она могла надеяться,- отцом своим, оскорбленным когда-то ею и, в свою очередь, выжившим из ума от нестерпимых страданий и унижений. Это история женщины, доведенной до отчаяния; ходившей со своею девочкой, которую она считала еще ребенком, по холодным, грязным петербургским улицам и просившей милостыню; женщины, умиравшей потом целые месяцы в сыром подвале и которой отец отказывал в прощении до последней минуты ее жизни, и только в последнюю минуту опомнившийся и прибежавший простить ее, но уже заставший один холодный труп вместо той, которую любил больше всего на свете. Это был странный рассказ о таинственных, даже едва понятных отношениях выжившего из ума старика с его маленькой внучкой, уже понимавшей его, уже понимавшей, несмотря на свое детство, многое из того, до чего не развивается иной в целые годы своей обеспеченной и гладкой жизни. Мрачная это была история, одна из тех мрачных и мучительных историй, которые так часто и неприметно, почти таинственно, сбываются под тяжелым петербургским небом, в темных, потаенных закоулках огромного города, среди взбалмошного кипения жизни, тупого эгоизма, сталкивающихся интересов, угрюмого разврата, сокровенных преступлений, среди всего этого крошечного ада бессмысленной и ненормальной жизни... Но эта история еще впереди... (Ф. Достоевский).

В этом периоде повторяется словосочетание «это была история» в начале каждого предложения или какой-либо части сложного предложения. Весь первый компонент характеризуется единой интонацией. Повторяющиеся элементы по мере развертывания повествования обрастают новыми деталями. Первый компонент ТП содержит цепочку рекуррентно-синонимических замещений: повторяется слово «история» и один раз оно замещается синонимом «рассказ». Предложение с НО является второй частью периода и характеризуется интонацией понижения. Между компонентами ТП устанавливаются противительные-распространительные отношения.

Для периодов, как видим, характерна анафорическая связь. Проиллюстрируем это и на следующих примерах:

Это могла быть модистка. Это могла быть дама для разношивания новых туфель императрицы. Это могла быть и чтица романов. Но вряд ли это был де Еон (В. Пикуль);

У многих, очень многих, есть воспоминания, связанные с Владимиром Ильичем, и у меня есть одно. Оно чрезвычайно прочно, и расстаться с ним я не могу. Да и как расстаться, если каждый вечер, лишь только серые гармоники труб нальются теплом и приятная волна потечет по комнате, мне вспоминается и желтый лист моего знаменитого заявления и вытертая кацавейка Надежды Константиновны...

Как расстаться, если каждый вечер, лишь только нальются нити лампы в 50 свечей, и в зеленой тени абажура я могу писать и читать в тепле, не помышляя о том, что на дворе ветерок при 18 градусах мороза.

Мыслимо ли расстаться, если, лишь только я подниму голову, встречаю над собой потолок. Правда, это отвратительный потолок – низкий, закопченный и треснувший, но все же потолок, а не небо в звездах над Пречистенским бульваром, где, по точным сведениям науки, даже не 18 градусов, а 271, и все они ниже нуля. А для того, чтобы прекратить мою литературно-рабочую жизнь, достаточно меньшие количества их. У меня же под черными фестонами паутины – 12, выше нуля, свет, и книги, и карточка жилтоварищества. А это значит, что я буду существовать столько же, сколько и весь дом. Не будет пожара – и я жив.

Но расскажу по-порядку (М. Булгаков)

В первом ТП предложения, входящие в первый компонент ТП, имеют одинаковый анафорический зачин «это могла быть». В следующем ТП связь предложений также опирается на анафору. В первом из выделенных предложений анафорический элемент («да и как расстаться, если...») объединяется с предшествующим фрагментом присоединительной связью при помощи союза «да и», который придает значение экспрессивно-подчеркнутого добавления вводимому им предложению. Анафорические элементы открывают новые абзацы, осуществляя дальнейшее разворачивание темы. Первая часть периода определяется единым интонационным планом (постепенным повышением тона), плавностью, музыкальностью, ритмической стройностью. Предложение с союзом **НО** характеризуется понижением тона и выполняет текстообразующую строевую функцию, осуществляя отсылку по тексту вниз.

3. ТП с парцелляцией

В рассматриваемых ТП отдельный элемент первого компонента может п а р ц е л л и р о в а т ь с я. Парцелляция, расчлененность речевой цепи служит для выделения важных моментов высказывания, создает эффект неподготовленного, возникающего в процессе речи высказывания и тем самым приближается к живой разговорной речи. Парцеллированные структуры, являясь элементом архитектоники ТП, реализуют экспрессивно- выделительную функцию и участвуют в ритмико-мелодической организации текста. Ученые отмечают, что в сказовом повествовании, построенном в литературном ключе, автор часто использует лишь структурный принцип построения парцеллированного высказывания [5, с.175]. Приведем примеры парцеллированных структур:

*Знай это Горбунов, вероятно, он нашел бы другое слово. **Например «взыскание».** Но слово было сказано и настроение испорчено (А. Крон);*

*Горик еще никогда в жизни ничего не экспроприировал. **Только, может быть, три или четыре раза – марки.** Но ведь все филателисты занимаются такой простодушной экспроприацией (Ю. Трифонов);*

***Тож же эмоции. Достоверные.** Но в монографиях для них не хватает места (В. Пикуль).*

Парцелляция в приведенных ТП используется как способ актуализации частей высказывания, акцентирования внимания на определенных деталях.

4. ТП, в состав которых входят восклицательные предложения

Особой экспрессивностью и выразительностью характеризуются ТП, в состав которых входят восклицательные предложения. Восклицательные предложения могут входить в состав первого компонента ТП, например:

Эх, жемчужина-Киев! Беспокойное ты место!

Но это, впрочем, фантазия, сумерки, воспоминание. (М. Булгаков);

Какая резкая разница между киевлянами и москвичами! Москвичи – зубастые, напористые, летающие, спешащие, американизированные. Киевляне – тихие, медленные и без всякой американизации. Но американской складки людей любят. (М. Булгаков).

Восклицательным может быть второй компонент ТП, например:

Щегловитов взвесил обстоятельства и переменял план. Если въезд в Москву на белом коне оказался иллюзией, то следовало оставаться в штабе Азина, врасстать в хромовую тужурку. Пригреться где-нибудь на высоте, в непосредственной близости от бывших покровителей из Гражданупра...

Но, боже, какая насмешка судьбы! (А. Знаменский).

Восклицательные предложения могут содержаться в обоих компонентах ТП:

Сказочно! Неправдоподобно! Но так было! (В. Шигин);

5. Вопросно-ответные единства

ТП со связью отдельного предложения с двумя и более предыдущими может быть организовано как **вопросно-ответное единство**. Вопросительные предложения в таких ТП содержатся в первом компоненте, например:

Может, это все-таки подделка, фальшивка? Агенты Деникина подбросили горючий товар? Но вряд ли: стиль, шрифт, бумага и, наконец, печати – все подлинное (А. Знаменский);

А что он мог придумать ласкового, солдат колониального полка? Чем он мог занять ее? Игрой в кости? Или грубыми казарменными песенками?

Но все же долго отмалчиваться было нельзя (К. Паустовский).

ТП, содержащее вопрос в первом компоненте, может строиться по принципу «тезис–доказательство–вывод». В вопросительном предложении задается тема всего ТП, последующие предложения содержат аргументацию, развернутое раскрытие данного тезиса. Предложение с НО является своеобразным итогом, выводом из всего того, о чем повествует первый компонент в целом. Проиллюстрируем это на таком примере:

Кто из нас теперь не знает наших бед, хотя и покрытых лживой статистикой? Семьдесят лет влачатся за слепородной и злокачественной марксо-ленинской утопией, мы положили на плахи или спустили под откос бездарно проведенной, даже самоистребительной, «Отечественной» войны – треть своего населения. Мы лишились своего былого изобилия, уничтожили класс крестьянства и его селения, мы отшибли самый смысл выращивать хлеб, а землю отучили давать урожаи, да еще заливали ее морями-болотами. Отходами первобытной промышленности мы испакостили окрестности городов, отравили реки, озера, рыбу, сегодня уже dokonечно губим последнюю воду, воздух и землю, еще и с добавкой атомной смерти, еще и прикупая на хранение радиоактивные отходы с Запада. Разоряя себя для будущих великих захватов под обезумелым руководством, мы вырубали свои богатые леса, выграбили свои несравненные недра, невозполнимое достояние наших правнуков, безжалостно распродали их за границу. Изнурили наших женщин на ломовых неподъемных работах, оторвали их от детей, самих детей пустили в болезни, в дикость и в подделку образования. В полной запущенности у нас здоровье, и нет лекарств, да даже еду здоровую мы уже забыли, и миллионы без жилья, и беспомощное личное бесправие разлито по всем глубинам страны, – а мы за одно только держимся: чтоб не лишили нас безумного пьянства.

Но так устроен человек, что всю эту бессмыслицу и губление нам посильно сносить хоть и всю нашу жизнь насквозь – а только бы кто не посягнул обидеть, затронуть нашу нацию! (А. Солженицын).

Первое вопросительное предложение этого ТП представляет собой тезис, который задает тему рассуждения. Последующие шесть предложений, входящие в первый компонент ТП, раскрывают этот тезис и характеризуются одинаковым модально-временным планом глаголов-сказуемых (форма изъявительного наклонения прошедшего времени): *положили, спустили, лишились, уничтожили, отшибли, отучили, заливали, испакостили, отравили, вырубил, выграбили, распродали, изнурили, оторвали, пустили, забыли*. Общая отрицательная оценка предложений объединяет первый компонент в целом. Предложение с союзом НО («но так устроен человек...») имеет характер обобщающего суждения и является выводом из всего предшествующего компонента.

Во всех рассматриваемых ТП предложение с союзом НО, противопоставляясь первому компоненту, содержит итог, обобщение того, о чем говорится в первом компоненте, иными словами, является логическим и закономерным продолжением темы, развертываемой в предшествующих предложениях.

6. ТП с семантикой обрыва повествования

В противоположность рассмотренным ТП можно выделить конструкции, в которых предложение с союзом НО маркирует резкий обрыв повествования. Союз НО реализует в таких ТП делимитативную функцию, направляя повествование по другому руслу. Предложение с НО в рассматриваемых ТП, как правило, выделяется в самостоятельный абзац и содержит лексические показатели экспрессии внезапности – «но вдруг», «но тут». Например:

Дальше же карьера Чичикова приняла головокружительный характер. Уму непостижимо, что он вытворял. Основал трест для выделки железа из деревянных опилок и тоже ссуду получил. Вошел пайщиком в огромный кооператив и всю Москву накормил колбасой из дохлого мяса. Помещица Коробочка, услышав, что теперь в Москве «все разрешено», пожелала недвижимость приобрести; он вошел в компанию с Замухрышкиным и Утешительным и продал ей Манеж, что против Университета. Взял подряд на электрификацию города, от которого в три года никуда не доскачешь, и войдя в контакт с бывшим городничим, разметал какой-то забор, поставил вехи, чтобы было похоже на планировку, а насчет денег, отпущенных на электрификацию, написал, что их у него отняли банды капитана Копейкина. Словом, произвел чудеса. И по Москве вскоре загудел слух, что Чичиков-трильонщик. Учреждения начали рвать его к себе нарасхват в спецы. Уже Чичиков снял за 5 миллиардов квартиру в пять комнат, уже Чичиков обедал и ужинал в «Ампире».

Но вдруг произошел крах (М. Булгаков).

В первом предложении-зачине этого ТП обозначена тема всего ТП – «карьера Чичикова». Следующие девять предложений раскрывают эту тему. Для особого подчеркивания, выделения действий персонажа в плане карьеры используется парцелляция (третье, четвертое, шестое и седьмое предложения ТП). В первом компоненте ТП при описании действий персонажа используются глаголы в одинаковой форме – прошедшего времени совершенного вида: *основал, вошел, накормил, вошел, продал, взял, написал, произвел, снял*. Предложение с НО («но вдруг произошел крах») обрывает ход повествования и вносит экспрессию внезапности.

Резкий обрыв повествования передается предложением с союзом НО в следующем ТП:

Ведь есть, есть еще время плюнуть на все и успеть прожить еще одну жизнь. И может, в той, новой жизни, все будет так, как всегда хотелось. Чтобы дети рядом, чтобы гордость за них была, чтобы так их чувствовалось, как будто

идешь по улице, а за тобой – три сына, один одного крепче и красивее. И хочется крикнуть – смотрите! Это мои дети! Мой корень, моя кровь!..

Но тут же он и открестился от другой жизни (С. Алексеев).

Предложение с союзом НО резко обрывает размышления героя и указывает на переход к другому аспекту микротемы. Меняется и план изложения: первый компонент ТП – это рассуждение, второй компонент имеет повествовательный план изложения.

Среди ТП со связью отдельного предложения с несколькими предыдущими можно выделить особую группу построений, в которых союз НО реализует «текстообразующую строевую функцию» (по И. Н. Кручининой) и участвует в архитектонике связного текста. [6] Предложение с НО в таких ТП оказывается на периферии различных микротем и осуществляет отсылку к определенному фрагменту информации. В этих ТП отчетливо вырисовывается авторское начало (автор сам регулирует поток своего наблюдения) и построение конструкции выходит за рамки сугубо синтаксической организации, например:

Прощание наше было бесконечным страданием для обоих. Я старалась запомнить и запечатлеть каждое его слово, каждый жест; мне казалось, что я никогда больше его не увижу. Я простила с ним навсегда. Мое предчувствие меня не обмануло... Но об этом позднее... (Е. Мецгерская);

Без учета этого стереотипа мифологизированного сознания невозможно осознать, оценить то недавнее время, понять людей, в нем живущих... Игнорируя его, нельзя серьезно изучать так называемые «социалистические классы», слои, группы общества.

Но мы ведем речь отнюдь не только о прошлом. (А. Ваксер).

Исследователи подчеркивают достаточную автономность таких предложений в структуре целого текста. Л. М. Лосева называет такие предложения «свободными», не входящими ни в одно ССЦ [7]. Б. А. Абрамов называет такие предложения предложениями-скрепами, выполняющими служебную функцию [1]. По мнению И. Р. Гальперина, такие предложения служат «сигналами перспективы», являясь формами отнесения содержательно-фактуальной информации к тому, о чем речь будет идти в последующих частях текста [3, с.112].

Таким образом, структура текстовых построений с союзом НО очень разнообразна.

Список использованной литературы

1. **Абрамов Б.А.** Предложение как компонент макротекста // Структурные и функциональные особенности предложения и текста: Сб. науч. тр. Свердловск, 1989, с.3–9.
2. **Валгина Н.С.** Синтаксис современного русского языка. М., 1978.
3. **Гальперин И.Р.** Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
4. **Данилевская Н.В.** Смысловые повторы как механизм развертывания публицистического текста // Вестник Пермского ун-та. 1996, вып.2, с.105–112.
5. **Кромер Э.В.** Проблема присоединительных и парцеллированных структур в разговорной речи и художественном тексте // Синтаксис в школьном и вузовском преподавании: Межвуз. сб. науч. тр., Иваново, 1991, с.168–177.
6. **Кручинина И.Н.** Структура и функции сочинительной связи в русском языке. М., 1988.
7. **Лосева Л.М.** Как строится текст: Пособие для учителей. М., 1980.

Н.К. Иванова

ПИСЬМЕННАЯ РЕЧЬ И СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКОЙ ОРФОГРАФИИ

В статье рассматриваются основные особенности современной письменной коммуникации, в том числе виртуальной, ряд общетеоретических проблем письма и его связи с устной речью, а также новые тенденции, характерные для английской графики и орфографии.

Письмо, как величайшее изобретение человечества, довольно давно привлекает к себе интерес лингвистов. Из истории цивилизации известно, что сначала письмо, даже не передавая элементов языка (так называемые условная и символическая сигнализация), было орудием общения. Начертательное письмо (пиктография, идеография), по-разному соотносясь с языком в разных своих формах, или отражает в графике языковые формы, или выступает в качестве вспомогательного, но не связанного с языком, средства общения.

В широкое понятие письма включают все способы коммуникации людей при помощи оптических («зрительных») знаков. Современное письмо использует все приемы, выработанные человечеством за многовековую историю письменности. В настоящее время с этой точки зрения большой интерес представляет русско- и англоязычный рекламный дискурс, а также виртуальная коммуникация – письменная по форме, но лишенная в этом типе общения многих своих атрибутов, при этом, фокусирующая внимание коммуникантов именно на оптических средствах. Цель настоящей статьи – обобщить и проанализировать некоторые, наиболее типичные, орфографические особенности в современном английском языке, описать основные причины, обуславливающие графические инновации, а также определить наиболее актуальные направления исследований в этой области.

Теория письма, онтология письменной речи, герменевтика, диатопия систем письменности различных языков мира и т. д. привлекали внимание многих отечественных и зарубежных исследователей. В отечественном языкознании общетеоретические проблемы письменности были подробно описаны И.А.Бодуэном де Куртенэ, в частности, в его работе 1912 г. «Об отношении русского письма к русскому языку», в которой, исходя из истории возникновения устной и письменной форм речи, обосновывается взаимная зависимость «писанно-зрительных и произносительно-слуховых представлений», основные категории письма (алфавит, графика, орфография), зависимость графем от фонем, а не наоборот, необходимость строго различать буквы и звуки [3, с.212–219]. Позднее эти вопросы, а также проблема выявления основных принципов орфографии, получили развитие в работах Л. В. Щербы, Ю. С. Маслова, Л. Р. Зиндера, А. И. Смирницкого и др. В зарубежном языкознании «точка отсчета» общетеоретических проблем письменности – работы В.Гумбольда, Ф. де Соссюра, О. Йесперсена и др.

Показательно, что за несколько последних десятилетий среди лингвистов значительно усилился интерес к письменной коммуникации и системам письма. Это нашло отражение в темах лингвистических конгрессов, в монографических исследованиях, в тематических международных сборниках публикаций и т.д. Так, например, в сборнике статей международного colloquium с участием представителей 10 стран «Graphemics and Orthography», состоявшемся в Германии в августе 1985 г., была подчеркнута необходимость общедисциплинарного подхода к анализу теории письма и особенностей письменной коммуникации. К тому времени вопросы обучения

письму, проблема соотношения написания и произношения и т. д. находились в фокусе внимания и лингвистов, и психолингвистов, и педагогов. Однако представители каждой дисциплины пользовались собственной терминологией, пытались обосновать свои концепции и теории, не принимая во внимание ни классические языковедческие труды, ни эмпирические данные современников – психологов, логопедов, физиологов и др.

С компьютеризацией многих сфер жизни современного общества связывалось постепенное уменьшение необходимости владения (в родном и иностранном языках) правилами орфографии: якобы стандартные корректоры написания (*spell-checkers*), электронные словарные ресурсы сами укажут на орфографическую ошибку и предложат варианты нормативного написания слов. Сейчас, имея опыт активного применения компьютера в образовании, науке, бизнесе и т. д., который насчитывает несколько десятилетий, можно сделать вывод о том, актуальность знания правил орфографии не снизилась. Действительно, компьютер может исправить орфографические ошибки, преобразовать индивидуальный орфографический стандарт в нормативный, однако, знание графемно-фонемных соответствий остается необходимым для корректного произношения и чтения. Изучение когнитивных процессов чтения и письма потребовало дальнейшей теоретической разработки вопросов письменности, проникновения в сущность процесса «кодирования-декодирования» письменной речи.

Примечательно, что новый интерес к письменной речи спровоцировал возобновление старого спора между сторонниками семиотического подхода и неограмматики о «первичности» и «вторичности» устной и письменной форм коммуникации, их иерархической подчиненности. Например, в работах ряда отечественных исследователей (Т. А. Амировой, А. А. Волкова и др.) письменная речь рассматривается как особая автономная знаковая система, независимая от устной речи, несмотря на то, что по происхождению она была вторична. Однако наблюдения над развитием письменной речи и определенными изменениями в орфографических системах ряда языков наглядно подтверждают мысль Б. де Куртенэ и Л. Р. Зиндера о диалектической связи между речью устной и письменной, а, следовательно, – о невозможности их изолированного изучения.

Возобновление интереса к анализу феномена письменной речи обусловило и новые попытки пересмотра или уточнения щербовской теории фонемы и ее связи с графемой. Все это породило множество новых терминологических единиц – «графофонема», «графографема», «фонографема», «логографема», «аллографема» и т. д. Перед исследователями письма была поставлена задача создать для анализа графики терминологию, сходную с фонемной [7, с.88].

Анализ публикаций последних лет указывает на сохранение приоритета отечественных ученых в исследовании этих актуальных научных направлений. Диатопический подход к анализу феномена письменной речи, как и рассмотрение знаков препинания в качестве важных элементов письма, или писанно-зрительного языка, ассоциируемых «с расчленением текущей речи на отдельные части: периоды, предложения, отдельные выражения, слова, звуки» [3, с.238] были описаны еще в работах Б. де Куртенэ. Возможная терминологическая корреляция между фонемой и графемой была проанализирована в упоминавшейся выше работе Л. Р. Зиндера «Очерк общей теории письма». Однако Л. Р. Зиндер подчеркивал, что термины, введенные в обиход по аналогии с фонологическими, не должны вводить в заблуждение: «подлинного изоморфизма между графическими и фонологическими системами нет», поскольку графема, в отличие от фонемы, единица двусторонняя (планом содержания ее является обозначаемая ею фонема). Это и определяет все различия между графемой и фонемой, и обуславливает недопустимую для фонем омонимию

графем (омографию), при которой одна и та же буква может представлять разные графемы [4, с.83].

Кроме общетеоретических проблем письма, актуальным представляется в настоящее время анализ современных графических особенностей конкретных языков. Как известно, графические системы старописьменных языков почти всегда пользуются заимствованным алфавитом, являются результатом длительного эволюционного развития во взаимодействии с орфографией (орфографический аспект появляется в письме позднее, чем графический) и под влиянием иностранных систем письма. Это проявляется и в написании заимствованных слов, и в их произношении.

Английский язык, исходя из его истории и учитывая его широкое распространение во всем мире, представляет в этой связи особый интерес. Его письменность формировалась в течение длительного времени под влиянием нескольких языков и их орфографических систем. В результате, оригинальный финикийский алфавит, дополненный греками гласными, модифицированный рунами и латинскими символами, а позднее – французскими, постепенно сложился в английский алфавит из 26 букв, которые, естественно, не способны передать все многообразие звуков, которым отличался еще древнеанглийский язык. В настоящее время для отображения на письме 24 английских согласных и 20 основных гласных звуков в графике используются 22 монографа, 12 диграфов, 4 триграфа, причем некоторые диграфы и триграфы часто заменяются геминатами (удвоенными согласными – ss, gg, pp, и т. д.).

Одним из типично некорректных утверждений является то, что письменный код речи «застывает на месте», а устная речь постоянно меняется, что приводит к разительному разрыву между тем, что пишется и тем, что произносится. С этим нельзя согласиться: медленнее, чем в устной речи, но и в орфографии наблюдаются очевидные динамические процессы, вызванные как лингвистическими факторами, так и экстралингвистическими, которые мы проанализируем ниже.

В качестве доказательства из практической плоскости можно привести одно из пособий, изданных в нашей стране, под названием «Английское правописание. Справочник». (Сост. М. Вест, П. Кимбер, Санкт-Петербург, издательство «Лань», 1998). Данный небольшой справочник на 10 тыс. трудных слов, большую часть которого занимает изложение 28 основных правил грамматики, словообразования и пунктуации, изданный в России в конце XX века (!), перепечатан с оригинального британского послевоенного издания: M. West, P. E. Kimber. *The Deskbook of Current English* (в качестве эталона были выбраны орфографические формы слов, используемые в газете *The Times*.).

Даже беглый анализ обнаруживает устаревший характер большого числа рекомендуемых написаний, что можно кратко свести к следующему:

- 1) отсутствие общепринятых вариантов написания слов, различающихся в настоящее время семантически (*salon–saloon, programme–program, и т. д.*) и игнорирование существования американского варианта (*tyre–tire, grey–gray, sceptic–skeptical*) и т. д.
- 2) приведение с современной точки зрения архаичных вариантов написания ряда слов (*dialogue–duologue; aneurism–aneurysm; jerkin–gherkin; sulfurous–sulphureous, и т. д.*);
- 3) несоответствующее современной орфографической норме написание некоторых слов-компонентов, с предпочтением дефисного написания: *green-house совр. greenhouse; green-room совр. green room; green light совр. green-light (v.)*
- 4) однозначное написание английских глаголов с суффиксом –ise (*совр. legalize, industrialize, capitalize, и т. д.*).

Таким образом, данное пособие представляет лишь определенный исторический интерес для лингвистов, поскольку рекомендует когда-то общепринятые варианты написания, что доказывает наличие динамических явлений в современной английской орфографии, однако, оно не может служить надежным справочником по *современному* правописанию.

Рассмотрим основные факторы, позволяющие говорить об определенных изменениях в системе английской орфографии, и в частности, в графике.

Сегодня нельзя игнорировать тот факт, что уже более 100 лет, начиная с 70-х годов XIX века, когда в США с одобрения президента и научной общественности были приняты орфографические нововведения, предложенные еще в начале того века Н.Уэбстером, англоязычный мир пользуется двумя вариантами написания ряда слов – традиционным британским и упрощенным американским.

Как известно, у орфографической реформы в США всегда были оппоненты, поскольку единая система написаний с британским вариантом английского языка рассматривалась как условие стандартизации и унификации английского языка, а традиционная орфография – как удобное средство предсказания звучания слова, сохранения его морфологической структуры, прогнозирования акцентной модели многих заимствований.

Удивительно, но на сегодняшний день список слов, различающихся по написанию в этих двух вариантах английского языка, совсем не большой. Их можно систематизировать следующим образом:

- 1) графические упрощения перед суффиксами, распространяемые на группы слов (*BE skillful* – *AmE skilful*, *moveable* – *movable*, *traveller* – *traveler*, и т. д.);
- 2) графические упрощения (написания «как слышится», по аналогии с др. словами) на конце групп слов типа: **center**, **theater**, **meter**; **advisor**, **supervisor**; **honor**; **practice**;
- 3) различия в написании отдельных слов: **cozy** vs BrE **cosy**, **skeptic** vs BrE **sceptic**, **gray** vs BrE **grey**, **jail** vs BrE **gaol**, **tire** vs BrE **tyre**, **pajamas** vs BrE **pyjamas** и т. д.

Очевидно, что в современном британском английском, под влиянием его американского варианта, у ряда слов прочно утвердились два возможных написания для различения семантики слова: «**program**» for computers and «**programme**» for television and radio; «**meter**» for the measuring device and «**metre**» for the unit of length; **timber** (wood), **timbre** (quality of sound) [8].

Интересно также проанализировать историю применения лигатур (<æ>, <œ>) в двух анализируемых вариантах английского языка. Традиционно, еще в XIX веке, в обоих из них лигатуры использовались в написании классических заимствований, имен мифологических персонажей, терминов. В американском варианте постепенно лигатура (одна буква) стала заменяться при письме на две: *gynaecology*, *encyclopaedia*, *archaeology*, *Caesar*, *phoenix*, и т. д., а затем стала писаться только одна из букв: **gynecology**, **encyclopedia**, **archeology**. Позднее ряд подобных написаний, без лигатур, утвердился и в британском варианте английского языка. Основным следствием для британского английского стало появление двух вариантов написаний ряда слов (например, *атоеба* – *атеба*), их непоследовательное отражение в различных словарях, а в некоторых случаях – изменение произношение слова под влиянием его упрощенного написания, напр. *encyclopaedia* /₁*insaɪklə'pi:diə*/ vs *encyclopedia* /₁*insaɪklə'pediə*/.

Анализ современной британской и американской орфографии, несмотря на то, что систематического исследования этой проблемы, с привлечением широких лексикографических данных, еще не проведено, позволяет сделать вывод о том, что даже при наличии различий в написании отдельных слов и их некоторых групп, орфографическую систему в этих двух вариантах английского языка можно рассмат-

ривать как практически единую. Как справедливо заметила Л. Л. Баранова, «английская письменная речь – объединяющий код для тех, кто им пользуется, это стержень, вокруг которого группируются варианты английского языка», это то, что удерживает два основных диатопических варианта от дальнейшей дивергенции, распада на различные языки [1, с.162].

Нельзя не заметить, что наибольшая область расхождений в этих двух вариантах, особенно среди неологизмов, приходится на слитное/раздельное написание или со строчной/прописной буквы. Современные словарные материалы не позволяют пока выявить здесь определенные закономерности. Например:

BE:	AmE:
Art Deco	art deco, Art Deco;
awestruck	awe-struck;
baby talk	baby-talk;
bluestocking	blue-stocking, и т. д.

Однако первый и довольно сокрушительный удар по традиционной английской орфографии был нанесен коммерцией. Установлено, что появление так называемых «коммерческих написаний» было отмечено в английском языке еще после первой мировой войны, но их интенсивное распространение началось со второй половины XX века и до сих пор продолжается. В основе подобной устремленности к модифицированным написаниям при создании рекламных тестов, названий продуктов, брендов и т.д. лежит, видимо, прежде всего, осознанное стремление нарушить принятые нормы в поиске максимально экспрессивных и в то же время эксплицитных или экономных средств языкового выражения. Среди «коммерческих написаний» в рекламных текстах можно выделить широко распространенные, уже закрепленные в общенациональном масштабе, например, *shu, lite, kleen, Kleenex, Bref, nite (life), California sunkist oranges, hy-top, Soft and Dri (марка дезодоранта); Squeezit* (натуральный апельсиновый сок), *stic pens, Kwik Kash, etc.*, то есть некоторых продуктов питания, напитков, многих лекарственных препаратов, средств гигиены и т. д.

Одним из распространенных средств создания коммерческих написаний является омофония, которая «подталкивает» читающего их, к применению соответствующих правил чтения на основе фонетического принципа: *U-All-No; E-Z Kleen; I knead it daily* (надпись на майке персонала в пекарне-кафе); *When in Roam...* (реклама мобильных телефонов); *Un-Scene Records; Can we tawk?*

Необходимо, однако, заметить, что в рекламных написаниях наблюдается не только упрощение орфографического облика слова, но и его усложнение за счет замены монографов диграфами (напр. *phabulous phood, phantastic*). При создании новых серий лекарств в их названиях, то есть, в их оптическом облике, преднамеренно подчеркивается принадлежность к научной терминологии через предпочтение графемы <y>: *Caladryl, Tylenol, Benadryl*), к «благородному» французскому (*Tear Naturelle, Garlique*).

Эти примеры, найденные нами в различных популярных англоязычных печатных изданиях, показывают, что взаимозаменяемость графем <y> и <i> имеет достаточно широкое распространение в «коммерческих написаниях». В этой связи интересно заметить, что традиционно в конечной позиции для передачи звука /i/ использовалась графема <y>, однако в последнее время в английском языке резко увеличилось число слов с конечной <i>, произносимой и как /i/, и как /ai/. Кроме старых заимствованных слов (*macaroni, confetti, charavari*, и т. д.), это – неологизмы (*Ossi, trikini, jazzeratti, karoshi, oi-music*), «коммерческие написания» ряда известных слов (*hi-level, hi-way*), сокращения (*hi-fi, sci-fi*) и т. д.

Как отклонение от традиционной графики английского языка можно рассматривать и широко распространенные в неофициальном стиле речи слова с конечным диграфом <ie>: *biggie, oldie, tekkie, goodie, baldie, baddie, yottie, etc.* Заимствования приносят в английский язык не только слова с новой, нетипичной для него графикой, но и в последующем выступают как модели для образования неологизмов. Так, все чаще вместо конечной графемы <ck> для звука /k/ (*clock, sick, stack, etc.*) пишется <k>: *sputnik* → *pupnik* (космический корабль с собакой на борту), *spacenic* (космический аппарат); *discothequenik, fufnik* (плохой фильм), *goodnik, refusenik* (калька с русского «отказник») и др.

«Нелюбовь типографий», а затем и компьютеров к использованию диакритических знаков в словах французского происхождения (**café, façade, résumé, coupé**) и утрата для многих англоговорящих очевидности связи между оригинальным (французским) написанием слова и его произношением в английском, привели также к упрощению написания подобных слов.

Заметим, что тенденция к потере диакритика, неудобного при типографском наборе и не несущего никакой информации тем, кто не знаком с правилами чтения во французском языке, проявилась в США наиболее ярко в 50-е годы XX века. В настоящее время, по нашим наблюдениям, в массовых печатных изданиях, рекламных материалах и т. д. диакритики не печатаются; хорошие словари указывают два варианта написания слова, причем, первый из них – без диакритика, а электронные корректоры орфографии однозначно помечают написание с диакритиком как ошибочное.

Это позволяет прогнозировать в недалеком будущем полное исчезновение в английских написаниях чуждых для них диакритических знаков, что, естественно, не только упростит систему графики английского языка в целом, но повлияет и на произношение ряда общеупотребительных слов.

Анализируя современную систему написаний в английском языке, нельзя не отметить явное влияние на нее средств телекоммуникации. Это привело не только к обогащению словарного состава английского языка и разнообразной графической презентации новых слов и словосочетаний (cf.: *email, e-commerce, wysiwyg, newbies, asap* и т. д.), но и к появлению гибридного сетевого языка *Weblish* с его специфическими орфографическими стандартами и своеобразным произношением. Анализ «новых написаний» показывает, что в *Weblish*, ориентированном на нормы разговорной речи, экономию усилий и экспрессивность, постепенно утвердились такие орфографические варианты слов, которые сближают их произношение и написание. Например, *B4* (*before*), *GR8* (*great*), *emoticon* /ɪˈməʊtɪkɒn/ (*emotion*+ *icon*), *Y* (*why*), *OIC* (*Oh, I see*), *4get* (*forget*), и т. д. Другой своеобразной визуальной чертой является частое отсутствие заглавных букв при неформальном виртуальном общении и, наоборот, их широкое применение, в сочетании с другими графическими символами, в коммерческой Интернет-коммуникации.

В современной лингвистике Интернет рассматривается как особая сфера коммуникации, в которой своеобразно преломляются типичные особенности устной и письменной форм речи [2, с.65]. Экономия усилий со стороны отправителя, которому, однако, часто приходится бороться за избирательное внимание получателя, обуславливает большую нагрузку на средства графического выделения для достижения большей эксплицитности официального сообщения или эмоциональности неформального.

Очевидно, что Интернет-коммуникация, в том числе информационно-рекламная, должна осуществляться по иным правилам, чем традиционная письменная. Наш опыт работы с информационными ресурсами и редактирование различных

материалов на сайт университета показывают, что часто туда направляется, без необходимой адаптации, уже имеющаяся письменная версия сообщения. Сложившиеся в этой области правила [11] диктуют, что и предложения, и абзацы при электронной коммуникации, должны быть короткими. Более компактные предложения легче анализировать и понимать – ограничение поля зрения получателя размерами экрана ПК затрудняет быстрое понимание, если ключевая информация (тема сообщения), не находится целиком в зоне зрительного восприятия. Облегчает понимание также наличие на экране пустого пространства, сбалансированное применение шрифтов и цвета.

Еще Б. де Куртэнэ, определяя связь между письмом и языком, подчеркивал, что «морфологическая делимость произносительно-слухового языка в самом обширном смысле этого слова находит себе отражение в следующих особенностях языка писанно-зрительного»: периодам, фразам, предложениям соответствуют красные строки и знаки препинания (точка, запятая, двоеточие, точка с запятой, большая буква после точки). Он также выделял и другую категорию знаков препинания, которые «подчеркивают главным образом семасиологическую сторону, указывая на настроенное говорящего или пишущего и на его отношение к содержанию письменно обнаруживаемого» [3, с.222, 238].

Эти идеи русского лингвиста до сих пор не потеряли актуальности, и некоторые современные исследователи письменной коммуникации предлагают включать в область ее анализа и так называемые «свободные графемы»: строчные и прописные буквы внутри периода, надстрочные и подстрочные символы (*minuscules* и *majuscules*), вспомогательные знаки (!!, ?!, !?, < >, круглые и квадратные скобки, черточки и дефисы), графическая нагрузка которых шире, чем у знаков пунктуации, а также пробелы, комбинации арабских и римских цифр и букв, логотипы денежных единиц и др.[6, с.47–50]. В указанной работе предложена детальная классификация различных графических средств, что представляется актуальным для более подробного изучения шрифтовых и собственно графических особенностей оформления как рекламных текстов, так и образцов виртуальной коммуникации. В последней, в силу отсутствия прямых просодических характеристик речи (интонации, тона, тембра и т. д.), мимики и жестов, особая роль принадлежит графико-шрифтовым средствам как компенсаторным механизмам. Неформальная коммуникация в чатах возвращает пунктуации ее семантический характер, и знаки препинания (точки, запятые, многоточия, в первую очередь) передают на письме темп речи, тире – фокусирует внимание на наиболее важном, а в скобки заключают менее важную информацию, «авторскую ремарку» [2, с.59].

Анализируя англоязычную и русскоязычную виртуальную коммуникацию, можно найти не только сходство в лингвистических моделях ее построения, но и существенное различие, например, в выборе паравербальных средств, в частности, употребление различных пунктуационных знаков. Очевидно глубокое проникновение в Рунет латиницы: в написании ников, акронимов, отдельных слов и их частей («а тебе THANK in advance», «а ты DOOmал», 4ever, LOL, btw).

Отмеченная особенность русского компьютерного и рекламного дискурса требует специального изучения. Мы уже писали о своеобразном применении англоязычных инкрустаций в русских рекламных текстах [5]. В данной статье хотелось бы обратить внимание на широкое распространение английских слов и фраз, орфографически некорректно оформленных, в российских печатных изданиях. Примеры настолько многочисленны, что ограничимся лишь несколькими.

Давно и прочно проникнув в русский культурный код, став элементом русской логосферы, английские слова и фразы часто используются нашими писателями

в качестве речевой характеристики героев, для раскрытия их внутреннего «я» (см. например, С. Чилая. «Донор», «Виварий» (Олма-Пресс, 2004). Однако нечастое написание английских слов в соответствии с фонетическим принципом приводит к тому, что в русских художественных текстах они нередко приводятся с орфографическими ошибками, особенно, если это омофоны, или слова, когда-то заимствованные в английский из других языков и сохранившие оригинальную графику. Например:

- *Женщина на серфе засмеялась.*

- **Виу.** Пока.

- *Разве вы не хотите, чтобы я вас спас? – спросил я.*

(А.Варламов. *Все люди умеют плавать.* «Новый мир», № 8, 2004, с.117).

- *Ага, значит, сейчас будет – ура! – весело, пьяно, грустно, сумасбродно, обожаемый Брамс, любимые «Битлз» ...All my troubles seem so far away...*

(Е.Шкловский. *Из под-козырька.* «Новый мир», № 12, 2004, с.98).

Практически нет ни одного выпуска газеты «Комсомольская правда», в котором бы не было опечатки в англоязычном тексте. Поскольку в журналистской практике давно принято называть музыкальные произведения, альбомы и диски популярных групп, фильмы и т. п. на языке оригинала, то некоторые страницы данного издания содержат иногда несколько опечаток в английском на небольшом печатном пространстве. Так, в сентябре 2006 г. данная газета широко освещала предстоящий в Москве концерт популярной американской певицы Мадонны: проводила конкурсы среди читателей, разыгрывала билеты на концерт. Приведем один из образцов публикаций с охранением орфографии источника (КП, 4–7 сентября 2006 г., с.31): «*Дмитрий Абакумов верно назвал клипы Мадонны, вошедшие в список 50 самых знаменитых видео планеты, – Like a praeer, Material girl, Vouge*» (ср. : **Prayer, Material Girl, Voyage**).

Подобные опечатки легко выявить с помощью стандартного компьютерного корректора орфографии (spell-checker) или на уровне редактирования текста, однако приходится часто наблюдать повсеместное пренебрежение к культуре письменной речи, в том числе на английском языке, нормативной орфографией которого многие не владеют, но все равно часто пишут по-английски. Психолингвистический механизм перехода в некоторых коммуникативных ситуациях на чужой языковой код также требует детального изучения.

Таким образом, без усилий реформаторов-энтузиастов, публичных обсуждений проблемы, как это было в XIX–XX веках в Британии и США, коммерческие написания через широкое распространение рекламы, а затем виртуальная коммуникация и другие социальные факторы, обусловили внедрение и широкое распространение в англоязычном сообществе новых написаний, нетрадиционных графических средств, а вслед за этим – нетрадиционных орфографических и произносительных норм. Накопленный к настоящему времени материал о лабильности некоторых элементов орфографической системы английского языка позволяет критически отнестись к некоторым традиционным ее научным описаниям и по-новому взглянуть на доминирующие в ней принципы.

Список использованной литературы

1. **Баранова Л.Л.** Онтология английской письменной речи. Москва. МГУ, 1998.
2. **Бергельсон М.Б.** Языковые аспекты виртуальной коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, № 1. 2002, с.55–67.

3. **Бодуэн де Куртенэ И.А.** Избранные труды по общему языкознанию. т. 2, М, 1963, с. 209–234.
4. **Зиндер Л. Р.** Очерк общей теории письма. Л., 1987.
5. **Иванова Н.К.** Иноязычные инкрустации в русском рекламном дискурсе // Актуальные проблемы коммуникации и культуры – 3. Сб. научных трудов российских и зарубежных ученых. Москва – Пятигорск, 2006, с.153–156.
6. **Augst G.** Descriptively and Explanatory Adequate Models of Orthography // New Trends in Graphemics and Orthography. Ed.by G.Augst de Gruyter. Berlin-New York, 1986, p.25–55.
7. **Kohrt M.** The Term “Grapheme” in the History and Theory of Linguistics // New Trends in Graphemics and Orthography. Ed.by G.Augst de Gruyter. Berlin-New York, 1986, p.80–92.
8. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Oxford, 2003.
9. New Trends in Graphemics and Orthography. Ed.by G. Augst de Gruyter. Berlin-New York, 1986.
10. Random House Webster’s College Dictionary. New York, 2000.
11. **Sellin R.,Winters E.** Cross-Cultural Communication. Internationalization of Documentation.Internet Communucation. <http://www.bena.com/ewinters/sect7.html>, 1999.

Н.Н. Коробкова

ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С РАЗНОЙ ДЕНОТАТИВНОЙ НАПРАВЛЕННОСТЬЮ СЕМ

В статье описывается группа фразеологических единиц, в значении которых семы имеют разную денотативную направленность. Наблюдения над особенностями значения данных фразеологизмов и над спецификой реализации их в тексте позволяют сделать вывод, что фразеологизмы исследуемой группы следует рассматривать как многозначные.

Специфика значения фразеологических единиц (ФЕ) по-прежнему вызывает интерес у лингвистов, а его многоаспектное изучение является одной из основных задач современной фразеологии. Несмотря на повышенное внимание к фразеологическому значению и разностороннее его исследование остается ряд малоизученных вопросов, рассмотрение которых может дать полное и объективное представление о фразеологической семантике в целом. В частности, в процессе наблюдения над фразеологическим значением нами была выявлена группа фразеологизмов, семы в значении которых имеют разную денотативную направленность; они обозначают разные действия, состояния, чувства субъекта, не связанные друг с другом по смыслу. Например:

ни в одном глазу (глазе) – «Ничуть, нисколько *не пьян, не устал, не боится* и т. п.».

пьяный – находящийся в состоянии опьянения;

устать – почувствовать усталость, утомление;

бояться – испытывать страх, боязнь.

пожимать плечами – «Выражать *недоумение, раздумье, пренебрежение, удивление* и т. п.»

недоумение – состояние, вызванное непониманием, неясностью чего-либо;

раздумье – состояние размышления, погруженности в свои мысли;

пренебрежение – презрительно-высокомерное, неуважительное отношение к кому-либо, чему-либо;

удивление – состояние, вызванное сильным впечатлением от чего-либо необычайного, неожиданного. [1]

Из приведенных толкований видно, что семы в значении одной ФЕ называют разные реалии, характеризуют разные состояния (*опьянение, страх, усталость* или *непонимание, размышление, удивление, высокомерие*), каждая смысловая единица во фразеологическом значении существует обособленно, сама по себе. Иногда семы внутри значения разбиваются по парам на основе смыслового сходства, близости, тогда разнонаправленность наблюдается уже между парами.

кошки на душе [на сердце] скребут у кого – «Кому-либо *грустно, тоскливо, беспокойно, тревожно*»

грустный – полный грусти, вызывающий грустное настроение, печальный;

тоскливый – полный тоски, наводящий тоску, уныние;

беспокойный – испытывающий волнение, склонный к нему, лишенный покоя;

тревожный – полный тревоги, волнения.

шутка ли – «Выражение, подчеркивающее *важность, значительность* или *трудность, сложность, серьезность* чего-либо»

важный – имеющий особое значение, значительный;

значительный – имеющий большое значение, важный;

серьезный – существенный и важный по содержанию;

трудный – требующий большого труда, усилий, напряжения или заключающий в себе затруднения, нелегкий;

сложный – трудный, запутанный.

ни бе ни ме <ни кукареку> – «Прост. Совсем, совершенно ничего не *знать, не понимать, не разбираться, не слышать* и т.п.»

знать – иметь сведения, обладать знанием, иметь о ком или о чем-нибудь понятие, представление;

понимать – обладать пониманием, осмыслять, толковать что-нибудь;

разбираться – изучив, хорошо понять кого или что-нибудь;

слышать – различать, воспринимать слухом.

В значении этих фразеологизмов мы наблюдаем по два блока семных отрезков. В ФЕ **кошки на душе [на сердце] скребут у кого** пару составляют семы *грустный – тоскливый* и *беспокойный – тревожный*. Первую пару связывает сема «печаль», вторую пару – сема «волнение». Во фразеологизме **шутка ли** в блоки связаны семы *важный – значительный – серьезный* и *трудный – сложный*. Первый блок объединяет сема «значительность», второй блок – сема «трудность». В ФЕ **ни бе ни ме <ни кукареку>** можно выделить смысловые блоки: *знать – понимать – разбираться* с общей семой «понимание» и *слышать* – «восприятие слухом». Тем не менее, при смысловой близости объединенных в группы сем между ними существуют определенные различия: они вносят дополнительные оттенки значения, которые и позволяют не отождествлять полностью данные семы.

На группу фразеологических единиц с разной денотативной направленностью сем обращает внимание А. И. Федоров во вступительной статье к «Фразеологическому словарю русского литературного языка», изданного под его редакцией. Он приводит пример из «Словаря русского литературного языка» (1964 г.), в котором

приводится ФЕ *точить балясы (лясы)* – «говорить пустяки, шутки, пустословить». По мнению А.И. Федорова, следует дать следующее толкование: *точить балясы (лясы)* – Неодобр. Пренебр. «1. Пустословить, болтать»; «2. Неумно, глупо шутить». В этом же словаре фразеологизм ***вот так фунт!*** толкуется в общем виде: выражение разочарования или удивления. Автор полагает, что в нем следует выделить два значения и сопроводить их разными экспрессивными пометами, причем описательное толкование необходимо заменить другими так, чтобы отразить и синтаксическую функцию фразеологизма: «1. Восторж. Удивляюсь, не ожидал»; «2. Неодобр. Разочарован, ожидал совсем другого». К такого же типа фразеологизмам относятся: ***вот так клюква! вот оно что! ну и ну!*** Далее автор пишет о том, что по мере возможностей следует избегать повторения ошибок, замеченных у других составителей фразеологических словарей [2, с.13]. Однако сам А. И. Федоров продолжил толковать фразеологизмы данной группы как однозначные.

Значение фразеологизмов с разной денотативной направленностью сем реализуется в речи особым образом. Например:

кошки на душе [на сердце] скребут у кого – «Кому-либо грустно, тоскливо, беспокойно, тревожно». Например:

В трудные минуты жизни художницу исцеляет творчество: пусть *на душе кошки скребут* (грустно, тоскливо), все равно кукла может выйти отчаянно веселой, будто сама хочет тебя подбодрить.

Первыми признаками депрессивного состояния является чувство неудовлетворенности, тревоги, ощущения как будто *на душе скребут кошки* (беспокойно, тревожно).

на корню – 3. «Сразу и быстро; целиком»
сразу – немедленно, в тот же момент;
быстро – в короткий промежуток времени;
целиком – полностью.

Например:

Не хочу обидеть баскетболисток, но я считаю, что волейбол более женственный вид спорта. Взять хотя бы форму. В баскетболе – какие-то бесформенные шорты и огромная футболка. Всю привлекательность губят *на корню* (полностью).

Попытка коммунистов провести законопроект в первом чтении была зарублена *на корню* (сразу).

манна небесная – «Что-либо желанное, крайне необходимое, редкое»
желанный – такой, которого желают, ожидаемый;
необходимый – такой, без которого нельзя обойтись, нужный;
редкий – повторяющийся, появляющийся через большие промежутки времени.

Например:

Я хочу, чтобы уровень российского кинопроизводства достиг западного уровня. Чтобы предложение от голливудских режиссёров не казалось российскому актёру *манной небесной* (нечто желанное), а рассматривалось им, что называется, в порядке общей очереди!

Во время учебы стипендии, естественно, не хватало, и редкие заработки были для нас *манной небесной* (крайне редкое).

ломать копы – «Бороться за что-либо, с жаром спорить о чём-либо»
бороться – добиваться чего-нибудь, преодолевая препятствия трудности;
спорить – вести спор.

Например:

И если говорить о новом сериале Первого канала «Есенин» как о художественном шедевре пока рановато, то возмутителем спокойствия этот проект уже стал.

Историки, литераторы, кинематографисты и обычные телезрители *ломают копы* (спорить) по поводу и без.

В то время как мы *ломали копы* (бороться) в кабинетах чиновников, чтобы заводу дали кредит, позволили развиваться, выйти на мировой рынок, разворовывалось последнее имущество.

Как мы видим, семы в значении данных фразеологизмов разного рода, они не связаны друг с другом по смыслу, что влияет на реализацию сем в речи: в зависимости от ситуации в речи реализуется та или иная сема значения.

В связи с тем, что семы в значении фразеологизмов исследуемой нами группы имеют разную денотативную направленность, и в тексте реализуется только один семный отрезок значения, возникает вопрос: правомерно ли объединять семы в одном значении ФЕ или целесообразно выделить их как разные значения фразеологизма. На наш взгляд, при составлении фразеологического словаря крайне необходимо учитывать не только смысловые, грамматические, стилистические особенности ФЕ, но и специфику функционирования их в речи, поскольку, учитывая все характеристики ФЕ, можно дать полное семантическое определение фразеологизма.

Список использованной литературы

1. **Ожегов С.И.** Толковый словарь русского языка // С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова – М.: Азбуковник, 1998.
2. **Федоров А.И.** Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX вв.: В 2 т. Новосибирск, 1995.

Р.В. Кузьмина

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ЯВЛЕНИЙ ОМОНИМИИ И ПОЛИСЕМИИ И ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В ОРФОЭПИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ

Проблема разграничения омонимии и полисемии вызывает немалые трудности в лексикографической работе. С целью выявления особенностей регистрации значения и произношения омонимов и многозначных слов проведен лексикографический анализ данных лексических единиц по орфоэпическому словарю Дж. Уэллса LPD, результаты которого и излагаются в данной статье.

Начиная с 20-30-х годов XX в., проблему соотношения омонимии и полисемии исследуют многие зарубежные и отечественные лингвисты [22, 23, 1, 2, 18, 19, 3, 11, 13] одним из первых предлагает конкретные критерии разграничения омонимии и полисемии. Отмечая подвижность границ между этими двумя категориями, и приводя примеры перехода полисемантического слова в омонимическую пару и, наоборот, слияния двух омонимов в одно полисемантическое слово, он указывает на необходимость строгого разграничения синхронического и диахронического подходов при исследовании омонимии и полисемии.

В. И. Абаев, противопоставляя омонимию полисемии, писал: «Полисемия – интереснейшее явление в плане проблемы языка и мышления. За полисемией всегда

скрывается усилие человеческой мысли в поисках новых и новых средств познания, выражения, экспрессии. За омонимией же ничего не скрывается, кроме игры случая. Поэтому познавательный интерес полисемии огромен. Познавательный же интерес омонимии ничтожен» [1, с.40; см. также: 2, с.73]. Он называет слова, соотносящиеся по конверсии, «мнимыми омонимами» и характеризует их как случаи «лексико-синтаксической полисемии» [1, с.39]. И. С. Тышлер тоже считает, что «конвертированные слова» не являются омонимами, «ибо нет разрыва по линии семантики» [18, с.3–4, 10; см. также: 19, с.10]. Мнения этих ученых еще раз подтверждают сложность разграничения явлений омонимии и полисемии.

Рассмотрим основные понятия. В словарях лингвистических терминов Д.Э. Розенталя и О.С. Ахмановой даны одинаковые определения полисемии. «Полисемия – наличие у одного и того же слова (у данной единицы выражения, характеризующейся всеми формальными признаками слова) нескольких связанных между собой значений, обычно возникающих в результате видоизменения и развития первоначального значения этого слова» [4, с.335]. Д.Э. Розенталь и М.А. Теленкова приводят еще и примеры полисемии. Так, слово земля в современном русском языке имеет следующие значения: 1) Название планеты, третьей от Солнца. *Земля вращается вокруг своей оси.* 2) Суша (в отличие от водного пространства). *Мореплаватели достигли наконец земли.* 3) Почва, верхний слой земной коры. *Обработка земли.* 4) Рыхлое темно-бурое вещество, входящее в состав земной коры. *Смешать землю с песком.* 5) Страна, государство. *Заморские земли.* 6) Территория с угодьями, находящаяся в чьем-либо владении, пользовании. *Колхозная земля.* [14, с.129]. Как видно из примеров, реализацию того или иного значения слова осуществляет *контекст* или ситуация, общая тематика речи.

Между значениями многозначного слова существует определенная семантическая связь, выражающаяся в наличии у них общих элементов смысла – *сем.* Это дает основание считать их значениями *одного* слова в отличие от значений слов-омонимов.

Омонимы же, как подчеркивает И.В. Арнольд [3, с.165], – это *разные* слова, а не разные значения в рамках одного слова. Она дает следующее определение: «Two or more words identical in sound and spelling but different in meaning, distribution and (in many cases) origin are called *homonyms*» (Два или более слов, тождественных по звучанию и написанию, но различных по значению, дистрибуции и (во многих случаях) по происхождению, называются омонимами) [3, с.164]. Различие в значении слов-омонимов подчеркивается во всех существующих определениях омонимии [см.: 17, с.118; 4, с.287; 14, с.176; 6]. Приведем, например, определение А.Л. Трахтерова: «Homonyms ['hɒmənimz] омонимы. Различные по значению слова, имеющие одинаковое звучание, например: брак (супружество) и брак (плохой товар); ток (место для молотбы) и ток (электрический). В английской лексике: bay [beɪ] представляет собою звуковую форму целого ряда слов со значениями: залив, лавровое дерево, гнедая лошадь, лай собаки и др.» [17, с.118].

В «Словаре омонимов русского языка» О. С. Ахмановой [5] приведено много омонимов, появившихся в русском языке вследствие распада полисемии, причем автор отмечает, что в значительном числе случаев омонимия находится в состоянии процесса, и стремится разграничить при помощи специальных обозначений «завершившиеся» и «незавершившиеся» процессы расхождения значений; к последним отнесены такие случаи, как, например, «гладить» (белье и ребенка), «волочиться» («волочиться по земле» и «волочиться за девицами») и т. п.

Нельзя не согласиться с тем, что омонимия и полисемия – понятия разные. Но нельзя не признать и того, что понятия эти имеют общий признак – различие значе-

ний при тождестве формы. Это позволяет объединить их в более широкое понятие неоднозначности.

Обычно, говоря о трудности разграничения омонимии и полисемии, указывают на подвижность границы между этими двумя явлениями. Действительно, граница между омонимией и полисемией неустойчива, проницаема, она все время нарушается, причем не только со стороны полисемии, когда вследствие выпадения «промежуточного звена» [см.: 7, с.85] связь между отдельными значениями полисемантического слова утрачивается, и оно распадается на два различных слова-омонима, но также (что отмечается лишь немногими авторами) и со стороны омонимии, когда в силу действия разного рода причин между двумя омонимичными словами возникает семантическая связь, и эти слова сливаются в одно полисемантическое слово [см., напр.: 21, с.85-86; 9, с.60-61; 11, с.178]. В результате в каждый данный момент в языке оказывается много пограничных случаев, квалификация которых не может не вызывать затруднений.

Однако наличие таких случаев не означает, что между омонимией и полисемией границы нет. Оно говорит лишь о том, что оба этих явления – как омонимия, так и полисемия – имеют полевую структуру: центр, где специфические признаки данного явления выражены наиболее ярко, и периферию, где они проявляются менее четко.

Более существенными оказываются затруднения, связанные с внутренней противоречивостью самого явления полисемии, характеризующегося одновременно и множественностью семантики, и несомненным семантическим единством. Пытаясь разрешить это противоречие, некоторые исследователи отказываются от признания полисемии вообще, сводя все разные значения полисемантического слова к одному «общему значению» [см., напр.: 16, с.62, 64] или дробя слово на ряд моносемантических омонимов.

Оба этих подхода свидетельствуют о недостаточно четком понимании диалектической сущности рассматриваемого противоречия. Полисемантическое слово действительно обладает множеством разных значений, однако все эти значения представляют собой лишь разные реализации, разные проявления единого семантического целого, или, пользуясь термином А.И. Смирницкого, разные лексико-семантические варианты слова. Эти варианты могут различаться между собой по дистрибуции, по участию в синонимических или словообразовательных рядах (что и затрудняет их отграничение от омонимов), но при всем этом они взаимосвязаны, образуют единую систему, которая и выступает в качестве означаемого словесного языкового знака.

Итак, принципиальное различие между омонимией и полисемией заключается в том, что при омонимии мы имеем дело с разными означаемыми, тогда как при полисемии означаемое одно и то же.

На чем же базируется это единство означаемого, что позволяет считать разные значения полисемантического слова единой системой?

Выявление типов семантической связи, закономерных для данного языка, рассматривается как путь к успешному решению задачи разграничения между омонимией и полисемией: типичность, повторяемость, неуникальность связи между двумя значениями говорит о полисемии, и наоборот, единичность, исключительность, уникальность связи указывает на омонимию [10; 15, с.162–163; 27; 24].

Как правильно отмечает Д.Н. Шмелев, «семантическое единство слова заключается <...> не в наличии у него некоего общего значения, как бы подчиняющего себе более частные <...> а в определенной связи этих самостоятельных значений друг с другом и их закреплённости за одним и тем же знаком» [20, с.76].

Итак, единство означаемого при полисемии базируется на наличии непрерывной деривационной связи, охватывающей последовательно все элементы семантической структуры многозначного слова. Стоит этой непрерывности нарушиться хотя бы в одном месте, стоит выпасть хотя бы одному звену, обеспечивающему эту непрерывность, как семантическое единство слова нарушается, и происходит «распад полисемии», превращение полисемантического слова в два не связанных между собой омонима [см.: 8, с.143–152].

Различие между лексической омонимией и полисемией состоит, таким образом, в том, что при полисемии все значения языковых единиц, имеющих тождественные означающие, связаны между собой – непосредственно или опосредованно – деривационными отношениями, т. е. отношениями типичной для данного языка семантической производности, и, следовательно, образуют единое означаемое (что позволяет говорить о *едином* словесном знаке), тогда как при омонимии значения, соответствующие тождественным означающим, распадаются на две или несколько групп, между которыми деривационная связь полностью отсутствует, и каждая из которых образует отдельное означаемое, что говорит о наличии *нескольких* словесных знаков с различными означаемыми [11, с.43–49].

Трудность разграничения полисемии и омонимии приводит некоторых ученых к утверждению, что омонимами целесообразно считать только слова, различные по происхождению [1]. Однако, во-первых, не во всех случаях удается установить происхождение слова, а во-вторых, – и это главное – следование такой установке отодвинуло бы понятие омонимии в область исторической лексикологии, в то время как именно для современных языков приходится разграничивать значения, связанные одно с другим, и значения, которые, хотя и выражены одинаковой звуковой формой, в семантическом плане не имеют ничего общего. Это вопрос не только лингвистической теории, но и лексикографической практики.

В лексикографической работе проблема разграничения омонимии и полисемии вызывает немалые трудности при определении границ между отдельными словами, при разработке способов представления омонимов и многозначных слов в словаре, особенно принципов отражения их произношения.

Для того чтобы выявить особенности регистрации произношения и значения омонимов и полисемантических слов, мы провели лексикографический анализ данных лексических единиц по орфоэпическому словарю Дж. Уэллса LPD (Longman Pronunciation Dictionary by J. Wells, 1–2 изд., 1990, 2000).

Приведем некоторые примеры омографов из словаря LPD:

conjure	¹ kʌndʒə	do tricks; evoke	заниматься магией; колдовать
conjure	kən ¹ dʒuə	ask solemnly	умолять, заклинать
hakim	hə ¹ ki:m	physician	араб. врач
hakim	¹ hɑ:kɪm	judge, master	араб. судья; правитель, крупный чиновник
piano, n	pi ¹ ænəʊ	instrument	фортепьяно
piano, adv, adj, n	¹ pʃɑ:nəʊ	passage played softly	муз. пиано
sake	seɪk	advantage, purpose	ради чего-либо
sake, n	¹ sɑ:ki	alcoholic drink	сакэ, рисовая водка)

used , v	ju:zd	past and pp of use	употреблял, поль- зовался
used , adj	ju:st	accustomed	привыкший, при- вычный
Witham	¹ wɪtəm	family name; place in Essex	фамилия
Witham	¹ wɪðəm	river	название реки

Приведем примеры фонетико-графических омонимов:

can , v	strong form kæn, weak form kən	be able	мочь, быть в со- стоянии
can , n	kæn	tin	бидон, жестяная коробка или банка
essay , n	¹ eseɪ	piece of writing	очерк, этюд, набро- сок; эссе
essay , n	¹ eseɪ	attempt	попытка; проба, опыт
quark	kwa:k	elementary particle	физ. кварк
quark	kwa:k Ger [kvaʁk]	soft cheese	мягкий сыр
redress , v	rɪ ¹ dres	put right	исправлять, вос- становливать
redress , n	rɪ ¹ dres	satisfaction	возмещение, удов- летворение
supreme	su: ¹ pri:m	highest, greatest, ultimate	верховный, выс- ший, величайший; крайний, послед- ний, предельный
supreme	su: ¹ pri:m Fr [sy pʁɛm]	cooking term, su- preme	поварской термин
volta	¹ vɒltə It [¹ vɒl ta]	dance, piece of mu- sic, time, turn	танец, музыкаль- ный отрывок
Volta	¹ vɒltə	lake and river	название озера или реки

Из данных примеров видно, что в орфоэпическом словаре (да, и в любом дру-
гом) омонимы выделяются в отдельные вокабулы как разные слова, в каждой сло-
варной статье представлены написание и произношение омонима, несмотря на воз-
можное совпадение графического и фонетического образа слов, как, например, у фо-
нетико-графических омонимов. Дефиниция слов-омонимов указывает на отсутствие
семантической связи между их значениями.

Приведем примеры полисемии из словаря Дж. Уэллса:

- 1) **ass**; æs; (осел) – As a term of abuse, in BrE also a:s (груб. зад) (which may however
be taken as a pronunciation rather of arse);

- 2) **depot**; 'dep əʊ || -ou; (склад; хранилище; амбар, сарай) – but in AmE generally 'di:p- in the sense «bus station, train station» (автовокзал, железнодорожная станция);
- 3) **fascia**; 'feɪʃ ə 'feɪʃ i ə, 'fæʃ- || 'fæʃ i ə 'feɪʃ ə - In BrE generally -' feɪʃ-; (полоска, полоса, пояс), but as a medical term, 'fæʃ- (повязка, бинт); as a term in classical architecture, also 'feɪʃ i ə (архит. поясок, валик). In AmE, generally 'fæʃ i ə, but 'feɪʃ ə in the sense of «board above shopfront» (вывеска);
- 4) **octave**; 'ɒkt ɪv †-əv, -eɪv || 'ɑ:kt- Generally -ɪv, †-əv as a musical or literary term; (муз. октава; восьмистишие), but -eɪv in the sense «period of eight days» (временной период из 8 дней);
- 5) **provost**; 'prɒv əst -ɒst || 'prɒv oust 'pra:v əst; (ректор, проректор, мэр; настоятель кафедрального собора) – but in p~ marshal and other military senses, prə 'vəʊ || 'prɒv ou (воен. начальник или офицер военной полиции);
- 6) **tierce**; tɪəs || tɪ ərs; (третья позиция и защита в фехтовании) – but in cards also tɜ:s || tɜ :s (карт. терц, три).

Все значения полисемантического слова приводятся в одной словарной статье; даже если в другом значении слово имеет произношение, отличное от предыдущего, статья не разбивается на разделы. Примеры подтверждают также мысль о том, что толкования полисемантических слов содержат общую часть, наблюдается тесная связь между лексическими значениями одного слова. Легко заметить, что различие смысла часто влечет за собой разный фонетический облик многозначного слова.

Таким образом, несмотря на то, что LPD – это не лексикологический, а орфоэпический словарь, его автором Дж. Уэллсом четко выделены критерии разграничения явлений омонимии и полисемии, разработаны принципы регистрации произношения омонимов и многозначных слов.

Ценность словаря LPD Дж. Уэллса заключается в том, что он отражает не только принятое британское произношение (RP), но и позволяет установить наличие произносительных различий при учете других региональных и социальных вариантов. В лексикографическую практику вошло приведение входных единиц в двух национальных произносительных вариантах – британском (RP) и американском (GenAm). Для регистрации стандартного американского произношения в LPD используется знак || (см. примеры полисемии №2–6). Кроме того, в этом словаре фиксируются и альтернативные британские и американские произносительные варианты, которые следуют после основных (в нашей статье альтернативные варианты приведены курсивом) (см. примеры многозначных слов №3–5). На существование социальных вариантов произношения, которых следует избегать в речи, указывает помета † (см. пример 4). В словарной статье можно найти указание на стиль произношения (см. пример 1), а также на профессиональную сферу употребления слов (см. примеры №3–6).

Итак, кроме чисто орфоэпических характеристик омонимов и многозначных слов, приводимых в LPD, через систему помет можно выделить социо- и экстралингвистические аспекты явлений омонимии и полисемии. Словарь дает исчерпывающую информацию о значениях рассматриваемых лексических единиц, а в некоторых случаях позволяет читателям отследить случаи спорные, пограничные между омонимией и полисемией.

Список использованной литературы

1. **Абаев В.И.** О подаче омонимов в словаре // ВЯ. 1957. №3. с.31–43.
2. **Абаев В.И.** Выступление на дискуссии по вопросам омонимии // Л. - М., 1960. Вып. IV. с.71–76.
3. **Арнольд И.В.** Лексикология современного английского языка. М., 1973.
4. **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
5. **Ахманова О.С.** Словарь омонимов русского языка. М., 1986.
6. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1998.
7. **Будагов Р.А.** О так называемом «промежуточном звене» в смысловом развитии слов // Сб. статей по языкознанию. Проф. Моск. ун-та акад. В. В. Виноградову. М., 1958. с.73–85.
8. **Виноградов В.В.** Словообразование и его отношение к грамматике и лексикологии (на материале русского и родственных языков) // Вопросы теории и истории языка. М., 1952. с.99–152.
9. **Кацнельсон С.Д.** Содержание слова, значение и обозначение. М.; Л., 1965.
10. Курилович Е. Р. Заметки о значении слова // Курилович Е. Р. Очерки по лингвистике. М., 1962. с.237–250.
11. **Малаховский Л.В.** О процессах деомонимизации в английской лексике // Основные проблемы эволюции языка. Материалы всесоюз. конф. по общ. языкозн. Самарканд, 1966. ч. 1. с.178–181.
12. **Малаховский Л.В.** Теория лексической и грамматической омонимии /Отв. ред. Р. Г. Пиотровский. Л., 1990.
13. **Пономарева М.Н.** К вопросу о разграничении омонимии и полисемии // Разноуровневые черты языковых и речевых явлений. Межвуз. сб. науч. трудов. Выпуск XII. Пятигорск, 2006. с.163–167.
14. **Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.** Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1985.
15. **Смирницкий А.И.** Лексикология английского языка. М., 1956.
16. **Сорокин Ю.П.** Выступление на дискуссии по вопросам омонимии // Л.-М., 1960. Вып. IV. с.60–65.
17. **Трахтеров А.Л.** Английская фонетическая терминология. М., 1962.
18. **Тышлер И.С.** О проблемах омонимии в английском языке: Дис. канд. филол. наук. М., 1966.
19. **Тышлер И.С.** Словарь лексических и лексико-грамматических омонимов современного английского языка. Саратов, 1975.
20. **Шмелев Д.Н.** Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
21. **Buysens E.** Linguistique historique. Homonymie–stylistique–sémantique–changement phonétiques // Univ. libre de Brux., Travaux de la Faculté de Philosophie et Lettres. Bruxelles, 1965. Т. XXVIII. p.1-158.
22. **Jespersen O.** Monosyllabism in English // Proc. of Brit. Acad. London, 1928. Vol. 14. p.344–368.
23. **Trnka B.** Bemerkungen zur Homonymie // Travaux du Cercle Linguistique de Prague. Prague, 1931. Vol. IV. p.152–155.
24. **Weinreich U.** Explorations in Semantic Theory. The Hague; Paris, 1972.
25. **Wells J.C.** Longman Pronunciation Dictionary. Burnt Mill, 1990.
26. **Wells J.C.** Longman Pronunciation Dictionary. London, 2000.
27. **Wells R.** To What Extent Can Meaning be Said to be Structured // Reports for the 8th International Congress of Linguistics. Oslo, 1957. Vol. 2. p.654–704.

И.В. Лобанова

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЕДИНОГО ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА: ФОНЕТИКО-ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В статье рассматриваются особенности процесса образования и развития немецкого национального языка, в том числе раскрывается проблема взаимосвязи письменной и произносительной нормы.

Изучая звуковой состав и произносительные особенности какого-либо языка, лингвисты неизбежно сталкиваются с огромным количеством вариантов произношения одних и тех же слов у разных носителей этого языка. Колебаний в произношении очень много, они наблюдаются не только в звуках, но и в ударении, в интонации и т.п. и объясняются многими причинами – диалектными, индивидуальными и т. д.

Поэтому вполне естественным при изучении фонетики является вопрос, какое произношение мы должны считать нормой? В различных странах этот вопрос решается по-разному. Почти везде выделено из всех существующих диалектных произношений одно (чаще всего произношение самого крупного культурного и политического центра страны), которое признано «образцовым». Так, в русском языке образцовым считается литературное произношение интеллигенции главных культурных центров России – Москвы и Санкт-Петербурга, во французском – произношение Парижа, в английском – Лондона.

Следует отметить, что в немецком языке положение иное. Это становится ясным при изучении истории германского народа и, в частности, при изучении процесса образования немецкого национального языка.

Изучение древнейших стадий развития германских языков затруднено отсутствием письменных памятников. Однако и в более поздний период в языковом отношении древневерхненемецкие памятники были очень разнообразны, что усугублялось отсутствием прочной орфографической традиции. Почти каждый памятник имел свою орфографию и свои фонетические особенности, так как для письменного закрепления немецких звуков применялись орфографические знаки чужого языка – латинский алфавит, проникший в Германию вместе с введением и распространением христианства. Несомненно, что немалое влияние на немецкую орфографию оказала и англо-саксонская система написания. Но «латинские графические знаки в их принятом чтении, – как отмечала Н. И. Филичева, – естественно, не всегда соответствовали древнегерманским звукам, чем объясняются и многочисленные колебания в написании последних» [2, с.12].

Вследствие длительного сохранения феодальной раздробленности и общей отсталости общественного развития Германии в период позднего средневековья, процесс образования немецкого национального языка происходил гораздо медленнее, чем в передовых западных странах, распространяясь в целом от XIV до XIX вв. Если основы письменной нормы национального языка были заложены уже к XVI в. (эпоха реформации), то унификация языка разговорного даже господствующих классов могла считаться законченной только во второй половине XIX века.

Характерной особенностью языкового развития Германии в начальный период образования немецкого национального языка был письменный, книжный характер языковой нормализации, при сохранении значительных различий в устной речи всех общественных групп. Экономическая и политическая децентрализация Герма-

нии, недостаточная интенсивность межтерриториальных связей и отношений, отсутствие единого центра страны – все эти обстоятельства помешали непосредственной унификации разговорного языка в процессе живого обмена и смешения. В основе развития немецкого национального языка лежал не разговорный язык крупнейшего городского центра, нормализованный с помощью письменности, а письменный язык городских и княжеских канцелярий, язык печатников, язык лютеровской библии и клерикальной литературы эпохи реформации, язык грамматиков-нормализаторов, язык буржуазной национальной литературы XVIII–XIX вв. Эти основные этапы истории новонемецкого письменного языка определили последующую унификацию разговорного языка, которая следовала со значительным отставанием за письменной нормой.

Существенной предпосылкой развития немецкого национального языка, как и других европейских языков, стала национализация письменной публичной речи.

Изобретение книгопечатания в середине XV в. создало новое могучее орудие языковой унификации. Книгопечатание впервые дало возможность стереотипного воспроизведения письменного памятника в сотнях и тысячах экземплярах и тем самым широчайшего территориального закрепления его письменной формы.

Приобщение северной Германии к языковому объединению немецкого национального языка сыграло существенную роль в установлении господствующей ныне в немецком национальном языке произносительной нормы. Верхненемецкий национальный язык (*Hochdeutsch*), в его письменной форме, явился для северно-немецкого бюргерства «чужим языком». Благодаря книжному характеру процесса его усвоения и отсутствию точек соприкосновения с местными говорами, в разговорной речи верхов общества северной Германии установилась та образцовая, ориентированная на письменную норму "чистота" произношения, которая не встречалась в средней и южной Германии, где местные верхненемецкие говоры, более близкие к литературному языку, по-разному, но всюду достаточно заметно окрашивали разговорную речь. Уже в XVIII веке грамматики отмечали образцовый характер произношения в высших слоях городского общества северной Германии. В конце XIX века немецкий фонетист В. Фиетор (*W. Vietor*) выдвинул формулу образцового немецкого произношения: «**верхненемецкая языковая форма в нижненемецком произношении**» («**hochdeutsche Sprachform in niederdeutscher Aussprache**») [7]. В XIX веке, в соответствии с экономической и культурной гегемонией северной Германии, этот северо-немецкий тип произношения литературного языка, поддержанный орфографией, укреплялся в верхненемецких областях благодаря книге и школе.

Важным препятствием для развития немецкого национального языка в XVI–XVII вв. было отсутствие в Германии подлинно авторитетной национальной литературы. В XVII–XVIII вв. передовые народы Запада уже имели классическую национальную литературу большого стиля. В Италии такая литература создавалась в XIV–XVII вв. (эпоха Возрождения), в Англии – в конце XVI в. (Шекспир и его время), во Франции – в XVII в. (период французского классицизма). Напротив, немецкое бюргерство XVI–XVII вв., экономически слабое и политически малоактивное, связанное феодальными пережитками, политически и конфессионально раздробленное и ограниченное узким кругом местных интересов, не могло создать национальной литературы, подобно другим западным народам того времени [1, с.88].

Известно, что период Тридцатилетней войны в Германии (1618–1648 гг.) характеризовался не только всеобщим экономическим упадком, но и культурным отставанием. Поэзия этого времени носила характер ученого подражания иностранным образцам, построенного по правилам поэтики классицизма (*Опунц, Гриффуус, Шне, Силезский*). В науке безраздельно царил латинский язык, которым пользовались в

трактатах ученые (*Кеплер*), юристы и политики (*Пуффендорф*), философы (*Лейбниц*), в то время как в передовых странах Запада по вопросам политики, философии, отчасти и науки уже писали на национальных языках (*Декарт*, *Гоббс* и др.). Правда, сам Лейбниц (1646–1717 гг.) выступил с широкой программой развития немецкого национального литературного языка, написав «*Поучение немцам как лучше применять свой разум и свой язык*» (1680), а в 1698 г. (изд. 1717 г.) «*Размышление об употреблении и улучшении немецкого языка*» [5]. Однако свои философские произведения Лейбниц писал отчасти на латыни, отчасти на французском, что объяснялось, по-видимому, и стремлением к известности за пределами Германии. Немецкий литературный язык, вступая в XVIII в., не имел опоры в классической национальной литературе большого стиля. Он не был еще орудием высокого искусства и отвлеченной научной мысли и носил в себе черты бюргерского провинциализма.

Вопрос о языковой норме в Германии продолжал быть предметом оживленного обсуждения и в первой половине XVIII века. Наиболее авторитетным защитником языковой унификации был в то время лейпцигский профессор *Иоганн Кристоф Готтшед* (1700–1766 гг.). Он выступал против сохранения в языке местных особенностей – диалектизмов, боролся с использованием иностранных слов и считал одинаково неприемлемым для языка как слишком устарелые, так и слишком новые, необычные и смелые образования. Язык рассматривался Готтшедом как выражение логической мысли, слово – как отвлеченное понятие. Главными достоинствами литературного языка он считал рассудочную ясность, логическую последовательность, грамматическую правильность и единообразие.

Продолжателем Готтшеда во второй половине XVIII в. стал *Иоганн Кристоф Аделунг* (1732–1806 гг.), автор обширной немецкой грамматики и словаря. Подобно своему учителю Готтшеду, Аделунг усматривал свою задачу в установлении единой общеобразовательной языковой нормы. Несмотря на языковой консерватизм Аделунга и рационалистическое доктринерство в вопросах нормы, его труды, в особенности «*Словарь*», пользовались в XVIII в. огромным авторитетом и оказали существенное влияние на лексическую и грамматическую унификацию немецкого языка. Опираясь на произведения ведущих писателей того времени, Аделунг в своем словаре определял образцовое языковое употребление, указывал на правописание, произношение, формы, значение слова, а также отмечал его эмоциональную окраску. У Аделунга намечался поворот от логического рассмотрения языка, которое было начато Шоттелем, – к психологическому. Высшим авторитетом для него был не разум, а языковое употребление [3: II–VI].

Довольно заметные колебания сохранялись в XVIII веке и в письменной норме литературного языка, в его орфографии и грамматике, более всего – в пределах южной Германии, а также в Австрии и Швейцарии. Особенности местного произношения были заметны в наличии умлаута: в южнонемецких текстах иногда не имеют умлаута слова – **Stück, Brücke, träumen, schämen, nützlich, männlich** и др.; в северонемецком умлаут использовали, например, в словах **glauben, wollen, farbig, behaglich** и др. Краткость и долгота допускали также отклонения, ср. **Vatter, treten, nemmen, Taffel, Hoff, Gebott** и др. Вопрос о конечной /e-/ еще возбуждал споры: в южной Германии, где она отпадала в диалекте, сторонники «саксонской» нормы в ряде случаев вводили ее ошибочно: ср. у «швейцарцев» – **Bache (Bach), Weibe (Weib)** и т.д.

Окончательное закрепление письменной нормы немецкого литературного языка происходило во второй половине XVIII в. и начале XIX в. в связи с новым подъемом экономического развития Германии. В этот период возникла классическая национальная литература (*Лессинг*, *Гете*, *Шиллер*), философия (*Кант*, *Фихте*,

Шеллинг, Гегель), развивались науки (в особенности гуманитарные), следовательно, языковое объединение предшествовало объединению политическому (1871 г.), завершающему процесс формирования немецкой нации.

Таким образом, специфические особенности развития единого общенационального немецкого языка объясняются условиями общественно-экономического развития Германии. Одна из этих особенностей состоит в том, что при формировании немецкого национального языка унификация письменной нормы завершилась значительно раньше, чем унификация устной, произносительной нормы. Несомненно, что унификация письменной нормы предполагала также и упорядочение произносительной нормы. Так, Н. И. Филичева и другие исследователи считают, что «написание всегда оставляет для человека, даже строго придерживающегося «духа буквы», возможность сохранять особенности произношения своего родного диалекта. Это усугубляется еще и тем, что немецкая орфография, в которой фонетический принцип занимает большее место, чем во французской или английской, также находится в противоречии с фонетикой» [2, с.234].

Единая произносительная (орфоэпическая) норма начинала складываться, прежде всего, на немецкой сцене, где она была насущно необходимой. Обычные поездки трупп и отдельных актеров, их выступления перед самой разнообразной публикой требовали единообразного, понятного для всех произношения. Наряду со стремлением к понятности имелись также и собственно эстетические требования, действовавшие в том же направлении. Гармоническая «сыгранность» коллектива была невозможна при наличии сильных диалектных различий в произношении. Кроме того, каждый диалектный вариант произношения заключал в себе некоторые специфические особенности, и столкновение особенностей разных произносительных вариантов могло привести к комическому эффекту. Проблема унификации произносительной нормы была весьма актуальна. Сам Гете в 1803 году написал *«Правила для актеров»* (*«Regeln für Schauspieler»*), где он говорил следующее: «Если в трагический монолог вдруг вклинится какой-нибудь провинциализм, то тем самым будет изуродовано прекраснейшее поэтическое произведение и оскорблен слух зрителя. Поэтому самым первым и необходимым для формирующегося актера должно быть стремление освободиться от всех диалектных ошибок и добиться совершенного и чистого произношения. Ни один провинциализм не может быть терпим на сцене. Пусть там царит лишь чистый немецкий язык, сформированный и отшлифованный чувством вкуса, искусством и наукой» (Цитата по переводу Н.И.Филичевой) [2, с.236].

Однако сложившаяся на немецкой сцене норма произношения не была еще полностью законченной: имелись колебания, отклонения и спорные моменты. Чтобы добиться необходимого единства и закрепить сложившуюся норму, уточнить ее, в апреле 1898 года в Берлине состоялось совещание представителей сцены и филологов-германистов. Результаты работы этой комиссии были опубликованы ее секретарем, профессором *Т. Зибсом*, в специальной книге, дающей общие правила произношения и фонетический словарь «сомнительных» слов (*Th. Siebs «Deutsche Aussprache»*), первое издание 1898 г., [8] более позднее издание – с подзаголовком *«Hochsprache»*). В целом ряде случаев спорный вопрос мог быть решен только большинством голосов, т.е. в результате сознательного выбора экспертов. Понятно, что в условиях характерной для Германии культурной децентрализации многие предложения комиссии встретили упорное сопротивление и критику со стороны местных теоретиков и практиков орфографии. Тем не менее, с момента опубликования профессором Зибсом решения комиссии, унификация произношения «образованного общества» сделала в Германии большие успехи. В языковых спорах появилась авторитетная апелляционная инстанция, школа и сцена могли опереться на однозначную

произносительную норму. Это было письменным закреплением четко определенной орфоэпической нормы немецкого национального языка.

Позже в некоторых деталях эта норма была переработана. Так, в частности, после второй мировой войны во многих научных работах, которые проводились под руководством **Х. Креха** [4], произошло «выравнивание» и создание новой формы произношения, примененного в массовой коммуникации на радио и телевидении. Однако и в настоящее время полная унификация произношения, даже верхушки общества, является только теоретическим постулатом орфоэпии, но никак не подлинным фактом языковой действительности.

Таким образом, национальная нормализация литературного языка представляет собой один из важнейших актов культурно-языкового строительства нации и должна находить свое лексикографическое выражение. Процессы кодификации немецкой произносительной нормы нашли выражение в орфоэпических словарях.

Список использованной литературы

1. Жирмунский В.М. История немецкого языка. М.: Высшая школа, 1965.
2. Филичева Н.И. История немецкого языка. Курс лекций. Изд-во Московского университета, 1959.
3. Adelung J. Deutsche Sprachlehre, 1782.
4. Krech H. Wörterbuch der deutschen Aussprache, VEB Verlag Enzyklopädie Leipzig, 1964/69/72/74.
5. Leibniz G. Unvorgreifliche Gedanken, betreffend die Ausübung und Verrbesserung der deutschen Sprache. Stuttgart, 1697.
6. Siebs Th. Deutsche Bühnenaussprache. Bonn, Verlag Albert Ahn, 1898.
7. Vietor W. Die Aussprache des Schriftdeutschen mit dem «Wörterverzeichnis für die deutsche Rechtschreibung zum Gebrauch in den preussischen Schulen» in phonetischer Umschrift sowie phonetischen Texten, Leipzig, OR Reiland, 1885.

М.Н. Милеева

НЕКОТОРЫЕ ЛЕКСИКО-ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Данная статья описывает некоторые ассимиляционные фонетические явления, важные для понимания звучащей иноязычной речи. Особое внимание уделяется фонетической компрессии при произнесении английских фраз носителями языка. Также затрагиваются вопросы лексических изменений в структуре современного английского языка.

Любой иностранный язык – это живой организм, подверженный самым разным изменениям, поскольку он функционирует, хотя и по собственным лингвистическим законам, в современном нам обществе. Следовательно, вполне логично, что язык неизбежно развивается и изменяется вместе с тем социумом, в котором он существует. Язык отдельного человека – это поверхностная структура, в которой с помощью текстов фиксируется модель мира, которую мы несем в своем сознании.

Обучение иностранному языку протекает в затрудненных условиях аудиторного билингвизма, и поэтому требуется более пристальное внимание к вопросам интерференции и иноязычного акцента со стороны, как преподавателя, так и обучающихся. Обучение фонетике иноязычной речи осуществляется не носителями изучаемого языка, следовательно, предупреждение акцента и его постепенное исчезновение в неродной речи учащихся является актуальной задачей в процессе обучения иностранному языку и формирования готовности к межкультурному общению. Культура иноязычной речи требует овладения всеми фонетическими средствами изучаемого языка в соответствии с коммуникативными намерениями говорящего и с ситуацией высказывания. Таким образом, основная задача при изучении иностранного языка – обеспечить эффективность коммуникации в естественной ситуации общения с носителем языка – может быть осуществлена при условии ориентации языковой подготовки на выработку профессиональных умений и навыков в области произношения и интонационного оформления речи.

Определенную трудность для русскоговорящих слушателей представляет ритм английской речи, поэтому необходимо развивать навыки усвоения английского ритма. Речь представляет собой иерархическую систему, состоящую из единиц различных уровней. Практически любой речевой сегмент может стать ритмической единицей, если приобретает черты соизмеримости (то есть схожести во времени) с единицами того же уровня. Мельчайшей и базовой единицей ритма английской речи является ритмическая группа, которая состоит из ударного слога (ударных слогов) и примыкающих к нему (или к ним) безударных слогов. Ритмическая группа может быть простой (один ударный слог с примыкающими безударными) и сложной (два, три и т. д. ударных слогов с примыкающими безударными).

Если сравнить ритм английской и русской речи на слух, то английский ритм воспринимается как более четкий. Такое восприятие определяется следующими факторами: большей соизмеримостью, или изохронностью ритмических групп, более сильным выделением ударных слогов и более тесным примыканием безударных слогов к ударному. Ощущение большей выделенности ударных слогов создается не только и не столько увеличением громкости, сколько мелодикой, которая в английской фразе носит четкий нисходящий характер. И хотя в русском языке мелодика тоже носит нисходящий характер, мелодический контур фразы в обоих языках различен: в английском языке контур носит более регулярный характер по сравнению с русским, а это означает, что ударные слоги или слова в английской фразе получают индивидуальную тональную выделенность.

Большую роль в создании регулярного характера английской мелодики играет расположение безударных слогов. В силу того, что безударные слоги в английской фразе тесно примыкают к ударному слогу, мелодически они тоже тяготеют к нему. В русском языке безударные слоги часто по тону гораздо ниже ударных. Англичанами такой мелодический рисунок воспринимается как нисходящий тон.

На практических занятиях по иностранному языку нужно достаточно много времени уделять правильному воспроизведению ритмического рисунка английской фразы. Сделать это можно при помощи специальных ритмически построенных фраз, например: *bread, tea, soup, wine*. Отработав произношение фразы с четырьмя ударными слогами и нисходящей или восходящей интонацией, можно каждый раз удлинять ее за счет присоединения одного или двух безударных слогов как перед, так и после ударного. В таком случае получится следующая цепочка:

Bread, tea, soup, wine.

Bread, and tea, and soup, and wine.

Some bread, some tea, some soup, some wine.

Some bread, and some tea, and some soup, and some wine.

Some bread, and then some tea, and then some soup, and then some wine.

Очень часто студенты, изучающие английский язык уже как минимум шесть-семь лет, жалуются на то, насколько трудно понимать беглую речь носителей языка. А все дело в том, что изучающими английский язык совершенно не учитываются фонетические ассимиляционные процессы, естественные для речи англоговорящих людей. Прежде всего, необходимо помнить, что для соблюдения упоминавшейся выше мелодики речи на английском языке нужно плотно соединять слова на стыках согласного и гласного звуков, например, **pullS Up**, **roaD Accident**, **he'S OuT OF Oil** (прописные буквы, выделенные жирным шрифтом, должны читаться слитно, как одно слово).

Вследствие того, что в потоке речи слова не просто связываются между собой, а образуют определенным образом взаимосвязанные сочетания, в разговорной речи имеет место фонетическая компрессия – сокращение структуры языковой единицы без изменения заложенной в ней информации, имеющее системный характер и немаркированное стилистически. Анализ сочетаний звуков в слове и на стыках слов показывает, что часто произносительная работа одного звука распространяется на соседний с ним; тем самым вызывая уподобление одного звука другому. Это явление называется ассимиляцией, или уподоблением. В современном английском языке ассимиляция заметно изменяет, прежде всего, согласные, например: *main part* – /meɪn pɑ:t/, *in Poland* – /ɪn 'pɒlənd/, *get back* – /geɪt bæk/, *light blue* – /laɪt blu:./

Не менее активно в разговорной речи наблюдается элизия – от лат. *elisis* – «выталкивание», то есть полная потеря звуков, как гласных, так и согласных. В разговорной речи чаще наблюдается элизия гласных, нередко сопутствующая ассимиляции и элизии согласных. В процессе общения явление элизии практически незаметно для слушателя, которого интересует информация, сообщаемая ему говорящим, а не точность произношения. Таким образом, можно рассматривать этот процесс как способ экономии речевых усилий со стороны говорящего, передающего не больше информации, чем это необходимо.

Подверженный элизии нейтральный так называемый шва звук (*schwa sound*) типичен для многосложных слов в безударных слогах, например: *collective* – /'klektɪv/, *different* – /'dɪfrənt/, *prisoner* – /'prɪznə/. В разговорной речи практически все безударные слоги произносятся с этим нейтральным звуком. Элизия гласных в большинстве случаев встречается при произнесении протяженных высказываний. В сравнениях *as ... than*, например, данный парный союз всегда произносится с нейтральным звуком. При произнесении сравнений (*as cheaper than* или *as large as*) ударение никогда не ставится на слова *than* или *as*, ударным всегда будет прилагательное.

Элизия гласных часто наблюдается в регулярных группах согласных, таких как **tr**, **fr**, **pl**, **kl**, типичных для английской звуковой системы. Сравните: *tram*, *try*, *tree* and *int(e)resting*, *after all*; *please*, *play* and *p(o)litical*; *clay*, *cloud*, *circle* and *c(o)llective*; *friend*, *from* and *diff(e)rence*. Эти случаи представляют собой естественный процесс фонетической компрессии, имеющий место и в других языках.

Теперь обратимся к типичным тенденциям модификаций согласных. Элизия согласных не менее частый процесс, чем элизия гласных. Элизия согласных обычно происходит в последнем слоге, когда звук находится между двумя другими согласными звуками. В подобных случаях часто подвергаются элизии согласные звуки /t/ и /d/. Например, в быстрой речи звуки /t/ и /d/ в конце слов часто исчезают, если следующее слово начинается с согласного звука, например, *fish anD chips* – /fɪʃ ən tʃɪps/, *nexT week* – /neks wi:k/, *rounD trip* – /raʊn trɪp/. Элизия /d/ в последнем слоге проис-

ходит и тогда, когда ему предшествует гласный, а за ним следует согласный, например: *that it would be* – /wʊ bi/, *he said some words* – /sesəm/.

Согласный /v/ обычно подвергается элизии, когда он предшествует другому согласному в безударной форме глагола *have* или в предлоге *of*. Если же вспомогательный глагол *have* стоит между модальным глаголом и страдательным причастием, всегда используется его слабая форма произношения. Если за ним стоит глухой согласный, он произносится как /əf/. Например:

They should (h)ave /v/ arrived at ten o'clock.

They shouldn't (h)ave /f/ sent such a young person to negotiate a contract in China.

He mus(t) (h)ave /v/ been disappointed by the food.

You migh(t) (h)ave /f/ trie(d) t(o) show more cultural sensitivity.

В круглые скобки заключены согласные, подвергшиеся элизии, а в косых скобках – произношение конечного согласного вспомогательного глагола.

Определенный артикль, подвергаясь элизии, также воспринимается как нейтральный звук. Например: *and the reason for it* – /en ə rɪzn frɪ/.

Элизия звука /l/ ограничивается положением после долгого звука /ɔ:/. Этот процесс укрепился еще на ранней стадии развития английского языка (так называемая историческая элизия) и отразился в произношении таких слов, как слов *talk*, *walk*, а иногда и наречия *certainly*. Так, известные английские частотные наречия *all right*, *already*, *always* и *also* будут произноситься как /ɔ: 'raɪt/, /ɔ: 'redr/, /'ɔ:weɪz/ и /'ɔ:səʊ/, соответственно.

Еще один интересный момент, который не следует упускать при обучении беглому общению на английском языке, состоит в том, что при быстром произнесении между двумя гласными часто появляется дополнительный звук, называемый в лингвистике эпентеза. В английском языке эпентетическими являются звуки /j/ и /w/, например: *to* /w/ *eat*, *I* /j/ *am*, *she* /j/ *is*, *no* /w/ *other*, *hallo* /w/ *everybody*, *agree* /j/ *on*, *my* /j/ *assistant*, *to know* /w/ *about*, *to* /w/ *emphasize*, *to* /w/ *answer*. Условиями эпентезы является то, какие звуки оказываются рядом в слове: если соседствуют два гласных звука, появляется дополнительный /w/, а между дифтонгом и гласным эпентетическим звуком оказывается звук /j/.

Не меньший интерес представляют некоторые лексические образования английского языка. Заимствованное, к примеру, из французского языка сочетание *cul-de-sac* означает безвыходное положение, тупиковую ситуацию. У этого заимствования есть оригинальный синоним – *catch 22*, имеющий форму множественного числа – *catch-22's* или *catch-22s*. Этот синоним стал использоваться благодаря одноименному роману Дж. Хеллера. Пункт 22 первоначально означал взаимопротиворечивые условия. Согласно этому пункту устава описываемой автором американской военной базы в Италии, летчика можно отстранить от полетов, только если он сам заявит об этом, и если к тому же его признают сумасшедшим. Однако любой, кто обращается с подобной просьбой, уже не может считаться сумасшедшим, а каждый, кто с готовностью продолжает летать, – безумец по определению. Но отстранить летчика от полетов нельзя, так как он не сделал заявления. Таким образом, поправка из пункта 22 – своеобразный маневр, навсегда увязывающий солдата с войной. В настоящее время в Англии это выражение часто употребляется в связи с поисками работы. Безработные жалуются на то, что без опыта невозможно получить работу, а без нее нельзя приобрести опыт.

С 1970-х годов в английском языке активно и широко употребляется слово *challenge* («трудности, проблемы, которые нужно решить») в качестве медицинского определения вместо таких слов с отрицательной коннотацией, как *disabled*, *handi-*

capped и *impaired* («инвалидный, нетрудоспособный»). Появились выражения *physically challenged* («страдающий физическим недостатком»), *mentally challenged* («умственно отсталый») и даже *visually challenged* («слепой, подслеповатый») и *aurally challenged* («глухой»). Эту же тенденцию можно проследить также и в не лишенных юмора словосочетаниях типа *follicly challenged* («лысый») и *temporally challenged* («пострадавший от времени», иными словами, «старый»).

Известное слово *cheers* давно употребляется во всех англоязычных странах в значении предложения выпить за чье-то здоровье. В Англии в настоящее время *cheers* также значит «спасибо», «до свидания» и даже «извините» (например, при случайном столкновении на тротуаре).

Словосочетание *common law* (общий закон) также претерпело ряд изменений своего оригинального значения. Первоначально юридическая система Англии была основана на общепринятых обычаях, привычках и обрядах, и законы нигде не были записаны. Споры между гражданами и преступниками решались согласно местной интерпретации так называемого «общего закона». С XV столетия судебные дела решались по прецеденту, и мало-помалу вошли в обиход законы, написанные парламентом, – *statute law* («статусное право», «писанный закон», в отличие от неписанного *common*). Сейчас выражение *common law* еще употребляется в юридической практике. Кроме того, появились выражения *common law marriage* («незарегистрированный брак») и *common law wife* («сожительница»).

Словосочетание *consumer durables* («товары длительного пользования») по своему значению делятся на *white goods* (куда входят холодильники, посудомоечные машины и пр.) и *brown goods* (включающие в себя телевизоры, стереосистемы и пр.). В настоящее время это выражение также означает компьютерную технику, в отличие от *software* («программные средства»).

Большой популярностью у англичан пользуется жаргонное выражение американского происхождения *couch potato*, обозначающее ленивого, все время жующего человека, которому нравится сидеть весь день дома на диване перед телевизором. Это выражение сейчас употребляется во всех англо-говорящих странах. Точно такую же коннотацию получило и сочетание *carpet-knight*. Первоначально «ковровыми рыцарями» называли тех рыцарей, которые получили свое звание не на поле битвы, а во дворце, преклоняя колена на ковре. В более широком смысле это слово означает презрительное отношение к любому солдату, не воевавшему на передовой, а отсиживающемуся в тылу. Любого ленивого человека вполне можно назвать *carpet-knight*.

В связи с тем, что многие главные гостиницы в окрестностях международных аэропортов предоставляют своим гостям бесплатный автобус для переезда между вокзалом, аэропортом и гостиницей, появилось словосочетание *courtesy bus* (буквально «автобус из любезности»).

Интересна британская интерпретация слова *cowboy*. Оно обозначает никудышного, плохого работника, а прилагательное имеет значение «второсортный», а также «незаконный, запрещенный, связанный с черным рынком». В британском варианте английского языка этим словом обычно называют водопроводчиков, электриков, плотников, механиков, работающих в гаражах, а также всех тех, кто предлагает клиентам свою работу по низким расценкам, выполняя ее некачественно. Часто ту же работу приходится переделывать профессионалам или специалистам, но уже за довольно значительную плату.

Многие известные английские выражения устаревают и вытесняются новыми. Здесь к тому же действует так называемый закон политической корректности, поэтому вместо слова *stewardess* применяется *flight attendant*, слово *fireman* заменили на *firefighter*, вместо слова *policeman* рекомендуют использовать *police officer*. Для

слов *man* и *mankind* также нашли соответствующую замену в виде слов *humans*, *humanity*, *human race*. Не совсем учтённое слово *pensioner* можно заменить сочетанием *senior citizen*, а слово *Asian* – политически корректным *Oriental*.

Не меньший интерес у изучающих иностранный язык вызывают разговорные выражения и клише, используемые носителями языка. К ним можно отнести следующие выражения:

fly out of the door – пулей вылетать из дверей, торопясь куда-то,

to eat something on the move – есть на ходу,

to slump into a chair – плюхнуться, рухнуть в кресло от усталости,

to watch some telly or box – посмотреть «телек», «ящик»,

kick – разговорное значение «балдеть» или бросить, оставить привычку,

pull one's leg – пудрить мозги.

Прилагательное *stroppy* означает «несговорчивый, сварливый», а *uppity* – «чванный, наглый» или жаргонное «смурной». *Trog* (сокращённая форма от *trogglodyte* – пещерный человек) имеет значение «обормот, грубый, невоспитанный человек».

Список использованной литературы

1. **Б. Локкет.** Идиомы и фразеологизмы // Иностранные языки в школе. 2003. №5, с.80-84.
2. Троглодит и его droogs // Обучение за рубежом. 2000, № 9, с.40.

Л.Н. Михеева

ЯЗЫКОВОЕ ВРЕМЯ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ УНИВЕРСАЛИЯ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ

Статья посвящена одной из актуальных проблем современной лингвистики – междисциплинарному подходу к изучению языковых явлений. В ней рассматривается важнейшая категория человеческого бытия, сознания, языка и культуры, базовая составляющая русской языковой картины мира – категория времени. В качестве ведущего предлагается лингвокультурологический аспект анализа данной универсалии, в языковом выражении которой нашли отражение представления русского этноса о времени.

Время как условие бытия имеет всеобщий характер, оно является одной из главных бытийных (онтологических) и языковых категорий, которые обычно образуют концептуальную основу мира и без которых не мыслится ни одна языковая система. Поэтому время на протяжении истории человечества было объектом изучения самых разных наук: от естественных и точных (физика, математика, биология, геология) до гуманитарных, прежде всего философии. Но по сей день, сохраняют актуальность сказанные ещё в XV веке слова Аврелия Августина: «У нас постоянно на языке слова: время и время, времена и времена... Так мы говорим другим и то же слышим от других и понимаем друг друга. Кажется, ничего нет яснее и обыкновен-

нее; а между тем, в сущности, нет ничего непонятнее и сокровеннее и более вызывающего на размышления» [9, с. 326-327].

Одной из важных тенденций, определившей всплеск интереса к теме времени и новые подходы к ее изучению в отечественном языкознании последних десятилетий, стала общая антропологическая направленность лингвистических исследований. Как писали ученые, произошла смена базисной научной парадигмы: от «имманентной» лингвистики, направленной на изучение системы языка, к антропологической, в которой язык рассматривается как конститутивное свойство человека [15]. Соответственно, все чаще предметом анализа лингвистов становится время не как грамматическая категория, а как время жизни человека, нации, этноса, нашедшее отражение и выражение в языке.

Идея антропоцентричности языка сама по себе не нова: еще В. Гумбольдт считал язык единой духовной энергией народа и сформулировал мысль о существовании особого, языкового мировидения как научно-философской проблеме: «Разные языки – это не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее» [6, с.312]. В XX веке исследование языковой картины мира (ЯКМ) велось в рамках теории лингвистической относительности (Л. Вайсгербер, Э. Сепир, Б. Уорф и др.): язык творит картину мира и «навязывает» его носителям культурно-национальное миропонимание. В том же русле рассуждают и современные ученые, например, Ю.Д. Апресян считает, что каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации («концептуализации») мира, потому в языке находит отражение «наивная» модель мира [1]. Таким образом, картина мира является базисным понятием антропологической лингвистики, а философско-культурологическое направление становится ведущим в языкознании.

В современной когнитивной лингвистике при построении концептуальных моделей в качестве универсалий выступают концепты (или даже «константы» – Ю. С. Степанов), заключающие в себе единство научного, исторического, социального, психологического, культурологического осмысления мира и человека в нем. Не ставя перед собой задачи анализировать многочисленные определения «концепта», оговорим лишь его важность, опираясь на мнение А. Вежбицкой, которая считает, что только языковые универсалии – компоненты картины мира, ядро языка – могут дать основу для сопоставления концептуальных систем, закрепленных в языках, и для обозначения значений, закодированных в языках [4, с.46]. Такого рода универсальной (как концептуальной, так и языковой) категорией человеческого сознания и культуры, причем одной из логически исходных, является время.

Следует сказать, что, прежде всего проблема времени была поставлена в естественных науках и основные достижения в её изучении связаны с развитием физики (И. Ньютон, А. Эйнштейн), поэтому и позднее известные ученые-философы Г. Рейхенбах, А. Грюнбаум, Дж. Уитроу опирались в своих исследованиях на данные физической науки. Действительно, в ней были описаны основные топологические, инвариантные свойства этой категории: однонаправленность, необратимость, непрерывность и другие, которые используются в применении ко времени во всех других науках. Философы, историки, в свою очередь, давали ценностное осмысление категории времени, с точки зрения прогресса, ритма развития, революционных преобразований.

Известно, что параллельно с научным формировалось обыденное представление о времени (которое тоже имеет свое историческое развитие), связанное с субъективным восприятием человека. Такое явление Д. С. Лихачев называл субъективным феноменом, когда «время кажется то текущим медленно, то бегущим быстро, то катящимся ровной волной, тодвигающимся скачкообразно, прерывисто» [11, с.278]. Мы знаем, что время как таковое не дается нам в непосредственном наблюдении, это

неуловимая сущность, которая может оставлять лишь чувственно воспринимаемые «следы» или демонстрировать нам свои «приметы».

Представление о времени, несомненно, соотносится с объективно наблюдаемой сменой различных состояний мира, но нельзя не согласиться с мнением Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева (3; с.236), что концепт времени в большей степени, чем другие речемыслительные категории, отражающие атрибуты действительности, связан с переживающим время субъектом, с его оценкой, с его ощущением времени. Субъективный характер наивно-языковой концептуализации времени нашел отражение во многих особенностях естественного употребления темпоральных выражений, например, «повременить», «проспать», «ожидание», «час настал», «миг удачи». Аксиологичными следует назвать выражения «добрый час», «черный день», «лихая година» или мифологические «бесовские ночи», «вороньи дни» и т.д.

Известный историк и культуролог А. Я. Гуревич справедливо замечает: «Мало найдется других показателей культуры, которые в такой же степени характеризовали бы её сущность, как понимание времени, в нем воплощается, с ним связано мироощущение эпохи, поведение людей, их сознание, ритм жизни, отношение к вещам» [7, с.103]. В свете сказанного вряд ли можно согласиться с А. В. Кравченко [10, с.18], который в рамках когнитивной лингвистики противопоставляет две стороны идеи времени, связанные с его пониманием как некоего «континуума жизни» и как системы абстрактных отношений, проявляющихся в языковых средствах представления этого континуума (отсюда наличие в некоторых языках разных слов для обозначения лингвистического и «времени жизни»: Time и Tense, Zite и Tempus). При этом сам ученый отождествляет лингвистическое время с грамматическим. Данный методологический посыл характеризует общий подход к проблеме времени в современном языкознании. На наш взгляд, как не совсем правомерно рассматривать языковое время лишь в грамматическом аспекте, так и неточным представляется сугубо когнитивный подход объявлять единственным и универсальным.

Объективно существующее время, как уже отмечалось, субъективно переживается и осознается людьми, причем в различных цивилизациях, на различных стадиях общественного развития, в разных слоях одного и того же общества и даже отдельной индивидуальности эта категория воспринимается и применяется неодинаково. В подтверждение тезиса об осознании ценности времени как одной из функций культуры, приведем высказывание П.П. Гайдено: «Представление о времени – неотъемлемый компонент представления человека о мире в целом. В ходе исторического процесса оно изменяется, обрастает целым комплексом понятий, образов, становится важнейшим моментом мировоззрения эпохи, её культуры. В различных исторических условиях меняется не только представление о времени, но и ощущение его длительности. Каждой культуре присущ особый способ переживания, осмысления и осознания времени» [5, с.88]. Соответственно, каждая эпоха вносила свой вклад в содержание этой категории (поэтому говорят о времени первобытного общества, средних веков, эпохи Возрождения), и каждый исторический тип культуры характеризовался своей трактовкой времени. Конечно, каждая культура, эпоха отличается многообразием моделей восприятия времени, но при этом они дают единый, присущий этой культуре тип восприятия.

В зависимости от разных аспектов отношения ко времени у средневекового человека, по мнению А.Я. Гуревича, формируются разные модели: время природное (аграрное), или циклическое; родовое (или генеалогическое, династическое); библейское, или мифологическое; циклически-историческое [7, с.192]. Значит, даже у одного человека конкретной эпохи, причем не современной, может сложиться несколько разных представлений о времени, которые не только не противоречат друг

другу, но более того – взаимодействуют. Можно сказать, что отношение к времени, складывающееся в той или иной культуре, обобщает ту форму переживания времени, которая свойственна представляющей данную культуру и порожденной ею личности, так как только в человеческом мире время становится и формой объективного бытия, и сложнейшим феноменом сознания. В настоящее время собран богатый материал для выделения исторических форм восприятия, истолкования времени в различных культурах, формациях и т. д., которые изучают лингвистика, история языка и искусства, антропология, психология, этнология и другие гуманитарные науки.

Всё сказанное свидетельствует о том, что проблема времени нуждается в комплексном изучении, для ее решения должны быть ассимилированы результаты как естественных, так и гуманитарных наук. Но основные трудности как раз и состоят в междисциплинарном подходе, в синтезе тех представлений о времени, которые развиваются в различных областях науки и, главное, культуры. Уже В. И. Даль обозначил широкий круг значений этого слова, представил его полимодальную трактовку: время астрономическое (время года, суток, погода), психологическое – рефлексия необратимости времени ('время красит' или 'безвременно старит', 'время летит' и т.п.), социологическое ('время деньги дает', 'пению время и молитве час'), а также подчеркивал связь времени с измерительными процессами, хронологией, историей.

Разные модели времени предлагались учеными: писали о круговой модели движения времени – В. Мурьянов, о модели качения, «колебания» – Г. Гачев, Г. Вригт высказывался о времени как изменяющемся и распространяющемся потоке, В. И. Постовалова называет первой моделью времени архаическую колебательную модель, которая сменилась циклической, течением по определенному замкнутому кругу; циклическая модель постепенно преобразовалась в модель «спирального» времени по мере установления между концентрическими временными циклами взаимосвязи; при более поздних формах общественного сознания произошло раскручивание «спирального времени» в линейную конструкцию, при которой только и может появиться идея истории [15, с.63]. Очевидно, что описанные классификации не имеют единого основания, с чем и связаны многообразие и разноплановость предлагаемых моделей времени, в том числе в лингвистике. Ю.С. Степанов, ссылаясь на материалы 17-го Международного конгресса исторических наук в Мадриде (1990 г.), перечисляет 12 (!) видов времени [16, с.263-264].

Что касается непосредственно языкового времени, то и здесь описываются различные модели. Одни предлагают физико-математическую модель лингвистического времени, Ю. Н. Караулов пишет о времени историческом (диахроническом, языковом) и актуальном (синтагматическом, речевом), С. И. Никитина выстраивает отдельную лингвистическую модель фольклорного мира – модель тезаурусного описания языка народной поэзии, куда входит и время [14], в коллективной монографии «Логический анализ языка. Язык и время» [12] специальная глава посвящена разнообразным моделям времени.

Действительно, картина мира, отраженная в сознании человека, вариативна, изменчива, непостоянна. В то же время при изучении языкового времени исследователи отталкиваются преимущественно от традиционных, базисных моделей циклического и линейного времени, впервые описанных еще М. Гюйо [8]. Большинство исследователей, в числе которых Б. А. Успенский, Ю. С. Степанов, Н. Д. Арутюнова и другие авторитетные ученые, сходятся на том, что существуют две главные модели циклического и линейного времени, которые сформировались в ходе исторического развития человеческого общества, они и определили два вида языкового времени.

Так, для мифологического миропонимания в целом характерна циклическая структура времени: настоящее и будущее – это различные темпоральные ипостаси мифического прошлого. В примитивном, мифологическом сознании категория времени выступает как чистая абстракция, поэтому все модусы времени – прошлое, настоящее, будущее – расположены как бы в одной плоскости, в известном смысле «одновременны». Мифологическое мировосприятие не отделяет человека от природы – космоса (восприятие временного континуума древним сознанием связано с космопланетарными циклами, которые определяют жизнь человека) и сводится к понятию цикла и вечного возвращения. Время в мифологическом сознании не было векторным: оно либо не движется, либо вращается по кругу, цель действия задана природой вещей и действие повторяет прадействие. Закономерно символом циклического времени стал круг, вращение по кругу, а понятие вечности вытекает из замкнутости круга, отсутствия у него начала и конца. Позднее переход от язычества к христианству привел к перестройке структуры временных представлений.

Циклический характер солнечного круговорота, солнечный цикл как мерило бытия всего сущего в человеческом мире определяли жизнь и славянских народов (см. работы Н. И. Толстого и С. М. Толстой о магическом круге времени в представлениях славян). В средневековой Европе время определялось тоже прежде всего природными ритмами, сельскохозяйственным календарем (его «измеряли» по солнцу, песку, воде, свече, звону колоколов). В то же время это не значит, что у архаических цивилизаций различие между прошлым, настоящим и будущим отсутствует совсем: хронологические серии практической жизни в сознании древних людей отделены от циклического времени мифа. Кроме того, наряду с аграрным было и литургическое время, связанное с религиозными праздниками, и параллельно с мифологическим отношением к времени существовало эпическое время (события в истории племен и народов лежали в основе истории родов, счета поколений, основанного не на хронологии, а на преемственности связей). Славянский народно-религиозно-хозяйственный календарь также включал элементы линейного восприятия времени: проецирование на линию месячных циклов. Необходимо заметить, что и сегодня чувство времени у человека порождается восприятием изменений в мире, а его основным источником является космическое время – смена времен дня, сезонов года и т. п., то есть циклизм имеет место быть и в современном мире, сознании, восприятии.

Что же послужило эмпирической основой возникновения и формирования представлений о линейном движении времени? Ученые считают, что чувство, рожденное временными циклами, было перенесено на линию времени тогда, когда время стало не только переживаться, но и осознаваться: «всему свое время». Экклезиаст, читаем у Н.Д. Арутюновой [12, с.51], ставит в один ряд сроки природы («Время насаждать, и время вырывать насаженное»), жизни («Время рождаться, и время умирать») и истории («Время войне, и время миру»); так же, как детерминировано природное время, диктующее «естественную» деятельность человека, предопределен ход истории, чувство изменений в природной среде аналогично чувству исторических перемен.

Н.Д. Арутюнова признает, что в абстрактной модели время формально, отвлеченно от мира и человека: прямая задает лишь последовательность точек, но не последовательность каузально связанных событий. Только присутствие человека в мире наполняет формальное время событиями: войдя в модель времени, человек внес в нее точку и движение, а вместе с ним и направление движения [2, с.687-689]. Значит, наряду с внешней по отношению к языку моделью времени существует и внутриязыковая модель, конститутивным компонентом которой является точка присутствия в ней

говорящего, от которого идет отсчет времени вправо – в будущее и влево – в прошлое. Такую модель правильнее было бы называть уже не языковой, а речевой, где в качестве точки отсчета времени выступает субъект в момент высказывания.

Итак, две модели – это два восприятия жизни, два ее образа, два символа: окружность и прямая, круг и путь; два восприятия времени: космическое и историческое. Ориентированные на само время, модели – «течение жизни», «линия судьбы» и движение природных веществ («вода бежит», «ветер несет», «луна взошла») – предстают образно, в виде метафор, что также может выступать одним из способов рассмотрения категории времени в качестве лингвокультурологической. Надо сказать, семантика до сих пор сплошь и рядом пережиточно отражает архаическую картину мира, действительную для прасостояний культуры: сегодня, в век научно-технического прогресса, как и тысячи лет назад, солнце для нас «встает» и «заходит».

Метафора движения из будущего в прошлое лежит в основе понятия «языковое время». Все, что следует (следующий день, год, мгновенье, остановка, последствие, наследование, последний) идет вслед уходящему (пред-идушему) в прошлое – прошлый год, прошедшая неделя, уходящий год, наступающий новый год; также это свойство выражается в предикатах «времени»: время приходит, проходит, приближается, грядет, минует течет, длится, тянется [2, с.690]. То же наблюдается и в словах: ‘пред-ки’ - сначала, потом ‘потом-ки’ или ‘перво-проход-цы’ и ‘последователи’, сюда же можно отнести выражение «время пришло». Эту точку зрения развивают и продолжают на ряде примеров Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев – авторы известной монографии «Языковая концептуализация мира», рассматривая в своей работе «двигательные» метафоры времени и «парадоксы», связанные со временем.

Невозможно не согласиться с рассуждениями известного исследователя категории времени Е. С. Яковлевой: «В «культурной парадигме» носителей языка с понятием циклического времени связываются идеи природных циклов, бесконечных возвратов и повторов одних и тех же событий, общности человеческих судеб на всех кругах бытия; с понятием же линейного времени ассоциируются такие характеристики, как ‘неповторимость’, ‘уникальность’, ‘единичность’ событий, необратимость самого жизненного процесса. Естественно поэтому, что “циклическое сознание” настроено на типизацию (отождествление того, что есть, с тем, что уже не однажды было), а ‘линейное’ – на индивидуализацию» [17, с.100-101]. Однако мы бы не стали так резко разводить две модели времени, два типа его восприятия (а именно с этой точки зрения ученый анализирует оппозитивы: время/пора; прежний, прошлый/минувший; ныне/сейчас), так как полагаем, что условны как само деление, так и характеристики той и другой модели: они лишь отражают процесс формирования представлений о времени, но не исчерпывают всю сложность и диалектику временных отношений. Именно это мы попытались продемонстрировать на обширном материале темпоральной лексики, словосочетаний с ней, пословиц и художественных текстов на тему времени [13].

Итак, центральным компонентом современной картины мира, складывающейся из переплетения двух ступеней познания (чувственного и логического), является концептуальная модель времени, включающая научные понятия о времени как длительности, продолжительности всех событий и явлений, их последовательности и наивно-обиходные представления о времени, уходящие корнями в древнейшую картину темпоральных представлений, объединяющая научную картину мира (систему научных временных понятий, используемых в философии и частных науках) и наивную картину мира (наивные понятия о времени, находящие выражение в диалектах, народном сельскохозяйственном календаре, фразеологии и т.п.) в единую концепту-

альную модель. Поэтому время, в том числе языковое, должно рассматриваться в диалектическом единстве, синтезе всех аспектов, так как конечной целью его изучения должно стать выявление динамичной связи универсальных свойств данной категории с чертами национально-исторического, культурного своеобразия жизни народа, а также описание особенностей выражения в постоянных, инвариантных составляющих структуры времени культурно-исторического типа нации, определенного этапа и уровня её развития.

Список использованной литературы

1. **Апресян Ю.Д.** Образ человека по данным языка // Избранные труды. М., 1995, т.2.
2. **Арутюнова Н.Д.** Язык и мир человека. М., 1999.
3. **Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.** Темпоральный дейксис // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992. с. 236-242.
4. **Вежбицкая А.** Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001.
5. **Гайденок П.П.** Тема судьбы и представление о времени в древнегреческом мировоззрении // Вопросы философии. 1969. №9. с.88–98.
6. **Гумбольдт В.** Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
7. **Гуревич А.Я.** Категории средневековой культуры. М., 1984.
8. **Гюйо М.** Происхождение идеи времени. СПб., 1899.
9. **Исповедь блаженного Августина.** М., 1914.
10. **Кравченко А.В.** Когнитивные структуры пространства и времени // Известия АН СССР СЛЯ. 1996, Т.55. №3. с. 3-24.
11. **Лихачев Д.С.** Поэтика древнерусской литературы. М., 1971.
12. **Логический анализ языка. Язык и время.** М., 1997.
13. **Михеева Л.Н.** Время в русской языковой картине мира. М., 2003. 14. **Никитина С. Е.** Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993.
14. **Роль человеческого фактора в языке.** М., 1988.
15. **Степанов Ю.С.** Константы: словарь русской культуры. М., 2001. 17. **Яковлева Е.С.** Фрагменты русской языковой картины мира (Модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.

С.В. Мощева

ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОФОРМЛЕНИЯ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ

Рассматриваются особенности орфографического оформления англоязычных рекламных текстов в рамках полимодусного подхода к анализу печатного дискурса.

Реклама стала неотъемлемой частью нашей повседневной культуры, а рекламные тексты, как способы определенного коммуникативного воздействия на членов культурно-языкового сообщества, являются объектами лингвистических, психолингвистических и социолингвистических исследований.

Одна из актуальных языковедческих проблем на сегодняшний день – это подход к анализу текста с позиций полимодусности. Отметим, что «полимодусность» определяется как различные способы передачи информации, сопровождающие реальный речевой акт. По нашему мнению, понятие «полимодусности» достаточно обширно и аккумулирует фонетические, орфографические особенности, шрифтовое оформление рекламного текста, включая знаки пунктуации, поскольку они несут определенную экспрессию и выразительность, соответствующую смысловую нагрузку при передаче информации рекламного характера.

Цель же настоящей статьи состоит в том, чтобы выявить наиболее частотно используемые орфографические средства для оформления печатного англоязычного рекламного текста (РТ). Материалом нашего анализа послужили издания 2003–06 гг.: еженедельник «The Economist»; журналы «Science», «Chemical Week», «Blue~ize»; рекламные издания «Partner of the World», «Ceramic World»; женские журналы «Self», «Jane», «Victoria» «Woman's Day»; газеты «The Times», «Free Times», «Scene».

Изучение печатных РТ показывает, что достаточно активно используется заглавная (прописная) буква в написании всех значимых частей речи, что традиционно характерно для оформления заголовков произведений художественной литературы. Копирайтеры прибегают к подобному приему в случае, если текст рекламного сообщения напоминает по форме небольшой рассказ, легенду. Примером может служить РТ «*The Story of Alex of New York*», являющийся аллюзией на детский анимационный фильм «Мадагаскар», персонаж которого Алекс становится и героем ряда рекламных роликов. Подобный прием используется и в рекламе сигарет марки 'Месса': «*Where was Mouse When the Light Went Out? – Groping for a pack of Meccas*».

Целью использования прописной буквы в оформлении нижеследующих РТ можно считать придание большей весомости и значимости каждому слову фразы:

*«*You Too Can Have A Body Like Mine*» – реклама косметической линии 'Charles Atlas';

*«*What's Hot On The Web. Where To Base Your Tech Company. Why Chaos Is A Good Thing*» – реклама журнала 'Convergence';

*«*Ask the Man Who Owns One*» – реклама марка машины 'Packard'.

В некоторых случаях в письменной речи для выражения особой экспрессивности и привлечения внимания каждая буква наиболее значимого слова пишется с заглавной буквы:

*«*How do you spell relief? R-O-L-A-I-D-S*» – реклама препарата 'Rolaids antacid tablets';

*«*THERE ARE NO WHITES WORKING AT G.E. No blacks either. Just people. And we need more*» – реклама компании 'General Electric';

*«*Golden wheat sown in pure, rich unadulterated soil. Caringly nurtured by Mother's Nature*» – реклама сорта муки 'Tip Top' (в данном случае используется прием олицетворения для придания тексту значимости и торжественной окраски).

Следует отметить и такое явление, как использование строчной буквы в начале предложения, что придает сообщению более доверительный разговорный характер, создает впечатление отсутствия барьера между читателем и копирайтером, а, следовательно, выполняет и контактоустанавливающую функцию:

*«*i dream of meeting a man who can dance...*» – рекламное объявление о знакомстве;

*«*truly a masterpiece, real fun, unthinkable for any one not to see it!*» – реклама фильма.

Анализируя рекламный материал, можно выделить и такой нестандартный

прием, как сознательная ошибка при орфографическом воспроизведении слова:

*замена гласных и согласных в привычных позициях для достижения аллитерации (*Pall Mall, Kooper Kettle Klub, Big K Coolers, Kwality Kut Klothes, KwikKash, Phabulous Phood*); нарочито неправильное написание: «*Kool cigarettes*» («cool»), «*Krazy Kakes*» («Crazy Cakes»), «*Shu-Wite*» («Shoe white»), «*Lite*» («Light»);

*преднамеренное сокращение слов, устранение нечитаемых букв в рекламных именах в настоящее время становится типичным явлением для печатной англоязычной рекламы. (*Bar-B-Q, BBQ, U-All-No, E-Z kleen, T-ball, Bake-N-Serv, E. Z. Walker, La-Z-Boy, Chik-N, X-Press Delivery, Sit 'n' Stroll, Ice-T*);

*упрощение написания – это самый большой класс слов, который встречается в РТ коммерческого характера, содержащий удаление нечитаемых букв ‘gh’ в сочетаниях ‘igh/ight’ («*Hitech*», «*Brite*», «*Prestolite*») и гласной ‘е’ в конце слова («*Trufit*», «*Tru-View*», «*Dubl-duti*», «*Conectiv*», «*Serv*»); к довольно частотным случаям можно отнести написание согласной буквы ‘k’ или ‘с’ вместо сочетания ‘ck’ («*Kodak*», «*Gyplak*», «*Phone Jak*») и гласной ‘о’ вместо ‘ow’ («*Evenflo*»).

Отметим, что для выражения эмоций различного уровня, например, восторга, наслаждения, радости, может использоваться многократное написание букв в слове: «*GR-R-R-Rate!*» (о ювелирном украшении); «*Ffffabulos!*» (о дизайне новой марки Ford); «*Service S-o-o-o Good. Exxxxperience*» (о ресторанном комплексе); «*M'm M'm Good*» (производство супов быстрого приготовления ‘Campbell’s condensed soups’, где удвоение написания «M’m» имитирует эффект удовольствия от вкуса данных супов).

Анализ рекламного материала показывает, что в печатных РТ можно обнаружить включение устаревших форм написания слов. В данном случае рекламодатель отождествляет устаревшую форму с прежним, т.е. классическим качеством товара/услуги («*Honor thy self*» – реклама алкогольного напитка ‘Johnny Walker Black Whiskey’ (‘thy’ – устаревшая форма притяжательного местоимения «свой»); «*Olde Thyme Shoppe*» и «*Olde Towne*» – название магазина и ресторана; «*Twas the night before Christmas – the children were dreaming of a Ford in their future*» – реклама машины марки ‘Ford’ (‘twas’ – устаревшая форма, сокращение от ‘it was’).

Современная реклама достаточно активно использует сокращения слов. Данное явление рассматривается нами в качестве средства языковой экономии и способа имитации разговорной речи: «*Nasdaq rise warms techs and telecoms*», «*The strange life of low-tech America*» - «*tech*» от «*technology*»; «*Things go better with Coke*» – «*Coke*» от названия напитка «*Coca-cola*»; «*Luckies*» от названия сигарет «*Lucky Strikes*»; «*Chevy*» от названия марки машины «*Chevrolet*»; «*Bud*» от названия сорта пива «*Budweiser*»; «*Feeding the Fed*» - «*the Fed*» является сокращением от «*Federal Reserve System*» и в то же время слово «*fed*» имеет значение «сытый», т.е. в данном РТ кроме приема ‘сокращение’ имеет место прием ‘игра слов’; «*The fizz biz ...*» слово «*biz*» является сокращением разговорной формы слова «*business*».

Использование знака апострофа для указания на применение приема сокращения слова – грамматическое явление очень частотное в англоязычной рекламе и способ приближения письменной речи к устно-разговорной. Таким образом создается более доверительная и неофициальная обстановка. Приведем некоторые примеры из нашего экспериментально корпуса РТ: «*I’d walk a mile for a Camel*» – реклама сигарет ‘Camel’; «*If I’ve only one life, let me live it as a blonde!*» – реклама краски для волос ‘Clairol hair coloring’; «*Nothin’ says lovin’ like somethin’ from the oven*» – реклама компании ‘Pillsbury foods’.

Нами отмечено, что копирайтер при оформлении печатного РТ достаточно смело включает сокращения в форме аббревиатур. В современном языке аббревиа-

ция используется не только как средство официальной номинации, но и как средство экспрессии и языковой игры, к основным видам которой можно отнести:

*сближение аббревиатуры с обычным словом (аббревиатуры узуальных слов): BIB – Big is Beautiful (вывеска на магазине, продающем одежду больших размеров; англ. bib – детский нагрудник), CAP – Civil Air Patrol (англ. cap – шапка), CAT – Computer-Aided Tomography (англ. cat – кошка);

*использование омоакронимии, т. е. маскировки/подгона аббревиатуры под известное слово: AHEAD – Asian Health, Environmental & Allied Databases; (англ. ahead – вперед/вперед);

*прием сокращения собственных имен, как было обнаружено в ходе нашего исследования, является самым активным именно при оформлении печатных РТ. Отметим, что практически все торговые бренды и известные модные дома имеют свои аббревиатуры, которые хорошо узнаваемы потребителем. Например: «GJ» – торговая марка ‘Gloria Jeans’, «NR» – парфюмерная линия ‘Nina Ricci’, «fL» – косметическая линия ‘Faberlic’. Анализируя графическое оформления подобного рода аббревиатур, мы полагаем, что на сегодняшний день прием графической образности является основополагающим средством, с помощью которого подчеркивается индивидуальность и неповторимость каждой отдельной торговой марки.

Анализ печатного рекламного материала показал, что достаточно креативным способом оформления РТ можно считать игру слов, которая отражена и в фонетическом оформлении, и в графическом исполнении слова. Данный способ рассматривается в качестве частного (графического) случая каламбура. Основная идея приема состоит в выделении одной из частей слова графически, которая, в свою очередь, представляет самостоятельное слово с определенным значением. Иллюстрацией могут служить следующие примеры нашего экспериментального корпуса: название шоколадного мусса ‘*Enor mousse*’ прочитывается ‘*enormous*’, т. е. огромный, подразумеваемая «огромное» количество мусса в одном тюбике; ‘*Sen – sational*’ читается ‘*sensational*’ – ‘сенсационный’, однако речь идет о лауреате нобелевской премии Amartya Sen; или название мужской парфюмерной линии ‘*His Story*’ – читается ‘*history*’. Эффект привлечения внимания может быть достигнут и более сложным образом, например, необычным слогоделением слова с выделением какого-либо ключевого слова. Например, в рекламе центра по уходу за бездомными животными (‘*cat-ch-of-the-day*’) слово ‘кошка’ – ‘cat’ является частью слова ‘catch’ – ‘отлавливать’.

Использование неязыковых графических средств достаточно активно используются при оформлении печатного англоязычного РТ: название групп ‘U2’ (You Too), косметическая линия ‘*Aget-me-not*’ (Forget-me-not); ‘*PR 4 YOU*’ – название студенческого журнала ‘PR for you’. Неязыковые графические средства имеют широкое распространение во всех языках мира и относятся к классу немотивированных логограмм [3, 70].

Исследование экспериментального материала англоязычных печатных рекламных текстов указывает на достаточно частотное использование в РТ иностранных слов в их оригинальном виде. Рассмотрим РТ производственной компании ‘Guest, Keen & Nettlefolds, LTD’: «Good, excellent, superior, above par, nice, fine, choice, rare, priceless, unparagoned, unparalleled, superfine, superexcellent, of the first water, crack, prime, tip-top, gilt-edged, first-class, capital, cardinal, *couleur de rose*, peerless, matchless, inestimable, precious as the apple of the eye, satisfactory, fair, fresh, unspoiled, sound; GKN: over 80 companies making steel and steel products». Сочетание из французского языка ‘*couleur de rose*’ (цвета розы) – включено в рекламный текст в качестве компонента амплификации для придания значимости, уникальности, данного производства. В РТ карамели ‘Starburst’ («STARBURST *à la mode*. Open the pack

and chill with all four *crème* flavors – orange, mixed berries, strawberry and peach») и шоколадных конфет ‘Encore’ («*Encore, Encore, Encore!!!*») также включены слова на французском языке в качестве показателя утонченных вкусовых качеств рекламируемых товаров.

Очевидно, что значимая роль в оформлении печатного текста принадлежит таким графическим средствам, как знаки пунктуации, которые выполняют не только функцию членения предложения на составляющие его синтаксические части, членение текста на предложения и указания на коммуникативный тип предложения, но и направлены на передачу эмоциональной окраски речи; рекламодатель активно использует данную функцию при оформлении РТ. Наблюдения за пространственным расположением знаков препинания в тексте дают возможность выделить знаки препинания вертикальной сегментации (точка, запятая, двоеточие, точка с запятой, тире, красная строка), которые характеризуют изменения в движении тона и продолжительность прекращения фонации, и знаки препинания горизонтальной стратификации (кавычки, заглавная буква, курсив, разрядка, скобки), выделяющие определенную часть высказывания из основного потока [2, 77].

Использование восклицательного и вопросительного знака при оформлении РТ – довольно активно применяемый способ в практике рекламы для проявления соответствующего эмоционального состояния («*Be a Pepper!*»; «*Chevrolet. The road isn't built that make it breathe hard!*»; «*Milk – Where's your mustasche?*»; «*Clairol Hair Coloring. Does she or doesn't she?*»). Однако отметим, что в последнее время экспрессия и выразительность высказывания в печатных РТ может передаваться за счет использования сразу нескольких восклицательных или вопросительных знаков. Данное утверждение проиллюстрируем примерами нашего экспериментального корпуса: «*The first online ceramic magazine, Makes its mark!!!*» – реклама продажи керамических изделий в режиме ‘online’; «*NEED MORE HANDS???* – *Increase your productivity without increasing your staff*» – реклама агентства ‘Lofstrand Labs Limited’.

Анализ рекламных текстов показал, что довольно активно употребляется многоточие. Многоточие может заменять и другие знаки пунктуации: точку, запятую, восклицательный знак и т.д. Анализируя англоязычный рекламный материал печатного характера, можно отметить, что многоточие имитирует спонтанность разговорной речи. Обратимся к некоторым примерам экспериментального корпуса:

*«*Two is company and three Well that's where action is! For the fun lovers a special range of Action Shoes With all the features that make Action the heart throb of young guys and gals*» – реклама спортивной обуви «Action Shoes»;

*«*Do yourself a favour ... try Chrysler's Fluid Drive. See how much easier it is ... how much smoother it is ... how much simpler, safer!*» – реклама автомобиля марки «Chrysler».

Нами отмечено, что риторическая пауза на письме может выражаться не только многоточием, но и тире, как в рекламе алкогольного напитка ‘Smirnoff vodka’: «*I was a – until I discovered Smirnoff*», а отсутствие паузы в вербальном воспроизведении РТ на письме может выражаться и отсутствием знаков пунктуации: «*One name One aim One vision*» – реклама производственного объединения «Imerus Kiln Furniture»; «*Together We create the world We will live in tomorrow*» – реклама производственной энергосистемы «Turbomach». Однако наши исследования показывают, что подобные по грамматической структуре англоязычные РТ в большинстве случаев оформляются с использованием точки: «*Beauty. Strength. Endurance*». – реклама производства керамики; «*Lactaid. Real milk*». – реклама витаминизированного молока.

Отметим, что стилистическое использование пунктуационных средств, а также их отсутствие в художественном произведении, по мнению И. Арнольд, может быть различным. Например, отсутствие точек в стихотворении Т. Элиота «Защита островов» («Defence of the Islands») сближает данное произведение с формой, принятой в документах, и придает ему важность и торжественность; а игнорирование точек в поэтическом произведении Маклиша, посвященное Эндрю Марвеллу («You. Andrew Marvell»), создает впечатление временной протяженности, вечного движения времени [1, с.233–235]. В приведенных же выше примерах исключение из текстовой части знаков препинания, как мы полагаем, является креативным решением копирайтера для создания единого рекламного образа.

Отсутствие пробела при написании торговой марки/имени производителя можно считать сегодня одной из типологических черт печатной рекламы; данный прием используется для создания креативного рекламного образа: «*BrandCity*» – название рекламного агентства; «*BigPlakat*» – название фирмы по установке роллерных механизмов; «*Matan JetSet*» – название фирмы по установке плоттеров для наружной рекламы; «*GoldEgg*» – название агропроизводственного объединения.

На основе анализа рекламного корпуса можно сделать вывод о том, что достаточно активными графическими приемами являются также подчеркивание, использование различных видов шрифта для выделения наиболее значимой части сообщения:

«*Alberta House Hotel* ... Tastes will often vary but ... the special something which endears a quality hotel can always be found at *Alberta House* ... For most of our guests, it is feeling of the familiar of home! ... A western-style hotel, with on-site Canadian Managers, designed with the discerning Business Traveller in mind ... Add *Alberta House* to your Business Survival Guide on your next trip» – реклама отеля.

Анализ печатного рекламного материала показал, что индивидуальность мнения, личностная заинтересованность могут выражаться на письме и с помощью использования кавычек. Двойные и одинарные кавычки чаще всего рассматриваются как взаимозаменяемые; однако исследования рекламного материала показывают, что кавычки могут выполнять и разные семантико-стилистические функции. Так, особенностью сегмента, заключенного в двойные кавычки, является то, что он принадлежит не адресанту; одиночные же кавычки указывают на то, что слово принадлежит другому смысловому ряду или имеет особый смысл. Выделяя кавычками в тексте ту или иную коммуникативно-значимую часть высказывания, рекламодатель прибегает и к приему манипуляции, представляя свой прагматический замысел в качестве мнения реципиента. Обращение к данному приему можно проследить и в оформлении РТ университета ‘Myers’:

«Myers University since 1848. Get an MBA in 11 months at Myers! “I have recommended Myers to several of my colleagues. I am very happy with the education I am receiving”; “The MBA program at Myers is very flexible. Plus, there’s a Myers location near work”; “That’s my life, that’s my Myers” Call today or go online and download a free application at www.mymyers.com».

Исследования акустических характеристик текстов, содержащих кавычки, позволяют прийти к выводу, что двойные и одиночные кавычки отличаются просодически. Так, двойные кавычки указывают на паузу в две единицы до и после кавычек, отмечается увеличение громкости и замедление темпа; при чтении же одиночных кавычек нет заметной паузы, наблюдается уменьшение громкости и замедление темпа [2, с.79].

Отметим, что достаточно активно в последнее время при оформлении печатных РТ используется прием графической образности. Графическая образность вы-

ражается в особом расположении изображения по отношению тексту. Очевидно, что использование приема графической образности при оформлении печатного англоязычного РТ является достаточно эмоционально-выразительным экспрессивным средством и активно эксплуатируется рекламодателем.

Выявление количественного соотношения использования определенных орфографических выразительных средств при оформлении печатного англоязычного РТ показало следующие результаты: характерными чертами англоязычного печатного РТ являются использование сокращенного написания слов не только в качестве средства языковой экономии, но и приема приближения письменной речи к устно-речевой (15%); прописной буквы (9,7%); сознательной ошибки (5,7%); аббревиации (3,4%); многократного написания буквы (3,2%); устаревшей формы (1,2%); иностранного слова (0,8%); шрифтового выделения (3%); неязыковых графических средств (2,1%).

Модификация правописания, необычное использование знаков препинания, графическая образность являются типологическими особенностями современной англоязычной печатной рекламы, поскольку посредством их передаются определенные оценочно-экспрессивные коннотации высказывания.

Список использованной литературы

1. **Арнольд И.В.** Стилистика современного английского языка. Л., 1981.
2. **Гумовская Г.Н.** Ритм как универсальный закон построения языковых объектов. М., 2002.
3. **Зиндер Л.Р.** Очерки общей теории письма. Л., 1987.

А.Н. Портнов

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ И ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ МАРТИНА ХАЙДЕГГЕРА (ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ)

В статье рассматриваются основные положения философии языка М.Хайдеггера. Автор обращается к структуре языкового сознания и языковой личности философа, полагая, что это может оказаться полезным эвристическим приемом для понимания идей философа.

Творчеству М. Хайдеггера посвящены сотни книг и статей, в том числе существует немалое количество публикаций о проблеме языка в философии Хайдеггера [9; 12; 20; 21; 22; 23; 47; 48; 51; 53]. Хайдеггер – один из наиболее интересных и значительных мыслителей XX века. Его своеобразие, а точнее было бы сказать своеобычность, нашла самое непосредственное выражение в языке его философских текстов. Из массы суждений для начала приведем два. Оба принадлежат глубоким мыслителям, близко знавшим Хайдеггера и самым внимательным образом читавших его творения. Х.-Г. Гадамер в своих комментариях к работе Хайдеггера «Исток художественного творения» отмечает, что «позднего Хайдеггера нередко упрекали в том, что его понятия невозможно конкретно подтвердить, удостоверить. В субъективности нашей мысли как бы невозможно наполнить содержанием то, что Хайдеггер разумеет под бытием в буквальном смысле слова, под совершением бытия, прорежи-

ванием бытия, распахованием и забвением бытия. Понятийные словообразования поздних работ Хайдеггера точно так же недоступны субъективному их воспроизведению в мысли, как недоступен диалектический процесс Гегеля мышлению, которое Гегель называл «представляющим». Поэтому понятийный язык Хайдеггера встречает ту же самую критику, что диалектика Гегеля встретила у Маркса» [4, с. 111]. В «Заметках» К.Ясперса о работах и личности Хайдеггера, которые делались в течение более 30 лет и были опубликованы согласно завещанию Ясперса только тогда, когда обоих философов уже не было в живых, мы читаем: язык и форма произведений Хайдеггера действуют на читателя «как художественное произведение». «Это воздействие, - продолжает Ясперс, - приносит эстетическое удовлетворение, но стоит в стороне от действительной жизни, подкупает остротой формулировок при бессодержательности и необязательности», но тем не менее «импонирует глубоким предчувствием, намеком, обещанием» [46, S.53]. И далее: «Тщательная, продуманная, чистая работа, но материал – мишура» [46, S.89]. В другом месте Ясперс отмечает «виртуозность формы Хайдеггера», но «эстетическая сущность двусмысленна» – «не является ли он необычно высокоодаренным авантюристом? другой разновидностью того же типа, к которому принадлежит и Гитлер? неуловимым, никогда не отвечающим, по сути существом?» [46, S.87]. Вот еще два суждения Ясперса, важных для наших размышлений. Характеризуя наиболее существенные моменты хайдеггеровского философствования, он отмечает претензию на «тотальное обновление, изменение и новое обоснование философии во всемирно-исторической перспективе». Там, где, по мнению Ясперса, требовалось «более скромное обновление как возвращение к подлинной философии» вместо цеховой науки XIX и XX вв., имеет место трактовка истории бытия так, как если бы он (т.е. Хайдеггер) был ее «единственным обновителем, единственным голосом», «понимание языковой стороны философии (Sprachlichkeit) как заключающего в себе пра-смысл истинного (Ursinn des Wahren), и в качестве такового поддающегося раскрытию. Ясперс отмечает у него «магическую картину языка», «отделение философии от жизни, склонность к эстетическому, жесту» [46, S.142]. Для лучшего понимания некоторых моментов в суждениях Ясперса, следует иметь в виду, что он, как впрочем, и Хайдеггер, был противником «профессорской философии», подразумевая под этим оторванные «от жизни» теоретические системы. В молодые годы Ясперс и Хайдеггер сблизились именно на этой почве, стремясь создать такую философию, которая бы не просто объясняла бытие человека, но и могла служить ориентиром для человека на его жизненном пути. В этом смысле и сам Ясперс считал свою философию «тотальным обновлением». Отсюда проистекает ряд особенностей философского дискурса Ясперса, сближающие его в некоторых моментах с Хайдеггером: почти полное отсутствие цитирования и ссылок на предшественников, создание новых и переосмысление ряда уже существовавших терминов.

В приведенных выше полярных мнениях фиксируется то, что так или иначе можно найти буквально во всех работах, посвященных как языку философских произведений Хайдеггера, так и его философии в целом – восхищение языковым мастерством мыслителя, так или иначе связанное с неприятием его языка. Гадамер, ученик и в некоторых вопросах последователь Хайдеггера, признавая его достижения, пошел иным путем. Другой ученик Хайдеггера В. Камла, в открытом письме, с которым он обратился в 1954 г. к учителю, выражал озабоченность по поводу того, не сводит ли язык Хайдеггера на нет все его достижения в философской области [47, S.120]. Однако и в этот период и позже, вплоть до наших дней недостаточно ясно понимается, что философия Хайдеггера включает в себе также и философию языка *sui generis*. Это, на наш взгляд, связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, поня-

тие «философия языка», начиная с пятидесятих годов, оказалось достаточно прочно связанным с одним из ее вариантов, а именно с различными вариантами аналитической философии языка, которая в течение довольно длительного времени, да и поныне, противопоставляет себя «континентальной философии». В англо-американской литературе нередко можно встретить мнение, что философия языка [далее – ФЯ] как таковая возникла только после второй мировой войны. Разумеется, продолжает автор статьи в авторитетной энциклопедии, философии всегда было что сказать о языке, но ФЯ в собственном смысле возникла только в 70-80-е годы. Причем это возникновение рассматривается как достаточно органичный процесс плавного перетекания от лингвистической философии кембриджской и оксфордской школ к философии языка в подлинном смысле, т.е. такой, которая занимается проблемами значения, правил, репрезентации, усвоения языка, внешнего и внутреннего языка [49]. Можно было бы привести немало различных мнений по поводу природы и задач философии языка. Весьма примечательно, что после цитированной статьи в «Encyclopedia of language and linguistics» следует статья «Философия языка средневековая». В конце XIX – первой половине XX века под «философией языка» часто понимались методологические проблемы языкознания [51].

Для нас же важно зафиксировать, что философский метод Хайдеггера абсолютно неотделим от его языка. Разумеется, нечто подобное можно утверждать о многих других мыслителях, например о Ницше, Шпенглере, Ясперсе, Витгенштейне или Деррида. Но тут необходимы некоторые пояснения, которые помогут понять дальнейшее. Раскрыть функционирование языка Хайдеггера без характеристики его метода невозможно, равно как невозможно понять его метод без анализа его языка. В данной работе мы предлагаем не вполне обычный путь: собственно философский анализ дополнить лингвистическим и психолингвистическим. Для того чтобы лучше понять язык Хайдеггера, а через него и его философию, имеет смысл обратиться к понятиям «языкового сознания» и «языковой личности».

Под языковой личностью мы понимаем, несколько расширяя лингводидактическую трактовку Г.И.Богина [2], и лингвистическую трактовку Ю.Н.Караулова [6], ту «подсистему» целостной личности, которая связана с присущими ей основами речемыслительной деятельности. Базовый, или субстратный уровень образуют не отдельные лексемы (как, например, полагает Ю.Н.Караулов) и даже не совокупность фонетических, словообразовательных, лексических, грамматических, прагматических значений и моделей языка, усвоенного конкретной личностью. В нашем понимании, субстрат языковой личности – это универсальные для всего человечества речемыслительные механизмы, над которыми надстраивается совокупность вышеупомянутых моделей, присущих всем носителям национального языка. Придавая большое значение мотивационному уровню, то есть, в конечном счете, системе ценностей и норм сознания личности, мы отдаем себе полный отчет в том, что выявление именно этого компонента в текстах данной личности представляет собой гораздо более сложную задачу, нежели, например, привычный для литературоведа анализ «выразительных средств».

То, что мы можем относительно непосредственно наблюдать (по крайней мере на уровне речевого «продукта»), это 1) достаточно устойчивый язык автора, его «идиостиль», включающий характерные для него устойчивые стандартизированные связи между словами-дескрипторами: генерализованные высказывания, дефиниции, афоризмы, номинации, отсылающие к особенно важным для данной личности культурным реалиям и символам – и подчеркнем это особо – к релевантным для личности текстам, а также – и это мы хотели бы специально выделить – 2) языкотворческую деятельность, заключающуюся в создании новых единиц – чаще новых номи-

наций (на уровне отдельных слов, синтагм, высказываний).

Одной из важнейших характеристик языковой личности выступает способность использовать различные лингвосомиотические средства и свободно переключаться в диалоге. Причем речь должна идти не только о актуально осуществляющемся диалоге или же о такой литературной форме, как философский диалог. Он был весьма популярен в XVII-XVIII вв. В XX в. к нему часто прибегал М. Бубер, но также и Хайдеггер [35]. Как раз для философского мышления более актуален скрытый диалог с предшественниками или современниками, отсылкой к которому могут служить и цитаты, и ссылка на прецедентные тексты. наконец, и сам выбор тем, а также аргументация. Нам представляется, что когда речь идет о языковой личности крупного мыслителя, то на первый план выходит, то, что У.Эко охарактеризовал как помещение себя самого в «пространство» того, что уже сказано, что еще можно и нужно сказать, что вообще поддается высказыванию [24, P.119]. М.М. Бахтину принадлежат интересные размышления, весьма, как нам представляется, актуальные в контексте нашего исследования. Бахтин отмечает, что в контексте литературного произведения (а мы добавим – и вообще в гуманитарном дискурсе) всякий, как он выражается «оговоренный» и «оспоренный» предмет, с «одной стороны, освещен, с другой – затемнен разноречивым социальным мнением, чужим словом о нем, и в эту сложную игру светотеней входит слово, насыщается ею, сохраняя в ней свои собственные смысловые и стилистические контуры» [1, с. 90]. С точки зрения нашего исследования важны следующие мысли М.М.Бахтина. 1. Диалогичность любого произведения словесного искусства. Независимо от того, обозначена интенция на диалог или нет, «все «риторические формы, монологические по своему композиционному строению, установлены на слушателя и его ответы». 2. Говорящий и пишущий обязательно «пробивается в чужой круговорот», строит свое высказывание на чужом «апперцептивном фоне». 3. «равная и прямая ответственность за язык всего произведения как свой язык, полная солидарность с каждым его моментом, тоном, нюансом» [1, с.99]. Все это относится не только к поэтическому стилю, не только к «слову в романе», о котором пишет Бахтин, но и к философскому дискурсу. В подстрочном примечании Бахтин, походя, указывает на «борьбу с оговоренностью предмета», на стремление к возврату к *первичному сознанию*, к «самому предмету в себе» в ряде литературных направлений. Такая борьба вполне реальна и в философии, в некоторых направлениях и отдельных авторов она может превратиться из средства в цель, стать *causa sui*. Забегая вперед, отметим, что для Хайдеггера возврат к «первоначальному сознанию» и борьба с «оговоренностью» предмета выступает в качестве одной из важнейших психолингвистических и философских характеристик его языковой личности и языкового сознания. Увидеть в вещах с помощью *обновленной языковой техники* новые стороны, добиться *остранения* предмета – все это характеристики развитого, культивированного языкового сознания. Но не только. Та трактовка языкового сознания, которую мы находим в отечественной лингвистике и психолингвистике, страдает, на наш взгляд, одним существенным недостатком. Говорится и пишется о языковом *сознании*. Знакомство с используемым исследовательским инструментарием и результатами, полученными в многочисленных исследованиях, показывает, что сплошь и рядом речь должна идти о языковом бессознательном или же о слабо рефлексированных слоях личности, доступ к которым можно получить с помощью методик, специально создававшихся именно для исследования того, что в обычных условиях не является предметом осознания. Аналогично, и исследование языкового сознания и языковой личности философа (писателя, поэта, политика) предполагает учет слабо осознаваемых или вовсе не осознаваемых механизмов конституирования смысла и поиска соответствующих лингвистических средств.

На языковое сознание и языковую личность философа сильнейшее влияние оказывает то, как он понимает Мир, как относится к имеющимся интерпретациям этого Мира, как понимает *свое место в мировой традиции философского языка*. Все это в полной мере актуально для понимания языкового сознания и языковой личности Хайдеггера.

Языковую личность и языковое сознание (ЯЛ и ЯС) Хайдеггера следует понимать в контексте пересечения нескольких языково-смысловых миров. Они, по нашему мнению, таковы: 1) мир философской традиции – по преимуществу древнегреческой (Парменид, Гераклит, Анаксимандр, Платон, Аристотель) и немецкой (Кант, Гегель, Гумбольдт, Гуссерль); 2) мир живого немецкого языка – как в его литературной форме, так и что существенно, в диалектной; 3) мир поэтического слова (Гельдерлин, Рильке, Георге, Тракль). Разумеется, эти миры, и соответствующие им прецедентные для Хайдеггера тексты, существуют в ЯС Хайдеггера недизъюнктивно. Если отвлечься от мира античной языково-философской традиции, то два других – это, так или иначе, мир немецкого языка. Вместе с тем для ЯЛ и ЯС Хайдеггера, как может быть не для кого из философов до него, характерна борьба с «оговоренностью» и «оспоренностью» предмета, стремление вернуться, насколько это вообще возможно, к «предмету самому по себе», не к номену Канта, а создать такой дискурс и такой язык, который представлял бы собой радикальное обновление и *«отстранение»* всех существовавших до сих пор лингвистических способов репрезентации Мира и Бытия, достичь такого состояния сознания, когда бы спали все покровы неподлинности и осуществилось истинное единство сознания и языка. В таком случае язык предстал бы «подлинным местопребыванием человеческого бытия» (*Behausung des Menschenseins*).

Поскольку мы поставили себе задачу проникновения в систему ЯЛ И ЯС Хайдеггера, то естественно выявить те лингвистико-герменевтические приемы, которыми он систематически пользуется. Выше мы уже говорили о настойчивом стремлении Хайдеггера выйти за пределы «оговоренного», того, что У.Эко называет «*già detto*». т.е. «уже сказанного». Разумеется, для каждого крупного ученого (в особенности философа, психолога, лингвиста, литературоведа, теоретика культуры) характерно стремление облечь свои мысли в неординарную языковую форму. Для Хайдеггера это временами (не во всех текстах в равной мере) приобретает характер навязчивого стремления к тому, что Т. Адорно иронически окрестил «жаргоном подлинности» (*Jargon der Eigentlichkeit*). В немецкой философии XIX века это было, пожалуй, наиболее характерно для Г.В.Ф. Гегеля, который использовал богатейшие возможности немецкого языка, прежде всего в области словообразования, для создания понятийной системы своей философии. Многие лингвистические новообразования, которые мы встречаем уже в «Феноменологии духа» (1807 г.) вошли в золотой фонд языка немецкой философии и стали, по всей очевидности, образцом для Хайдеггера. К их числу мы относим, прежде всего, семейство-иерархию «зайнов», уровней бытия. В «Феноменологии духа» мы встречаем и *Sein* (Бытие), *Dasein* (низшая ступень, простое наличное бытие), и *Bewusstsein* (осознанное бытие), способное через *Außersichsein* (выходящее, с помощи деятельности и общения, за пределы простой уверенности в собственном бытии сознание) достичь ступени *Selbstbewusstsein* (самосознания), превращаясь тем самым в *Reflektiertsein* (рефлектированное, т.е. полностью осмысленное и, тем самым, контролируемое личностью бытие) [27].

Одним из основных лингвистико-герменевтических приемов, которым Хайдеггер часто пользуется, является следующий. В.В. Налимов в ряде работ предложил такую модель-метафору обладающую, как нам представляется значительными эвристическими возможностями [10, с. 106-108; 11 с.92-96, 362-363]. Потенциально дос-

тупные сознанию смыслы (или значения, что в данном контексте практически равнозначно) рассматриваются как упакованные на некоторой воображаемой оси; понимание предстает как распаковка смыслов, сопровождаемая каждый раз разрушением смыслового континуума. Разрушение это локально, так как большая часть смыслов так и остается спрессованной. Однако, добавим мы, распаковывая смыслы локально, можно провести не просто их фиксацию с помощью слов-терминов, но и их перекombинацию, приобретая шанс получить в новой «упаковке» определенное приращение смысла. Использование тропов также ведет к расширению смысла. Но тут мы имеем дело с достаточно жесткими нормами. Создание образного и коннотативного контекста в произведении художественной литературы существенно расширяет возможности такой перепакровки. Наконец, возможен и прием агглютинации смыслов, когда несколько корневых морфем достаточно непосредственно соединяются в одно целое, которое интерпретируется из соотнесения этого нового знакового целого, включающего ряд «оплотненных», по Бахтину, смыслов. Разумеется, успех такого рода семиотической операции зависит от структуры того языка, с помощью которого она осуществляется. Часто к такому приему прибегают в кинематографии, буквально «перепакывая» смыслы, связанные с образным рядом фильма. В таких случаях часто имеет место агглютинация смыслов, в результате которой возникает новое эстетическое сообщение. Разумеется, у Хайдеггера далеко не всегда имеет место непосредственное «склеивание»-агглютинация смыслов. Более того, она всегда опосредована суждениями и умозаключениями, что естественно для философского текста. Но эта опосредованность не должна вводить нас в заблуждение: «сверхзадача» текстов Хайдеггера, как она им понимается, достижение такого состояния, когда язык сам начинает выражать сущность языка. На идиолекте Хайдеггера это звучит так: *Die Sprache als Sprache zur Sprache bringen*. В этом выражении Хайдеггер в присущей ему манере использования узуальных номинаций для создания единиц собственного идиолекта переосмысляет фразеологическое сочетание *jemanden zur Sprache bringen* – «заставить кого-либо заговорить». В узусе немецкого языка прямое дополнение к глаголу *bringen* в данном фразеологизме предполагает одушевленное лицо.

В центре философской системы Хайдеггера – насколько вообще применительно к его философствованию можно говорить о системе, «Страстью Хайдеггера, - совершенно точно отмечает Р.Сафрански, - было вопрошание, а не ответы» [13, с.564] – стоит Бытие – *das Sein*, не только само понятие, но и его лингвистическая форма. В идиолекте Хайдеггера мы находим целое гнездо форм, образованных от глагола «*sein*» - «быть» и отглагольного существительного *das Sein*. Часть из них не имеет эквивалентов ни в одном европейском языке и не поддается сколько-нибудь адекватному переводу. Возможно только герменевтическое истолкование – исходя из внутренней формы слова, контекста и места в системе философии Хайдеггера. Без понимания «приключений» этих словоформ невозможно, по нашему мнению, не только раскрытие особенностей ЯС И ЯЛ Хайдеггера, но и понимание смысла его философствования в целом. Много копий было сломано вокруг Хайдеггеровского термина *das Dasein*. В классической немецкой философии этот термин не имеет специфической коннотации. Он обозначает в основном простое наличное бытие. Расхожее выражение «*Der Daseinkampf*» - «борьба за существование». В идиолекте Хайдеггера *Dasein* или в ином варианте «*das Sein des Da*» - это скорее человеческое бытие, субъективность, хотя точное значение нигде в его работах не дается. Правда, в одном месте «Бытия и времени» мы читаем о базовом конституировании «субъекта», дажайна. Хайдеггер вообще избегает определений, его стиль принципиально апофатический; все, что он хочет нам сообщить, должно быть извлечено читателем из контекста. Думается, что немалую роль в становлении его дискурса сыграло увлечение

ранней греческой философией с ее полумифологическим-полуфилософским стилем и языком, в котором только начали складываться зачатки рациональной терминологии. Недаром, практически каждый из фрагментов философов-досократиков существует в нескольких различных переводах, подчас довольно-таки сильно отличающихся друг от друга. Вместе с тем необходимо отметить, что философский дискурс Бубера и Ясперса отмечен аналогичной склонностью к апофатике и использованию метафор, синекдох, метонимий, олицетворений. Но вернемся к Бытию и его вербальному воплощению в текстах Хайдеггера.

Здесь мы видим большое количество номинаций – как на уровне лексем, так и синтагм, большая часть которых не представлена в узусе немецкого языка. В словообразовательном отношении это либо производные от глагола *sein*, либо его субстантивизированной формы *das Sein* (*Dasein*, *das Sein des Da*, *das Da-Sein*, *das In-Sein*, *das In-der-Welt-sein*, *das Mit-sein*, *das Seiende*, *das Beisammen-vorhanden-sein*) либо от основных форм этого глагола, прежде всего (*ge*)*wesen* – *das Wesen*, *das Anwesen*. С точки зрения языкового сознания мы имеем дело с его инновативным аспектом – с созданием новых лексем, синтагм, дескрипций. При этом Хайдеггер с удивительной легкостью прибегает к тому, что строго запрещено правилами научного исследования, а именно к этимологизированию худшего толка. Так, в § 12 «Бытия и времени», поясняя экзистенциал *In-Sein*, он пишет, что «*in*» изначально не обозначало пространственных отношений, но происходит от древневерхнемецкого *innan*, что, по мнению философа означало «обитать», лат. *habituare* (что не соответствует фактам языка). Далее, продолжает он, это «сущее», *das Seiende*, которому в этом смысле принадлежит *In-Sein*, обозначает то сущее, которое «всегда есмь я» (*das ich je selbst bin*) «*Bin*» здесь просто первое лицо глагола *sein*, его супплетивная форма. Но Хайдеггер, ничуть не смущаясь, утверждает, что *bin* связано с «*bei*», т.е. предлогом «при». Отсюда делается вывод, абсолютно необоснованный, что «Быть, понятие как инфинитив от «я есмь», т.е. как экзистенциал, значит обитать при ..., быть доверительно близким с ...». Так пишет Хайдеггер, и так переводит ничтоже сумняшеся его великий знаток В.В.Бибихин [18; с. 54; 34;с.54]. Нечего и говорить, что «*bei*» ничего общего не имеет с «*bin*», а, следовательно, всё рассуждение Хайдеггера по этому поводу не более чем логомахия. Как отметил его ученик К.Лёвит, стремление к языку, мотивированному до последней степени, «самые верхние ветки которого представляют собой ничто иное, как отражение переплетения его корней» приводит к забвению основного закона языка, закона изменения [50, с.13]. В этом же ряду можно упомянуть бесконечные поиски смысла понятия «истина» исходя из внутренней формы греческого слова *ἀλήθεια*, что некогда означало «несокрытость», а также попытки соединить в одном значении «*licht*» - свет, светло, «*leicht*» - легко, *lichten* – в сочетании «*den Anker lichten*» -«поднять якорь», «*das Schiff lichten*» - «разгружать корабль», «*die Waldlichtung*» - «поляна в лесу». Все эти слова отчасти генетически не связаны друг с другом, отчасти их значения очень далеко разошлись. Но Хайдеггер рассуждает о том, что смысл бытия способен самовывяляться, что он просветлен (*gelichtet*), всегда дан нам “в свете” чего-то иного. Это просветление бытия (*Lichtung des Seins*) – иногда переводят «просвет бытия» – понимается Хайдеггером в целом диалектически. С одной стороны, оно в известной степени априорно, составляя имманентное свойство бытия. Просвет Бытия не следует понимать просто как свет, противопоставленный тьме (*hat als solche keinen Bezug zum Licht im Sinne des Hellen*), но именно как просветление-освобождение, внутренне присущее самому Бытию. Поясняя свою мысль, Хайдеггер и прибегает к этимологизированию. Итак, *Lichtung*. Авторитетный этимологический словарь *Duden* указывает [26;с. 419], что прилагательное “*licht*” (светлый) восходит к индоевропейской основе “**leuk-*” – “светить, лу-

читься, сверкать, искриться», от этой же основы лат. “lux” – свет, “lucere” – “светить”, греческое “λεῦκος” – “блестящий, светлый”. “Das Licht”, т.е. “свет” – сравнительно поздняя субстантивированная форма от прилагательного и наречия “licht”. Еще более позднее образование, зафиксированное с 17 века – глагол “lichten” – “сводить лес, делать просеку, поляну в лесу” и “Lichtung” (с 18 века) – “поляна в лесу, вырубка”. А глагол “lichten” как термин морского дела, действительно связан с основой “leicht”- легко. Соответственно выражение “Schiffe lichten” означает “разгружать судна”. Добавим, что нидерландской и северонемецкой основе licht-, которую мы находим в словах “lichten” “lichter” в значении “поднимать”, “корабль-контейнеровоз” (т.е. такой, грузы которого легко поднимаются на сушу), соответствует английская основа “lift -”, т.е. все эти слова не имеют ничего общего со светом. Все эти этимологические штудии понадобились нам именно для того, чтобы показать, как вольно подчас Хайдеггер обращается с немецким словом, нисколько не заботясь хотя бы о приблизительной точности обращения со значениями слов и ставя превыше всего искусство «плетения словес», стремление представить в том, что психолингвистика называет «поверхностными структурами», поток сознания, в который должны быть увлечены и читатели его произведений.

С собственно философской точки зрения семиотика текстов Хайдеггера направлена на прояснение смысла не просто Бытия, но того, что принято называть «фундаментальной антропологией». *Кто или что* такое хайдеггеровский Dasein? И как можно или нужно переводить и понимать это слово? В.В.Бибихин переводит в одних случаях как «вот-бытие», в других же – как «присутствие». В поздних текстах Хайдеггера место Dasein занимает das Anwesen (заметим, что эта форма также, хотя она и супплетивная, образована от sein), которое обычно переводят как «присутствие», хотя этот перевод, на наш взгляд, очень далек от сути дела. Мы бы, со своей стороны, предложили оставить эти слова без перевода и писать «дазайн» и «анвезен», подобно тому, как давно употребляется в психологии, искусствознании, философии «гештальт», а, например, в психиатрии «шуб» (от немецкого «Schub» -толчок, подвижка). Недаром Хайдеггер тщательно избегает слова «человек», либо «сознание»; «субъективность» как синоним Dasein отнюдь неслучайно берется им в кавычки. Дело не только в борьбе с «оговоренностью» всей этой проблематики. Хайдеггер стремится обосновать такую точку зрения, что привычные нам «Я», «другой», «субъект», «сознание», - весь инструментарий классической философии недостаточен для понимания человеческого бытия, языка, коммуникации, мышления, понимания.

Но «просветление Бытия», или как переводят иногда, «просвет Бытия», (как бы мы не понимали Lichtung des Seins), не достигается в силу простого присутствия человека-Dasein в мире. Напротив, осмысление-просветление Бытия достигается за счет «деятельности». Кавычки здесь абсолютно необходимы, так как перед нами опять борьба с чужим словом. Место «деятельности», традиционно обозначаемой в немецкой философской традиции как “Tun”, “Tätigkeit“, “Handeln”, у него занимает “handliches Besorgen”, с помощью которого индифферентный по отношению к человеку наличествующий предметный мир, который он обозначает как “Vorhandenes”, проходя через руки человека (Hände), превращается в нечто согретое теплом этих рук, интимное, близкое, и тем самым и «спод-ручное». Здесь и раскрывается смысл родового термина “handliches Besorgen”: ручное, с помощью ручной, предметной деятельности осуществленное «озабочивание-доставление». Besorgen ведь и означает «совершить, сделать, добывать, доставлять». Например в таком контексте: “Wer wird das besorgen?” – “Кто этим займется? Кто это сделает? Кто это достанет? Вокруг экзистенциала Sorge, обычно переводимого как «забота» сломано немало копий. Многие авторы стремятся авторы вложить в уста Хайдеггера то, чего там никогда не

было, а именно стремление преодолеть то понятие о мире, которое царит в современности, трактовку мира, как только «наличного». «Хайдеггер показал, - пишет немецкий исследователь В.Брёкер, - и это вошло в сознание многих, что этот мир наличного и мир теории представляют собой рудимент исконного и более богатого мира, мира заботы, заботливого обращения с вещами и заботы о других» [23, с.301]. И именно этот «мир», в котором существуют и страдание, и радость, и страх, и надежда, «просветлен», «вступает в просвет» [там же]. Думается, что это очень рационализированное толкование того, что действительно мы видим у Хайдеггера. Нам же представляется, что именно раздел о «заботе», на который философу понадобилось 40 страниц в тексте «Бытия и времени», в большой степени оправдывает резкую, но абсолютно справедливую характеристику К.Свасьяна: «...старая апофатическая теология, *теология Ничто*, уступает место апофатической антропологии, *антропологии Никто*» [14, с.46]. Иными словами, говоря о «заботе», «озабочивании» и т.п. Хайдеггер умудрился нигде не сказать, кто же является субъектом всего этого. Вообще складывается впечатление, что не только в «Бытии и времени», но и в так называемых «поздних» работах, вопрос о субъекте обходится, либо объявляется, что разделение на субъект и объект является бедой новоевропейской философии [31; 33; 36].

Совершенно недаром к числу ключевых понятий хайдеггеровской философии, в том числе и философии языка, принадлежат знаменитые *das Man* и *das Gerede*. Первое из них представляет собой субстантивированное неопределенно-личное местоимение третьего лица. В.В.Бибихин везде переводит это слово как *люди* – именно так, печатая его с разрядкой. Это словообразование должно устранить из философии и «Я» и «субъекта». Сам Хайдеггер вполне отдает себе отчет в том, что, устраняя субъект как понятие, вокруг которого строится очень многое в классической философии, он совершает онтологический, гносеологический и антропологический переворот. Если мы принимаем, что существует «Я» как некий субъект, отличный от «массы» и выделяющийся из нее, то это может иметь ряд существенных следствий, прежде всего антропологического характера. Хайдеггер идет иным путем. «Встреча с Другим» в его понимании – всегда ориентирована относительно своего собственного бытия. «Другие» – не суть нечто иное, отличное от меня самого, это не что-то такое, из чего выделяется мое «Я». Напротив, я сам не отличаюсь от «Других», я тоже вместе с ними, слит с этими «другими». Причем это *das Auch-da-sein* (еще один непере译имый неологизм Хайдеггера, нечто вроде «тоже-там-бытие») следует понимать не в онтологическом смысле, подчеркивает он, а в экзистенциальном, т.е. добавим мы, антропологическом: «В силу этого совместного в-мире-бытия (*des mithaften In-der-Welt-seins*) мир всегда таков, что я делю его с другими» [34, с.118]. При трактовке этого совместного-бытия-в-мире Хайдеггер, на наш взгляд, впадает в определенные противоречия. С одной стороны, это мир совместной деятельности, *заботы*, взаимопонимания. С другой же стороны, – он всегда включает в себе безличное начало - *das Man*. То, что мы называем «общественностью», «публичной жизнью» (*Öffentlichkeit*), пишет Хайдеггер, характеризуется усредненностью, уравнивательностью; в этом мире каждый такой же как, как и другой, собственное, личное бытие полностью погружается в бытие «Других», причем и их бытие редуцируется в еще большей степени [34; с.126]. В этой незаметности и неопределимости *das Man* «разворачивает свою подлинную диктатуру» [34; с.126], причем так, что управляет всякого рода истолкованием бытия и «оно всегда право» [34; с.127]. *Das Man* присутствует везде, но и всегда старается убраться прочь, когда необходимо принимать решения. Но поскольку *das Man* уже предопределяет все суждения и решения, то все решения, которые должно принимать соответствующее *Dasein*, переходят к неопределенно-личному началу, *das Man* «разгружает» человеческое бытие в

своей повседневности [34; с.127]. Каждый из нас, полагает Хайдеггер, и есть «Другой» и ни один из нас не есть он сам, тогда как das Man и есть то великое Никто, которому подчиненно без остатка (ist ausgeliefert) наше собственное бытие. Das Man в хайдеггеровском толковании – это Никто, но отнюдь не Ничто. Но это и не некий «обобщенный субъект» [34; с.128], как это пытались представить некоторые интерпретаторы. Das Man – это экзистенциал и принадлежит в качестве первичного феномена к позитивной структуре человеческого бытия. Повседневное бытие заимствует первичное («предонтологическое» – в идиолекте Хайдеггера) понимание мира у das Man. И только более высокие ступени понимания и истолкования могут иметь шанс выйти за эти пределы.

Но вернемся к теме языка. Выше мы указывали на мотив «озабочивания-доставления» в размышлениях Хайдеггера. Добавим к этому, что Zuhandenes-сподручное онтологически и гносеологически конкретизируется как Zeug. В идиолекте Хайдеггера это слово имеет значение чего-то сделанного, произведенного. Общее значение этого слова, некогда образованного от глагола «ziehen» - «тащить, тянуть, выращивать (напр., растения), производить», – «некое средство для всего этого», затем – «средства, инструменты, запасы, материалы», начиная с 18 века у этого слова появляется пейоративное значение – «ерунда», «штуковина». Но Zeug ведет нас дальше: zeugen означает «указывать», «свидетельствовать», «давать показания», но также и «сотворять», «производить на свет» (включая зачатие и деторождение). Хайдеггер, следуя своей этимологической методе сближает zeugen и Zeug с zeigen – «показывать, указывать» и Zeichen - «знак». Последние два слова, т.е. zeigen и Zeichen действительно этимологически связаны, но Zeug не имеет к ним никакого отношения – в этимологическом смысле. Но, следуя этой произвольной этимологии, Хайдеггер полагает, что вещь как Zeug заключает в себе, тем самым, момент осмысления мира, потенциально является и знаком – именно в силу того, что в структуре бытия в мире она, вобравшая в себя в процессе ее созидания опыт и знания человека, отмеченная его чувствами, может стать и становится знаком. Она в значительной степени потеряла характер непосредственной предметности, утилитарности, но включена в отношение указания, отсылки (Verweisung).

Вот тут мы встречаемся с интересным явлением: все попытки Хайдеггера в этом, как и во многих других случаях использовать этимологии как аргументы в доказательстве, противоречат элементарной логике. Даже если бы его этимологии были верными, то и это не могло бы быть принято в качестве основания для доказательства. Что же говорить о ложных и вообще произвольных этимологиях? Тем не менее, в своей основной интуиции Хайдеггер прав. Поэтому нельзя не согласиться с мыслью, что с уровнем Zeug-Zuhandenes связан первичный и неустранимый модус понимания и истолкования мира. Это происходит в значительной степени *до и вне языка* – на, как выражается Хайдеггер, *допредикативном* уровне. Это обстоятельство выражено им в афористической форме, получившей широкую известность: «Смысловая целостность находит свое словесное *выражение*. У значений вырастают слова, а не слова наделяются значениями [34, с.161]». Речь же является дальнейшим членением того, что мы поняли на допредикативном, т.е., если говорить более привычным языком, предметном, довербальном уровне. Даже и в начале 20-х гг. мысль эта была, прямо скажем, ненова, например, мы находим ее у Ф. де Соссюра: посредством языка «мысль, хаотичная по природе, по необходимости уточняется, расчленяется на части» [16, с.114]. В настоящее время существует большая литература, посвященная доказательству как раз нехаотичности, а напротив, особого рода упорядоченности именно до- и невербальной мысли. Тут мы, однако, выходим за рамки темы нашей статьи. Безусловно, Хайдеггер оказался прав в том, что первичный уро-

вень понимания, как бы мы не трактовали его в психологическом или, положим, в психолингвистическом смысле, носит невербальный, допредикативный характер и самым непосредственным образом связан с предметной деятельностью.

Аналогично обстоит дело и с тем явлением, которое Хайдеггер обозначает как *Gerede*. Сама по себе онтическая укорененность предпонимания, размыкающая, как считает Хайдеггер, герменевтический круг, выступающая, как метко выразился К.-О.Апель в качестве «телесного априори» понимания [21, с.29], не гарантирует адекватность и подлинность выражения осознанного, как не гарантирует его логическая и грамматическая правильность речи.

Будучи правильной в грамматическом и логическом отношении, речь тем не менее вполне может быть неподлинной. Такую речь Хайдеггер обозначает как «*Gerede*». Само по себе это слово имеет в немецком языке негативное значение: болтовня, пересуды, толки. Морфологическая структура слова указывает на момент повторяемости – не *Rede* (речь), а *Gerede* (пересуды). Верный своему методу обращения с обыденным языком, распаковки с его помощью дополнительных смыслов, Хайдеггер использует «оговоренное» в узусе языка просторечное слово, нигде и никем не употребляемое в философском дискурсе для конципирования того содержания, которое занимает важное место в его системе взглядов. А именно, под *Gerede* он имеет в виду, с одной стороны, отчужденные формы первоначальной «раскрытости»- «растворенности» (*Entschlossenheit*). Разрыв между глубинной артикулированностью сознания на ступени предпонимания и внешней речью приводит к тому, что слушание и понимание оказываются преимущественно привязанными к «говорению». Совестное бытие людей (*das Miteinandersein*) осуществляется, по мнению Хайдеггера, в говорении-друг-с-другом (*Miteinanderreden*). Такого рода речь теряет опору в действительности, первичную бытийную опору в сущем. Она не только высвобождает *Gerede*; «проговоренное» как таковое описывает все более широкие круги и принимает авторитарный характер: «дело обстоит именно так, потому что мы так говорим». [34, с.168]. Коммуникация, основанная на таком употреблении языка, уже не в состоянии рефлексировать над тем, насколько верны, оригинальны, истинны высказанные и / или записанные мысли. И хотя в начале параграфа о *Gerede* Хайдеггер утверждает, что выражение «толки» не будет применяться в уничижительном смысле, реально речь идет о негативном, хотя и, действительно, неустранимом явлении: человеческое непосредственно-наличное бытие, *das Dasein* реально включает в себя неподлинный модус использования языка. Хайдеггер обращает внимание на то, что тут нет намерения обмана, сознательного введения в заблуждение. Но еще Ф.Бэкон предупреждал относительно тех псевдопонятий, всякого рода вербального реализма (“*idola fori*”, “*idola theatri*”), возникающих помимо воли и намерений людей и создающих, если говорить современным языком, особый слой псевдосознания и псевдобытия. Двадцатый век очень наглядно показал нам, что эти свойства *Gerede*, т.е. особого модуса употребления языка, могут использоваться различного рода демагогами и политическими авантюристами, специалистами по коммерческой и политической рекламе для вполне осознанного обмана. Таким образом, *das Gerede* действительно есть способ понимания человеческого бытия, лишенного своих собственных корней. Именно в том, что содержание *das Gerede* есть нечто само собой разумеющееся и коренится та ложная уверенность в правильности положения вещей, которая не позволяет увидеть всю жуть скатывания к растущей беспочвенности [34, с.170]. В этом смысле речь вообще (*die Rede*) и неподлинная речь в особенности (*das Gerede*) кардинально противостоят тому, что он называет *die Sache des Denkens* – («дело мышления»), т.е. постоянному, настойчивому, вдумчивому размышлению о Бытии [28;31;33;35;36;38;39;40;42;43]. С другой стороны, философ видит неустрани-

нимость и, следовательно, необходимость этого модуса осмысления мира: в нем, из него, против него и совершается любое понимание и осмысление, узнавание и получение нового знания. [34. с.169]. Трудно сказать, насколько сам Хайдеггер осознавал актуальность своей трактовки безличного начала в социальной жизни вообще и Германии двадцатых годов в особенности. Тем не менее, тема безличного начала и сопутствующего ему употребления языка в XX веке всплывала в философии и социологии неоднократно; в настоящее время, в эпоху господства безличного начала в политике и средствах массовой коммуникации, включая Интернет, эта проблематика становится особо актуальной.

В цикле работ под общим названием «На пути к языку», в цикле работ «Holzwege», а также в некоторых работах, написанных им еще в тридцатые годы и вскоре после 1945 г. [29;30;35;37;43], Хайдеггер не просто развивает идеи «Бытия и времени» относительно языка, но и существенно радикализирует их. Для работ этого цикла, как метко выразилась Т.В.Васильева, характерна «стихослагающая герменевтика». Стиль ритмизированной прозы характерен, разумеется, не для всех работ этого периода. Однако почти везде мы видим стремление построить текст так, что бы он обеспечивал вхождение в поток сознания с целью именно таким образом добиться приращения смысла.

Что касается собственно лингвистических средств, то нужно отметить следующее. В предыдущий период главными языковыми приемами, характеризующими ЯС и Л Хайдеггера, были следующие: субстантивация (например, наречий, личных и неопределенно-личных местоимений: *das Da, das Man*), образование неологизмов - как путем переосмысления уже имеющихся в языке слов и придания им совершенно нового значения (например, *Zeug, Gerede, Lichtung, Ankunft, Besorgen, Entwurf, Geworfenheit, Ereignis*), часто этому приему сопутствует этимологизация, по большей части ложная, так и с помощью образования композитов. Причем в последнем случае часто используется следующий прием: члены одной синтагмы соединяются или разъединяются дефисом так, что создается возможность нового прочтения смысла. Часто такие новообразования соединяются с синтагматическими неологизмами, образованными с помощью объединения в единое смысловое единство таких прилагательных или причастий, которые в норме языка обычно несоединяются: “ *das verfallen-entschlossene, geworfen-entwerfende In-der-Welt-Sein*” – «падающе-разомкнутое, брошено-бросающее бытие-в-мире», переводит В.В.Бибихин [34, с.181], «падшее-разомкнутое, заброшено-проектирующее», перевели бы мы, собственно говоря, основной смысл экзистенциалов *Entwurf, entwerfen, Geworfenheit* состоит, по нашему мнению именно в том, что человеческое бытие-*Dasein* характеризуется как проективностью, устремленностью к чему-то новому, что и характеризует глагол *entwerfen* –«проектировать, набрасывать, делать набросок», так и от-брошенностью, заброшенностью, соответственно *Ent-Wurf, Geworfenheit*. Глубинный смысл, если попытаться прочитать его герменевтически, примерно таков: человек способен к «проекту», он стремится к чему-то в будущем, но такой инстанции, которая бы ему что-то гарантировала в этом мире, не существует; он от- и за-брошен. Христианские мотивы здесь, по нашему мнению, вполне очевидны: человек падшее существо (*verfallen*), он же способен и размыкать-растворять круг Бытия (*ent-schlossen*), пробиваясь к «ПРОСВЕТУ». Вся настойчиво педалируемая Хайдеггером тематика *Licht / lichtend / Lichtung* невольно вызывает в памяти слова католической заупокойной службы “*Et lux aeterna luceat eum*”-“ И да светит ему вечный свет... “.

Очень часто мы видим у Хайдеггера переосмысление лексической нормы с помощью таких, например, приемов, как использование дефиса для разделения префикса и основы (*entschlossen* – значит в норме языка «решительный, решившись, решивший-

ся», у Хайдеггера *ent-schlossen* выступает как антоним-неологизм к *verschlossen* – «закрыто, скрыто». Префикс *ent-*, имевший первоначально общее значение отрицательного действия или качества, противопоставления, (а ныне он часто не воспринимается носителями языка именно в этом смысле), используется Хайдеггером для создания смысловой пары *verbergen-entbergen* (скрывать- раскрывать, где последнее слово представляет собой авторский неологизм). В позднем творчестве Хайдеггера большое значение приобретают такие языковые средства, с помощью которых философ, видимо, стремится пробиться к глубинным уровням мышления о мире и языке. Совсем не случайно целый ряд работ этого периода посвящен герменевтическому разбору философов-досократиков, в других случаях он неоднократно обращается к строкам Гомера, видимо, полагая, что язык Гомера и самого раннего греческого мышления является наиболее адекватным для философского мышления [30;32;33;41;42].

К числу таких средств относятся, прежде всего, ритмизированный характер его поздней философской прозы, использование анаграмматических и аллитерационных элементов. Важным средством его лингвистической техники выступает стилистическая фигура полиптотона, характерная для архаических текстов [7]. В этой фигуре мы имеем дело со своеобразной «самопредикацией», при которой значение субъекта высказывания как бы усиливается значениями однокоренного слова-предиката. В свое время О.М.Фрейденберг, анализируя язык мифологического сознания, обратила внимание на то, что для него характерны целые фразы, организованные одним и тем же фонетико-смысловым комплексом. «Антикаузальное мифологическое мышление», как его называла выдающаяся исследовательница, дублирует значения слов вместе с их фонетической основой; глагол вырастает из той же смысловой основы, что и имя существительное – как то же имя, но взятое в действии. Фрейденберг нашла для этого четкую формулу: «повтор одних и тех же слов, представляющих как бы два куска одной и той же языковой ткани» [17;с.541]. Негодование одних [48] и восхищение других [53] вызывают, и будут вызывать такие, например, сочетания в идиолекте Хайдеггера: *das Nichts nichtet, die Gegenwart gegenwärtigt, die Zeit zeitet, die Sprache spricht, Geviert der Vier, das Dingen der Dinge, Dingend sind die Dinge Dinge* и многие другие в этом роде. Н.О.Лосский писал, что предикат суждения содержит в себе в дифференцированной форме то же самое содержание, что и субъект [8; с. 224]. Собственно говоря, это положение было известно и средневековой логике: «*Quod in subjecto est implicite, in praedicato est explicite*». Но для тавтологических выражений типа *die Zeit zeitet*, не ложных и не истинных, а именно тавтологических, это условие не выполняется. История не повторяется; то, что было возможно и даже необходимо в мифо-поэтическом языке, выглядит в лучшем случае отчаянной попыткой извлечь из манипуляций с обыденным языком некий дополнительный смысл.

Эта тенденция особенно наглядно проявляет себя в серии его эссе «На пути к языку». Основная идея этого цикла видится нам следующим образом: показать, что язык – это некий самостоятельный род бытия, в значительной степени независимый от человека. Задача же человека войти, вслушаться в «говорение языка» (*das Sprechen der Sprache*), найти свое место в этом «говорении». Современный язык, языкознание, которое не хочет считаться с глубокомыслием Хайдеггера, - все это, равно как всеобщая технизация жизни, ведет к разрушению подлинного отношения к языку, человек перестает вслушиваться в *Geläut der Stille* – «в колокольный звон тишины». Итак, обсуждать язык, - полагает Хайдеггер, - означает сделать так, чтобы мы оказались в том месте, где проявляется сущность языка. Но в чем же она заключается? Вот тут–то Хайдеггер опять обнаруживает блестящие образцы глоссоморфного мышления (термин австрийского психолога Ф.Кайнца). «Язык сам и есть: язык и ни-

чего, кроме того» [44; с.12]. Прекрасно отдавая себе отчет в том, что такой ответ не может удовлетворить логически тренированный, а потому «все просчитывающий и надменный» разум, Хайдеггер предпринимает попытку прояснить смысл с помощью самопредикативных, тавтологических высказываний: «Язык есть: язык. Язык говорит. Если мы упадем в ту пропасть, которую обозначает это предложение, то это не будет падением в пустоту. Это будет падением ввысь [44; с.13]. Настойчивые повторения в ритмизированной прозе положений о том, что «язык говорит», что это говорение мы находим в уже высказанном, (но там, в этом высказанном, говорение «сокрыто»), что говорение (sprechen) предполагает слушание и «вслушивание» (horchen), что молчание (но не немота как патологическое состояние) и есть высший вид «говорения», что выражение и сообщение вовсе не суть главные или, положим, основные функции языка, что к языку нужно пробиться, что необходим «путь к языку», что без наших усилий мы не можем надеяться на то, что мы «уже находимся вблизи от языка», обладают немалым суггестивным потенциалом. Об этом свидетельствует большое число эпигонов, пытавшихся и пытающихся поныне найти у Хайдеггера ответ на вопрос о сущности мышления и языка. «Как Гегель, так и Хайдеггер, - отмечает В.И.Молчанов, - атакуют читателя при помощи созданных ими особых языковых средств, и большинство из тех, кто не выдерживает атаку, начинает говорить на их языке» [9; с.154].

Структуры языкового сознания и языковой личности философа, как они проявляются в языковой технике подобного рода, а также стремление к языковой архаике, к диалекту, к «геологическим» методам «вскрытия» [12] и остранения смыслов, к ревизии философского языка, могут быть правильно усвоены при условии, что мы поймем те сверхзадачи, которые он перед собой ставил. Ни Бытие, ни его Язык не могут, если правильно понять Хайдеггера, быть просветлены обычными рациональными средствами. Это Витгенштейн мог думать, что язык представляет собой некую *клавиатуру*, определенное *исчисление*, характеризуемое действиями, совершаемыми с ним [54, с.192-193]. Для Хайдеггера же логические и лингвистические исследования языка, давая определенные сведения о нем, не приближают нас к его сущности. Возможен и нужен ли вообще какой-то путь к языку? «Путь к языку – это звучит так, как если бы язык лежал далеко от нас, где-то в таком месте, для достижения которого мы сначала должны отправиться в путь» - рассуждает мыслитель [44, с.241]. Нужно ли пускаться в путь, чтобы добраться туда, где мы и так уже есть? Но действительно ли мы, безо всяких усилий с нашей стороны, уже в языке? Или же это самый долгий и трудный путь? [там же, с.242]. В силу всего сказанного «путь к языку» предполагает погружение в него, чуткое вслушивание, проникновение в его суть, доходящее до слияния с ним, И тогда язык превращается в жилище «человеческого бытия» (Behausung des Menschenseins), тогда «сущность человека покоится в языке» (beruht das Menschenwesen in der Sprache).

Думается, что все усилия Хайдеггера в области языковой техники, и следовательно, базовые доминанты его ЯС и ЯЛ, могут быть поняты адекватно, если принять, что они направлены на создание особой формы феноменологической редукции, в процессе которой элиминируется все «очевидное», «неподлинное» в языковом мышлении и сознании – в первую очередь, и в сознании вообще – во вторую. В этом отношении его словесная техника остранения и перепаковки смыслов напоминает словесную технику адептов дзенбуддизма [5, с.260-275]. Организуя определенным образом поток своего сознания и пытаясь вовлечь в него слушателя и читателя, Хайдеггер, по всей вероятности, временами достигал соприкосновения с великим Ничто, которое и есть Бытие. Неслучайно в Токио есть гимназия имени Хайдеггера, торцовую стену которой украшают иероглифы со значением «Ничто».

Библиографический список

1. **Бахтин М.М.** Вопросы литературы и эстетики. М., 1978.
2. **Богин Г.И.** Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текста. Автореф. дисс. д-ра филол.наук. Л., 1984.
3. **Васильева Т.В.** «Стихослагающая» герменевтика М. Хайдеггера как метод историко-философского исследования // Проблемы марксистско-ленинской методологии истории философии. М., 1987.
1. **Гадамер Х.-Г.** Введение к работе Мартина Хайдеггера «Исток художественного творения» // Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991.
2. **Григорьева Т.П.** Дао и Логос: Встреча культур. М., 1992.
3. **Караулов Ю.Н.** Русский язык и языковая личность. М., 1987.
4. **Лекомцева М.И.** Семантика некоторых риторических фигур, основанных на тавтологии // Структура текста. М., 1980.
5. **Лосский Н.О.** Обоснование интуитивизма // Он же, Избранное. М., 1991.
6. **Молчанов В.И.** Философия Хайдеггера и проблема сознания // Философия Мартина Хайдеггера и современность. М., 1991.
7. **Налимов В.В.** Спонтанность сознания: Вероятностная архитектоника смыслов и смысловая архитектоника личности. М., 1989.
8. **Налимов В.В., Дрогалина Ж.А.** Реальность нереального. М., 1995.
9. **Подорога В.А.** Egestio: Гео-логия языка и философствование М.Хайдеггера // Философия Мартина Хайдеггера и современность. М., 1991.
10. **Сафрански Р.** Хайдеггер: германский мастер и его время. М., 2002.
11. **Свасьян К.** О конце истории философии // Вестник Российского философского общества. 2005, № 4.
15. **Соловьев Э.Ю.** Судьбическая историософия М.Хайдеггера // Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует нас. М., 1991.
16. **Соссюр Ф.** де Курс общей лингвистики // Он же, Труды по языкознанию. М., 1977.
17. **Фрейденберг О.М.** Введение в теорию античного фольклора. Комментарий // Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М., 1978.
18. **Хайдеггер М.** Бытие и время / пер. с нем.В.В.Бибихина. М., 1997.
19. **Фатенков А.Н.** Философия подвижной иерархии: Русский контекст. Нижний Новгород, 2005.
20. **Anz W.** Die Stellung der Sprache bei Heidegger // Heidegger: Perspektiven zur Deutung seines Werkes. Königstein, 1984.
21. **Apel K.- O.** Heideggers Radikalisierung der «Hermeneutik» und die Frage nach dem «Sinnkriterium» der Sprache // Apel K.-O. Transformation der Philosophie. Bd.1. Sprachanalytik, Semiotik, Hermeneutik. Frankfurt am Main, 1976.
22. **Bock J.** Heideggers Sprachdenken. Bonn, 1966.
23. **Bröcker W.** Heidegger und die Logik // Heidegger: Perspektiven zur Deutung seines Werkes. Königstein, 1984.
24. **Eco U.** Lector in fabula: La cooperazione interpretativa nei testi narrativi. Milano, 1979.
25. **Dreyfus H. L.** Being-in-the-world'. Cambridge, Mass., 1997.
26. Der Duden in 10 Bänden. Bd. 7. Etymologie. Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache. Zweite Aufl. / Hrsg. G. Drosdowski, Mannheim; Wien, Zürich, 1989.
27. **Hegel G.W.F.** Phänomenologie des Geistes. Frankfurt am Main. 1973.
28. **Heidegger M.** Aus der Erfahrung des Denkens. Pfullingen. 1954.
29. **Heidegger M.** Holzwege. 3. Aufl., Frankfurt am Main, 1957.

30. **Heidegger M.** Der Spruch des Anaximander // Heidegger M. Holzwege. 3. Aufl., Frankfurt am Main, 1957.
31. **Heidegger M.** Zur Sache des Denkens. Tübingen, 1969.
32. **Heidegger M.** Parmenides // Gesamtausgabe. Bd. 54. 2.Abt. Vorlesungen, 1923-1944. Frankfurt am Main, 1982.
33. **Heidegger M.** Zur Frage nach der Bestimmung der Sache des Denkens / Hrsg. von Hermann Heidegger. St. Gallen, 1984.
34. **Heidegger M.** Sein und Zeit. 16. Aufl. Tübingen, 1986.
35. **Heidegger M.** Zur Erörterung der Gelassenheit: Aus einem Feldgespräch über das Denken // Heidegger M. Gelassenheit. 10. Aufl., Pfullingen, 1992.
36. **Heidegger M.** Die Frage nach der Technik // Heidegger M. Vorträge und Aufsätze. 7. Aufl., Stuttgart, 1994.
37. **Heidegger M.** Überwindung der Metaphysik // Heidegger M. Vorträge und Aufsätze. 7. Aufl., Stuttgart, 1994.
38. **Heidegger M.** Was heißt Denken? // Heidegger M. Vorträge und Aufsätze. 7. Aufl., Stuttgart, 1994.
39. **Heidegger M.** Bauen. Wohnen. Denken. // Heidegger M. Vorträge und Aufsätze. 7. Aufl., Stuttgart, 1994.
40. **Heidegger M.** Logos (Heraklit, Fragment 50) // Heidegger M. Vorträge und Aufsätze. 7. Aufl., Stuttgart, 1994.
41. **Heidegger M.** Moira (Parmenides, Fragment VIII, 34-41) // Heidegger M. Vorträge und Aufsätze. 7. Aufl., Stuttgart, 1994.
42. **Heidegger M.** Aletheia (Heraklit, Fragment 16) // Heidegger M. Vorträge und Aufsätze. 7. Aufl., Stuttgart, 1994.
43. **Heidegger M.** Identität und Differenz. 9. Aufl. Stuttgart, 1990.
44. **Heidegger M.** Unterwegs zur Sprache. 9. Aufl. Stuttgart, 1990.
45. Heidegger reexamined. Vol. 1. Phenomenology, Dasein, and truth / Ed. H. Dreyfuss., L. 2003.
46. **Jaspers K.** Notizen zu Martin Heidegger / Hrsg. Saner H. München; Zürich, 1989.
47. **Kamlah W.** Martin Heidegger und die Technik: Ein offener Brief // Kamlah W. Von der Sprache zur Vernunft: Philosophie und Wissenschaft in der neuzeitlichen Profanität. Mannheim, Wien, Zürich, 1975.
48. **Kainz F.** Über die Sprachverführung des Denkens / Erfahrung und Denken. Bd. 38. Berlin, 1972.
49. **Lamarque J.** Philosophy of language // Encyclopedia of language and linguistics. Oxford; New York; Seoul; Tokyo, 1994, vol. 4.
50. **Löwith K.** Heidegger: Ein Denker in dürftigen Zeiten. Frankfurt am Main, 1953.
51. **Marty A.** Untersuchungen zur Grundlegung der allgemeinen Grammatik und Sprachphilosophie. Bd. 1., Halle, 1908.
52. **Pöggeler O.** Einleitung // Heidegger: Perspektiven zur Deutung seines Werkes. Königstein, 1984.
53. **Schöfer E.** Die Sprache Heideggers. Frankfurt am Main, 1967.
54. **Wittgenstein L.** Philosophische Grammatik / Hrsg. R. Rhees. Frankfurt am Main, 1973.

Раздел 4 Филология и литературоведение

Е.Н. Золина, Е. Малышенко

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В ПОВЕСТИ ВИЛЬГЕЛЬМА РААБЕ «ГУСИНЫЙ БУНТ В БЮТЦОВЕ»

В статье на материале повести немецкого писателя второй половины XIX века В. Раабе рассматривается роль исторических и литературных реминисценций в художественном тексте сатирического характера. Показывается, что широкое использование писателем неавторского слова выступает как один из приемов сатирического воссоздания исторического прошлого с одновременной корреляцией его с настоящим.

Повесть известного немецкого писателя-прозаика Вильгельма Раабе (1831–1910) «Гусиный бунт в Бютцове» была написана в 1865 году. Это время было весьма значимо для художественного сознания XIX века. Устои романтизма – искусства, основывавшегося на концепции героя как необыкновенной, исключительной личности, – были поколеблены. Новый художественный метод, обозначенный самими художниками слова XIX века как реализм, переместил внимание автора и читателя на социальную среду, окружающую героя, изменив также и ее статус, – она стала предметом исследования, а не отвержения, как у романтиков. Это обусловило интерес многих писателей к рядовому человеку, обывателю, который, однако, нес в себе целый мир, мир своего времени. Неброские нити будничной житейской канвы оказались вместилищем захватывающего поучительного опыта – жизни человеческой души.

Все внимание Рабе – писателя-реалиста второй половины XIX века – было сконцентрировано именно на рядовом герое, простом немецком Михеле, на мире повседневности немецкого обывателя XVIII века. Особое внимание писатель обращает на духовную сторону этой повседневности. Эта сторона мира повседневности немецкого обывателя, которую высветил Раабе в повести «Гусиный бунт в Бютцове», оказалась на поверку настолько ограниченной, узкой и убогой, что читатель может воспринимать ее не иначе, как духовную нищету.

По общему мнению критиков, повесть Раабе «Гусиный бунт в Бютцове» стала своеобразным сатирическим свидетельством этой духовной нищеты и убогости общественно-политических и культурных устремлений немецкого обывателя, современника бурных европейских событий конца XVIII–XIX веков, а исторически реальный городишко Бютцов на Варнове и его обитатели – символом социальной отсталости Германии, до 1871 года сохранявшей феодальную раздробленность и все связанные с ней общественные устои.

Гусиный бунт, разразившийся после введения городским магистратом во главе с правящим бургомистром доктором Гане нелепого закона о запрете выгула гусей

на городских улицах, был также реальным историческим фактом, зафиксированным в «Достопамятных решениях юридического факультета в Галле» в 1796 году известным юристом города Галле Э.Ф. Кляйном¹⁴ [7]. Однако, взяв в качестве точки отсчета литературного времени и места реальные факты, писатель попытался сделать с помощью разнообразных сатирических приемов (пародия, гротескное сгущение красок, подчас граничащее с нарушением бытовой достоверности, сатирический портрет и др.) художественное обобщение жизни целого ряда поколений немцев. В повести «Гусиный бунт в Бютцове» писатель выступил как наследник и продолжатель антифилистерских сатирических традиций в немецкой литературе, идущих от Виланда и Жан-Поля. Его сатирическая повесть прямо перекликается с романом Виланда «История абдеритов». Гусиный бунт в Бютцове так же, как и тяжба из-за тени осла в Абдере, не просто иллюстрирует глупость жителей Бютцова. Благодаря нарочито оглупленным аналогиям он становится развёрнутой метафорой, пародийной дискредитацией немецкой действительности.

Одним из приемов сатирического воссоздания исторического прошлого и одновременной корреляции его с настоящим, во многом сохранившим черты этого прошлого в неизменности, является широкое использование писателем так называемого неавторского слова (или «чужого слова», по терминологии М. М. Бахтина), нашедшего выражение прежде всего в многочисленных исторических и литературных реминисценциях. Кроме того, сатирический подтекст исторической по своему жанру повести проявляется в скрытой диалогичности текста произведения, в постоянном «диалоге» сознаний автора, героя-рассказчика и читателя. Именно эти художественные приемы Раабе, ставшие источником сатирического звучания этой исторической повести, станут предметом нашего дальнейшего исследования.

Под реминисценцией (от лат. *reminiscentia* – воспоминание) мы понимаем в данном случае сознательный авторский прием «отсылки» к историческим, литературным и прочим фактам культуры, рассчитанный на память и ассоциативное восприятие читателя. Эти «присутствующие в словесно-художественном произведении, но не всецело принадлежащие автору речевые единицы (как бы их не называть: неавторскими словами и реминисценциями, или фактами интертекстуальности, или осуществлением межтекстовых связей) естественно рассматривать прежде всего как звенья содержательно значимой формы» [6], т. е. с учетом эстетической активности автора художественного произведения.¹⁵ Иными словами, мы будем исходить из позиции М. М. Бахтина, отмечавшего, что «прозаик пользуется словами, уже населенными чужими социальными интенциями, и заставляет их служить своим новым интенциям, служить второму господину» [1], т. е. автору. Подобную точку зрения развивает современный российский литературовед Г. К. Косиков, который считает, что широко понятая интертекстуальность может осуществлять «преображение всех тех культурных языков, которые он (текст – *Авт.*) в себя впитывает» [2]. Благодаря такого рода интертекстуальности цитата или реминисценция становится через «сложную систему отношений оппозиции, идентификации и маскировки <...> залогом самовозрастания смысла текста» [5].

Большой пласт исторических реминисценций в повести «Гусиный бунт в

¹⁴ Далее примеры и цитаты из повести «Гусиный бунт в Бютцове» в тексте статьи приводятся по этому изданию с указанием в скобках страницы.

¹⁵ Эту мысль В.Е. Хализев основывает на позиции Б.В. Томашевского, высказанной последним уже в 20-е годы XX века: ученый предостерегал исследователей от «литературного коллекционерства» заимствований и реминисценций без уяснения их характера, сути и функции.

Бютцове» связан с пародийным сопоставлением «революционных» событий в Бютцове с практически современными им реалиями Великой французской революции 1789–1793 годов. Городской бунт в защиту свободы гусей, настоящее «якобинское чудовище» [4, с.229], Раабе изображает глазами его очевидца, героя-рассказчика ректора гимназии в отставке И. В. Эринга, самого уважаемого и ученого мужа Бютцова. Все «достойное» бютцовское общество поделено им на две враждующие партии: тех, кто заточил несчастных гусей в арестантский сарай, и тех, кто стремится их освободить, восстановив поправленные права гусей и их владельцев. Угнетатели гусей – градоначальник доктор Гане и руководимый им магистрат, в состав которого входит и сам Эринг – в устах рассказчика превращаются в «высокий сенат» [4, с.229], партию порядка и опоры монархического режима, а штрафной сарай, где томятся бедные гуси, в неприступную Бастилию [4, с.285] – символ мощи и твердости правящей власти. Есть в городе и демократическая партия, надежда бютцовского плебса. Во главе этой партии стоят «свой Робеспьер» [4, с.238] и одновременно «l'ami du peuple», т. е. Марат [4, с.248] – адвокат Вюббке, пламенный оратор, выкрикивающий перед толпой сподвижников, «якобинцев» слова знаменитых песен французских революционеров «*Ça ira! Ça ira!*» и «*Allons enfants de la patrie*» («Марсельеза») [4, с.285], и «бютцовский Дантон» [4, с.237], он же «парламентский адвокат Камилль Демулен» [4, с.276] – магистр Альбус, учитель бютцовской гимназии, а местная «мадам Ролан» [4, с.256] – одинокая юнкерша, мадемуазель Юлия Хорнборстель – становится по воле рассказчика «предводительницей Жиронды» [4, с.262], вместе с «Горой» [4, с.237] борющейся за «естественные права и свободы гусей и людей» [4, с.276–277].

Однако «прозорливый» доктор Эринг откровенно иронически разоблачает истинные цели бунтовщиков и сообщает будущему читателю его хроники, что истинная причина революционного пыла адвоката Вюббке и магистра Альбуса, которую они тщательно скрывают друг от друга и от бютцовской общественности – круглый капиталец незамужней Юлии Хорнборстель, а сама мадемуазель Хорнборстель, провозируя своих потенциальных женихов на бунт, всего лишь по-женски изощренно мстит доктору Гане, своему бывшему возлюбленному, обманувшему ее брачные ожидания. Все эти крамольные выводы достопочтенный доктор Эринг делает из своих доверительных бесед с героями бунта и собственного богатого жизненного опыта. В свою очередь, сам бютцовский историограф, сравнивая себя то с Фукидидом, описывающим Пелопоннесскую войну [4, с.231], то с автором «Критики чистого разума» [4, с.244], оказывается в плену ограниченных представлений и ценностей, смехотворных конфликтов и интересов гражданина карликового государства, ибо, как он сам вполне глубокомысленно заявляет, он, как и Кант, любил наблюдать за городскими событиями, подолгу стоя возле окна, выходящего на улицу. Далее этого сходство его с кенигсбергским мудрецом не идет. Так возникает двойная ирония: герой-рассказчик «видит насквозь» своих сограждан, а автор, в свою очередь, вместе с читателем смеется над ним самим, в сущности, таким же филистером, как и герои его хроники. Углубляют авторскую иронию и многочисленные сравнения и метафоры из античных мифов о богах и героях, древней истории, библейских текстов, латинские словечки и обороты из арсенала бывшего ректора классической гимназии, афоризмы древних греков и латинян, которыми Раабе уснащает речь своего героя. Эринг хочет казаться красноречивым и оригинальным летописцем, однако автор иронизирует над ним, комически сочетая в его речи выпяченный, поэтический «штиль» с обыденным, разговорным: «...в объятиях речной русалки лежит город Бютцов <...>, где, с тех пор, как я ушел на покой и скончалась моя любимая супруга Фредерика, бог даровал мне тот *otia* [досуг лат.] (лишь иногда отравляемый подаг-

рической векзацией (здесь: болью – *Авт.*) в большом пальце левой ноги), который каждому человеку должен казаться желанным...» [4, с.230].

Самый обширный пласт реминисценций представляют явные цитаты из произведений писателей и поэтов самых разных эпох и народов, которые «не понаслышке» знакомы рассказчику, как уже отмечалось выше, самому образованному члену бютцовского общества, а также многочисленные литературные аллюзии, которые он «из скромности» не разъясняет, ибо они понятны всякому мало-мальски начитанному человеку. Среди произведений мировой литературы, творчески усвоенных и введенных Эрингом в свой арсенал активного пользования, творения античных авторов (Гомер [с.229, 233, 241, 267, 278], Гораций [с.230, 252, 284], Цицерон [с.282, 287], Аристотель [с.295], Аристофан [с.287], Плиний Старший [с.272], Гесиод [с.311], Бозций [с.287], Диоген Лаэртский [с.262] и др.), а также представителей литературы нового времени (Фосс [с.273], Вольтер [с.231], Клопшток [с.229, 281], Виланд [с.231], Лессинг [с.240], Стерн [с.231], Гете [с.244], Шиллер [с.253, 284, 304], Бюргер [с.231], Маттиссон [с.251], Макферсон [с.270], Бурке [с.235], Шатц [с.242], Рамлер [с.284], Герстенберг [с.284], Штольберг [с.239], Николаи [с.292], Лами [с.301] и др.). Причем Эринг часто ставит в своих длинных перечислениях в один ряд имена классиков и авторов явно второстепенных. Этим приемом Раабе достигает пародийного эффекта, ниспровергая высокие притязания своего героя на истинную ученость и образованную прозорливость.

Раабе часто использует скрытые цитаты из стихов своего деда, Августа Генриха Раабе (1759–1841) [см., например, с.231, 233], которые хранились в семейном архиве писателя. Этот архив деда, и в частности его рукописный читательский дневник «Collectanea», послужил Раабе не только источником явных и скрытых цитат и прочих реминисценций, но и образцом стиля письменной и устной речи образованного немца конца XVIII века [7, с.331]. Именно поэтическим наследием своего деда он воспользовался, цитируя устами Эринга куплеты из корпоративного гимна (нем. Bundeslied) клуба для почтенных особ Бютцова, каждый из которых заканчивается слегка видоизменяющимся рефреном – девизом бютцовских патрициев: «Мы честными (в следующем куплете – скромными, далее – братьями и, наконец, – мудрыми) хотим быть» [4, с.233–234, 236, 242].

Под сенью этого гимна «Эрбгерцога» (так называется клуб почтенных особ Бютцова) члены магистратата, его завсегдагаи, присваивают себе общинные дрова, обездоливая прочих горожан; оставляют многих из них без традиционного гуся на день Святого Мартина; усмиряют бунтовщиков с помощью регулярных войск, которые расквартировываются все у тех же простых «непочтенных» особ и т. д. Зачинщики бунта адвокат Вюббке и магистр Альбус, вхожие в клуб, счастливо избегают наказания, а мадемуазель Хорнборстель удачно выходит замуж за лейтенанта караульной роты Шляппуппа. Наказанными тюремным заключением оказываются лишь портной Шмидт, шорник Шерпельц, сапожник Хаазе, возчик Мартенс и прочие «санкюлоты». Правда, не повезло также и почтенному доктору Гане: от перенесенных волнений его хватил апоплексический удар, которого он не смог пережить.

Сатирического звучания достигают и высокие литературные сравнения и метафоры Эринга, употребляемые им явно не к месту, что становится очевидным даже неискушенному читателю: «Регина, прислуга, ходившая за водой, принесла домой, мамзель Юлии, весть об эдикте консулов и сената (так величает Эринг бютцовский магистрат – *Авт.*). Она делала свой доклад на местном диалекте, перемежая речь всякого рода междометиями, и закончила его следующим вопросом: «И это мы должны терпеть?» – «Никогда!» – заявила мамзель Хорнборстель и выпрямилась во весь рост, как Луиза Миллер в седьмой сцене второго действия трагедии господина

Шиллера «Коварство и любовь» [4].

Подводя итог, следует отметить, что в повести нет прямого авторского голоса или слова. Вся хроника, как уже отмечалось, передана языком ректора в отставке Эринга, и даже небольшие диалоги других персонажей повести, воспроизведенные рассказчиком по памяти, оказываются переработанными его сознанием и получают его же оценочную характеристику. Образ мыслей собственно автора повести, Раабе, его отношение к героям и событиям уходят в иронический и сатирический подтекст, суть и характер которого составляют вторую и главную линию произведения. Она обусловлена стремлением Раабе создать на реально выписанном колорите воссоздаваемой исторической эпохи пародийный эффект, острие которого обращено на современников – обывателей Германии 60-х годов XIX века. Именно их он хотел вывести из летаргического полузабытья средневековой раздробленности и связанных с ней карликовых масштабов экономики, политики, права и культуры в целом. При этом основным средством сатирического освоения действительности в повести Раабе становятся разнообразные реминисценции, порождающие постоянный «диалог» сознаний героя-рассказчика, автора и читателя.

Список использованной литературы

1. **Бахтин М.М.** Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. с.112.
2. Вопросы литературы. 1993. Вып. 3. с.42.
3. **Томашевский Б.В.** Пушкин – читатель французских поэтов // Пушкинский сборник памяти С. А. Венгерова. М.; Пг., 1923. с.210–213.
4. **Рабе В.** Повести и новеллы. М., 1959. с.144.
5. **Фатеева Н.А.** Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе // Известия РАН. ОЛЯ. Т. 56. № 5. 1997. с.12.
6. **Хализев В.Е.** Теория литературы. М., 2000. с.261–262.
7. Anmerkungen // Raabes Werke in 5 Bänden. Bd. I. Berlin und Weimar, 1972. s.331.

И.П. Кузнецова

ТРАГЕДИЯ А. СУМАРОКОВА «ХОРЕВ» КАК ЭЛЕМЕНТ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗА РОССИИ В РОМАНЕ Г. САМАРОВА «ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИЗАВЕТА».

В статье рассматриваются художественные особенности создания культурно-исторического образа России середины XVIII столетия в романе Г. Самарова «Императрица Елизавета». Анализируются роль и место в структуре романа важного культурологического факта воссоздаваемой эпохи – театральной постановки трагедии А. Сумарокова «Хорев». Выявляются идейно-тематические и сюжетные схождения и расхождения романа как рецептирующего текста и трагедии как своеобразного интертекстуального включения.

Грегор Самаров – это псевдоним популярного немецкого романиста второй половины XIX века Оскара Мединга (1829–1903), дипломата по профессии, долгое время служившего при прусском и ганноверском дворах. Свою писательскую карье-

ру он начал, уйдя в отставку после объединения Германии (1871). Литературное наследие Г. Самарова составляют более 60 романов и серия мемуаров. В его романном творчестве можно проследить два направления. Первое – романы из недавнего прошлого, главным образом, из европейской политической истории, свидетелем и участником которой был сам автор: «За скипетры и короны» («Um Szepter und Kronen» 1873), «Европейские мины и контрмины» («Europäische Minen und Gegenminen» 1873), «Две царские короны» («Zwei Kaiserkronen» 1874–1875), «Крест и меч» («Kreuz und Schwert» 1875), «Герой и король» («Held und Kaiser» 1876) и др.¹⁶ Второе направление – это собственно исторические романы с не менее отчетливо проявляющимся интересом к «большой» истории и ее политической составляющей: «Рыцари немецкого двора» («Die Ritter des deutschen Hauses» 1889), «Медичи» («Die Medici im Ringen und Kampf» 1902), «Палле» («Palle» 1890), «Кавалер или дама» («Ritter oder Dame» 1878-1880) и др.

В произведениях обоих направлений обращает на себя внимание живой интерес Самарова к русской теме. Стержневое место в самаровской росике занимает цикл романов о русской истории XVIII века: «Императрица Елизавета» («Kaiserin Elisabeth» 1881), «Великая княгиня» («Die Grossfürstin» 1882), «Пётр III» («Peter der Dritte» 1883), «Адъютант императрицы» («Der Adjutant der Kaiserin» 1885). В первом романе этого цикла «Императрица Елизавета» созданию образа России середины XVIII века во многом способствует детальное описание постановки первой русской национальной пьесы – трагедии А. П. Сумарокова «Хорев» (1747). Этому описанию посвящена первая из трех и наиболее весомая (как в содержательном, так и в количественном отношении) часть романа. Вокруг постановки этой пьесы, знаменующей собой зарождение русского национального театра, концентрируется основное действие романа, складываются его сюжетные линии и коллизии. В ходе репетиций и премьерной постановки пьесы сталкиваются интересы всех действующих лиц романа, как реально-исторических, так и вымышленных. Прямых цитаций текста трагедии в романе нет. Однако автор подробно пересказывает ее содержание. Сюжет трагедии основан на материале истории Древней Руси. Князь Завлох подступает к Киеву, своему бывшему владению, с громадным войском. Видя неминуемую опасность, действующий правитель Киева князь Кий решает выдать Завлоху его дочь Оснельду, взятую некогда в плен. В сердце девушки возгорается борьба между обязанностями дочери и любовью к Хореву, младшему брату Кия. Последнее чувство одерживает верх. Хорев выступает с дружиной на защиту Киева и власти брата против войска Завлоха. В это время боярин Сталверх вселяет в сердце Кия подозрение, заставляя последнего думать, что Хорев предает его смертельному врагу из любви к Оснельде. Кий приказывает бросить пленницу в темницу и решает отравить ее. Хореву удается тем временем победить Завлоха. Кий убеждается в невиновности брата и хочет освободить Оснельду, но он опаздывает. Девушка мертва. Увидев труп возлюбленной, Хорев закалывается кинжалом.

Собственно роман, первое издание которого было осуществлено в 1881 году, посвящен периоду укрепления монархической государственности в России после реформ Петра I. Это связано, вероятно, с тем, что общественная ситуация в совре-

¹⁶ В австрийском интернет-проекте «Historischer Roman» эти романы Самарова даются с авторскими подзаголовками, такими как «Zeitroman» – роман о современности, «historischer Roman aus der Gegenwart» – исторический роман из современной жизни. См.: <http://histrom.literature.at/register.html>. В соответствии с типологией немецкого исторического романа второй половины XIX века, предложенной Хуго Аутом, эти произведения Самарова попадают в разряд так называемых романов с сенсационными подробностями из современной истории: «zeitgeschichtliche sensationelle Romane». См. подробнее: [7].

менной Самарову Германии, где после объединения проходило становление единого монархического государства и формировалось национальное самосознание немцев, во многом созвучна воссоздаваемому периоду русской истории XVIII века. В романе описываются события одного года (1754) из жизни двора Елизаветы Петровны. Это канун Семилетней войны (1757–63). Автор неоднократно обращает внимание читателя на приближение военной угрозы. В этом смысле можно говорить о первых сюжетно-тематических схождениях двух произведений. Главной героиней романа, в соответствии с названием, является императрица Елизавета. Она появляется в романе, как правило, в тот момент, когда должна произойти развязка какой-либо интриги. С точки зрения внутренней политики этот год для России ознаменован рождением Павла I, которого Елизавета, как «русского по крови и духу», прочит себе в преемники. Его потенциальные соперники в вопросе престолонаследования – Петр III и некогда свергнутый Елизаветой сын Анны Леопольдовны император Иоанн Антонович. Расчетливым политиком, достойно противостоящим во имя будущего увлечениям собственного сердца, изображена великая княгиня Екатерина Алексеевна. Многие видят в ней «восходящую звезду», альтернативу своенравной и тщеславной Елизавете. Петр III, откровенно ухаживающий за фрейлиной княгини Ядвигой Бирон, – прямая противоположность своей жены. Для европейской политики это период кризиса. Англия и Франция находятся накануне войны и пытаются заручиться поддержкой России в бессмысленной для нее войне. Самаров показывает, как в этой сложной политической ситуации один из центральных персонажей романа Иван Шувалов – фаворит императрицы, подкупленный французским дипломатом, пытается склонить ее величество к союзному договору с Францией. В то время как канцлер Бестужев, главный оппонент Шувалова в романе (как и в реальной истории), находясь в сговоре с английским представителем, радеет за союз России с Англией. В политические интриги двора оказываются втянутыми и вымышленные герои романа, немецкие бароны Ревентлов и Брокдорф, которые приехали «попытать счастья» в гостеприимной (особенно для германских подданных) стране. Честолюбивого барона Брокдорфа, сумевшего с помощью лести и хитрости найти подход к великому князю Петру III, двор не воспринимает всерьез, а сам автор нередко высмеивает. Ревентлова уважают окружающие, на него обращает свое внимание даже императрица. В России он находит свою любовь – Анну Евреинову, дочь хозяина одной из петербургских гостиных. Она отвечает ему взаимностью. Но страстью к Анне охвачен также и Шувалов. Не желая мириться с тем, что предпочтение отдано неизвестному немецкому барону Ревентлову, он похищает Анну, а Ревентлова сажает в тюрьму. Однако конфликт разрешается благополучно, конечно, не без содействия императрицы. Елизавета благословляет Анну и Ревентлова на брак и отправляет в Голштинию. Шувалову удается благополучно выпутаться из этой истории. Роман заканчивается тем, что раненный граф Чоглоков, обер-гофмейстер великого князя, видит в предсмертном бреду его супругу «владычицей, Екатериной II, Екатериной Великой» [3, с.484].

Известно, что именно первая трагедия Сумарокова во многом определила характер русской «классической» трагедии. Появление «правильных» русских трагедий и комедий, отвечающих духу времени и принципам современной эстетики, стимулировало, в свою очередь, попытки создания российского театра. Пьесы были написаны. Их надо было играть [1, с.189]. Русская трагедия «Хорев» имела огромный успех благодаря теме (долг подданного перед государством), сюжету (обращение к отечественной истории можно отнести к чертам своеобразия русской «классической» трагедии) и форме (звучные стихи на русском языке) [4]. Самаров отмечает, что «написанную по образцу Расина и Корнеля, но на звучном русском наречии, которое до сих пор считалось пригодным только для безыскусственной поэзии на-

родных песен» [3, с.284], трагедию заучивали наизусть и декламировали. Подчеркивая значение трагедии для русской театральной жизни, он указывает на место «Хорева» в ряду европейской культуры. Эта мысль озвучивается устами главной героини романа императрицы Елизаветы: «Я чрезвычайно рада, что моё государство и мой народ, сумевшие занять грозное положение в Европе, не отстают теперь от остальных наций в области духа и готовы украсить трон своих царей лаврами поэзии» [3, с.285]. Для императрицы, которая, по Самарову, изначально представляла себе назначение театра как средства, которое «поможет заполнить много часов скуки» [3, с.67], театр стал впоследствии предметом национальной гордости, поднимающим престиж Российской империи как просвещенного европейского государства. Возможным это оказалось благодаря тому, что обращение Сумарокова и других русских литературно-театральных деятелей к опыту западноевропейского, в первую очередь, французского, классицизма способствовало особенно быстрому и интенсивному развитию классицизма в России, и позволило ему в кратчайшие сроки пройти через те стадии становления, которые классицизм во Франции проходил в течение ста с лишним лет.

Речь в романе идет о периоде становления императорского театра. Читатель узнает, что в одном из больших залов Зимнего дворца, вместо «маленькой импровизированной сцены, где давались и раньше время от времени представления, строили настоящий театр» [3, с.156]. Этот театр, одно из излюбленных развлечений придворной публики, в то же время должен был свидетельствовать о великолепии двора русских царей и о мощи дворянской империи. Читатель знакомится с людьми, которые стояли у истоков создания русского театра. В комнате генерал-адъютанта и фаворита императрицы Елизаветы Ивана Шувалова впервые происходит встреча с Федором Григорьевичем Волковым – основателем русского театра в Ярославле.¹⁷ Шувалов удивлен, что где-то в глуши происходят такие события, в то время как в Петербурге они пробавляются «лишь легендами и библейскими историями в форме безвкусно костюмированных диалогических сцен» [3, с.62]. Во время беседы выясняется, что Волков знаком с Расином, знает французский язык и «перевел комедии Мольера на русский язык, чтобы разыгрывать их в своем театре [3, с.64]. Самаров также описывает выдающийся талант «русского гения» Волкова. Мы наблюдаем, как цветущий двадцатитрёхлетний юноша с импозантной внешностью превращается в старика, на лице которого заметно «выражение глубокой скорби и отчаяния». Тем самым писатель хочет показать, что таким образом Волков отображает «чувство всего народа» [3, с.67]. В таком виде его застаёт императрица Елизавета. Увидев ее, актер выпрямился и вновь превратился в видного молодого человека, показывая тем самым, как «благословляющий взор царственной матери народа повсюду обращает горе и страдания в счастье, и радость» [3, с.67]. Волкову автор доверил изложить мысль о том, что «русский театр принял формы от Франции, но проникнут своим собственным национальным духом» [3, с.64]. Начало этому процессу положили ранние трагедии Сумарокова. Именно они заложили основы национального репертуара, который, был необходим для создания русского национального театра. Подтверждение этому можно найти у отечественных исследователей, которые относят к чертам национального своеобразия русской трагедии тяготение к сюжетам русской истории и

¹⁷ В академической коллективной монографии сообщается, что в 1750 году начались представления театра, организованного Волковым в Ярославле. В 1751 году известие о ярославском театре доходит до Петербурга. 5 января 1752 года (т. е. на два года раньше, чем встреча Волкова с императрицей происходит в романе) был издан «высочайший» указ: «Федора Григорьева сына Волкова, он же Полушкин, з братьями Гавриилом и Григорьем (которые в Ярославле содержат театр и играют комедии) и кто им для того еще потребны будут, привезть в Санкт-Петербург...» См. об этом: Ф. Г. Волков и русский театр его времени. – М., 1953. с.84.

меньшее, по сравнению с западным классицизмом, обращение к античным образам и сюжетам [1, с.210].

Постановка трагедии «Хорев» Александра Сумарокова была главной целью Волкова. В романе Александр Петрович Сумароков, воспитанник сухопутного шляхетного корпуса, создатель канона русской классицистической трагедии и автор первой русской трагедии, появляется эпизодически. Но сам факт обращения к творчеству автора и отданное ему предпочтение говорит о том, что Сумароков для Самарова – выразитель культурной истории России. Подтверждая эту мысль, главная героиня романа Елизавета отмечает, что Сумароков «носит в сердце великую историю народа» [3, с.286]. Более ярко, чем автор трагедии, изображается один из самых активных участников постановки – Иван Иванович Шувалов. По роману, «он был неутомим в новых театральные придумках» [3, с.234]. Однако этот факт является, по всей видимости, авторским вымыслом, так как документального подтверждения активного участия фаворита императрицы в театральной жизни столицы нам найти не удалось.

Исследователи отмечают, что для драматических спектаклей в театрах России нередко привлекались кадеты [2, с.40]. Самарову это было известно. Он использует этот факт в своем произведении. Так, по роману, несколько воспитанников военного учебного заведения были «посвящены в тайны мимического искусства» и впоследствии играли так образцово, что «сыгравшаяся группа настоящих актеров, положивших на свое обучение годы, не смогла бы превзойти их своим исполнением» [3, с.157]. Кадету Бекетову, по роману, была отдана одна из главных ролей – роль Хорева.

Автор обращает внимание на присутствие во время репетиций великокняжеской четы. При этом о Петре Федоровиче читатель узнает, что «ни русские стихи, ни старые русские нравы не соответствовали вкусам наследника престола». На его фоне выгодно выделяется великая княгиня, которая не пропускала ни одной репетиции, объясняя это тем, что «драматическое произведение на русском языке возбудило в ней искренний и живой интерес». При каждом удобном случае Екатерина выказывала особенное, «почти благоговейное участие ко всяким обычаям русской земли, ко всем ее традициям», что естественным образом содействовало созданию ее положительного имиджа. Кроме того, она «с истинным пониманием дела и тонким вкусом давала советы относительно костюмов или декораций» [3, с.234]. Тем самым Самаров в очередной раз подчеркивает ее разностороннюю образованность и особый интерес к русской культуре.

Далее Самаров описывает начало представления и то, как Сумароков, дрожа от волнения, ждал суда над своим произведением. После представления Елизавета приняла решение о создании постоянного императорского театра и высказала «свою императорскую милость», поблагодарив за доставленное удовольствие всех принимавших участие в постановке. При этом автор трагедии Сумароков был назначен «бригадиром с жалованием и мундиром» [3, с.285]. Руководство императорским театром было поручено Волкову, который поклялся, что «отныне великой России не придется завидовать Франции и Англии в том, что они обладают Мольером и Гарриком» [3, с.286].

Роман «Императрица Елизавета» в идейном плане также перекликается с интертекстуальным включением – трагедией «Хорев». Попытаемся выяснить, какие идеи высвечивает Самаров, акцентируя свое внимание на этом ярком факте культурной жизни России.

В трагедии присутствуют два конфликта. Они связаны с поступками пылких молодых влюбленных, Хорева и Оснельды, нарушающих свой сословный родственный долг, и поступками монарха, забывающего о своем долге перед подданными. Несоответствие действий монарха облику истинно добродетельного правителя со-

ставляет источник основного конфликта. Центральным персонажем трагедии является монарх Кий, поверивший наговорам злодея, боярина Сталверха. Кий обвинил Хорева в измене, а Оснельду в пособничестве ему. Влюбленные гибнут, будучи безвинно оклеветаны. Идейный пафос трагедии сводится к предостережению монархов против слепого следования советам злодеев и льстецов, стоящих у трона. В лице Сталверха воплощены те силы, с которыми должен бороться монарх и которым истинный глава государства не должен позволять овладеть собой.

Трагедия Сумарокова о древней русской истории, однако она отражает современные Сумарокову конфликты и проблемы. Его интересует монархическая власть, ее значение и предназначение. Сумароков показывает, что нарушение долга теми людьми, которые облечены властью, является опасным для благополучия общества. Сторонник просвещенного абсолютизма, Сумароков считал, что монарх, как первый дворянин должен быть образцом для всего дворянства. Сумароков, пытается подчеркнуть значение нравственной ответственности индивидуума (будь то монарх или подданные) за выполнение своего долга перед обществом и предостеречь своих современников против слепого следования советам злодеев и льстецов. «Изящные и благородные мысли» [3, с.284], высказанные в трагедии, были весьма актуальны для политической и социальной практики России середины XVIII века, когда самоутверждение личности не мыслилось вне служения сословно-монархическому государству [5]. В этом отношении описание культурной жизни елизаветинского Петербурга, и в первую очередь театральной постановки трагедии «Хорев», является не только неотъемлемой составляющей внешнего, событийного образа России, но и позволяет автору воссоздать атмосферу внутренней жизни русской политической и интеллектуальной элиты того времени. Самарову, мастеру политического романа, очень близка политико-дидактическая сущность трагического конфликта сумароковской пьесы.

В этом смысле особенно важны две сцены в романе «Императрица Елизавета». Так, за кулисами во время последней репетиции автор сталкивает Петра Фёдоровича и Ядвигу Бирон, которая признаётся в любви к великому князю и сеет при этом сомнения в верности великой княгини Екатерины. Ядвига Бирон сравнивает Петра с Хоревом, а себя с Оснельдой, «пленницей, дочерью человека, низвергнутого судьбой, подобно отцу Оснельды». Действительно, Ядвига Бирон – дочь Эрнста Иоганна Бирона (1690–1772), регента при малолетнем императоре Иоанне Антоновиче, который был отправлен в ссылку после дворцового переворота 1740 года, когда на престол взойшла Елизавета Петровна. Грязные наговоры Бирон вносят разлад в семейную жизнь великокняжеской четы. И становится ясно, что её прообразом является скорее льстец и наговорщик Сталверх, чем Оснельда с которой она сама себя отождествляет.

Интересен и другой эпизод. По сценарию кадет, играющий роль юного влюблённого Хорева, хватает руку княгини Гагариной, исполняющей роль Оснельды, чтобы пламенными словами победить её нерешительность и сомнения (молодая девушка колеблется между дочерним долгом и своей любовью). В это же время Иван Шувалов за кулисами схватил руку Анны, которая также принимала участие в постановке, и признался ей в своей страсти. Случайным свидетелем этой сцены стал камергер Петра III барон Брокдорф. Брокдорф, которым движет «завистливое недоброжелательство», подобно лживому Сталверху желает выслужиться и доносит Шувалову о взаимной любви Анны и Ревентлова. Самолюбие Шувалова задето. Он не может смириться с тем, что девушка, чьи предки были крепостными рода Шуваловых, предпочла неизвестного голштинского подданного ему, первому лицу в государстве. Любовь дочери хозяина гостиницы Евреинова и голштинца барона Ревентлова

оказалась в опасности еще и по другой причине. «Императрица имеет на меня свои виды, а там, где она вожделеет, она повелевает, и против её царственной воли в России не существует стен и монастырей!» – сетует Ревентлов. Он не знает, как выйти из сложившейся ситуации, и предлагает своей возлюбленной бежать в Голштинию. Анну терзают угрызения совести по поводу отца, которого она в случае бегства бросит здесь одного, подобно тому, что совершила Оснельда, отрекшись от своего отца ради Хорева. Но любовь берет верх над дочерним долгом. В то же время, великая княгиня Екатерина на фоне императрицы, поступки, которой во многом подчинены страсти и настроению – ее антипод и образец морального и политического идеала. Именно таким, по представлению самого автора (и к этой же мысли он стремится подвести и своего читателя), должен быть истинный самодержец.

Хотелось бы заметить, что автор романа намеренно усложняет взаимоотношения между претекстом (трагедией «Хорев») и собственным текстом. Так, можно провести параллели между своекорыстием Кия и Елизаветы, Кия и Шувалова, между желанием выслужиться Сталверха и Брокдорфа. Черты льстивости и лживости Сталверха прослеживаются и у Ядвиги Бирон. Барон Ревентлов и Анна похожи отчасти на Хорева и Оснельду. Однако главная мысль романа, к которой, по замыслу автора, должно подвести данное интертекстуальное включение находится вне конкретных сюжетных схождения и расхождений. А сводится она к тому, что во главе русского государства должна встать более достойная царица. И, по мысли Самарова, такой царицей во главе России будет Екатерина – идеальный образ в романе, героиня его последующих романов о русской истории. Таким образом, внимание автора концентрируется не столько на психологическо-нравственной, сколько на политико-дидактической стороне конфликта. В отличие от «Хорева» Сумарокова, где конфликт разрешается трагично, соответственно классицистическим законам – смертью Хорева и Оснельды, роман «Императрица Елизавета» носит мелодраматический характер и все герои произведения остаются живыми и здоровыми.

Итак, интертекстуальное включение трагедия «Хорев» – важный элемент в композиции романа «Императрица Елизавета». Использование его в романе способствует более глубокому раскрытию культурно-исторического образа России. Роман «Императрица Елизавета» дает возможность получить представление о становлении императорского театра при Елизавете. Читатель подводится Самаровым к мысли о том, что проблемы и конфликты, которые старался решить в своей трагедии Сумароков, а именно указать на ответственность монарха перед обществом, актуальны не только для елизаветинской России, но и шире для всей современной Самарову Европы. Таким образом, автор во многом достоверно, раскрывает культурную составляющую образа России, которая в свою очередь, является важной характеристикой русской политической истории изображаемого периода. В этом смысле Россия Самарова – это страна с большим потенциалом, с чертами национального своеобразия, которой нужен достойный правитель. И таким монархом, во главе русского государства должна стать, по мнению Самарова, будущая героиня его последующих романов русского цикла – представительница «немецкой» линии русских монархов Екатерина Алексеевна.

Список использованной литературы

1. **Асеев Б.Н.** Русский драматический театр от его истоков до конца XVIII века. М., 1977. с.189

2. **Рыбаков Ю.С.** Эпохи и люди русской сцены: 1672–1823 гг. М., 1985. с.40.
3. **Самаров Г.** Собрание сочинений: В 7 тт. М., 1997. т.I.
4. **Серганова В.** Завороженный Россией // Самаров Г. Собрание сочинений: В 7тт. М., 1997. т.I. с.7.
5. **Стенник Ю.В.** Жанр трагедии в русской литературе. М., 1989.
6. Театральная энциклопедия. М., 1989. т.IV. с.1304.
7. **Aust H.** Der historische Roman. Stuttgart, Weimer, 1994. S.88.

М.А. Миловзорова

«ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ СЮЖЕТЫ» В ДРАМАТУРГИИ XIX ВЕКА: А.Н. ОСТРОВСКИЙ, ПРЕДШЕСТВЕННИКИ И СОВРЕМЕННОКИ

В статье представлен анализ концептов «провинция», «провинциальное» на материале русской литературной и сценической драматургии XIX века.

Сегодня много говорят о значении «провинциального» в русской культуре, пытаясь прояснить феномен «провинциальной ментальности», присущей как неотъемлемая характеристика едва ли не каждому культурному факту, в чем одни видят обстоятельство негативное, которое мешает прогрессивному развитию, другие же, наоборот – основание национальной самобытности. Тем не менее, искусство (и изобразительное, и литература, и театр) не слишком часто становится объектом рефлексии исследователей по этому поводу.

Мне кажется, что театральная практика (сценическая драматургия, в частности) и творчество А. Н. Островского, главным образом, могут дать очень интересный материал для размышлений о «провинциальных проблемах» национального сознания, так как театральные тексты способны не просто выражать актуальные культурные идеи, но придавать им масштаб и необходимую убедительность, потому что чаще всего обращаются к значимым архетипам массового сознания.

Можно сказать, что театр XIX века проявлял пристальное любопытство и внимание к провинциальному, в разных формах проникавшему в традиционно-«столичное» культурное пространство. Это проникновение было связано с общеизвестными культурными сдвигами, о которых здесь нет необходимости говорить и выражалось в таких вещах, как развитие провинциальных театров, приток в столицу провинциальных актеров и, соответственно, публики; вообще – достаточно массовое появление провинциалов в столицах и т. д.

В результате – «провинция» становится необходимой частью жизни, представляемой на сцене, публика начинает ее активно переживать и усваивать те, весьма разнообразные, смыслы, которые предлагаются ей авторами сценических текстов. Так, в конечном итоге, и формируется «ментальность», имеющая в себе чрезвычайно важную долю «провинциальности».

Интерес к «провинциальному» в театре проявляется еще в самом начале века, впоследствии переживает периоды большего или меньшего оживления, а в целом –

не уходит. Но концепция «провинциального» подвергается определенным трансформациям, претерпевает эволюцию, отражающую, как можно думать, изменения тех культурных идей и ценностей, из которых и складывается ментальность.

Участником и, безусловно, центральной фигурой этого процесса являлся А. Н. Островский, написавший довольно много «провинциальных» пьес и внесший в осмысление понятия «провинция» новые нюансы и оттенки. Но все же при этом А. Н. Островский находился внутри определенной традиции, в диалоге с ней, поэтому моей задачей станет, во-первых, выявление, насколько это возможно, важных смыслообразующих звеньев этой традиции, а во-вторых, попытка определения в этом контексте уникального места театра А. Н. Островского.

В данном случае я лишь обозначаю подходы к очень большой теме, требующей для полного объективного исследования работы с очень широким кругом источников. Пока же я буду говорить лишь о таком ограниченном ряде источников, который достаточен для создания гипотезы.

Открыть ряд пьес, представляющих на русской сцене 19 века «провинциальные сюжеты» мне бы хотелось комедией в 5 действиях М. Н. Загоскина «Господин Богатов, или Провинциал в столице» 1817 года [6], показывающей, насколько далеко еще русское культурное сознание от воплощения «провинциальной ментальности» как глубокой культурной проблемы. Комедия, можно сказать, «скроена» по европейскому образцу; в центре – неудачливый провинциальный помещик, приехавший в Петербург и пытающийся соответствовать вкусам и нравам столицы; у него есть дочь – виновница обязательной любовной интриги, разрешающейся в конечном итоге положительно благодаря вмешательству посторонних лиц. Многие сцены, в которых провинциала обманывают корыстолюбивые обитатели столицы разных сортов, имеют почти водевильный или даже фарсовый характер. Можно, конечно, сказать, что М. Н. Загоскин в определенной степени русофил и не случайно, поэтому положительные лица комедии – тоже провинциалы, но совсем иного свойства – добродетельные владельцы не только земель, но и развивающихся на этих землях заводов и фабрик – можно сказать, прообразы Саввы Геннадьевича Василькова. Но здесь, на мой взгляд, это еще не характеры, и не типы, а, прежде всего – условные фигуры, выполняющие определенную драматургическую функцию.

Итак, здесь и в ранней театральной традиции ПРОВИНЦИАЛ – это некий субъект, пытающийся предстать перед публикой не тем, что он есть на самом деле; в силу своей наивности, необразованности и вообще, культурной неискушенности терпящий фиаско во всех своих действиях, чем вызывает смех и желание не быть «провинциалом».

В 1840-е годы на русской сцене можно наблюдать тенденцию создания подобных «провинциальных сюжетов», мотивов и образов, выраженную целым рядом комедий и водевилей.

Перечислю несколько, наиболее оригинальных и выразительных. Н.И. Куликов «Представление французского водевиля в русской провинции», 1841 г. [7]; П.Г. Григорьев «Утро провинциала в столице, или Как быстро время проходит», 1842 г. [3]; его же «Дружеская лотерея с угощением, или необыкновенное происшествие в уездном городе», 1845 г. [4]; А.Н. Андреев «Старый математик, или Ожидание кометы в уездном городе», 1848 г. [2]; К.Д. Ефимович, Н. Крестовский «Нашествие иноплеменных, или уездный наезд», 1850 г. [3]; Н.И. Филимонов «Провинциальный братец», 1851 г. [10].

«Провинциальный сюжет» здесь – явление, безусловно, комическое, чаще даже водевильное. Все пестрое многообразие таких пьес создавало, при всей воде-

вильности, нечто вроде картины провинциальных типов и нравов в целом, какой она отражалась в сознании столичного жителя – носителя идей цивилизации.

Провинциальный зритель может бесцеремонно вмешаться в спектакль, приревновав жену-актрису к актеру любовнику: «Нет, я не выйду вон, ведь это не Петербурге, там сейчас бы меня вывели, а здесь я прошу, чтобы пригласили г. Антрепренера или самого городничего – я имею право просить... Оставайтесь, г-жа Огурчикова! ... Оставайтесь же, Дарья Степановна!..» [7]; провинциальное общество, как правило, составляется из умственно ограниченных, безвкусно одетых, многодетных сплетников и сплетниц; приезжающий в столицу провинциальный родственник выглядит примерно так: «... в шубе, в теплой шапке, в валенных сапогах, подпоясанный кушаком, распахивает дверь и с шумом входит», требует водки и квасу, ложится в сапогах на диван и сообщает следующее о своих детях: «... Петька, знатный мальчишка, ведь велик ли кажется, всего-то вот такой клоп, примерно сказать, а где только увидит, что водка плохо стоит, так на лоб и выхватит целую рюмку, право, такой проказник!..» [9], – заметим, речь идет о провинциальном дворянско-помещичьем «культурном» слое. Провинциал наивен и всему верит, его легко обмануть любыми небылицами о падающих кометах, близком конце света и т.д. Пространство провинциального города, если таковое появляется, должно выглядеть следующим образом: «Театр представляет улицу уездного городка. На правой стороне дом Ястребовой, обнесенный палисадником. На доме Ястребовой должна быть вывеска “Экова чаю нет и в Китае”», – и вызывает соответствующие рассуждения и оценки:

Вот опять я дома / В городе родном,
Все мне здесь знакомо, / Знаю каждый дом.
Нет здесь перемены / Ровно никакой,
Та же по колено / Грязь на мостовой,
Тот же все порядок, / Тот же все базар,
Точно также гадок / Городской бульвар,
Тот же городничий, / Тот же стряпчий здесь,
Та же без различий / Важность в них и спесь!
Тот же пристав частный, / Тот же кабачок,
И судья несчастный / Тот же старичок!
Ах, как славно дома... и т. д. [4]

Причем, эти гротескные образы не вызывают гневного осуждения – здесь больше всего снисходительной иронии, иногда немного лирики – наивность и простота провинциалов могут помочь в решении каких-либо значимых для драматической фабулы вопросов, могут просто вызывать умиление... Но в целом, провинциальный мир лишен пока каких бы то ни было внутренних ценностей, он ориентируется в лучших образцах все на те же ценности цивилизации, но, по крайней мере, теперь он получает право на существование.

Нужно отметить, что «провинция», «провинциальное» для русского театра в это время практически недифференцированное понятие: провинция – это все то, что не столица, прежде всего, географически (это может быть и уездный город – чаще всего, и удаленная от столицы усадьба), но в то же время это и некое пространство, имеющее связь с миром культуры и цивилизации – «столицы», стоящее на значительно более низкой ступени в иерархии принятых обществом культурных ценностей. Это типологическое основание останется важным и в дальнейшем.

Хотелось бы отметить еще одно свойство ранней драматургии, воплощающей «провинциальные сюжеты». Именно провинциальное пространство может по-

рождать коллизии, которые никогда не возникнут в пространстве столичном. В 1840-е годы это было нужно для создания комического эффекта, много выигрывающего, благодаря неожиданной ситуации – как, например, в фарсе-водевиле «Дружеская лотерея с угощением...», где бедный и отчаявшийся канцелярист решает предложить себя в качестве объекта розыгрыша в лотерею одиноким провинциальным старушкам, для того, чтобы в конечном итоге собрать деньги на собственную женитьбу – это рождает много смешных и нелепых положений. Позже, когда отношение к «провинциальному» в русском театре существенно изменится, это пространство по-прежнему будет рождать непредсказуемые коллизии, правда, пафос их тоже будет иным.

Вот на этом фоне и появляются первые «уездные» пьесы А. Н. Островского, как осознанная реплика в диалоге с имеющей место традицией. «Не в свои сани не садись», 1852 г.; «Бедность не порок», 1853 г. [8]

А. Н. Островский сразу же заявляет о провинциальном в культуре с совершенно иной интонацией. Для А. Н. Островского принципиально важно противопоставить светской развращенности столицы добропорядочную мораль патриархальной провинции. Для «москвитянинского» периода творчества драматурга это естественно. Важно, в данном случае, другое: драматический текст приобретает свойства, ранее для него не характерные – идею и соответствующие ей образы «провинциального», трактованного преимущественно в позитивном ключе. Хотя это был идеализм, скоро оставленный А. Н. Островским, но он дал толчок движению к углублению смысла «провинциальных сюжетов», представляемых авторами оригинальных пьес (и вообще, изменил отношение к «провинциальному» у публики – о ее реакции можно судить по многочисленным критическим отзывам на первые пьесы А. Н. Островского).

Если говорить о традиции создания «провинциальных сюжетов» на русской сцене, то в этот момент А. Н. Островский добавляет к ней новое звено – провинциальное предстает как система ценностей. Русские авторы не остались равнодушными к новым идеям: в 1860-е годы появляется ряд пьес, где звучат похожие ноты, правда не всегда имеющих такие идеальные финалы как в пьесе «Бедность не порок». Характерный пример – комедия в 5 действиях М. В. Авдеева «Мещанская семья», 1868 г. [1]. С одной стороны, перед нами типичная светская комедия – основная часть действия происходит в столице, в свете; главная драматическая коллизия – любовная интрига; принцип построения действия – почти классический. Но при этом – важная сюжетная идея – столкновение провинциального «мещанского» и столичного миров (в Петербург из провинции приезжает часть семьи главного героя – разбогатевшего, благодаря деловым качествам, провинциала). То, что «провинциальное» осмысливается именно как система ценностей, подтверждается многочисленными репликами, диалогами и самим характером образов, который продуман тщательно и серьезно. При часто звучащей в адрес провинциальных персонажей иронии, они четко различаются, образуя две категории. Одна категория – те, по отношению к кому эта ирония злая и обнажает недостатки – бессмысленность и курьезность попыток провинциалов, даже разбогатевших, встроиться в «столичную жизнь» и «большой свет», варьируя при этом старые темы – корыстное использование «светскими людьми» столицы наивного честолюбия провинциалов. Другая категория персонажей – те, что сознательно ограждают себя от «ценностей цивилизации» и здесь, даже если есть ирония – она мягкая, показывающая уважение к выбранному типу поведения. Позволю себе привести цитату: Феоктиста Григорьевна Кондрашова (мать главного героя) о железной дороге: «...А что меня, в шею гонят что ли, ехать по ней? И так из нижнего посадили: скачут как сумасшедшие на этой, прости Бог, чертовой машине,

ни тебе чаю напиться, ни тебе косточки расправить. Доехала до Владимира, говорю своим, стой, я ночую здесь... Я не великая барыня, да люблю делать так, как я хочу, а не так, чтобы тебя в клетку заперли, да выпускали, где захотят...» [1].

Очень интересна в нашем контексте реплика одного из «столичных» героев о «мещанских» женщинах (в данном случае «мещанское» синонимично «провинциальному», так выстроена пьеса): (вопрос к нему): «А скажите пожалуйста, отчего нынешние дамы из мещанок имеют больше успеха у мужчин, чем женщины хорошей фамилии?», дальше реплика Панкратьева: «Да они прямее смотрят на вещи и меньше ломаются... А ведь на самом деле мещанский-то элемент в женщинах преуспевает. Кровь что ли в них сильнее, или практический смысл унаследовали от родителей, а они тоже в гору идут...» [1].

Есть и главная положительная фигура из «провинциального» контекста – молодой резонер Пенкин – «технолог, высокий, недурной собою, холостяк лет 28, несколько желчен и эгоистичен», он же – герой основной любовной коллизии, проповедует новые взгляды на жизнь.

Но, несмотря на всю серьезность отношения автора к положительному в «провинциальных сюжетах», комедия не заканчивается торжеством этих положительных начал. Молодая героиня выходит замуж по расчету, «мещанская семья» возвращается в уезд, никак не повлияв на ситуацию. Ответить на вопрос – почему? – не так просто. С одной стороны, можно было бы сказать, что хрупкая позитивная провинциальная идеология не выдерживает столкновения с устойчивой, закреплявшейся веками, антигуманной и меркантильной моралью столичного света. Но, с другой стороны, и у «провинциальных персонажей» не все так хорошо, как кажется на первый взгляд: по-прежнему они смешны, по-прежнему в чем-то косны, а в чем-то слишком горячо увлекаются, да и главный положительный герой (Пенкин) способен скорее вызвать сложное смешанное чувство жалости и раздражения, нежели заставить думать о победе позитивных идей. Так вот неоднозначно решен «провинциальный сюжет» в этой пьесе.

Не был однозначен и А. Н. Островский в конце 1850-х – 1860-х годах, вернее, перестал быть. Вообще, А. Н. Островский – один из немногих русских писателей, который искренне любил провинцию, считая ее во многом образом России. Но его отношение к провинции никогда не было простым – с одной стороны, его бесконечно восхищали ландшафты, типажи, сам ритм и строй провинциальной жизни, о чем свидетельствуют все его дневниковые записи, с другой – он всегда испытывал чувство угнетения, видя бедность, косность и т.д. уездной мещанской среды [9]. И я думаю, что вопросы «ментальной психологии» людей, которые могут жить вот так, занимали его в большой степени, хотя он и не решал их никогда философски.

К концу 1850-х годов угол зрения А. Н. Островского на провинцию значительно меняется и он создает «тяжелые драмы» из провинциальной жизни – «Воспитанница», 1858 г., «Гроза», 1859 г. [8, т.2, с.170–202], «Грех да беда на кого не живет», 1862 г. [8, т.3, с.246–304].

В определении того, что такое «провинция», А. Н. Островский, пожалуй, многим отличается от своих предшественников – это удаленное от Москвы и Петербурга пространство, где люди существуют совершенно по иным законам и правилам, чаще всего – уездный город, но не обязательно. В этих пьесах А. Н. Островский, подобно водевилистам 1840-х годов, создает развернутый образ провинциальной среды и нравов: дикое, ничем не ограниченное самодурство, невежество и т. д. – все, что выражено в известных монологах Кулигина, образе Феклуши и Василисы Перигриновны и др. К традиции водевильного показа провинциальных нравов, А. Н. Островский также обращается, вспомним, хотя бы диалог Бабаева и Шишгалева из «Грех да

беда на кого не живет» о вечернем времяпровождении провинциального «истеблишмента» [8, т.3, с.248–249].

Но к этому водевильному прибавляется и драматическое, иногда мелодраматическое, а иногда даже трагическое. Причем, трагическое может, действительно, рождаться внутри, казалось бы, комических ситуаций. Например, в монологах Дикого – персонажа, создающего типичный образ провинциального невежи, может быть, несколько утрированный, а в то же время, его комические, в общем, реплики, доведенные до абсурда, рожают ощущение безумия всей ситуации в целом. Причем, нужно сказать, что центральный персонаж следующей после «Грозы» уездной пьесы – Лев Краснов, персонаж совсем не комический, какими-то своими безумными реакциями заставляет вспомнить Дикого.

Выше я уже говорила о том, что провинциальное пространство мыслится как среда, способная рождать непредсказуемые коллизии. Так и для А. Н. Островского в 1860-е годы, но только сами коллизии уже не комичны, а трагичны.

Главный «ментальный» вопрос – почему? Почему провинция рождает такие «дикие», фантастические драмы? Ставит ли этот вопрос А. Н. Островский и отвечает ли на него? В тексте, прямо, – наверное, почти нет, хотя иногда текст (например, «Грозы», самого многозначного произведения) позволяет на эту тему рассуждать.

А. Н. Островский, скорее, обозначает загадку «провинциальной ментальности», по отношению к которой «цивилизация» выглядит болезненным и нелепым «приростом» (Кулигин и Борис по отношению к Кудряшу и Варваре), а такие диаметрально противоположные персонажи как Катерина и Дикой парадоксально сходны в понимании главного символа пьесы.

Но А. Н. Островский все же – позитивная личность и поэтому ему в большей степени, чем кому-либо свойственно искать ответ на поставленный вопрос и выход из ситуации. Но решение ситуации, при всей ее «провинциальной несуразности», должно быть найдено не только в системе внешних обстоятельств (обеспечивающих мелодраматическую развязку), но и внутренних, обусловленный все той же «провинциальной ментальностью». Так, в «Горячем сердце», 1868 г., провинциальному самодурству Курослепова, его непредсказуемой психологии (как у Феклуши), способной превратиться в действие, противопоставлена такая же безудержность порывов Параша, но обусловленная не прихотью и скукой, как у Варвары, а достаточно высокими и вполне осознаваемыми чувствами. Именно результатом этого «сюжетного» противостояния, имеющего необходимые формальные драматургические дополнения, и является благополучный финал [8, т.5, с.177–259].

Можно сказать несколько слов и о «Бешеных деньгах», 1869 г., где в образ «нового провинциала» А. Н. Островский пытается вложить идею победы конструктивного (цивилизованного) начала над провинциальным анархизмом и даже над провинциальной сверхчувствительностью [8, т.5, с.260–341]. Убеждает ли это самого автора и зрителей, соответственно? Трудно сказать. Ведь не случайно эта пьеса не «провинциальная», и этот позитивный пафос остается значимым прежде всего на уровне фабулы, обеспечивает благополучную для главного героя развязку. Но не на уровне сюжета, так как финал остается практически открытым.

«Лес», 1870 г. представляет собой чрезвычайно интересный вариант решения все тех же «провинциальных проблем». Здесь в качестве позитивной силы, действующей на сюжетобразующем уровне, впервые появляется не стихийная, непредсказуемая провинциальная несдержанность, а сила культурная, явленная в образе провинциального актера Несчастливцева, который по сути есть очищенная и облагороженная искусством и страданиями, узнавшая жизнь во всей ее полноте, какая-то культурная единица прежней провинции [8, т.6, с.7–146]. Это, конечно, идеализация,

но качественно другая, чем в 1850-е годы и, может быть, имеющая большее значение для понимания основ провинциальной культуры.

О позднем А. Н. Островском (1870–80-х гг.) вообще сложно говорить, так как его художественные концепции часто возникали под влиянием обстоятельств личной судьбы драматурга, рождавшей не всегда позитивное восприятие мира в целом и провинциального мира, в частности. Открывают ряд поздних «провинциальных пьес» «Волки и Овцы» [8, т.7, с.168–263], 1875 г. И «Бесприданница», 1878 г. [8, т.8, с.157–231]

Наверное, меняется представление А. Н. Островского о провинции как таковой – уездный город превращается в губернский, большой, то есть по характеру притязаний на цивилизованность приближающийся к столичному, а соответственно, окончательно лишившийся провинциальной патриархальности, рождавшей как самодурство, так и порывы, приводящие к позитивному изменению мира. Поэтому коллизии банальны, только еще более неприглядны; и Лариса – жертва не трагических обстоятельств и порыва, а ложных оснований и того и другого, существующих в ней самой, которые побеждают в конечном итоге другие основания, заложенные в ней же, что почти неизбежно, потому что в провинции, где с приходом цивилизации все продается и покупается, а то, что не может влиться в этот процесс – коснеет в невежестве, – в таком пространстве не могут быть реализованы позитивные основания, даже если они есть.

Но вот в 1880-е годы А.Н. Островский опять создает три «губернские», но уже «комедии» – «Таланты и поклонники», «Красавец-мужчина», «Без вины виноватые» [8, т.9, с.7–219], где вопреки тенденции снова ищет позитивные обстоятельства для положительного финала. Наверное, этими обстоятельствами можно считать одухотворенные порывы героев, приводящие к изменению ситуации. В чем они и насколько они «провинциальны»? Сложный вопрос, на который пока нет ответа.

Вырастая из контекста и перерастая его, А. Н. Островский своим творчеством выражал столь глубокие и разнообразные проблемы «провинциальной ментальности», что, возможно, заложил основы понимания «провинциализма» в русской культуре, однако полноценное культурно-историческое и философское рассмотрение вопроса требует отдельной работы.

Список использованной литературы

1. **Авдеев М.В.** Мещанская семья. // Дело. 1869. №2.
2. **Андреев А.Н.** Старый математик, или Ожидание кометы в уездном городе. Б.м. и г.
3. **Григорьев П.Г.** Утро провинциала в столице, или Как быстро время проходит. СПб., 1842.
4. **Григорьев П.Г.** Дружеская лотерея с угощением, или Необыкновенное происшествие в уездном городе. СПб., 1845.
5. **Ефимович К.Д., Крестовский Н.** Нашествие иноплеменных, или Уездный наезд. // Сын отечества. 1850. №1.
6. **Загоскин М.Н.** Господин Богатов или провинциал в столице. М., 1823.
7. **Куликов Н.И.** Представление французского водевиля в русской провинции. Литогр. изд. М., 1888.
8. **Островский А.Н.** Полное собрание сочинений. В 16 т., М., 1950.
9. **Островский А.Н.** Дневники. // Островский А.Н. Полное собрание сочинений. В 16 т., Т. XIII, М., 1952. С.175-238.

10. **Филимонов Н.И.** Провинциальный братец // Репертуар русской сцены. 1851. №2.

Н.А. Патрикеева

МЕТАФИЗИКА ПОЛА И ЛЮБВИ У А. ПЛАТОНОВА

В философско-художественном мировоззрении Платонова половая любовь имеет концептуальную значимость. Писатель выделяет в ней духовное и физическое начала. Соединение двух начал в единое целое рождает собой истинную любовь, которая у Платонова является смыслом человеческого существования.

«Лучше о любви не говорить» – это верно надо жить ею» [1, с.400]. О такой функции наполнения жизни любовью также пишет и Андрей Платонов: «Любовь – мера одаренности жизнью людей» [2, с.6].

В силу своего всепроникновения во все мельчайшие моменты действительности, любовь становится главным объектом творчества писателя, определяющим критерием каждого явления бытия. Подтверждением вышесказанному становится реализация в тексте таких лексических единиц, которые относятся к кругу слов с эротической семантикой. Употребление таких слов по отношению ко всем реалиям мира и создает впечатление наполненности каждой любовью.

Такая «зараженность» всего «бациллой аморе» наблюдается на страницах романа «Чевенгур»: «Ветер несет по бурьяну семя размножения...» [3, с.408] «Семя» рассеивается и дает свои «ростки» в душах платоновских людей. Это выражается в их состояниях «удовлетворения» происходящим или не-«удовлетворения», последнее у Платонова выражается через слова «скука» и «томление».

Воздух Чевенгура «пахнет возбуждением» и заставляет героев «обнажаться навстречу природе». Возникающий мотив «наготы» проявляется у Платонова не только в изображении человека, но и в описании самой природы: «земля спала мучительной и обнаженной»; утренний ветер гуляет в «исподней листве» деревьев. Любое проявление человеческой деятельности у Платонова обретает свое художественное осмысление через использование эротической лексики. Например, Кирей, герой романа «Чевенгур», ложится спать «вполне удовлетворенным», инженер-изобретатель Гопнер «трудится со сладострастием». Не являются исключением даже слова, которые герои Платонова используют в своей речи. Так, согласно их восприятию: «есть слова липкие, горячие, как девкины губы, как бессонная августовская ночь» [4, с.7].

Таким образом, любовь является тем определяющим чувством, посредством которого герои Платонова воспринимают окружающую их действительность.

Среди всех форм любви, которые представлены у Платонова на страницах его произведений, особое место занимает любовь половая. Ей писатель придает немалую значимость: «Пока мужчины и женщины еще могут любить друг друга, не все потеряно человеческим сердцем...» [2, с.6] Объектом пристального внимания Платонова становится идеальная любовь, которую писатель именуется как «чувство любви». Уже в самом этом сочетании «чувство» и «любовь» Платонов закладывает понятие о двойственной структуре эроса – наличие в нем двух начал – физического и духовно-

го, что для Платонова в его философско-художественных исканиях явление принципиально важное. Слово «чувство» в данном контексте явлено как знак «работы души», а «любовь» – как выражение телесного влечения. Одномерное соединение двух начал в одно и представляет у Платонова идеальное сочетание – «необходимую работу души при половом телесном акте» [5, с.176]

Идеальная любовь или, как называет ее Платонов, «истинная», играет важную роль в самоопределении человека в мире. Поэтому нередко писатель использует прием противопоставления, изображая полярные, антонимичные «истинной любви» чувства. Например, «привычка»: «Туркмен был доволен тем, что девушка скоро привыкнет быть его женой» [6, с.135]; или отсутствие любви при совместном житии героев: Яков Саввич «постепенно женился, приучив [жену] к себе до того, что она полюбила его... ведь женщине некуда деться» [7]

Как протовопоставление «истинной любви» Платонов нередко прибегает к изображению любовных отношений, основанных лишь на удовлетворении физических потребностей. Такую любовь он называет «бедной», «ненужной», «тревожной». Физической начало в отношении между полами осмысливается писателем в качестве необходимого элемента жизнедеятельности человека, как концентрация его биологической энергии, требующей своего выхода. Поэтому для определения этих отношений писатель использует следующие словосочетания: «сжатое томление», «тяжкая сила любви». Восприятие такой формы любви как «крайней необходимости» находим на страницах романа «Счастливая Москва» в высказывании его главной героини Москвы Честновой: «любить, наверно, надо, и я буду... но это необходимое, а не главное в жизни» [8, с.29]

Аналогичное понимание «полового влечения» обнаруживаем у В. Соловьева: «Внешнее соединение, житейское и в особенности физиологическое, не имеет определенного отношения к любви... оно необходимо для любви, как ее окончательная реализация» [9, с. 151].

Главным же оказывается духовное родство, которое и есть у Платонова «новая любовь», «сквозь души других людей». Такое «родство» переходит у Платонова в один из главных вопросов его творчества – вопрос семьи. По мнению писателя, «брак – это не кровать, а сидят рядом муж и жена, плетут лапти и рассказывают сказки» [2, с.6] Такое осмысление вопроса семьи Платоновым пересекается в своей основе с учением В. Розанова о браке, где философ определяет основой последнего «целомудрие»: «Истина пола и душа притяжения не разврат, но чистота и целомудрие» [10, с.451]

Таким образом, А. Платонов в собственной философии любви выделяет две его основные формы, а именно: акты духовного и телесного соединения полов. В идеальном представлении они находятся в отношении взаимного сосуществования, как неразделимые начала одного общего явления – «истинной любви».

Список использованной литературы

1. **Ильин И.** Без любви // Русский эрос. М., 1991.
2. **Платонов А.** Однажды любившие // Литературная газета. 1983. № 42.
3. **Платонов А.** Чевенгур. М. 1988.
4. **Платонов А.** Рассказ о многих интересных вещах // Книжное обозрение. 1988. № 42.
5. **Платонов А.** Антисексус // Новый мир. 1989. № 9.
6. **Платонов А.** Такыр // Платонов А. Собр. соч. в 3-х т. Т. 1.

7. **Платонов А.** Глиняный дом в уездном саду // Платонов А. Собр. соч. в 3-х т. Т. 1.
8. **Платонов А.** Счастливая Москва // Новый мир. 1991. № 9.
9. **Соловьев В.** Смысл любви // Соловьев В. Смысл любви. М., 1991.
10. **Розанов В.** Семья как религия // Розанов В. Уединенное. М. 1990.

М.В. Философова

К ПРОБЛЕМЕ СИМВОЛА В КРИТИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ И. АННЕНСКОГО

Критики и исследователи творчества Анненского всегда отмечали специфичность его художественного сознания, которое не укладывалось в традиционные символистские мировоззренческие установки. Данная статья является попыткой разобраться в специфике понимания И. Анненским природы символа и символического.

В литературоведении до сих пор ведутся споры о том, является ли И. Анненский символистом или нет, и если является, то какого рода его символизм. Однако и критики, и исследователи творчества Анненского всегда единодушно отмечали специфичность его художественного сознания, которое не укладывалось в символистские мировоззренческие установки.

Некоторую чуждость эстетики Анненского идеям русского символизма сознавали уже его современники. Известно, что Вячеслав Иванов называл художественный метод Анненского «ассоциативным символизмом», указывая на его принципиальную разницу «с символизмом истинным» [4, с.170].

С. Маковский писал, что Анненский предельно «далек от символической русской "школы", а символы служат ему только для углубления и заострения чувства реальности, являясь «эстетическим средством выразительности, а не трамплинами для прыжков на метафизические высоты» [5, с.224].

Современные исследователи указывают на эстетико-психологический характер понимания Анненским проблемы символа.

Л. Я. Гинзбург именует метод его письма «психологическим символизмом», возникшим как следствие своеобразного «скрещения символизма... и опыта социально-психологической литературы» [3, с.314].

В. В. Мусатов очень точно заметил, что «принципу 'иератической' поэзии, обращенной к посвященным» (иными словами, поэзии символизма), Анненский противопоставил «эстетику, основанную прежде всего на реальном чувственном опыте» [6, с.30].

И. Подольская считает, что сам Анненский «явно не причислял себя ни к символистам и ни к каким иным направлениям модернизма», но в его критическом наследии явно обнаруживаются черты, роднящие его с критикой символизма: «взгляд на критику как на самостоятельный, самоценный вид искусства, ярко выраженное личностное начало критической прозы, субъективность оценок, интеллектуальная изоциренность и, наконец, стремление к стилистической изысканности и эстетизации слова» [7, с.507].

Собственно, проблеме символа и русского символизма посвящена только

предсмертная статья «О современном лиризме» (1909), где Анненский постигает философско-психологическую основу символизма. Свой разговор о символизме он начинает с того, что разграничивает понятия «символизм» и «декадентство». В основу дифференциации Анненский ставит соответствие главной цели поэзии, то есть «намерению внушить другим через влияние словесное, но близкое к музыкальному, свое мировосприятие и миропонимание» [1, с.337]. Поэтому, считает он, «поэтическим декадентством можно называть введение в общий литературный обиход разнообразных изощрений в технике стихотворства» [1, с.337], которые к цели поэзии не имеют никакого отношения. Анненский оправдывает подобные порывы тем, что слово почуяло собственную ценность, но подобная игра со словом, по его мнению, порождает некую двусмысленность.

О такой же двусмысленности критик говорит, касаясь термина «символизм». «Символизм – наименование немножко неясное» [1, с.338], как признается сам Анненский. Свое понимание этого термина он пытается выразить через соотношение и противопоставление понятий «символ» и «образ», которые, продолжая логическую цепочку, порождают другую оппозицию «слово» – «образ». Ранее, в статье «Что такое поэзия?» И. Анненский уже поднимал эту проблему. «Вообще поэзии приходится говорить словами как символами психических актов. <...> Откуда же возьмется в поэзии, как языке по преимуществу, живописная определенность?» [2, с.202].

Таким образом, критик не просто противопоставляет эти два понятия, но делает их по отношению к поэзии взаимоисключающими: «Поэтический образ – выражение хоть и давнее, но положительно неудачное. Оно заставляет предполагать существование поэзии не только вне ритма, но и вне слов, потому что в словах не может быть образа и вообще ничего *обрезанного*» [1, с.338]. Последнее слово Анненский выделяет курсивом, что подчеркивает его неслучайность. «Обрезанность» образа, вероятно, следует понимать как его ограниченность, статичность, тогда как слова «открыты, прозрачны; слова не только текут, но и светятся» [1, с.338]. Подобная визуализация слова, его овеществление подчеркивают его самостоятельность, самодостаточность. Слово само в себе уже заключает образ. Выражение Анненского «бессмертная иллюзия слов» [2, с.205] прямо выводит нас на мысль об идее бесконечных смысловых перспектив слова и символа.

Другая бинарная оппозиция, через которую Анненский подходит к понятию «символизм» – это «слово» и «музыка». Музыку и поэзию роднит «текучесть» и «раздельность» [1, с.338]. Анненский осознает музыку как символ художественной многозначности, универсальности искусства. Но с другой стороны, музыка, или «дух музыки» – понятие необычайно противоречивое в художественной системе Анненского: это некое идеальное воплощение «нас возвышающего обмана» [1, с.338], понятие идеальное и потому статичное, застывшее, остановившееся в своем развитии. Анненский пишет, что в отличие от музыки, «в поэзии есть только *относительности*, только *приближения*, и поэтому никакой другой, кроме символической», поэзия «не была, да и быть не может» [1, с.338]. Эта смелая идея об изначальной символичности природы поэзии и слова говорит о максимально широком понимании критиком идеи символизма. Оно находит у него аллегорическое обоснование через легенду об Афродите, которая забыла «мистическую дальность своего символа Ашторет» [1, с.338], то есть то, что культ Афродиты восходит к культу Астарты, древнефиникийской богини плодородия и любви. С помощью воссозданного мифа Анненский демонстрирует процесс перехода символа в образ. Таким образом, символ представляет собой обязательное ядро каждого образа, а образ есть лишь внешняя и изменчивая оболочка, которой обрастает символ под влиянием романтических сил, лежащих за пределами поэзии: «героической легенды, любви к женщине, к богу, сцены, куми-

ров» [1, с.338].

В такой системе функция слова – «связывать переливной сетью символов **я** и **не-я**, гордо и скорбно осознавая себя средним – и притом единственным средним – между этими двумя мирами» [1, 338]. Понятия **я** и **не-я** – принципиально важные категории в критике и поэзии Анненского. С их помощью он сопоставляет романтическое сознание с сознанием современного поэта-символиста. Романтическое **я** противопоставляло себя целому миру, будто бы его не понявшему; **я** современного поэта стремится к слиянию с миром, понимая обреченность этого стремления. Поэтому символистами Анненский называет тех, кто «не столько заботится о выражении **я** или изображении **не-я**», (ведь это задачи старого традиционного искусства), сколько тех, кто «старается усвоить и отразить их вечно меняющиеся взаимоположения» [1, с.339], то есть бесконечную трансформацию их во времени, дающую основания к переосмыслению благодаря их многозначности и смысловой неисчерпаемости.

В ходе исследования может сложиться впечатление, что Иннокентий Анненский расходится с символистами в вопросе о *понимании* символа. На наш взгляд, это противоречие носит более фундаментальный характер. Если мы сравним, например, определение символа, принадлежащее Вяч. Иванову, то не сможем не заметить, что оно во многом схоже с определением Анненского: «Символ только тогда истинный символ, когда он неисчерпаем и беспределен в своем значении, когда он изрекает на своем сокровенном (иератическом и магическом) языке намека и внушения нечто неизглаголемое, неадекватное внешнему слову. Он многолик, многосмыслен и всегда темен в последней глубине» [4, с.170]. Настоящее расхождение содержится в понимании *предназначения* символа. Символ Анненского – это не метафизическая, а скорее эстетическая категория, он – средство проникновения в глубину произведения, к авторской воле и замыслу: «Такова уж сила символа, который магически возбуждает в нас ту же работу мысли и фантазии те же волны чувства, что переживал и создавший его поэт» [1, с.340]. Именно благодаря символу «творение не умирает вместе с поэтом», и «мы читаем в старых строчках нового Гомера, и нового, может быть, в смысле разновидности «вечного». Поэтому, считает Анненский, «в символах надолго остаются вопросы, влекущие к себе человеческую мысль. Не только поэт, критик или артист, но и читатель вечно творят Гамлета» [2, с.204].

По мнению Анненского, символизм как поэтическое явление – целиком феномен урбанизма XX века: «Символизм в поэзии – дитя города. Он культивируется и растет, заполняя творчество по мере того, как сама жизнь становится все искусственнее и даже фиктивнее» [1, с.358].

Символ как урбанистическое явление противопоставляется Анненским мифу как явлению природному. Возникают сразу две бинарные оппозиции. Рассмотрим первую из них «природа» – «город». Природа в понимании Анненского – «завершенный», статичный мир, который давно уже оброс метафорами и потерял всякую способность к саморазвитию, к творческой трансформации. Это мир абсолюта, облеченный в мифологическую оболочку, «вечный» циклический мир, где нейтрализуются все бинарные оппозиции. Мир «города», напротив, – мир хаотический, разрозненный, построенный на фундаменте противоречий и оппозиций: «волшебстве газовых фонарей, лунных декораций и страшной казенщине какого-нибудь парижского морга или отвратительных в своей сверхживости восков музея» [1, с.358]. Именно в этом мире рождаются и пребывают символы, потому что, по словам Анненского, «символы рождаются там, где еще нет мифов, но где уже нет веры» [1, с.358].

Таким образом, символ занимает промежуточное положение между «верой» и «мифом» и представляет собой некий субститут (заменитель) жизни как искусственного образования, не способного к творческому развитию. Поэтому благодаря сим-

волу, образ города получает непрерывное развитие в поэзии, в каждую поэтическую эпоху приобретая новые черты. Он эволюционирует в отличие от образа природы, которому так и суждено остаться на уровне мифа и архетипа.

В конечном итоге, символ в критике и эстетическом мире Иннокентия Анненского – одна из важнейших категорий, которая, по словам Сергея Маковского, «позволяет решить самый главный вопрос и цель жизни – преобразовать бессмысленность ее в художественный смысл – смысл поэтического преобразования [5, с.234].

Список использованной литературы

1. **Анненский И.Ф.** О современном лиризме // Анненский И.Ф. Книга отражений. М., 1979.
2. **Анненский И.Ф.** Что такое поэзия? // Анненский И.Ф. Книга отражений. М., 1979.
3. **Гинзбург Л.Я.** Вещный мир // Гинзбург Л.Я. О лирике. Изд. 2-е., доп. Л., 1974.
4. **Иванов Вяч.** О поэзии Иннокентия Анненского // Родное и вселенское. М., 1994.
5. **Маковский С.** Портреты современников. М., 2000.
6. **Мусатов В.В.** К истории одного спора (Вячеслав Иванов и Иннокентий Анненский) // Творчество писателя и литературный процесс. Иваново, 1991.
7. **Подольская И.И.** Иннокентий Анненский – критик // Анненский И.Ф. Книга отражений. М., 1979.

С.Г. Шишкина

ОБРАЗ ИСТОРИИ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ АНТИУТОПИИ (Дж. Барнс, П. Акройд)

Рассматриваются особенности литературной антиутопии на постмодернитском этапе развития общества на материале произведений современных британских писателей Дж.Барнса и П.Акройда. Утверждается, что в отличие от предостерегающего характера классической антиутопии, образцы этого жанра побуждают к размышлению о том, насколько справедлива и неоднозначна историческая истина, отраженная в памяти человечества.

На протяжении всего существования литературного процесса история играла важную роль в его развитии, объективно являясь эксплицитным или имплицитным моментом создания систем, художественных образов. Историю пытались воссоздать, осмыслить, переосмыслить, остановить и пристально взглянуть в ее логику и закономерность, переписать, предугадать... Социальная действительность того или иного исторического периода определяла точку зрения автора и психологию созданных им героев.

Конец XX столетия отмечен возросшим интересом к проблемам истории, что объясняется вполне понятным желанием осознать истоки и спроецировать возможное будущее человечества в целом и человека в частности. Однако нельзя не заметить, что постмодернистские настроения духовной атмосферы эпохи меняют ракурс

зрения на историю как на свод незыблемых фактов, известных данных, причин и следствий. Всякое обращение к истории с позиций постмодернизма изначально антиутопично, поскольку постмодернистский текст нацелен на деконструкцию логоцентрического линейного повествования и антропоцентрического осмысления процессов и хода бытия. Идея невозможности существования одной незыблемой истины ведет к утверждению, что история – это всего лишь словесное воплощение блуждающей в веках фикции, клишированная утопия, имплантированная в сознание человека, антимиф мифа. Мир текста в постмодернистском переосмыслении не отражает реальный мир действительности при всех исторических текстуальных аллюзиях. Постмодернистский художественный текст «...с одной стороны, прикидывается самой реальностью, прикидывается имеющим самостоятельное бытие, независимое от автора, вещью среди вещей реального мира. С другой – он постоянно напоминает, что он чье-то создание и нечто значит. В этом двойном освещении возникает **игра** (выделено мной – С. Ш.) в семантическом поле «реальность-фикция» [4, с.69]. Яркая иллюстрация тому – роман Джулиана Барнса «История мира в 10½ главах».

Роман начинается с очередной интерпретации мифа о Вселенском потопе и Ноевом ковчеге, который с первых строк превращается в антимиф. Причина тому – рассказ о событиях с точки зрения личинки древоточца. В основном сохраняя сюжетную канву библейского мифа, Барнс предлагает читателю еще один взгляд на известное, устоявшееся, канонизированное. Наделив червяка функцией своего рода «третьего глаза», который способен видеть скрытое и сокровенное – и увидел, и поведал нам, несовершенным, с его точки зрения, Божьим созданиям, – автор утверждает, что любой миф, принятый человеком беспрекословно и некритично, может быть обманчивым. Так, оказывается, что Ковчег был больше, чем одним кораблем; дождь шел не сорок дней, а, по меньшей мере, года полтора; вода стояла на Земле не сто пятьдесят дней, а четыре года. Да и сам Ной – отнюдь не благообразный седовласый старец, а весьма сладострастный, властный, похотливый и плотоядный прагматичный старик, который руководствовался не ниспосланной Богом задачей спасения всего живущего на Земле, а стремился к улучшению собственного существования. Почему Бог избрал пьянчугу Ноя? Потому, утверждает древоточец, что остальные еще хуже. Ной установил строгую палочную дисциплину (да и не Ковчег это был, а плавающая тюрьма с весьма популярными в XX веке видами наказаний и экзекуций), что объясняет деление животных на «грязных» и «чистых» тварей, последние из которых употреблялись семьей Ноя в пищу. Род человеческий несовершенен. Зло и стремление во что бы то ни стало выделиться из ряда себе подобных сильны изначально. Доказательство этому – четко налаженная на Ковчеге модели Барнса система информации, которая еще раз подтверждает мысль, исчерпывающе обоснованную раньше Д.Оруэллом в его антиутопии «Звероферма»: «Все животные равны, но одни равнее других», а где человек, где животное – иногда понять трудно.

Путешествие по истории, предпринятое Барнсом, не ограничивается перемещением во времена Ноя. Его роман в 10½ главах стереоскопически рассматривает разные исторические моменты, реальные и фиктивные ситуации. Линейно-диахронический принцип при этом отсутствует. Читатель попадает то в наше время, мирное течение которого разрушено терроризмом (глава 2 «Гости»), то во Францию XV века, когда, если верить смоделированному Барнсом тексту и приведенным им якобы подлинным документам, жители Безансонской епархии инициировали судебное разбирательство против червей-древоточцев, которые своим ненасытным богохульным аппетитом подточили епископское кресло, а, следовательно, пошатнули незыблемые религиозные устои. Глава 4 – период после Чернобыльской катастрофы. Это частная история жизни некоей Кэтлин Феррис и ее душевной болезни, вызван-

ной своего рода радиоактивной фобией. Глава 5 «Кораблекрушение» – история сюжета картины Жерико «Сцена кораблекрушения» и попытка осознания границы между вымыслом и реальностью в искусстве с точки зрения художника и обывателя-зрителя. Глава 6 «Гора» – повествование об Аманде Фергюссон, которая с позиций религиозной христианской морали ригористично пытается постичь божественный смысл, разумный порядок и торжество справедливости в Природе и в людях вокруг нее. Для доказательства существования Провидения и благой мудрости осенью 1840 года она предпринимает попытку найти останки Ноева Ковчега в Турции и убеждается в греховных слабостях потомков Ноя. Поиски Ноева Ковчега как попытка сколотить капитал и сделать имя – центральная тема 9 главы. Текст романа – это и размышления образованного восемнадцатилетнего англичанина, дед которого был пассажиром «Титаника». Здесь и переосмысление мифа об Ионе, который очутился в чреве кита, с позиции сомневающегося и циничного жителя XX столетия. Миф, по Барнсу, «...вовсе не отсылает нас к какому-то подлинному событию, фантастически преломившемуся в коллективной памяти человечества; нет, он отсылает нас вперед, к тому, что еще случится, к тому, что **должно** случиться» [2, с.159]. Мотив деления человечества на «чистых» и «грязных», известный нам из мифа о животных тварях на Ноевом Ковчеге, развивается в истории корабля «Сент-Луис». На его борту были еврей-беженцы из Германии. Их скитания в традициях хрестоматийных мифов длились сорок дней и сорок ночей, пока не оборвались Второй мировой войной, которая определила участь евреев. Глава 8 – эпистолярная история любви и разочарований некоего актера-дебютера Чарли, который снимается в новом фильме далеко от дома, в джунглях лесов, населенных туземцами, оказывающимися не глупее высокомерных развращенных цивилизацией белых людей. «Интермедия» – одна из частей романа – подводит черту под размышлениями автора об истории. «История – это ведь не то, что случилось. История – это всего лишь то, что рассказывают нам историки. ...История мира? Всего только эхо голосов во тьме; образы, которые светят несколько веков, а потом исчезают; легенды, старые легенды, которые иногда как будто перекликаются; причудливые отзвуки, нелепые связи» [2, с.191].

Каждый законченный отрывок в «Истории мира в 10½ главах» наделен либо четкой датировкой происходящего, либо привлеченные исторические реалии помогают понять, о каком историческом отрезке времени идет речь. Впрочем, для Барнса это не важно. Любая ситуация, рассказанная им, могла произойти с кем угодно и когда угодно. Любой отрывок может быть изъят из контекста без ущерба для его понимания – человек остался неизменным, он был, есть и будет все таким же несовершенным в любой цивилизации, в любое историческое время. Такая концепция определяет своеобразную манеру повествования. Это уже не дихотомия «автор-читатель». Истории, рассказанные либо от первого лица, либо с помощью несобственно-авторской речи, интересны переключкой голосов «я–не я–читатель». «Третий глаз», как и образы червя-древоточца, Ноя и его Ковчега, присутствуют во всем тексте, не являясь при этом ни связующим компонентом сюжета, ни его лейтмотивом. Цель такой структурной композиции очевидна – при помощи смоделированной псевдореальности посеять сомнение в отношении к запечатленным датам, указанным источникам и к базисным мифам. Даты не говорят правды, следовательно, не существует исторической реальности как таковой. Все уже было, все повторяется, утверждает Барнс, а человечество лишь продолжает делать вид, что ничего еще не было. Поэтому и его историю можно без ущерба для понимания вместить всего лишь в 10½ главах. Ход истории для Барнса – это не непрерывная линия или логическая спираль, а своего рода матрешка с матричным копированием облика, размеры которого не столь уж значимы с точки зрения функционального его назначения: иг-

рушка, которую каждый извлекает из единой полости по собственному вкусу, то есть субъективно.

Словно подхватывая мысль Голдинга о том, что появление *homo sapiens* не есть начало поступательного прогресса (У. Голдинг «Наследники»), Барнс рассказывает об эксперименте над самкой обезьяны и ее детенышем по определению грани между альтруизмом и собственными интересами. Обезьяну с дитем помещали в металлическую клетку, пол которой постепенно нагревали. Обезьяна оказывалась в экзистенциалистской «пограничной ситуации», требующей выбора: либо держать детеныша, стоя на раскаленном полу, либо бросить его на горящую поверхность и забраться по металлическим прутьям в безопасное место. В конечном итоге, рано или поздно, собственные интересы побеждают. Человек, по мысли Барнса, всего лишь животное, которое, как когда-то утверждал Дж. Свифт, может быть разумным. Разум нужен ему и для того, чтобы интерпретировать факты в нужном, выгодном для него ракурсе. Поэтому история – это стечение многих случайных обстоятельств, обусловленных несовершенством природы человека.

Логическое подтверждение тому – заключительная глава «Сон». Рассказчик просыпается в Раю, где исполняются все его мечты, благо набор их немногочисленен и мало отличается от животных инстинктов: еда, заботы о самочувствии, секс, шопинг. И так каждый день, бесконечное количество дней. В конце концов, подобно свифтовским струльдбругам, герой начинает скучать в этом бездуховном Рае и мечтать о смерти. Приторно-яркую монотонность изредка нарушают встречи с личностями, чьи имена вошли в историю: генералом де Голлем, Шекспиром, Мао Цзэдуном, Сталиным, Хамфри Богартом... Все они – милые, обычные люди. Даже Гитлер – не более чем местная туристская достопримечательность, живехонький и совсем не важничает. Убийцам и их жертвам, столпам истории и обывателям – всем пожилой джентльмен, похожий на доброго дядюшку, произносит один и тот же приговор: «У вас все в порядке». Авторская ирония, переходящая в фарс, еще раз подчеркивает абсурдность серьезного отношения к жизни, к ее событийному ряду, ко всему, что сказано, сделано, передумано, прочувствовано и зафиксировано кем-то невидимым, как у Кафки в «Процессе», в виде письменного документа. Все это – всего лишь одна из многих бумажных кип, отданная на просмотр усталому занятому старичку, который и просматривает-то ее по диагонали. Рай демократичен, а Ад – всего лишь пропаганда. И разница между ними не велика. Все относительно. Беспорных истин нет, как нет и четких границ между добром и злом – все зависит от точки зрения, от ракурса восприятия. Всемирная и всеобщая история субъективна, поскольку она делается и фиксируется несовершенными существами. Поэтому история мира, по Барнсу, «...хаотический коллаж, краски на который наносятся скорее малярным валиком, нежели беличьей кистью», повесть, придуманная нами «чтобы обойти факты, которых не знаем или которые не хотим принять» [2, с.191].

История и роль Слова в ней – основная тема романа-антиутопии Питера Акройда «Бумаги Платона» («The Plato Papers»), изданного в 1999 году [6]. Кто-то видит в нем истинно философскую непредсказуемую прозу, некоторые считают, что это всего лишь «салонная игра со словом», пастиш, состоящий из теорий и не всегда удачных первоапрельских шуток... Исследователи уже сравнивают мир, созданный Акройдом, с глубинными иносказаниями Вильяма Блейка и утверждают, что впечатление от его произведения может быть сравнимо лишь с влиянием сочинений Салмана Ружди. Как бы то ни было, рецензенты едины в одном: рассказывая о воображаемом будущем, Акройд безжалостно срывает маски с блестящего информационно и технически развитого настоящего, которое в далеком прошлом казалось фантастически невозможным прекрасным будущим [8]. Действие романа переносит нас в

3700 год, в возрожденный после взрыва Лондон, населенный странными человекоподобными светящимися существами. В социальном плане перед нами воплощение утопических идей «Государства» древнегреческого Платона, где, кажется, все равны. Главный герой произведения – новый Платон, учитель, философ, оратор. Цель и предназначение его жизни – восстановить историю, создать картину прошлых исчезнувших эпох.

С первых строк произведения читателя окружает утонченно-искусная, но плотная ткань словесной мистификации, которая создается полилогом автора с читателем, автора с созданными им героями, общением героев между собой, восприятием читателя происходящего и реакцией на него. Своеобразно смоделированный по всем законам антиутопии хронотоп рождает атмосферу достоверности происходящего. Так, настоящему для Платона времени предшествовали «Эпоха Орфея», 3500 – 300 годы до нашей эры, «Эпоха Апостолов», 300 год до нашей эры – 1500 год нашей эры, мрачная и человеконенавистническая «Эпоха Крота», 1500 – 2300 годы нашей эры, светлая «Эпоха Чаромудрия», 2300 – 3400 нашей эры. Об этом нам сообщает еще сам автор, П. Акرويد. Некоторые представления о прошлых веках дают якобы сохранившиеся письменные свидетельства разных жанров – научные трактаты, записки из дневников, воззвания, личные письма, документы социально-политического содержания, которые обобщают историю до романного Настоящего. Все это – всего лишь предисловие к основному тексту, предлагаемому читателю. Микротексты, отягощенные историей, создают новую историю, в данном случае, псевдоисторию, которая является реальной в контексте книги жизни нового Платона. П. Акرويد не считает предисловие частью основного текста: страницы не пронумерованы до собственно «Лекций и высказываний Платона о делах минувших эпох». Предтекст заканчивается размышлениями уже анонимного автора, которые и изданы в 3705 году под названием «Бумаги Платона». Еще одна мистификация – внутри созданного автором текста существует другой текст, со своим хронотопом, своими героями, жизнь главного из которых – изгнанного из города-государства за инакомыслие Платона – закончена, а воспоминания о нем в виде его речей и размышлений, воссозданных анонимным учеником, возможно, последователем, предлагаются нам, читателям XXI века. Игра воображения, словесная игра, по-видимому, имеют своей целью моделирование микротекстов, наполненных и отягощенных историей, что, по мнению М. М. Бахтина, «...впитывает «запахи» предыдущих контекстов» [3, с.101] и создает новую историю, в данном случае, псевдоисторию, которая является реальной в контексте книги жизни нового Платона.

Когда-то Слово Сократа, зафиксированное и отшлифованное реальным Платоном, смоделировало образ отравленного за развращение молодежи философа и во многом определило отношение к Сократу последующих эпох. Тем же самым – моделированием истории – занимается новый Платон. Он создает образ предшествующих эпох, используя для этого обрывки киноленты Хичкока и слова из найденных отрывков печатной продукции. Очевидно, что в замкнутом пространстве нового сообщества, в его языке, то есть в новом «дома бытия» (М. Хайдеггер) [5, с.218], отсутствует множество явлений духовного порядка, которые требуют соответствующих словесных понятий. Слова, словосочетания, идиомы, привычные для прошлых Платону эпох, воспринимаются им, словно детским сознанием, в прямом значении каждого составляющего элемента. Образность мышления исчезла вместе с исчезновением исторической памяти поколений. Основными источниками глоссария, над которым работает Платон, является «подлинный шедевр комической прозы» роман Чарльза Диккенса «Происхождение видов путем естественного отбора», (новый Платон путает двух авторов – Чарльза Диккенса и Чарльза Дарвина), «анекдоты»

одного из братьев Марксов, сочинения «великого плута» Фрода (имя собственное «Фрейд» прочитывается и воспринимается как прозвище «fraud» – обманщик, мошенник). Столь же смело и однозначно, однобоко и изолированно объясняются сохранившиеся каким-то образом другие собственные имена. При этом в возникновении родовых имен, как это происходило при возникновении понятий в ходе истории, подчеркиваются личностные характеристики, связь с неорганическим миром или сфера занятости человека. словно компьютер с заранее заданной программой, Платон Акройда просеивает культурный слой неведомой ему эпохи через систему координат, которая допускает единственное толкование слов и словесных коллокаций, не допуская образности в образовании понятий и лишая их той наполненности, которой они обладали в контексте своей культурной атмосферы. Поэтому «общество потребления» читается не как сочетание, а расщепляется на «общество тех, кто много потреблял, то есть, ел», а в целом жизнь человеческая в XX–XXI веках определялась как темная эпоха хаоса и бедствий с культом войны, мрачными обрядами, рождающими смятение, мучения, агрессию в результате слепого поклонения языческой богине Информации.

Прикоснуться к архетипу национальной и мировой культуры Платону помогает Душа. Незримо для других, она навещает его, пробуждая в диалогах с ним воспоминания об умершей матери и ее рассказах об иной, прошлой жизни, о детстве, о посещении Дома Мертвых (библиотеки, которая, по-видимому, больше не существует), рождает ассоциации и пробуждает забытые образы. Благодаря Душе, Платон совершает путешествие в другую эпоху, ту самую, представления о которой он насаждает с помощью глоссария и своих речей. Очевидно, что Душа – это Память (весьма характерная для антиутопии метакатегория), обретение которой приводит к тому, что Платон начинает сомневаться в незыблемости своих представлений о «реальном тексте» других эпох. Ожившая Память-Душа подталкивает его к соотносению своего личного опыта с опытом отношений и культуры человеческого универсума, к познанию других смыслов созданного им инварианта, который, в конечном итоге, осознается им как вариант сохраненного в слове прошлого опыта. Однако попытки пробудить сомнения в согражданах приводят к обвинению Платона, как когда-то в далеких веках то было с Сократом по версии древнегреческого Платона, в развращении молодежи. Напрасно он взывает в речи на обвинительном процессе: «Я призываю вас ставить вопросы и пытаться порой взглянуть на мир по-иному... Если мы не научимся сомневаться, возможно, и наша эпоха умрет». Смысл его слов не понятен для современников, и Платона изгоняют из города.

«Предсказание» – так определяет жанр своего произведения сам Акройд. (Полное название романа «The Plato Papers, **a prophecy**»). Созданный Платоном глоссарий не столь уж чужероден для эпохи Акройда и далек от реалий современности. Не все толкования слов воспринимаются как ирония, и только постмодернистская словесная игра – горький гротеск новых образов – подчеркивает зыбкость понятий «реально» и «невозможно».

Таким образом, жанр антиутопии, рожденный историческими катаклизмами, попытками построить Рай на Земле, неизбежно обращается к проблемам истории. Исторический процесс рассматривается в некоторых антиутопических произведениях как спираль, витки которой – например, тоталитарный режим – неотвратимы и диктуются логикой социального развития общества (О. Хаксли «Остров», У. Голдинг «Повелитель мух», В. Войнович «Москва 2042», А. Кестлер «Слепящая тьма», «Москва-ква-ква» В. Аксенова, «Кысь» Т. Толстой и др.). Соотношение внутри триады «Человек–цивилизация–социум» и развенчание мифа об улучшении природы человека в ходе исторического прогресса и революционных преобразований – основная тема

других образцов этого жанра (например, в романах О. Хаксли «О дивный новый мир» и «Обезьяна и сущность», произведении Г. Уэллса «Когда спящий проснется», антиутопиях «Мы» Е. Замятина и «1984» Дж. Оруэлла и других). В любом случае, традиционная антиутопия – это непременно предостережение о непредсказуемости результатов исторического и цивилизационного научно-технического прогресса для судеб человека и человечества. Постмодернистская антиутопия заставляет сомневаться в однозначности выводов, объективности свидетельств, адекватности человеческой памяти, непредвзятости историографов, справедливости исторических истин.

Список использованной литературы

1. **Акройд Питер.** Повесть о Платоне. М., «Прогресс», 2002
2. **Барнс Джулиан.** История мира в 10 ½ главах // Иностранная литература. №1. 1994, с.67–232.
3. **Бахтин М. М.** Марксизм и философия языка: основные проблемы социологического метода в науке о языке // М., Лабиринт, 1993.
4. **Лотман Ю. М.** Текст в тексте // Семиосфера. СПб., 2001.
5. **Хайдеггер М.** Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993.
6. **Ackroyd P.** The Plato Papers, a Prophecy. New York, 2000.
7. **Barnes J.** A History of the World in 10 ½ Chapters.
8. London, Jonothan Cape, 1989.
9. [www A: The Plato Papers. htm](#)

(научные публикации выпускников специальности «Культурология»)

М.А. Гречихина

ФОРМЫ И ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ.

Актуальное искусство – это эксперимент в области современного художественного творчества. И как любые новации, это касается и сферы эстетического, оно с трудом приживается в российской провинции. Какие формы оно принимает и как реализуется в провинциальном пространстве – вот вопросы, на которые необходимо ответить в ходе нашего эксперимента – функционирования Центра современного молодежного искусства.

Искусство рубежа XX – XXI веков меняет язык своих направлений – музыки, живописи, литературы и театра... Это время переосмысления старых и создания новых форм, созвучных современности. Меняется не только отношение человека к миру, но и его представление о художнике, зрителе и творчестве в целом, появляется необходимость в новых способах передачи информации, новых формах искусства [8].

Современное искусство – так называется современный художественный процесс, базирующийся на постмодернизме. В русском языке вместо неоднозначного термина «современное искусство» используют термин «актуальное искусство», который эквивалентен английскому ‘contemporary art’. Современным по сути можно назвать все, что относится к настоящему моменту. Актуальный же художник не приписывает себя к какой-либо определенной художественной традиции и занят не созданием «шедевров», он использует весь накопившийся до него опыт и занят живым экспериментом, стремясь уничтожить грань между искусством и действительностью [7]. Нынешние художники осваивают реальность, в которой им приходится жить. Здесь все та же попытка проникнуть в окружающий мир, осмыслить современную реальность, научиться жить в ней, художественно овладеть, преобразив, отобразив [3]. Средства отображения в связи с техническим прогрессом тоже меняются: место карандаша в руке у художника заняла видеокамера, при создании произведений используются предметы, еще недавно бывшие в массовом повседневном употреблении, то, что еще недавно находилось за пределами искусства и относилось к реальной жизни. Настоящему художнику одновременно и хватает того, что под рукой, и всегда чуть недостаточно. Мало пространства на холсте, мало объема, движения, фактуры в станковой живописи, мало дыхания, мало современности, действия, мало жизни [3].

Актуальные художники выполняют важную социальную функцию, «очеловечивая» и «одушевляя» через свое творчество технологические новшества, адаптируя их к культурной среде через искусство [7].

Вообще, в мировой культурной практике еще не снят вопрос о том, все ли может стать объектом искусства. Старые границы исчезли, новые границы пока не ясны. «Но необходимо помнить, что именно новое искусство, сперва кажущееся шо-

кирующим и скандальным, изменяет повседневную жизнь», – считает руководитель Федерального агентства по культуре и кинематографии Михаил Швыдкой [5]. Где новизна? Куда нужно расти? Непонятно. Современных художников интересуют вещи, актуальные сейчас и сегодня: терроризм, глобализм, голод в Африке, секс, СПИД, роли мужчины и женщины в современном обществе, экология и место человека в современных коммуникациях. В этих условиях деятельность художника превращается в постижение все новых областей, в освоение новых возможностей. Художественная воля из привычной зоны художественно-визуального творчества перемещается в новые, еще неосвоенные зоны. Поэтому современное искусство – это эксперимент. В соответствии с этими тенденциями оно развивается на западе и в некоторых крупных российских городах.

Мы живем в эпоху глобализации, когда каждая локальная, исторически обусловленная культура должна преодолеть свою замкнутость, выйти в транскультурное пространство, найти путь освоения этого пространства и язык общения с другими культурами. Одной из универсальных форм, позволяющих людям разных этнических, социальных, религиозных и др. групп понимать друг друга, – актуальное искусство, являющееся определенной частью современного искусства, существующего в границах той или иной культуры. Именно современное искусство имеет предельно общий набор понятий для понимания других людей и описания современной действительности. Посредством его инструментов местное искусство преодолевает свою замкнутость, т.к. обладает универсальным языком общения при современном процессе глобализации. Петер Нойевер, директор венского Музея прикладного искусства и куратор выставки современного искусства «Давай!», проходившей в Чебоксарах (26.02 – 31.03.2003), заметил: «Сейчас, в эпоху глобализации, очень важно, чтобы в фокусе оказывались не только метрополии» [2]. Практики актуального искусства утверждают, что именно contemporary art позволяет НЕ БЫТЬ провинцией.

Главная особенность России – феномен провинции. Такая огромная страна – целиком провинция, с одной стороны, официальной столицы Москвы, с другой, неофициальной – Санкт-Петербурга и, с третьей, еще немногих крупных городов (Екатеринбург, Новосибирск, Пермь, Владивосток, Нижний Новгород, Самара), приближенных к столичному статусу. Именно там концентрируется все – от капитала до технических и культурных достижений. А провинция – постоянный резерв, питающий столичную жизнь.

Актуальное искусство тоже имеет подобную географическую окраску. В российской провинции жизнь не динамична и чаще всего имеет застывшие формы. У большей части населения есть устойчивые представления о месте изобразительного искусства в системе социокультурных форм – представления о том, каким оно должно быть, каким вкусам соответствовать, какие задачи выполнять. На лицо уверенность, что официальная культура является вообще единственной разновидностью «культуры». Эти представления в целом можно оценить как архаизирующие, что обуславливает преимущественно негативное отношение к любым новациям в сфере эстетического, ко всему свежему и нестандартному [9]. Для большинства людей раздражителем оказывается сам факт существования современного искусства, как раздражает их и существование кого-то, не похожего на них самих [6]. Конечно, нас что-то может устраивать, а может не устраивать. Но культура не может быть плохой или хорошей, она разная. Ведь это способ контакта с окружающим миром. Каждый находит свой язык, чтобы представить себя в мире. А как же быть, если нет культурной политики, которая бы предлагала зрителю искусство, альтернативное традиционному.

Формы актуального искусства – проекты, обращенные к сознанию массового зрителя, дающие возможность найти баланс между авангардными художественными

поисками и утилитарным сознанием потребителя продуктов культуры.

Поэтому актуальное искусство всегда ориентировано на общество (и зачастую оно давит на болезненные точки на его теле). Ярче всего это проявилось в таком направлении современного художественного процесса, как public art. Произведения public art посвящены осмысленной гуманизации среды, созданию своей собственной мифологии города, исследованию и проектированию «духа места». Искусство, обладающее статусом произведения public art, т.е. «Искусства в общественных пространствах», должно быть тесно связано с историей, функцией или культурным смыслом места, в котором оно размещено. Оно может заставить нас заметить что-то, чего мы никогда не замечали раньше, или демонстрирует что-то обыденное по-новому, или помогает нам найти самих себя... Используя в качестве экспозиционных площадок открытое пространство города, public art демонстрирует различные способы вовлечения городской среды и городских жителей в творческий замысел художника.

Например, в городе Иваново с его прошлым центра текстильной промышленности возможно было проведение культурной выставки-акции «Между небом и землей» [4], предпринятой творческим коллективом студентов-дизайнеров Ивановской государственной текстильной академии (класс С. Кузьмичевой).

Художники использовали для создания арт-объектов ограниченный набор материалов, отвечающий художественным и технологическим тенденциям современного дизайна (бумага ручного отлива, текстиль, бамбуковые палочки, природные материалы), что обусловило удивительное эстетическое единство сформированной вещественной среды.

Заметная архаическая рукотворность предметов, затрудняющая их предполагаемое тиражирование, сообщала пространству качества непрекращающейся творимости и уникальности результатов в каждом зафиксированном моменте. Такое «органическое» состояние пространства, организованного артефактами, создает позитивный фон для восприятия искусства, формируя, в конечном итоге, «местную», не только эстетическую, но и культурную, среду.

Акция сопровождалась показом моделей, выполненных из бумаги студентами-дизайнерами других классов академии. Ответственная за показ была Елена Максимова. Бумажные модели были выполнены в стилистике разных эпох – от классики до модерна. Музыкальным сопровождением показа послужило авангардное, но в то же время гармоничное, сочетание музыки Генделя, композитора эпохи барокко, и Майкла Наймана, современного композитора, творящего для фильмов Гринуэя.

В результате, акция создала свой вариант public art. Он был реализован не в крупных городских или ландшафтных проектах, не в широко тиражном искусстве, а в соответствии с «логикой места» – камерно, функционально, максимально естественно и близко к зрителю, очень современно.

Мы можем говорить, что главные потребности, которые существуют у молодежи в городе, – это самореализация, качество общения, их желание активного участия в проектах. Необходимо проведение не совсем формальных, нетрадиционных и, может быть, не совсем официальных молодежных по составу художественных акций-перформансов. Это является одной из функций будущего Центра современного молодежного искусства г. Иваново. Центр будет носить экспериментальный характер, так как современный художественный процесс – эксперимент. Наша же задача заключается в теоретическом осмыслении форм, которые будет принимать представленное в Центре современное искусство.

В целом создание Центра современного искусства имеет социокультурное значение. Оно позволит изменить пространство города, объединить художественные силы и привлечь к сотрудничеству молодых профессионалов – студентов творческих

специальностей ивановских вузов, чья деятельность направлена на социум. В конечном плане создание Центра повлечет изменение городской среды, которую на сегодняшний день нельзя назвать культурной.

Можно утверждать, что в провинции имеется художественный потенциал. Это касается и художников, и зрителей. Провинцию отличает не отсутствие искусства. Отличает ее отсутствие спроса на искусство, потребности иметь дело с искусством [1]. Главная проблема – отсутствие минимума образовательно-информационных программ, задача которых объяснить, что люди XXI века уже и так живут в постмодернистском пространстве, только оно художественно не оформленное и не интерпретированное.

Список использованной литературы

1. **Когаловский В.** Одним из семи чудес света...// ИЗОляция – ЧЕТЫРЕ.
2. **Кулик И.** Радикальное искусство дошло до Чебоксар // «Коммерсантъ», 28 февраля 2003. //http://gov.cap.ru/
3. Медиа искусство //http://art.rin.ru/
4. **Миловзорова М.А., Раскатова Е.М.** Современная художественная культура провинции: способы самоидентификации // Глобализация и локальная культура. Сб. науч. ст., М, РГГУ, 2002. стр. 127 – 136.
5. **Плунгян Н.** Иосиф Бакштейн: продать можно даже воздух. Беседа с куратором-координатором Московской биеннале // Полит.Ру 27 января 2005. //http://www.moscowbiennale.ru/
6. Радикальное искусство дошло до Чебоксар // Коммерсантъ 28.02.2003. //http://gov.cap.ru/
7. Словарь современного искусства «Арт-Азбука» //http://www.azbuka.gif.ru/
8. **Фадеева А.** Мир искусства и мир перформанса. Традиции отечественного искусства XX века в практике московского перформанса 1970 – 1980-х годов. // http://www.gif.ru/
9. **Grechikhina M.** The Cultural Context of Russian Province and Problems of Actual Art.// 5th International Young Scientists' Conference 'Environment, Development, Engineering, Modelling'. Cracow, Cracow University of Technology, 2004. p.19–20.

Научный руководитель: М.А. Миловзорова

М.В. Диок

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ: СОВРЕМЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКСПОЗИЦИОННО-ВЫСТАВОЧНОГО ПРОСТРАНСТВА (НА ПРИМЕРЕ ИВАНОВСКОГО ОБЛАСТНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ В 1996-2003 гг).

К концу XX столетия музей превратился в полифункциональное учреждение со сложной внутренней структурой и широко разветвленными связями. Эти изменения были продиктованы не только эпохой, политической и социокультурной ситуацией, но и новым подходом к осмыслению музея как феномена. Музей является хра-

нителем памяти поколений, а также институтом, отбирающим и передающим эту память. Среди виртуальности, иллюзий и навязываемых точек зрения, музей с подлинной ВЕЩЬЮ дает человеку прочную основу для собственных ощущений, суждений и мнений.

Проблема экспозиции (как постоянной, так и временной) является сегодня наиболее сложной из всех видов профессиональной деятельности музеев. Поэтому вопрос организации экспозиционного пространства решают не только столичные музеи, но и провинциальные, к которым относится и Ивановский областной художественный музей.

Анализ его экспозиционно-выставочной деятельности мы ограничили **рамками 1996 – 2003 гг.** Это объясняется тем, что именно с 1996 года начинается интенсификация выставочной деятельности музея. Выбор верхней границы исследования (2003 г.) обусловлен тем, что с 2004 года музей претерпевает ряд административных реорганизаций.

Источником по истории музейного строительства в городе и области в советский период стали документы Государственного архива Ивановской области, позволившие выявить специфику, характерные черты развития музейного дела, в том числе особенности организации экспозиции в музеях. Для исследования экспозиционно-выставочной деятельности Ивановского художественного музея мы обращались к его архиву. В частности, особое внимание было уделено изучению материалов, посвященных отдельным выставочным проектам или циклам выставок и включающих в себя афиши, пригласительные билеты, буклеты, каталоги выставок, анонсы, пресс-релизы, аннотации, фотографии, подбор статей из газет и журналов местной и центральной периодической печати, книги отзывов, статистические данные.

Анализ исследовательской **литературы** по проблемам формирования музейного пространства России, а также экспозиционного проектирования свидетельствует о том, что наиболее интенсивная разработка этих вопросов приходится на последнее десятилетие. При этом современное состояние музейного дела в Ивановской области остается практически не освещенным, в частности о деятельности Ивановского областного художественного музея, который обладает уникальной коллекцией и огромным культурным потенциалом, нет ни одного исследования.

Становление музейного дела в России, пройдя этапы XVIII века с его нечетким представлением о принципах систематизации материала, XIX века с его восприятием музея как храма науки и общедоступного учреждения, к началу XX века привело к формированию музея как социокультурного института, основными функциями которого стали: комплектование, хранение, экспонирование и просвещение.

Послереволюционные тематические экспозиции, призванные иллюстрировать различные теоретические положения новой исторической науки, состояли из комплексов, включающих самые разнообразные предметы, зачастую не обладающие музейной ценностью. Практически без изменений эта ситуация сохранилась до 1990-х гг., когда в связи с изменившимися политическими условиями стало возможным осмысление музея на принципиально новом уровне – как феномена культуры.

В современных условиях каждый музей решает, по какому пути пойти в сфере проектирования музейной постоянной и временной экспозиций: ориентации на масс-культуру с усредненными требованиями и претензией на развлекательность или сохранения музея как уникального социокультурного института? Но какой бы путь не был выбран, необходимо помнить о том, что музей ответственен за предоставляемую посетителю информацию, которая должна быть предельно объективна и достоверна.

Все вышеобозначенные проблемы актуальны не только для столичных, но и для провинциальных музеев, к которым относится и объект нашего исследования – Ивановский областной художественный музей.

Музейная традиция Иванова зародилась на рубеже XIX – XX вв. Важно отметить, что первые в городе выставки были по своему характеру художественными, а Музей промышленности и искусства, посредством своей коллекции и экспозиции, представлял культуру разных стран и народов. В советский период в городе и области доминируют краеведческие музеи, в которых особое внимание уделялось экспозициям, посвященным истории и достижениям советского общества. Музей стал средством иллюстрации и пропаганды вновь написанной истории страны и партии.

Сегодня музеи, и ивановские в том числе, встраиваясь в новую социокультурную модель, вынуждены конкурировать с досуговыми учреждениями, обращаясь к не свойственным им формам работы и изменяя свои постоянные и временные экспозиции. Это приводит к деформации экспозиционно-выставочного пространства. Учитывая, что на сегодня Ивановский областной художественный музей остался единственным в городе и области целостным музейным образованием, мы можем наблюдать эти деформации на его примере.

В 1996-2003 гг. увеличилось количество сменных выставок, организованных музеем. Они меняются практически ежемесячно. Выставочное пространство используется более активно и постепенно вытесняет постоянную экспозицию из сферы интересов посетителя и сотрудников музея. Кроме того, большинство выставок музея уже не представляют собой простую демонстрацию произведений искусства, выявляющих достоинства и художественную значимость последних. Теперь это, как правило, выставочные проекты, основанные на авторской концепции с привлечением оборудования, научно-вспомогательного материала, предметов быта и т.п. Чем продиктован такой подход? Ответить однозначно на это вопрос - сложно. Постоянная экспозиция построена по историко-систематическому принципу («академический ряд»), а выставочный материал «излагается» проблемно, в зависимости от характера темы и от концепции. Стационарная экспозиция более знакома местным жителям, и не так много людей посещают её регулярно. А постоянно обновляющееся выставочное пространство дает возможность по-новому взглянуть на классическое и современное искусство, на форму презентации, тип экспонирования, а также на возможность создания единого коммуникативного пространства и включения в него зрителя.

Все это, безусловно, повышает интерес к выставочным проектам, но одновременно приводит к нарушению, деформации традиционного музейного пространства, без которого музей перестает существовать как феномен культуры.

Научный руководитель: И.А. Чупарина

А.Д. Пелевина

МОДЕЛЬ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОЕКТА «РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ «МАЛОГО» ГОРОДА»

Социально-экономические преобразования в России, произошедшие в последнее десятилетие XX столетия, как, может быть, ни в какой другой отрасли, наиболее ярко и противоречиво отразились в сфере культуры,

До конца 1980-х гг. в СССР отношения государства к отрасли культуры определялись тем, что государство однозначно определяло идеологический заказ всем структурным подразделениям отрасли: учреждениям художественного воспитания, театрам, концертным организациям, музеям, библиотекам, архивам, клубам. Их деятельность регулировалась исходя из интересов заказчика, равно как и деятельность профессионалов в области искусства.

В 1990-х гг. отношения между государством и отраслью культуры изменились коренным образом. Государство отказалось от патерналистского подхода в сфере искусства к учреждениям культуры, одновременно отказавшись от каких бы то ни было идеологических притязаний. За пределы государственного влияния вышла важнейшая область - массовая культура. "Шоу-бизнес" и массовая информация перешли в систему рыночных отношений. В 1990-е годы для российской культуры проявились две основные противоположные тенденции. С одной стороны, формирование демократических основ государства обусловило резкий рост самодеятельности граждан. В стране сотнями возникали новые творческие коллективы, театры, музеи, творческие объединения. Появились новые типы потребителей и заказчиков профессионального искусства, строивших свои отношения с «творцами» на рыночных принципах.

С другой стороны, государство последовательно уменьшало свое участие в поддержке отечественной культуры, полагая, что формирующийся рынок решит все проблемы автоматически. Но именно в 90-е годы со всей силой проявились те проблемы отечественной культуры, которые никогда не пытались решить в советское время. Поскольку советское государство делало основной акцент на массовые формы и уровни культуры (при одновременной поддержке исключительно тонкого слоя творческой элиты, необходимой для сохранения международного имиджа государства), в стране существовала огромная сеть нежизнеспособных в иных экономических условиях клубных и культурно-просветительских учреждений. Все остальное в культуре, существовавшее между избранной элитой и низовым, массовым звеном, находилось в состоянии стагнации и нарастающего кризиса.

Проявившись со всей силой именно в 90-е годы, этот кризис характеризовался катастрофическим состоянием материально-технической базы культуры, отсутствием в музеях, библиотеках, театрах, учебных заведениях не только современного, но просто элементарно необходимого оборудования (систем обеспечения охраны и пожарной безопасности в музейных и библиотечных хранилищах, театрального сценического оборудования, музыкальных инструментов и т.п.), ухудшающимся с каждым годом состоянием сохранности недвижимых памятников истории и культуры и музейных экспонатов, отсутствием достоверной системы государственного учета памятников истории и культуры, мизерным для огромной страны количеством профессиональных сценических и филармонических площадок, позволяющих поддерживать минимальный уровень гастрольного обмена и т.д.

Современные реалии российской культуры характеризуются еще и следующим:

- *нарастающей угрозой невосполнимых потерь в культурном наследии как стратегическом ресурсе России;*
- *"истончением" и угрозой критического сокращения кадрового потенциала культуры в результате резкого снижения уровня доходов творческих работников, их фактического обнищания, массовой миграции за рубеж и в другие сектора экономики;*
- *замедлением темпов модернизации и новаторства в культурной жизни, как важнейших факторов развития культуры и повышения социальной активности населения;*

- *разрывом культурного пространства и сокращением участия России в мировом культурном обмене;*
- *критическим снижением уровня обеспеченности населения культурными благами.*

Отечественная культура развивается в сложных условиях, когда многие идеологические догмы утратили свое значение, а новые ценности и социальные установки еще только формируются. Этот процесс протекает в несвойственных для сферы культуры условиях рыночной экономики, что требует применения новых методов решения обозначенных проблем для преодоления спада в сфере российской культуры.

Одним из наиболее перспективных и, как показывает современная практика, действенных способов решения проблем культуры является проектный метод, способный учитывать основные параметры успешной культурной политики многих развитых стран мира. Он предполагает:

- *широкое понимание культуры как искусственного мира людей и рассмотрение культурной политики с точки зрения повышения качества жизни всех членов общества, а не только работников искусства и отрасли культуры;*
- *использование многоканальной модели финансирования объектов, учреждений культуры, социально значимых видов культурной активности;*
- *широкий доступ различных социокультурных групп к культурной информации;*
- *широкое использование учреждений культуры в просветительских и рекреативных целях;*
- *включение в категорию "национальное культурное достояние" не только объектов культуры, но и социально ценных видов деятельности;*
- *поддержание культурной элиты;*
- *широкое использование меценатства и спонсорства в сфере культуры за счет налоговых льгот тем, кто финансирует отдельные культурные объекты, мероприятия, виды культурной профессиональной деятельности;*
- *интенсивный международный культурный обмен.*

Именно по этой причине для активизации культурного потенциала одного из многочисленных «малых» городов России (города Боровичи Новгородской области), разработали модель социокультурного проекта «Развитие культуры «малого» города».

Миссия проекта

Социокультурный проект «Развитие культуры «малого» города» нацелен на выработку новых моделей культурной жизни города Боровичи с учетом местной социально-экономической и культурной специфики, культурных предпочтений населения, на создание особой, уникальной культурной среды города, определение его культурно-исторического значения, возрождение забытых и формирование новых, современных культурных традиций, активное вовлечение населения в культурную жизнь города.

Цели и задачи проекта

Основная цель проекта - содействие социальному и культурному развитию «малого» города Боровичи.

Основные задачи проекта:

- *модернизация культурно-досуговой инфраструктуры;*
- *формирование и развитие городских культурных традиций;*
- *формирование культурно-туристической привлекательности города;*

- *формирование национального самосознания детей и молодежи, воспитание в них патриотизма и любви к «малой» родине;*
- *содействие активному вовлечению населения в культурную жизнь города.*

Направления деятельности по проекту

- *Модернизация культурно-досуговой инфраструктуры.*
- *Формирование и развитие городских культурных традиций.*
- *Формирование культурно-туристической привлекательности города.*
- *Формирование национального самосознания детей и молодежи, воспитание в них патриотизма и любви к «малой» родине.*
- *Содействие активному вовлечению населения в культурную жизнь города.*

Значимость проекта.

Федеральная значимость проекта:

- *вклад в постепенное возрождение России через развитие культуры ее «малых» городов;*
- *возрождение исторических традиций русского народа;*
- *формирование национального самосознания детей и молодежи, воспитание патриотизма.*

Региональная значимость:

- *организация разнообразной культурно-досуговой деятельности, направленной на:*
 - *духовное и физическое развитие населения города и района,*
 - *развитие творческой активности жителей города,*
 - *рекреацию,*
 - *социальную интеграцию населения города;*
- *возрождение старых и создание новых городских культурных традиций;*
- *расширение культурных коммуникаций;*
- *обеспечение конкурентоспособности города в процессах культурной жизни области;*
- *повышение инвестиционной привлекательности региона через развитие туризма.*

Социальная значимость:

- *удовлетворение нематериальных потребностей жителей города;*
- *социальная интеграция, духовное и физическое развитие населения города;*
- *активное вовлечение населения в культурную жизнь города;*
- *развитие профессионального и самодеятельного творчества;*
- *создание новых рабочих мест.*

Проектный метод позволяет сконцентрировать финансовые ресурсы на проведении работ на конкретных объектах, предотвратить их распыление. Кроме того, проектная деятельность заставляет налаживать новые партнерские и деловые отношения, изыскивать дополнительные источники финансирования, привлекать спонсоров. Каждый социокультурный проект - уникальная «частица», из которых строится единое культурное пространство города, региона или всей страны во всем его многообразии и самобытности.

Научный руководитель: С.И. Федосеева

ХРИСТИАНСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ЦЕННОСТИ В СОЗНАНИИ ДРЕВНЕРУССКИХ КНЯЗЕЙ X - XII ВЕКОВ

В конце X века Русь из Византии приняла христианство в качестве официальной религии. Это было сделано по инициативе княжеско-дружинной корпорации. Затем – в течение нескольких веков – в новую веру были обращены все слои древнерусского общества; христианство распространилось почти по всей территории, подвластной династии Рюриковичей.

Такова внешняя сторона христианизации, связанная с пространственно-географическим и социальным распространением новой религии. Однако есть и внутренняя сторона христианизации – это усвоение (рецепция) вчерашними язычниками христианских представлений и ценностей. Наше исследование посвящено рецепции христианской культуры древнерусскими князьями, без чего невозможно адекватно понять их сознание, мотивацию их действий, от которых зависели судьбы Древнерусского государства.

Анализ историографии (работ Горского, Даркевича, Кузьмина, Карташева, Толстого, Поспеловского, Шайкина, Шапова) показал, что в исторической науке тема религиозного сознания князей изучена недостаточно. Исследователи, как правило, писали о религиозном сознании «книжников» (образованного духовенства), о религиозном сознании остальной массы населения – крестьян, ремесленников и т. д. (их религиозное сознание определялось как «двоеверие» или «народное христианство»).

Цель нашего исследования – показать, какие христианские представления и ценности, проповедуемые церковью, и в какой степени проникли в сознание князей Киевской Руси, как они взаимодействовали с языческими традициями. Достижение поставленной цели связано с решением ряда задач: рассмотреть вопрос о том, как под влиянием христианской этической системы изменилось отношение древнерусских князей к таким явлениям, как месть и убийство; выяснить, какую роль во взаимоотношениях князей играл обычай крестоцелования, какие идеи были связаны с этим обычаем, насколько эти идеи укоренились в их сознании; изучить представления древнерусских князей о покровительстве высших сил.

Изучение источников – «Повести временных лет» и «Поучения» Владимира Мономаха (начало XII в.) – позволило нам прийти к следующим выводам.

Князья, легко усвоив внешние формы религиозности (мы имеем в виду соблюдение церковных обрядов, заботу о церкви и духовенстве), с трудом и постепенно становились христианами в этическом отношении. Причина этого в том, что христианство как этическая система существенно отличалось от язычества. Например, в языческом мировоззрении убийство не считалось злом, а месть воспринималась даже как должное (вспомним рассказ о мести княгини Ольги и другие кровавые драмы IX - X вв., отраженные в «Повести временных лет»). Христианство отвергало месть и убийство. Церковь наставляла князей воздерживаться от убийства своих врагов, не мстить, а возлагать отпущение на Бога. Церковь признавала убийство лишь в том случае, если речь шла о казни преступника, вина которого установлена (это воспринималось как поддержание порядка в обществе, что было долгом христианского правителя). Первым из правителей Руси, кто воспринял заповедь «не убий», стал Владимир Святой. Боясь погубить душу, он отказался даже от казней преступников (пока церковь не убедила его в необходимости справедливой кары). Но преемники Владимира не столь прониклись учением церкви. «Повесть временных лет» описывает жестокие «политические» убийства Святополка; мщение новгородцам Ярослава

Владимировича, который внешне проявлял себя как набожный человек (заботился о церкви, духовенстве); массовые убийства горожан Мстиславом Изяславичем и Васильком Тербовльским, которыми двигали гнев и желание мести.

Однако из источников видно, что в некоторых случаях русские князья начинают вести себя не так, как их языческие предки: Изяслав Ярославич не убивает своего соперника в борьбе за Киевский стол, но сажает в поруб, когда же возникла угроза его освобождения киевлянами, то Изяслав не следует совету дружины убить его; князь Владимир Мономах наставлял в «Поучении» своих детей не мстить и не убивать христиан. Он (как и Мстислав, его сын) прощает князю Олегу убийство своего сына Изяслава. Согласно учению церкви, он возлагает отпущение на Бога. Впрочем, Мономах не всегда был образцом христианского прощения и милосердия (в «Поучении» он вспоминает, что, захватив Минск, «не оставил в нем ни челядина, ни скотины»).

О том, насколько глубоко христианство проникло в сознание древнерусских князей, можно судить по тому, как они относились к обряду крестоцелования, которым, с принятием христианства, скреплялись договоренности. Этот обычай довольно быстро вошел в употребление в христианской Руси, поскольку он начал проникать из Византии еще в языческие времена (часть дружинников киевского князя, принявших христианство, уже в первой половине X в., целовали крест при заключении договоров с императорами); а также потому, что у него был свой языческий аналог (до крещения князь и дружина клялись оружием и богами – Перуном и Велесом).

С точки зрения церкви нарушение крестоцелования было тяжким грехом, совершая который, человек губил душу (правда, иногда духовенство само освобождало князей от обещания, данного на кресте, если это могло, например, предотвратить кровопролитие между христианами). Но, несмотря на это, князья часто им пренебрегали, не боясь Божьего гнева и гибели своей души – Ярославичи в борьбе против Всеслава Брячиславича, Давыд Игоревич и Святополк Изяславич в борьбе против Василька Тербовльского.

Однако в источниках встречаются и случаи соблюдения крестоцелования, упоминаются князья, выступающие за его строгое соблюдение: когда двоюродные братья Мономаха призывали его пойти с ними на Ростиславичей и нарушить крестоцелование, князь велел им отвечать: «Хоть вы и гневаетесь, не могу я ни с вами пойти, ни крестоцелование преступить». Владимир понимал, что его отказ помочь братьям вызовет их недовольство, ухудшит отношения с ними. Но спасение души было для него выше политических интересов и родственной солидарности.

Став христианами, русские князья особенно легко приняли идею покровительства со стороны небесных сил новой религии. Это можно объяснить тем, что на Руси представления о покровительстве высших сил уходят корнями в языческую древность, когда люди верили, что, совершая тот или иной обряд, принося жертву, они заслуживают милость и покровительство богов (это можно назвать отношениями обмена: ты мне – я тебе). Взаимоотношения русских князей с высшими силами христианства отчасти напоминали отношения с языческими богами. Чтобы получить помощь от Бога, Богородицы, святых и ангелов было необходимо дать обет построить церковь, совершить церковный обряд, раздать милостыню (это напоминает отношения обмена). Так поступали многие князья: Владимир Святой, его сын Мстислав Владимирович и др. Кроме того, князья стремились совершать военные акции в день того или иного святого или Богородицы, рассчитывая на их особую помощь.

Однако наиболее религиозно образованные князья верили, что Бог посылает помощь не тем, кто просто выполняет обряды и заботится о церкви, но смиренным и милосердным праведникам – такую мысль проводит Мономах в своем «Поучении». Это говорит о том, что постепенно христианская этика, проповедуемая церковью,

проникала в сознание князей и влияла на их взаимоотношения с высшими силами. Эти взаимоотношения со временем стали меньше походить на языческие.

Таким образом, проникновение христианских представлений и ценностей в сознание древнерусских князей было сложным и постепенным процессом. Труднее всего усваивались новые этические ценности, которые в корне отличались от языческих. Легче усваивались те элементы христианства, которые имели языческие аналоги. При этом они во многом уподоблялись этим аналогам. Такое положение вещей было свойственно не только для Киевской Руси, но и для других раннесредневековых государств Европы.

Научный руководитель: Д.В.Самотовинский

М.Н. Трефилова

ПРАКТИКИ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ ГОРОЖАН НА РУБЕЖЕ 19-20 ВЕКОВ (НА МАТЕРИАЛАХ ВЛАДИМИР- СКОЙ, КОСТРОМСКОЙ, ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИЙ): ПРО- БЛЕМА ЗНАКОМСТВА И ПОИСКА СУПРУГА

Семья – это основная социальная и экономическая ячейка общества, один из наиболее значимых и древних социальных институтов. В эпохи политических трансформаций и исторических сдвигов люди продолжали строить свои взаимоотношения, вступали в брак, рожали и воспитывали детей. Семья является зеркалом, в котором отражаются социальные, правовые, демографические, культурные стороны жизни народа. Исследование семейно-брачной проблематики рубежа веков позволяет найти решение вопросов, касающихся существования современной семьи. Многие из них имеют свои социально-экономические, духовные корни в истории первых десятилетий XX века. Опыт существования семьи в период социально-экономических и культурных преобразований дает возможность извлечь и учесть важные уроки при нынешнем реформировании страны, при решении острейших проблем современной российской семьи.

Опыт изучения семейно-брачных отношений включает множество аспектов и направлений исследовательской работы. В дипломном проекте “Практики семейно-брачных отношений горожан в 1890-1926 годах (на материалах Владимирской, Костромской, Ярославской губерний)” нами рассматривались юридические основания семейно-брачных отношений, практики знакомств, взаимные ожидания сторон, влияние родителей на заключение брачного союза, мотивы и процедура вступления в брак, практики семейной жизни, роли и положение мужчины и женщины в семье и обществе, отношения между родителями и детьми, особенности воспитания, причины конфликтов в семейной жизни и мотивы к расторжению браков, было отражено влияние государственной политики и церкви, общественных дискуссий, законодательства на практики семейной жизни.

В настоящей статье обратимся к начальному этапу создания семьи и рассмотрим практики знакомства на рубеже 19-20 веков.

Как показала Т.Б. Котлова, в конце 19 – начале 20 века знакомство и сближение девушек, достигших брачного возраста, с потенциальными женихами происхо-

дило преимущественно внутри той социальной среды, с которой они были связаны происхождением, во всех городских слоях при заключении браков сохранялось **преобладание социально гомогенных союзов** [8, с. 23]. Кроме того, как показывает анализ брачных объявлений, размещенных в газетах «Узы Гименея», «Брачная газета», «Новобрачная газета», желанием вступающих в брак чаще всего было «найти подходящую партию», сходную по собственному социальному статусу и положению семьи, капиталам, уровню образования, идеалам:

«Инженер с германским дипломом, служащий в крупном предприятии, желает найти подходящую партию», - пишет один из корреспондентов «Брачной газеты». [14, с. 4]

Знакомство с потенциальными женихами и невестами могло происходить дома и вне его – **на вечерах и праздниках**. Конечно, для представителей различных сословий такие знакомства происходили по-разному. Как показала Г.В. Жирнова, мещане знакомились на «вечерках», устраиваемых самими участниками [3, с. 26]. Практически во всех слоях городского населения существовала традиция справлять именины. Таким образом, круг потенциальных брачных партнеров определялся положением семьи в обществе, широтой знакомств, связей, кругом общения. Дворянство и купечество, помимо именинных праздников, выводило молодежь на семейные танцевальные вечера и балы. Кроме того, познакомиться можно было и на общегородских праздниках, на масличных гуляньях, даже на святках, когда «толпы ряженой молодежи с музыкой ходили по домам, разыгрывая представления...». [7, с. 113] Интересное описание знакомства «на вечере» представлено в 5 номере «Новобрачной газеты» от 1 июля 1907 года: *«История, брат, очень обыкновенная... Я только что кончил университет... Вообще, состояние очень восторженное. И вот в это время на одном вечере я встретил Марию Павловну. Вечер был очень веселый: масса молодежи, пенье, смех. Она была так обворожительна, изящна... После вечера я провожал ее. Затем после 2-3 прогулки вдвоем. Несколько мелких услуг. Ласковые взгляды – и все кончено. Через 3 месяца я уже был женат».* [9, с. 2]

Помимо прочих, популярным местом встреч была... церковь. «Храм нередко делается местом радостных встреч, свиданий, разговоров, шуток между молодыми людьми...», - с негодованием писал корреспондент «Владимирских епархиальных ведомостей». [5, с. 471]

Тем не менее, способ знакомства во время вечера или праздника, вне домашних стен, был скорее своеобразной «ярмаркой» потенциальных супругов, изучением «рыночной ситуации». Целенаправленным подбором супругов занимались, как правило, родители или свахи.

«Сама молодёжь не имела возможности познакомиться и сблизиться с теми лицами, на которых могла бы жениться или выйти замуж, а потому родители прибегали к установившемуся обычаю сватовства», - пишет в своих воспоминаниях Н.А.Варенцов. [1, с. 624]

Работа свах оценивалась как профессиональный труд, поэтому, очевидно, требовала «профессиональных работников». [4, с. 794] Исходя из анализа объявлений в «Брачной» и «Новобрачной» газетах, от свах, как правило, ожидали «обширных знакомств» и умения подобрать «подобающую пару», не прогадав:

«Нужна интеллигентная сваха, имеющая богатые знакомства», [14, с. 1] - гласит одно из многочисленных газетных объявлений.

Осуществлялся ли поиск супруга через сваху, либо через родственников в так называемом «ближнем круге», он происходил по воле и в соответствии с желанием родителей брачующихся. Браки «по принуждению» на рубеже XIX – XX веков - запрещенная законом, но весьма распространенная форма вступления в брак. Офици-

ально, родители должны были «заботиться об отдаче дочерей в замужество» [15, с. 43], но принуждать к браку не имели права. На деле, как отмечает В.Г. Жирнова, даже в начале XX века «у всех сословий брак основывался на экономическом расчете и неравноправном положении женщины; брак в большинстве случаев заключался без учета ее воли и склонности». [3, с. 23-24] «Новобрачная газета» описывает ситуацию следующим образом: «Они [насильственные браки] существуют не только в грубых, некультурных слоях, купеческих и мещанских обществах, но бывают даже и в интеллигентных кругах». [13, с. 1] Здесь следует оговориться. Положение мужчины и женщины в данном случае отличалось. Принуждение к браку жениха встречается в источниках редко: «Обрешили они меня женить. Сначала я и руками, и ногами отбивался, а потом... согласился, чтоб с кем они, значит, захотят, с той и обвенчаться». [6, с. 45] Обычно сыновья лишь обращались «к отцу за разрешением на брак» [1, с. 445] и «искали себе невест, не спрашиваясь у родителей» [6, с. 23], либо женились «после смерти отца и после раздела имущества» [6, с. 23]. Даже закон не делал оговорки о том, что родители должны подыскивать сыновьям невест, - она касалась лишь девушек. Такая ситуация ярко иллюстрировала неравное положение мужчины и женщины. Патриархальная культура, в которой власть родителей над детьми закреплялась законом, тем не менее, позволяла детям **мужского** пола при выборе жены проявлять самостоятельность, быть субъектом заключения брака, тогда как женщина в рамках патриархального общества оставалась лишь пассивным объектом, бесправным в решении своей судьбы. Поэтому «неограниченная родительская власть» при вступлении дочери в замужество действовала повсеместно.

А.И. Волкова, которую потрясло известие о самоубийстве молодой девушки, которую насильно выдали замуж, писала в своем дневнике: *«Отец покойной, как говорят, на все заявления ее о нежелании идти замуж за «нелюбимого ею человека» постоянно указывал на законность и непоколебимость своей отцовской воли: «Любишь – не любишь, да я так хочу».* [2, с. 46]

Между тем, нельзя утверждать, что ситуация на протяжении исследуемого периода не менялась. Процессы индустриализации, проходившие с конца XIX века в городах исследуемого региона, способствовали вовлечению женщин в производство. Русско-японская, Первая Мировая войны сокращали количество мужчин, занятых на производстве, за счет пребывания их в действующей армии, гибели на полях сражений. Трудовые резервы отчасти пополнялись за счет женщин. Экономическая самостоятельность изменяла сознание женщины, понимание ее места в семье и обществе. Разрушались представления о единоличной власти мужа и родителей. Например, Н.К. Крупская указывает: «Фабричную девушку, которая с малых лет кормит сама себя, родителям не так-то легко «выдать» замуж. Она сама себе ищет жениха по душе». [10, с. 26] Действительно, даже частичная экономическая независимость заставляет человека мыслить по-новому. Т.Б. Котлова иллюстрирует эту ситуацию следующим образом: «Были и послушники, которые заключали брачный союз без благословения родителей. Подобные случаи можно найти практически во всех социальных слоях, но в индустриально развитом центральном регионе такое поведение встречалось в первую очередь среди фабричных, то есть среди мещан и городских крестьян, которые уходили на заработки, выходили из-под контроля общества и родителей». [8, с. 41-42]

М. Куприна-Иорданская о собственном вступлении в брак пишет: «Когда для барышень подходили времена брачные, их выдавали за местных дворян, вряд ли особенно считаясь с желанием невест. Когда я сказала матери, что **стала невестой** Куприна, она была изумлена и даже шокирована этой новостью. «Ни узнать как следует человека не успела, ни спросить у матери... сразу заявила ей – невеста. В мое

время такой моды не было». [11, с. 17] А. Коллонтай, вышедшая замуж в 1893 году, на нежелание родителей дать согласие на ее брак с «невыгодным» женихом, ответила: «если я не получу вашего согласия на этот брак... я поступлю как Елена из «Накануне» Тургенева». [7, с. 66]

Корреспондентка либерального «Журнала для женщин», которая взяла себе псевдоним Лолита, пишет в мае 1914 года о возросшей самостоятельности молодых: «При теперешней свободе, которую родителям волей-неволей приходится предоставлять своим дочерям, создается удобная почва для подготовки к предложению. Оно является лишь печатью, логично закрепляющей уже существующую близость... хотя бы в пределах поцелуя...». [12, с. 6-7]

Этот вывод может подтвердить и тот факт, что определенная, пусть небольшая группа населения, «позволяла себе» познакомиться и вступить в брак, либо дав объявление в газете, либо **через брачное агентство**. Люди, решившие заключить супружеский союз таким способом, являлись либо экономически самостоятельными, свободными от воли родителей, либо находящимися в такой ситуации, когда любой способ поиска пары был хорош. Например, если брачный возраст был «далеко за...», невеста не имела приданого или от второй половины требовалось исключительных черт характера, пристрастий, способностей:

«Онегин, расставшийся с Татьяной...по-прежнему скучает. Надежды на Ленского, который сводил бы его в милое семейство Лариных, не имеет; приходится действовать самому. Избирает современный способ – публикацию, успех которой отчасти известен», - поясняет своё желание познакомиться «необычным способом» корреспондент «Брачной газеты». [14, с. 4]

Костромские епархиальные ведомости в 1885 году сообщали о том, что «прибыла в Санкт-Петербург из-за границы компания иностранных капиталистов, членов «Общества содействия к благополучному устройству браков»... с целью исходатайствовать разрешение... на открытие в Санкт-Петербурге филиальной конторы названного общества» [4, с. 3]. Брачные бюро, также как и различные газеты, «ставящие себе целью привить в России новый способ заключения брака путем объявлений», пытались «содействовать заключению возможно большего числа **«счастливых браков»**» [4, с. 3].

Таким образом, вследствие демократизации жизни, «которая характерна для индустриального общества» [8, с. 23], усилился процесс более активного общения молодежи всех социальных слоев и возникли условия для более открытой демонстрации чувств, их формирования и развития. В целом, можно подчеркнуть, что возможности знакомства с будущим супругом или супругой на рубеже веков менялись в сторону усиления самостоятельности молодых.

Список использованной литературы:

1. **Варенцов Н.А.** Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М.: НЛО, 1999.
2. **Волкова А. И.** Воспоминания, дневник и статьи. Нижний Новгород, 1913.
3. **Жирнова Г.В.** Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем. (По материалам городов средней полосы РСФСР). М.: Издательство «Наука», 1980.
4. Из газет и журналов // Костромские епархиальные ведомости. 1885. №24.
5. Как устранить неблагочиие в храмах во время богослужения // ВЕВ. 1907. №30-31
6. **Кичанов В.** Ночь на Говоруне // Русская мысль. 1904. Книга 9.

7. **Коллонтай А.М.** Из моей жизни и работы. М.: «Советская Россия», 1974.
8. **Котлова Т.Б.** Российская женщина в провинциальном городе на рубеже XIX – XX веков. – Иваново, 2003.
9. **Красавин М.** Увлечение // Новобрачная газета. 1907. №5.
10. **Крупская Н.К.** О дошкольном воспитании. Сборник статей и речей. М.: Гос. Уч-пед. Изд. Мин. Прос. РСФСР, 1959.
11. **Куприна-Иорданская М.** Годы молодости. Воспоминания о А.И. Куприне. – М.: Советский писатель, 1960.
12. Лолита. О предложениях // ЖДЖ. 1914. №8.
13. Насильственные браки // Новобрачная газета. 1907. №14.
14. Объявления // БГ. 1907. № 33
15. Свод законов Российской империи, повелением Государя императора Николая I составленный. Том X, часть 1. Свод законов гражданских. Петроград, 1914.
16. **Тыркова-Вильямс А.В.** Воспоминания. То, чего больше не будет. М.: Слово, 1998.
17. **Экземплярский П.М.** История города Иванова. Ч. 1. Дооктябрьский период. – Ивановское книжное издательство, 1958.

Научный руководитель: Т.Б. Котлова

К.Н. Шулима

СОВРЕМЕННАЯ АРХИТЕКТУРА: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ (БЕРЛИН-МОСКВА-ИВАНОВО)

Современная культурологическая наука уделяет особое внимание социокультурному пространству города, фокусируя внимание, как на структуре социального пространства, так и на развитии и функционировании культуры.

Архитектура является отражением времени, его идей и ценностей, а также человека с его мировоззрением и психологией. Архитектура создает вокруг человека пространство, способное негативно или позитивно влиять на его жизненные установки. Архитектура - это не только «крыша над головой», это психологическая атмосфера, влияющая на поведение и мировоззрение человека. Архитектура - это среда для жизнедеятельности человека, жизнедеятельности не только материальной, но и духовной.

Важным аспектом философско-культурологического анализа градостроительства является рассмотрение архитектуры во взаимосвязи с социальным пространством, то есть человеком, обществом и временем. Пространство понимается при этом в социокультурном смысле как сфера практической и знаково-символической деятельности индивида или локального сообщества.

На данный момент социокультурный подход к анализу архитектуры только начинает разрабатываться. отсутствует обширная база и глубокое изучение проблемы. Европейские теоретики, практики и критики архитектуры, осознав значимость именно социокультурных аспектов архитектуры, все чаще обращаются к проблемам взаимодействия прошлого и настоящего, которые отражаются в современной архитектуре.

Современная мировая архитектура и градостроительство привлекают все больше исследователей, желающих не только понять эстетические, стилевые, ее особенности, но и проанализировать социальную и культурную составляющую архитектуры. Это связано с тем, что последние 10-15 лет происходили кардинальные изменения, как в эстетической составляющей архитектуры, так и в ее социальной, функциональной направленности.

Современные архитекторы и теоретики архитектуры ведут бурные дискуссии, касающиеся принципов развития городов. Одни считают современный город хаосом, другие видят в этом тенденции времени и предлагают свои пути развития градостроительной политики. Однако все убеждены, что основная проблема заключается в управлении архитектурной политикой бюрократическими властями, осуществляющими градостроительство, которые, располагая обширными полномочиями отказать или затормозить, не имеют ни желания, ни возможностей предпринять творческие шаги к улучшению условий жилой среды.

Говоря о ситуации, сложившейся вокруг современной архитектуры, важно отметить, что для нее характерны не только плюрализм мнений и суждений, но и плюрализм стилистической основы архитектуры.

В более широком смысле можно сказать, что архитектура находится в стадии «самоопределения» стиля, формы и функциональности.

Картина действительно плюралистична: множество независимых образных начал, а точнее, «языковых систем» существует в едином художественном и культурном пространстве. Такое положение вещей существует более тридцати лет. Разнородность и многоликость архитектуры позволяют ставить вопрос о принципиально новой фазе ее эволюции – возможно, «накопительной» [2].

По мнению профессора архитектуры А.В. Иконникова, череда великих стилей архитектуры оборвалась на классицизме. Более уже не складывались системы, которые могли бы претендовать на роль «стиля эпохи». Не стиль, а множественность путей развития относится к главным характеристикам архитектуры XX века в целом [3, с. 12]. В XX веке плюрализм, допускающий одновременно существование в системе одной культуры различных художественных направлений, пришел на смену чередованию больших стилей.

Кроме того, в 1990-е стала меняться психология людей и их мировосприятие. Теперь рядом с реальным возникали виртуальные миры, образы которых воздействовали на сознание и поведение людей. Перемены в макромасштабе универсальных категорий культуры требовали перемен в пространственной организации общества, формировании материальных структур его среды, иерархии ценностей, направляющей деятельности архитекторов.

В более широком смысле можно сказать, что архитектурное пространство города - это особый макромир, в котором отражается не только экономическое благосостояние государства, но и мировоззрение человека, его ценностные ориентиры и предпочтения. Архитектура создает особое пространство вокруг человека, благодаря которому формируется психология человека, его ощущение пространства и времени. Именно этот факт нам наиболее интересен для понимания социокультурного аспекта современной архитектуры.

Один из авторитетнейших современных исследователей социологии архитектуры и городского пространства В. Глазычев видит главную задачу социологии архитектуры как научной дисциплины, исследующей «жизнь» архитектуры в обществе, в строительстве ясных «мостиков перехода» между уровнем общества и архитектуры в целом и уровнем конкретного проекта, конкретного задания на проектирование [1]. В этом и заключается одна из основных проблем социокультурного аспекта архитек-

туры, ибо у архитектора и заказчика не совпадают представления, как о потребителе, так и о социальной и культурной функции проекта.

Исходя из всего вышесказанного, следует выделить те критерии, по которым мы проанализировали социокультурный аспект современной архитектуры и пространства Берлина, Москвы и Иванова, а именно:

- *Органичность строительства с учетом исторической застройки того или иного района города;*
- *экологичность архитектуры;*
- *гармоничная связь застройки с ландшафтом;*
- *психологические аспекты (сомаиштабность человеку);*
- *живописность, пластичность объемов и силуэтов застройки;*
- *умелое использование цвета (полихромность);*
- *тенденции к формированию архитектурно-градостроительных ансамблей;*
- *социальная направленность архитектурных объектов;*
- *стилевые особенности, заимствование и преемственность.*

Современный европейский город - это бурно развивающийся механизм со своей специфической экономической, социальной и культурной базой.

Берлин по праву можно назвать одним из таких городов. Этот город имеет интересную, но сложную историю. После перенесения в Берлин столицы Германского государства город начал новую жизнь.

Не случайно именно Берлин и его современное архитектурное пространство привлекает все больше российских исследователей. Это связано с тем, что Москва и Берлин имеют схожую историю. Оба этих города являлись столицами двух великих тоталитарных держав. Здесь были сосредоточены главные политические, экономические и культурные силы Германии и СССР. Как Москва, так и Берлин сильно пострадали во время войны, по окончании которой произошел некий сдвиг в развитии не только социально-экономического пространства, но и культурного.

После воссоединения Германии и Берлина в 1989 году возникла острая дискуссия о возможных путях градостроительного восстановления города. Каким должен стать Берлин в результате нового градостроительного развития? Нужно ли застроить возникшие после падения стены участки новыми отдельными объектами, или же попытаться восстановить в современном контексте исторические структуры и соотношения пространств довоенного города?

Сергей Чобан, архитектор и теоретик современной немецкой архитектуры, отмечает, что после падения стены изменился статус города. Кроме того, изменилась его экономическая система и, как следствие, экономические отношения, что естественным образом сказалось на роли и сознании архитекторов и градостроителей [4, с. 88]. Автор указывает на произошедший в начале 1990-х годов в Берлине процесс изменения градостроительного и архитектурного мышления.

Все началось с эйфории объединения, когда новые архитектурные комплексы строились на коммерческой основе без учета реальных потребностей города в жилых, торговых и офисных площадях. Это было время без рассмотрения желаний конкретных людей, которые уже стали ощущать желание идентифицировать себя с тем уголком мира, который называется их домом и местом работы.

Постепенно, по словам Чобана, к середине 90-х годов произошло осознание того, что градостроительный масштаб, нахождение правильных пропорций зданий и улиц зависит не только и не столько от субъективных и абстрактных представлений о «красоте ансамбля» [4, с. 88]. Они напрямую связаны и диктуются масштабом живущего и работающего в нем человека, его потребностями. Новым градостроителям стало понятно, что успех или неуспех архитектора и его проекта зависит не только от

выбранного для строительства места, но и от концептуальной проработки объекта, то есть продуманности инфраструктуры и взаимосвязи с другими частями города, от верно найденного архитектурного образа в контексте города.

Берлинские архитекторы и градостроители используют каждый участок городского полотна для создания благоприятного с эстетической и функциональной стороны пространства. Особую роль в этом процессе играет комплексный подход к оценке имеющихся ресурсов, благодаря чему создается повседневное пространство берлинца.

Тем не менее архитектурное пространство Берлина достаточно эклектично, однако здесь гармонично и лаконично сочетаются различные стили и направления архитектуры. Это факт говорит о том, что современную европейскую архитектуру объединяет общая социальная и культурная направленность, которая помогает совершенно разным сооружениям создать общую картину города, особого микроклимата для жизнедеятельности индивида, общества в рамках определенной культурно-исторической традиции.

Архитектура стоит «на семи ветрах» и любые сдвиги равновесия в государстве и его культуре немедленно отражаются на архитектуре. Безусловно, архитектура является самым чутким барометром состояния общества и развития культуры и искусства.

В рассматриваемый нами период в архитектуре России происходили коренные изменения, связанные с появлением новой модели государства, изменением менталитета и ценностных установок общества.

Главная проблема переходного периода, по нашему мнению, заключалась в том, что преобразование российской архитектуры началось без общего стратегического плана. Это преобразование проявилось через персональные инициативы архитектора и заказчика. Именно этот факт привел к эклектичности архитектурного языка и, как следствие, архитектурного пространства городов.

Интересен тот факт, что теоретики и критики архитектуры давно осознали необходимость строительства в Москве архитектуры гармоничной, органично вписывающейся в историческое и культурное пространство города. Однако в нашей стране профессия архитектора остается коммерциализированной, зависимой от заказчика и его предпочтений. Этот факт негативно отражается на эстетике города. К тому же нехватка площадей для строительства заставляет строить высотные здания, нарушающие исторический облик старой Москвы. Встает вопрос: почему в Берлине архитекторы и градона начальники смогли избежать таких проблем? Кроме того, не смотря на присутствие в архитектурном пространстве Берлина зданий, построенных в разных стилях, создается ощущение единого, гармоничного пространства.

Сергей Чобан дает свой рецепт создания гармоничного пространства современной Москвы. Он полагает, что необходимо найти уникальный градостроительный код, который сочетал бы в себе традиционную масштабность европейского города с новым функциональным назначением и современным архитектурным языком, подобно тому, как это сделали архитекторы современного Берлина [4].

Современное пространство Москвы формирует особое столичное поведение и взгляд на мир. Суэта и стремительное движение негативно сказываются на психологическом состоянии москвича, в результате чего появляются нервозность, раздраженность, тревожность, конфликтность.

Город Иваново сегодня стоит на пороге нового периода в его истории: происходят кардинальные перемены во всех сферах политической, экономической, социальной и культурной жизни. Безусловно, это отразилось на строительстве. Город

оживает в плане строительной деятельности, он стал привлекателен для московских инвесторов и строителей.

Историческая эклектичность архитектуры Иванова повлияла и на его современное пространство и архитектурную практику. Главная проблема в том, что новый стиль разрушает былую самобытную эстетику города, делая его серым и хаотичным.

Современное пространство нашего города, образованное архитектурными постройками последних пятнадцати лет, походит на мозаику, каждая часть из которой - это частичка архитектора, его идей и творческих воплощений. Это пространство, которое не объединено общей концепцией, которая должна быть присуща любому городу. Каждая современная постройка в нашем городе - это обрывок некой идеи, которую хотел передать архитектор, однако она не зафиксирована общим кодом архитектурного пространства города. Отсюда разрозненность и хаотичность, эклектика и внестилевое содержание. Все это привело к тому, что жители нашего города не чувствуют себя здесь комфортно, архитектурные массы давят на них. Появляется агрессия, конфликты, злость и многие другие черты, рожденные под влиянием негативного воздействия современного архитектурного пространства города Иванова. В качестве жителя города Иванова хотелось бы высказать пожелание, чтобы в нашем городе создавалось как можно больше социокультурных мест, имеющих общую идеологическую (в хорошем смысле этого слова) концепцию с целью вызвать положительные эмоции, позывы, мысли и чувства.

Замкнутое серое пространство вызывает агрессию и злость. Кроме того, современная архитектура нарушает историко-культурное пространство города Иванова. В результате чего он теряет провинциальную самобытность и уникальность.

Главным выводом нашего исследования является то, что современная архитектура далека от классических образцов, которые гармонично соединяли в себе функционализм и духовное содержание. Современная архитектура – это наложение идей, мнений, концепций, которые не всегда создают органичное полотно города и благоприятно влияют на человека, его самоидентификацию.

Список использованной литературы

1. **Глазычев В.Л.** Социология архитектуры – какая и для чего?// <http://www.glazychev.ru>
2. **Добрицына И.А.** Плюрализм современной архитектуры - поле возможностей // Архитектура и строительство Москвы. № 6. 2005// <http://www.asm.rusk.ru>
3. **Иконников А.В.** Архитектура XX века. Утопия и реальность. В 2-х тт., М., 2002, с. 12.
4. **Чобан С.** Две столицы. // Москва – Берлин. Архитектура 1950-2000. Каталог выставки. Научно-исследовательский музей архитектуры им. А.В. Щусева. М., 2005. с. 88.

Научный руководитель: М.А. Миловзорова

СЛОВО ПАМЯТИ

ГАЛИНА КЛАВДИЕВНА ЕРМОЛИНА (1931 - 2006)

6 июня 2006 г. после тяжелой болезни скончалась профессор, доктор философских наук Галина Клавдиевна Ермолина.

Трудно говорить в прошедшем времени о человеке, который, казалось бы, только вчера вдохновлял всех нас - и преподавателей, и студентов – своим неиссякаемым оптимизмом и энергией. Тяжело поверить в то, что больше нет рядом с нами Галины Клавдиевны Ермолиной – человека, который всегда оставался молодым, зачастую вопреки времени.

Времена не выбирают... И жизнь Галины Клавдиевны была неотделима от сложной противоречивой эпохи, в которую ей довелось жить. Родившись 17 сентября в 1931 г. в Литве, в начале Великой Отечественной войны она оказалась вместе со своими родителями в эвакуации в Горьковской области. Там она наравне со взрослыми работала на лесозаготовках. Потом были годы учебы на философском факультете МГУ, а в 1964 г. – защита кандидатской диссертации в Ленинградском государственном университете.

С января 1969 г. и до последних дней своей жизни Галина Клавдиевна работала на кафедре философии нашего вуза. В 1992 г. она защитила докторскую диссертацию и в течение нескольких лет возглавляла кафедру философии ИГХТУ. Это было трудное время, связанное с переосмыслением многих, казалось бы, ранее незыблемых парадигм. Именно тогда по инициативе Галины Клавдиевны в образовательный процесс были введены различные спецкурсы по философии, а также принципиально новая учебная дисциплина – психология педагогики.

Галина Клавдиевна с болью говорила о растущей бездуховности общества и делала все возможное (и даже невозможное), чтобы противостоять этому. Отнюдь не случайно сфера ее научных интересов была связана с важнейшей философской проблемой – проблемой свободы ...

Г.К.Ермолина – автор множества научных работ, в число которых входят четыре монографии (пятая, учебное пособие «Философия феноменов науки», получила гриф УМО Министерства образования и науки России и находится в печати). Однако свои научные взгляды Галина Клавдиевна пропагандировала не только на страницах научных изданий (что, в общем-то, естественно для ученого), но ежедневно, ежечасно, ежеминутно утверждала в повседневной жизни. Вот почему ее имя включено в энциклопедическое издание «Философы России XIX – XX вв.».

Да, тяжела боль нашей утраты. Однако лучшей памятью о Галине Клавдиевне будет продолжение и развитие на кафедре и факультете тех замечательных традиций, которые неразрывно связаны с ее именем.

**НАУЧНЫЕ И НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ,
ПОДГОТОВЛЕННЫЕ НА ГУМАНИТАРНОМ ФАКУЛЬТЕТЕ
ИГХТУ в 2002- 2006 гг.**

Вышли из печати:

Л.Н. Михеева. Время в русской языковой картине мира. Иваново: изд-во «Ивановский государственный университет», 2003. – 252 с. Монография.

Исследуется одна из важнейших констант бытия, сознания, культуры и языка – категория времени. Комплексный подход к анализу данной универсалии позволил объединить естественнонаучный, философский, культурологический и лингвистический взгляды. На материале темпоральных лексем, словосочетаний и устойчивых речевых оборотов, а также художественных текстов рассматриваются различные аспекты категории времени, ее основные свойства и особенности, дается описание представлений о времени, сложившихся в русской культуре. С помощью лингвокультурологического анализа сделана попытка вписать эту универсальную онтологическую категорию в русскую языковую картину мира.

Книга предназначена для широкого круга специалистов (лингвистов, культурологов, философов, психологов, этнологов) и может быть полезна преподавателям, учителям, аспирантам, студентам, всем, кого интересуют проблемы языка и культуры.

В.А. Аверин. Ивановский край в контексте древнейшей истории Волго-Окского междуречья. Уч.пособие. ИГХТУ, 2005. -158 с.

В пособии дается развернутая характеристика древнейших периодов человеческой истории и археологических культур, в частности, Ивановского края в контексте всего Волго-Окского междуречья, обобщаются новейшие данные, полученные в результате археологических изысканий на территории области в 1990-2004гг. Приводится исчерпывающий библиографический список археологических материалов с 50-х годов 19 в. до 2004 г.

С.Г. Шишкина. Лица истории, или история в лицах. Учебное пособие. (на английском языке). ИГХТУ, 2005. - с грифом УМО по лингвистическому образованию. Рекомендовано в качестве учебного пособия по английскому языку для студентов гуманитарных специальностей вузов России.

На примере жизни и творчества личностей, которые стали знаковыми фигурами своего времени, прослеживаются закономерности исторического процесса, развития искусства. Такой ракурс помогает создавать объемный образ той или иной эпохи. Тексты и задания к ним коммуникативно-направлены. Соотношение разных видов речевой деятельности и функциональных стилей помогают студенту использовать материалы в самостоятельной работе, а также увидеть, насколько красив, интересен и полезен английский язык, являющийся средством международного общения.

Л.Н. Михеева. *Время как лингвокультурологическая категория.* учеб. пособие / М.: Флинта: Наука, 2006. – 96 с. – (Русский язык как иностранный).

В пособии на разнообразном языковом и внеязыковом материале исследуется одна из древнейших констант человеческого бытия, сознания, языка и культуры – категория времени. Описывается научный взгляд на проблему времени, дается характеристика универсальных (количественных и качественных) свойств данной категории, анализируются основные лексические единицы измерения времени в русском языке, выявляются аксиологическое содержание временных представлений русского этноса, нашедших отражение в языке, в пословицах и поговорках народа. С помощью лингвокультурологического (междисциплинарного) подхода к изучению этой концептуальной и языковой универсалии определяются место и роль концепта времени как важнейшей составляющей русской языковой картины мира.

Для иностранных студентов, изучающих русский язык. Может быть использовано в работе с русскими студентами гуманитарных специальностей. Представляет интерес для всех, кто занимается вопросами взаимосвязи языка и культуры.

Н.К. Иванова. *Шпаргалка для профессоров.* Руководство по международной научной коммуникации. ИГХТУ, 2006. – 210с.

Цель руководства, адресованного всем, кто принимает участие в международной научной коммуникации, познакомить читателей с основными особенностями современного устного и письменного научного общения, межкультурной коммуникации – как официальной, так и неформальной.

С целью профилактики коммуникативных неудач дается систематическое описание наиболее частотных лексических единиц, применяющихся в научном дискурсе, анализируются особенности британских и американских терминов из области образования и науки, приводится этимология ряда широко распространенных латинских и греческих заимствований. Основной текст книги и приложение включают аутентичные образцы международной научно-деловой коммуникации, рекомендации по переводу некоторых отечественных научных реалий на английский язык.

В.В. Ганина, Ф.И. Карташкова. «Эмоции человека и невербальное поведение: гендерный аспект». Монография. ИвГУ, 2006. – 208 с.

В книге дана картина современной теории невербальной коммуникации и лингвогендерологии. Представлены результаты сопоставительного анализа феминного и маскулинного невербального поведения, отражающего различные эмоции. Данные получены на основе статистической обработки англоязычных художественных текстов. Предложено систематизированное описание языковых коррелятов различных видов невербальных компонентов коммуникации с точки зрения семантики и структуры. Выявлены способы невербального поведения человека, используемые при манипуляциях различного рода, что способствует разработке проблемы контроля эмоций человеком.

Готовятся к изданию:

Е.Н. Золина. Историческая проза Вильгельма Раабе: Круги во времени. Монография.

В книге показана эволюция исторической прозы немецкого писателя Вильгельма Раабе (1831-1910) в широком контексте времени, литературы и его собственного творчества.

Монография адресована исследователям исторической прозы, германистам-литературоведам, преподавателям, аспирантам, студентам, а также широкому кругу заинтересованных читателей.

Н.К. Иванова. Орфография английского языка. *Spelling Spell*. Учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности «Иностранный язык» и преподавателей. – 139 с. Рекомендовано УМО по специальностям педагогического образования в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 033200 (050303) – иностранный язык.

В пособии рассматриваются основные особенности системы английской орфографии, исторические предпосылки ее формирования и современные черты в связи с фонетической системой британского и американского вариантов английского языка. Исходя из соотношения «буква-звук», приводятся типичные написания и исключения для всех английских гласных и согласных – как на примере исконно английских слов, так и заимствованных, имен собственных, неологизмов. В работе обобщаются основные правила английской орфографии, особенности написания и произношения омонимов и паронимов.

М.Б. Клейман. Социально-психологический климат поселения. Монография.

Переход от сельского к городскому образу жизни рассматривается в качестве основного содержания процессов модернизации общества. Данные процессы приобретают особый характер сегодня, в эпоху глобализации, что выражается, в частности, в катастрофическом разрыве уровня и качества жизни в «глобальном городе» и «глобальной деревне», в центре и на периферии развития. В работе анализируются важнейшие социально-психологические последствия данных процессов (кризис идентичности, отчуждение, рост агрессии и насилия и т.д.), в том числе, в современном российском обществе.

Е.М. Раскатова. Власть и художественная интеллигенция: логика конфликта. Монография.

В монографии на широком круге исторических источников (неопубликованные архивные материалы, документы личного происхождения и др.) рассматривается характерная для XX века ситуация политического и культурного противостояния советской власти и художественной интеллигенции, истоки которого автор видит в модели взаимоотношений «власть – художник», сформулированной в первое советское десятилетие. Основная часть монографии посвящена детальному изучению данной проблемы в границах эпохи позднего социализма. Особенности рабо-

ты являются представлением провинциального аспекта заявленной темы на примере Верхневолжского региона, а также глубокое исследование факторов, влияющих на становление самосознания художественной интеллигенции 1960-1970-х гг.

М.Г. Зеленцова. Мир. Человек. Общество. Актуальные проблемы философского знания. Учебное пособие.

Учебное пособие предназначено для аспирантов и магистрантов. В нем рассматривается ряд актуальных проблем, которые являются дискуссионными в современном научно-философском знании: проблема соотношения материального и духовного начал, философского понимания природы человека, цивилизационного кризиса и перспектив общественного развития.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ НОМЕРА

- 1) **Аверин Вадим Александрович** - старший преподаватель кафедры истории и культуры
- 2) **Аверина Анна Викторовна** – инженер кафедры истории и культуры, аспирант
- 3) **Ганина Вера Владимировна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и лингвистики
- 4) **Григорян Арминэ Азатовна** – старший преподаватель, аспирант кафедры русского языка
- 5) **Губина Надежда Михайловна** - доцент кафедры истории и культуры
- 6) **Долинина Ирина Вячеславовна** - кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка
- 7) **Зеленцова Марина Григорьевна** – доктор философских наук, профессор кафедры философии
- 8) **Здорикова Юлия Николаевна** - кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка
- 9) **Золина Елена Наполеоновна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и лингвистики, докторант Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.
- 10) **Иванова Наталья Кирилловна** – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой иностранных языков и лингвистики
- 11) **Клейман Марк Борисович** – кандидат психологических наук, доцент кафедры философии
- 12) **Коробкова Наталья Николаевна** – старший преподаватель, аспирант кафедры русского языка
- 13) **Кузнецова Ирина Петровна** – аспирант кафедры иностранных языков и лингвистики
- 14) **Кузьмина Римма Владимировна** – старший преподаватель кафедры иностранных языков и лингвистики, аспирант
- 15) **Малкова Юлия Леонидовна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков и лингвистики

- 16) **Милеева Марина Николаевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и лингвистики
- 17) **Миловзорова Мария Алексеевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и культуры
- 18) **Михеева Любовь Николаевна** – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка
- 19) **Мощева Светлана Васильевна** – старший преподаватель кафедры иностранных языков и лингвистики, аспирант
- 20) **Лобанова Ирина Владимировна** – старший преподаватель кафедры иностранных языков и лингвистики
- 21) **Палей Елена Вадимовна** – старший преподаватель кафедры философии
- 22) **Патрикеева Наталья Александровна** – старший преподаватель кафедры русского языка
- 23) **Портнов Александр Николаевич** – доктор философских наук, профессор кафедры истории и культуры.
- 24) **Раскатова Елена Михайловна** – кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой истории и культуры
- 25) **Самотовинский Дмитрий Владимирович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культуры
- 26) **Солон Дмитрий Борисович** – аспирант кафедры философии
- 27) **Соснина Елена Борисовна** – старший преподаватель кафедры истории и культуры
- 28) **Торшинин Михаил Евгеньевич** – старший преподаватель кафедры философии
- 29) **Федосеева Софья Исааковна** - доцент кафедры истории и культуры
- 30) **Философова Марианна Валерьевна** - старший преподаватель кафедры истории и культуры
- 31) **Чупарина Ирина Александровна** – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и культуры
- 32) **Цветков Александр Александрович** – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и культуры
- 33) **Шишкина Светлана Григорьевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и лингвистики